

10317

ГОРНИЙ

КНИЖ

ГОРНИЙ

ВСЕОБЩЕЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ
1.

ВВЕДЕНИЕ

НАТЯЖЕНИЕ

1.

10318
ВСЕОБЩЕЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВОКРУГЪ СВѢТА,

СОДЕРЖАЩЕЕ

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ ИЗВѢСТНѢЙШИХЪ ДОНЫНѢ
МОРЕПЛАВАТЕЛЕЙ, КАКЪ-ТО: МАГЕЛЛАНА, ТАСМАНА, ДАМ-
ПЬЕРА, АНСОНА, БАЙРОНА, ВАЛЛИСА, КАРТЕРЕТА, БУГЕН-
ВИЛЯ, КУКА, ЛАПЕРУЗА, БЛЕЯ, ВАНКУВЕРА, АНТРАКАСТО,
ВИЛЬСОНА, БОДЕНА, ФЛИНДЕРСА, КРУЗЕНШТЕРНА, ПОРТЕРА,
КОЦЕБУ, ФРЕЙСИНЕ, БИЛЛИНГСГАУЗЕНА, ГАЛЛЯ, ДЮЦЕРРЕ,
ПАУЛЬДИНГА, ВИЧЕЯ, ЛИТКЕ, ДИЛЛОНА, ЛАПЛАСА, МОРЕЛЛЯ,
И МНОГИХЪ ДРУГИХЪ,

СОСТАВЛЕННОЕ

ДЮМОНЪ-ДЮРВИЛЕМЪ,

КАПИТАНОМЪ ФРАНЦУЗСКАГО КОРОЛЕВСКАГО ФЛОТА,

съ

ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

картъ, плановъ, портретовъ, и изображеній замѣчатель-
нѣйшихъ предметовъ природы и общежитія во всѣхъ частяхъ
свѣта, по рисункамъ Сенсона, сопровождавшаго Дюмонъ-
Дюрвиля въ его путешествіи вокругъ свѣта.

Часть первая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1835.

съ тѣмъ, чѣобы по оппечатапіи представлены
были въ Цензурный Комисіетъ *три* экземпляра. Москва,
Юля 10-го дня 1835 года.

65925

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О Т Ъ

Переводчика и Издателя.

« Чтеніе путешествій представляетъ намъ прелестъ увлекательную, » говоритъ въ своемъ введеніи Сочинитель книги, которую представляемъ мы читателямъ въ Русскомъ переводѣ. Можемъ прибавить къ словамъ его, что кромѣ удовольствія и заманчивости, оно доставляетъ особенно важную пользу читателямъ: никакая систематическая, или учебная Географія и Справочника не дадутъ намъ столь яснаго и подробнаго понятія о земляхъ и народахъ, какъ путешествія, гдѣ сіи важныя и необходимыя знанія изучаются незамѣтно и легко.

Къ сожалѣнію, Русскіе читатели съ давняго времени лишены чтенія путешествій на отечественномъ языкѣ, ибо съ давнихъ лѣтъ сія часть литературныя кажется совершенно забытою нашими литературными. Читатели принуждены довольствоваться на Русскомъ языкѣ старинными путешествіями Ансона, Кука, и

кромѣ описанія немногихъ Русскихъ путешес-
твій, кромѣ поверхностныхъ извѣстій въ Жур-
налахъ, новѣйшіе успѣхи мореплаванія и геогра-
фическихъ открытій въ послѣднее полустолѣ-
тіе остаются почти вовсе неизвѣстны чипа-
телямъ Русскимъ.

Г-нъ Дюрвилъ говоритъ, что подобное эпо-
му замѣчается и во Франціи, гдѣ чтеніе путе-
шесствій не составляетъ нынѣ *чтенія всеоб-*
щаго, какъ бывало эпо прежде. Онъ находитъ
причины сему въ дороговизнѣ описаній многихъ
новѣйшихъ путешесствій. Въ самомъ дѣлѣ, мно-
гіе-ли могутъ шрашиться по нѣскольку сотъ, иног-
да по тысячѣ и болѣе рублей, на покупку вели-
колѣпно изданной книги, съ атласами, черте-
жами, картинками? — Далѣе въ томъ, что мно-
гія шехническія подробности, и повѣренія уже
извѣстнаго чипашелямъ, мѣшаютъ заманчиво-
сти чтенія. И эпо правда опчаспи. Но Г-нъ
Дюрвилъ не замѣтилъ еще одного важнаго об-
стоятельства: многочисленности путешесствій
въ наше время, которая лишаетъ возможности
не только пріобрѣсти всѣ описанія, но даже
найти достапочно времени прочешать ихъ.
Особенные Журналы издаются нынѣ въ Англіи,
Германіи и Франціи, содержа въ себѣ единст-
венно краткія описанія новѣйшихъ путешес-
твій, а число книгъ по сей часпи лишпсерапу-
ры, при усиленіи дѣятельности лишпсерапу-
рой и общественной, превосходитъ всякое ожи-
даніе.

Въ такомъ случаѣ , системапическое, умно и
ищашельно соспавленное знапокомъ дѣла из-
влеченіе изъ важнѣйшихъ путешествій , со-
образно современнымъ географическимъ свѣдѣ-
ніямъ , можно почеспѣ одною изъ драгоцѣннѣй-
шихъ книгъ , копорыми трудолюбіе липшера-
поровъ можепъ подарипъ чипающую публику.

И именно такою книгою показалось намъ со-
чиненіе Г-на Дюмонъ-Дюрвиля, подѣ названіемъ:
Voyage pittoresque autour du monde, издаваемое
нами въ Русскомъ переводѣ, подѣ именемъ *Все-
общаго путешествія*. Мы всегда почипали
особенно полезною книгою , для своего времени,
извѣспное сочиненіе Аббапна Де-ла-Порша: *Все-
мірпый путешествователь* , имѣвшее на Рус-
скомъ языкѣ три изданія (съ 1778 года), не
смотря на его огромность (оно соспавляепъ
27 томовъ). *Всеобщее путешествіе* Г-на Дю-
монъ-Дюрвиля можно почеспъ сокращеннымъ,
исправленнымъ, приспособленнымъ къ современ-
ному соспоянію знаній *Всемірнымъ путеше-
ствователемъ*, и—дай Богъ, чшобы оно прине-
сло сполько-же пользы и удовольспвія нынѣш-
нимъ чипапелямъ Русскимъ , сколько въ свое
время приносило прежнимъ чипапелямъ сочи-
неніе Де-ла-Порша.

Почишаемъ необходимымъ сказапъ , что со-
чинишель *Всеобщаго путешествія* , Г-нъ Дю-
монъ-Дюрвиль еспъ опыпный мореплаватель
Французскій, совершившій путешествіе вокругъ
Свѣша на Французскомъ корабль *Астролябіи* ,

въ 1826 , 1827 и 1828 гг. , прежде того много путешествовавший , и бывший въ экспедиціи Капишана Дюперре , въ 1823 и 1824 гг. — Онъ говоритъ какъ самовидецъ , почти о всѣхъ странахъ и народахъ , копорые описываеиъ въ своемъ *всеобщемъ путешествіи*; шѣмъ достовернѣе являющіяся его описанія , и шѣмъ большую прелесть дѣйствишельности получающъ всѣ выдуманная подробности *всеобщаго путешествія*. Рисунки , составляющіе при нашемъ переводѣ отдѣльный *Атласъ* , сочинены и исполнены сопушникомъ Г-на Дюрвиля въ его кругосвѣтномъ путешествіи , отличнымъ рисовальщикомъ Французскимъ , Г-мъ Сенсономъ.

О переводѣ нашемъ скажемъ одно , что мы старались передать вѣрно текстъ и рисунки. Не смотря на шрудность изданія книгъ съ картинками , при недостаткѣ въ нашемъ опечесствѣ способовъ къ тому , почли мы *дешевизну книги* однимъ изъ важныхъ удобствъ для Русской публики. Предоставляя книгу нашу для чтенія общаго всѣмъ званіямъ читателей , мы почли необходимымъ дополнишь ее примѣчаніями , копорыхъ нѣтъ во Французскомъ подлинникѣ. Остаеиъся пожелашь , чтобы читатели оцѣнили усердіе Переводчика и Издаиеля , и благосклоннымъ приѣмомъ побудили ихъ къ продолженію подобныхъ шрудовъ. Въ шакоемъ случаѣ , мы приступимъ къ изданію на Русскомъ языкѣ *окончанія всеобщаго путешествія* , копорое должно обнять еще многія страны міра,

и такимъ образомъ послужить пособіемъ для полнѣйшаго практическаго познанія науки, сколь необходимой, столь и занимательной. Если не знать *Исторіи*, значить не знать того, что прежде насъ дѣлалось, не знать *Географіи*, значить не знать того, что дѣлается въ наше время.

МОСКВА.

2 Января,

1835 г.

ВВЕДЕНИЕ

к ъ

ВСЕОБЩЕМУ ПУТЕШЕСТВІЮ.

Путешествіе вокругъ Свѣта! Совершишь *путешествіе вокругъ Свѣта*, нами обитаемаго, пробѣжаешь и осмотришь различныя страны его, посѣдишь разнообразныя племена народовъ, въ немъ живущія, созерцаешь многоразличныя чудеса и явленія природы, какія во всѣхъ царствахъ ея представляющся взорамъ наблюдателя: кто изъ насъ, хоть разъ въ жизни, не былъ движимъ подобною мыслью, не желалъ имѣть корабля подъ своимъ начальствомъ, и не хотѣлъ плыть на немъ въ безвѣстныя, невѣдомыя ему страны — совершишь *путешествіе вокругъ Свѣта*? И эти дикари, разбѣянные по безчисленнымъ островамъ необозримаго Океана: чье вниманіе не увлекалось разказами объ ихъ жизни, нравахъ, обычаяхъ? Все занимательно въ нихъ, даже самое ихъ невѣжество, ихъ предразсудки, нелѣпыя мифологіи ихъ. Не потому-ли и чтеніе путешествій представляешь для насъ прелесть увлекательную? Кто не знаетъ имени знаменитаго Кука и не читалъ его путешествій? Но если имена многихъ мореплавателей и странствователей пользуются особенною, всеобщею извѣстностію, за то многія остаются неизвѣстны вовсе, или вѣдомы весьма немногимъ. Между шэмъ, труды Ванкувера, Аншркасшо, Бодена, Флиндерса, и другихъ, достойны полнаго вниманія нашего,

по занимательности разсказа объ нихъ, по важности слѣдствій, происшедшихъ отъ странствованій сихъ неупоминимыхъ путешественниковъ. Въ послѣднее время, великіе путешествователи прошедшихъ столѣтій имѣли достойныхъ преемниковъ: не говоря объ Англичанахъ, *Галль*, *Кингъ*, *Бигетъ*, упомянемъ о Русскихъ мореходцахъ, *Крузенштернъ*, *Коцебу*, *Литке*. Французы, послѣ грозныхъ политическихъ бурь, также оказали блистательное участіе въ успѣхахъ новѣйшаго мореплаванія, совершивъ путешествія на корабляхъ *Ураніи*, *Раковинъ* и *Астролябін*, и издавъ подробныя описанія сихъ ученыхъ экспедицій. Неужели симъ великимъ и труднымъ предпріятіямъ, симъ благороднымъ завоеваніямъ ума человѣческаго, должно оставаться малоизвѣстными? Неужели имъ не должно получить извѣстности народной, какую они вполнѣ заслуживающъ?

Многіе полагающъ, что желаніе охотѣ подробный охченъ, достойный величія предпріятій, въ слѣдствіе чего путешествія издаются нынѣ по большей части великолѣпно, составляетъ главнѣйшее препятствіе для ихъ народности. Дорогое изданіе необходимо дѣлаешь книгу дорогою, а выдачу ея въ свѣтъ медленною. Для читателей, любящихъ науку и занимательное чтеніе, почему не печатаешь кромѣ того путешествій въ изданіяхъ доступныхъ каждому, предоставляя другимъ, у кого есть средства, изданія великолѣпныя?

Все это правда. Но, по нашему мнѣнію, есть еще два препятствія, производящія то, что чтеніе путешествій для многихъ дѣлается затруднительнымъ. Вошь они: дабы придашь полную достоверность своимъ наблюденіямъ, и оставишь драгоцѣнные факты для своихъ послѣдователей, мореплавателей по совѣсти обя-

занъ излагать въ своемъ описаніи всѣ главнѣйшія замѣчанія навигаціонныя и метеорологическія, а эти замѣчанія, большею частію, утомительны и скучны для читателя обыкновеннаго, который не ищетъ для себя данныхъ науки. Кромѣ того, мореплавателъ, нерѣдко идущій по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, принужденъ повторять то, что уже было описано ими до него; въ этомъ заключается повѣрка его описаній, но она незанимательна для читателей, и составляетъ недостатокъ всѣхъ донынѣ изданныхъ *Исторій о путешествіяхъ*, не смотря на искусство Историковъ: для ученыхъ и географовъ онѣ недоспащны; для читателей обыкновенныхъ слишкомъ многорѣчивы, и многорѣчіе это заключается именно въ *повтореніяхъ*.

Желаніе, хотя отчасти, замѣнить для читателей образованныхъ неудобства, встрѣчающіяся при чтеніи путешествій, сдѣлать, сколько возможно, народнымъ познаніе о великихъ предпріятіяхъ новѣйшихъ мореплавателей и открытіяхъ, совершенныхъ до нашего времени и въ наше время, побудило насъ заняться составленіемъ *всеобщаго путешествія вокругъ Свѣта*. Мысль его не новая и самая обыкновенная: путешественникъ, нѣчто въ родѣ *Анахарсиса* нашего времени, существо вымышленное, слѣдовательно, несвязанное никакими препятствіями, совершаетъ *путешествіе вокругъ Свѣта*, и описываетъ его. Разумѣется, что этотъ путешественникъ есть только предлогъ говорить въ первомъ лицѣ, и тѣмъ избѣжать сухости описаній, неизбежной, если они излагаются въ видѣ ученыхъ изъясненій, или систематическихъ изображеній человека и природы. Всякая частность, касающаяся собственной личности, если она не относится къ главной цѣли, то есть, познанію земель и народовъ,

которыя посѣщаетъ нашъ путешественникъ, устра-
няется изъ его разсказа, и позволяется ему только
для связи описаній, которыя получаютъ чрезъ то
заманчивый образъ дѣйствительности. Но счастли-
вый болѣе дѣйствительныхъ путешественниковъ, нашъ
спрансвователь всюду собираетъ плоды ихъ трудовъ
и изслѣдованій. Онъ беретъ полною рукою то, что
дѣйствительные спрансвователи собирали по нем-
ногу и поспешенно. Въ выборѣ пути руководствуется
его только желаніе видѣть самыя любопытныя мѣста,
гдѣ онъ надѣется большей жажвы своему любо-
знанію. Онъ не спрашивается кораблекрушеній, остано-
вокъ, бѣдствій, грозящихъ путешественнику, и если
онъ испытываетъ что либо подобное, то для того
только, чтобы его повѣствованіе было тѣмъ любо-
пытнѣе. Чинатели не должны опасаться его поги-
бели, ибо мы *застраховали* его у судьбы, съ тѣмъ,
чтобы онъ благополучно возвратился въ опечество,
и разсказалъ все, что видѣлъ и слышалъ хорошаго
и любопытнаго.

Чинатели легко поймутъ выгоды, какія для удовле-
творенія ихъ любопытства представляетъ подобный
планъ. Мы попросимъ ихъ однакожь замѣшить и шруд-
ности, предстоявшія намъ въ исполненіи сего плана.
Главнѣйшихъ было двѣ: соблюсти вѣроятность въ раз-
сказѣ нашего путешественника, безъ чего потерялась-
бы заманчивость его разсказа, и заставить его го-
ворить только то, что дѣйствительно достоверно.
Для сего надобно было сдѣлать предварительный вы-
боръ изъ многочисленныхъ матеріаловъ, какіе пред-
ставляетъ намъ современное познаніе различныхъ ча-
стей свѣта. Эшотъ шрудъ былъ не малъ и не ле-
гокъ. Предоставляемъ другимъ судить, достапочно-
ли выполненъ онъ нами.

Но, не пускаясь еще съ нашимъ путешественникомъ по необозримости Океана, мы думаемъ, что для чисташелей будешь любопытно видѣть предварительныя замѣчанія о знаменитѣйшихъ мореплавателяхъ, одинъ послѣ другаго разсѣкавшихъ дерзкими кораблями своимъ пространство морей, особенно *Тихаго Океана*, главнѣйшаго мѣста нашихъ описаній, сдѣлавшагося сшоль извѣстнымъ послѣ новѣйшихъ изслѣдованій. Быстрый очеркъ *путешествій вокругъ Свѣта*, по крайней мѣрѣ, ознакомитъ нашихъ чисташелей съ именами, которыя въ послѣдствіи будутъ нерѣдко встрѣчаться имъ въ описаніяхъ нашего путешественника.

Путешествія вокругъ свѣта были недоступны Древнимъ народамъ. Самая мысль объ нихъ могла явиться тогда только, когда, по слѣдамъ безсмертнаго Колумба (1492 г.) и его послѣдовашелей (Америка Веспучія, Кортеза, Пизарра, и другихъ), Испанцы обозрѣли восточный берегъ Американскаго материка, а Португальцы Діазъ, Васко де-Гама, Альбукеркъ, почти въ то же время, узнали западное протяженіе Африки, обошли южную ея оконечность и достигли Индіи. Но еще пространство болѣе 160² долгошъ, то есть, почти половина поверхности земнаго шара, было неизвѣстно. — Чѣмъ занято безконечное это пространство? Находится-ли на немъ *третій* материкъ? Или *Азія* и *Америка* сближаются на югѣ, образуя острый уголъ, подобно Африкѣ? Или наконецъ, только волны безконечнаго Океана занимающъ всю сію обширную часть нашей планеты? — Сколько великихъ вопросовъ! Сколько пораждали они системъ и теорій!

И безстрашный *Магелланъ* былъ первый, который началъ разрѣшать ихъ, въ 1520 году, по волнамъ Тихаго Океана, обогнувъ южную оконечность Америки, черезъ проливъ, получившій его имя. На Тихомъ Оке-

анѣ нашель онѣ только три, или четыре небольшіе острова, но приблизившись къ берегамъ Азіи открыль архипелаги острововъ *Маріанскихъ* и *Филиппинскихъ*. Его путешествованіе доказало, что никакого новаго материка нѣтъ на сѣверѣ отъ экватора на этомъ протяжении земнаго шара.

Гарсія де-Лонза, въ 1525 г., *Себастьянъ дель-Кано* и *Альфонсъ Салазаръ* проплыли Тихимъ Океаномъ послѣ Магеллана, но не сдѣлали замѣчательныхъ открытій. Въ 1526 г. *Альваръ де-Сааведра* направилъ путь изъ Мексики къ Молукскимъ островамъ; думая, что возвращаясь изъ Тидора въ Мексику, онъ первый опозналъ *Новую Гвинею*.

Отъ экспедиціи, совершенной черезъ семь лѣтъ послѣ того, намъ ничего не оспалось, кромѣ именъ начальниковъ сей экспедиціи — *Гуртадо* и *Грихальва*. Нельзя не пожалѣть, что дословѣрными свѣдѣніями не подтверждены открытія *Жуана Гаэтано*, въ 1542 году, и вѣроятность, что онъ обозрѣлъ вполнѣ *Новую Гвинею*.

Менданъ, путешествовавшему въ 1587 г., мы одолжены открытіемъ знаменитыхъ острововъ *Соломоновыхъ*, тщательно описанныхъ имъ, и, не смотря на то, оспававшимся долгое время послѣ него задачею для географовъ. — Черезъ десять лѣтъ, неустрашимый *Францискъ Дракъ*, Англичанинъ, совершилъ, подобно Магеллану, путешествіе вокругъ свѣта, и былъ счастливѣе его: онъ возвратился благополучно въ отечество, а Магелланъ погибъ во время своего путешествія, и только товарищи его принесли въ Европу славу его подвиговъ. Впрочемъ, открытія Драка остались неизвѣстны. Въ 1587 г., соотечественникъ его *Кавендишъ* совершилъ плаваніе отъ Калифорніи къ *Маріанскимъ* островамъ, но безъ новыхъ открытій.

Въ 1595 г. *Мендана*, во второмъ путешествіи своемъ, никакъ не могъ найдши Соломоновыхъ острововъ; но онъ открылъ острова *Маркизскіе*, или *Нука-гивскіе*, нѣсколько другихъ острововъ, и наконецъ прекрасный островъ *Санта-Крузъ* (Св. Креста), гдѣ тщетно старался онъ основать колонію. Его путешествія показали, что если по мнѣнію теоретиковъ непременно долженъ быть отдѣльный материкъ Австральскій, то невозможно было ему столь огромну, какъ материкъ *Спарого* *Свѣта* и *Американскій*.

Въ 1600 г. *Де-Кордъ* и *Фанъ - Ноортъ* проплыли Южнымъ Океаномъ, но безъ всякихъ открытій. За то вознаградили въ 1608 г. *Фернандъ Квирозъ*, отправившійся на двухъ корабляхъ, изъ коихъ однимъ начальствовалъ *Людовикъ Торресъ*. Важныя открытія учинены были ими на югъ отъ экватора: имъ обязаны мы первымъ опознаніемъ острова *Таити* и острововъ *Св. Духа*, или *Бугенвилевыхъ* *цикловъ*. Кажется также, что корабль *Торреса* возвратился въ Индійскій архипелагъ проливомъ, раздѣляющимъ Новую Гвинею отъ Новой Голландіи и названнымъ по имени сего мореплавателя.

Путешествіе *Шпильберга* (1615-1616 гг.) было безъ всякихъ слѣдствій для Географіи; но почти въ то же время *Шутенъ* и *Лемеръ* обозрѣли много новыхъ острововъ; сѣверная оконечность Новой Гвинеи была изслѣдована ими, и приблизительно определено все пространство сей земли.

Съ 1619-го до 1629 г. разные Голландскіе мореплаватели, *Гертогъ*, *Эдельсъ*, *Нюйтцъ*, *Виттъ*, *Карпентеръ* и *Пельсартъ*, поспешенно обозрѣли различныя части огромной земли, получившей наименованіе *Новой Голландіи*. — Въ 1624 г. *Іаковъ Эрмитъ* проплылъ отъ *Акапулко* до *Гуагама*, но безъ всякихъ изслѣдованій.

Тасманъ, отличный мореплавателъ своего вѣка, Голландецъ, открылъ въ 1642 и 1643 гг. *Новую Зеландію*, многіе изъ острововъ *Тонга* и *Вити*, осмотрѣлъ часть сѣвернаго берега Новой Гвинеи, и его путешествіе было всего важнѣе тѣмъ, что опредѣлило протяженіе Новой Голландіи на востокъ. Кажется, что во второмъ своемъ путешествіи, Тасманъ учинилъ важныя открытія по южному краю Новой Гвинеи; но описанія его остались погребенными въ архивахъ Голландской Компаніи.

Въ 1683 г. *Коулей* ознаменовалъ имя свое въ лѣтописяхъ путешествій по Южному Океану тщательнымъ обозрѣніемъ острововъ *Галапагосскихъ*, до него едва извѣстныхъ. — Въ 1696 году, Испанцы получили первое свѣдѣніе объ островахъ *Палаоскихъ*, или *Пелевскихъ*, отъ путешественниковъ сѣверныхъ острововъ, брошенныхъ бурей на берега Самара, одного изъ острововъ Филиппинскихъ.

Дампіеръ, тщательнѣйшій и благоразумнѣйшій изъ путешественниковъ сей эпохи, послѣ многихъ странствованій по Южному Океану, безъ всякой особенной цѣли, былъ отправленъ въ 1699 г. отъ своего Правительсва для опыканія новыхъ земель. Онъ узналъ много острововъ на сѣверѣ отъ Новой Гвинеи и Новой Британіи, и первый прошелъ по проливу, раздѣляющему сіи два острова. Черезъ восемь лѣтъ потомъ, онъ былъ лоцманомъ у Капитана Рожерса на сихъ-же моряхъ, но эта экспедиція не произвела ничего важнаго.

Въ 1710 г. *Падилла* началъ и не окончилъ описанія острововъ Пелевскихъ. — *Ла-Барбине* проплылъ по Тихому Океану въ 1716 г., но безъ всякихъ открытій. Счастливей его былъ Голландецъ *Роггевейнъ*, въ 1722 г., открывшій многіе острова, хотя нѣкоторыя изъ нихъ остаются сомнительны до сихъ поръ.

Адмираль *Ансонъ* прошелъ съ своею военною экспедиціею по Южному Океану въ 1741 г. — Онъ не учинилъ никакихъ открытій, но описаніе его путешествія, тщательное составленное, доставило много полезныхъ замѣчаній о различныхъ мѣстахъ, имъ посѣщенныхъ.

До сего времени единственно корыстолюбіе побуждало на всѣ сіи важныя и исполненныя случайностей предпріятія. Отправленіемъ въ подобныя путешествія руководило одно желаніе золота, или драгоценныхъ произведеній. Но здѣсь начали являться побужденія болѣе возвышенныя: желаніе славы, стараніе дополнить познаніе земнаго шара методическими изслѣдованіями.

Наспавленія, данныя Капитану *Байрону* Англійскимъ Правительствомъ, были составлены уже въ семь духъ. Байронъ плавалъ по Южному Океану въ 1764 и 1765 гг., но слѣдствія его путешествія не были важны и ограничились обозрѣніемъ нѣкоторыхъ небольшихъ острововъ. *Валлисъ* слѣдовалъ непосредственно за нимъ; его открытія были многочисленны: онъ первый доставилъ намъ положительныя извѣстія о прелестномъ островѣ *Таиши*, сдѣлавшемся съ тѣхъ поръ любимую мечтою каждого мореплавателя. — Въ томъ-же году (1767-мъ), товарищъ *Валлиса*, *Картеретъ*, съ меньшими противъ него средствами, совершилъ многіе подвиги и значительно прибавилъ число острововъ, узнанныхъ Европейцами на Южномъ Океанѣ.

Подражая Англіи, Франція отправила *Бугенвиля*, и его экспедиція была богата открытіями: онъ первый опозналъ многіе острова изъ *Опаснаго архипелага*, нынѣ называемаго *Помошу*, острова *Мореплавателей*, *Дузіады* и *Анахоретовъ*; имъ опысканы были земля *Св. Духа* и острова *Соломоновы*, почти потерянные для Географіи со временъ *Менданы*. Повѣствованіе остро-

умное и занимательное придало большую знаменитость путешествію Бугенвиля.

Наконецъ явился *Джемсъ Кукъ*. Сей великій странствователь, въ трехъ своихъ путешествіяхъ, съ 1769 по 1779 годъ, имѣлъ славу дополнить общее познаніе всѣхъ земель и острововъ Южнаго Океана. Точность, какую только возможно было соблюсти при тогдашнихъ способахъ наблюденій, постоянно руководствовала Кука во всѣхъ трудахъ его. Посему всѣ его открытія остались достоверными, и только исправленіе частныхъ подробностей оставилъ онъ своимъ послѣдователямъ. Открытіе *Новой Каледоніи*, *Новыхъ Гебридовъ* и *Сандвичевыхъ острововъ*, превосходное изслѣдованіе *Новой Зеландіи*, восточнаго берега *Новой Голландіи*, острововъ *Таиши*, *Тонга*, *Нука-гива*, проливовъ *Торреса*, *Кука* и *Беринга*: таковы заслуги, которыми Кукъ ознаменовалъ память свою на всегдашнее удивленіе мореплавателей и географовъ. Но воздавая должную честь ему, какъ начальнику морскихъ экспедицій, не должно забыватьъ великихъ трудовъ *Бенкса*, *Соландера*, *Андерсона*, и особенно *Форсберговъ*; всѣ они были сопутники Кука. Должно согласиться съ тѣмъ, что ученые изслѣдованія сихъ знаменитыхъ людей составили первое достоинство и упрочили блестящій успѣхъ описаній, какими сопровождалось путешествіе Кука.

Между тѣмъ, когда Кукъ исполнялъ свои обширныя экспедиціи, *Сюрвиль*, въ 1769 г., снова открылъ острова *Соломоновы* и обозрѣлъ заливъ *Удуду*, на С. В. берегу *Новой Зеландіи*; *Маріонъ*, въ 1771 г., изслѣдовалъ значительное пространство береговъ сей земли, и погибъ въ заливѣ *Острововъ*, гдѣ товарищи его собрали важныя извѣстія о жителяхъ и произведеніяхъ сей пагубной для нихъ страны; Испанецъ *Бенетео*, въ 1772 и 1773 гг., посетилъ *Таиши*, и обозрѣлъ нѣсколько

окрестныхъ острововъ; мореплавателъ *Перезъ* открылъ въ 1774 г. заливъ *Нутку*.

Мореелъ, безспорно, былъ мореплавателъ мало ученый, и его описанія весьма неисправны въ подробностяхъ; но имя его должно быть сохранено за открытіе, въ 1781 г., многихъ острововъ Южныхъ, и особенно купы острововъ *Вавао*.

Желая снова соперничать въ славѣ морскихъ путешествій съ Англіею, Франція отправила экспедицію *Лаперуза*, совершившую плаваніе въ 1785 — 1788 гг. — Судьба опредѣлила, чтобы сей знаменитый странствователь не возвратился въ отечество. Знанія весьма много потеряли съ его гибелью, лишившею насъ собранныхъ имъ многочисленныхъ свѣдѣній. Намъ извѣстно только изъ части описанія, отправленной имъ съ пуши, что *Лаперузъ* открылъ два большіе острова въ архипелагѣ Мореплавателей, или *Гамоа*, и произвелъ отважныя изслѣдованія въ *Ташарскомъ* проливѣ и на С. З. берегу Америки. Нѣтъ сомнѣнія, что значительныя наблюденія долженствовали означать и остальное его путешествіе, отъ *Бошанибея* до пагубныхъ скалъ острова *Ваникоро*, гдѣ ждала его гибель.

Въ сихъ-же годахъ, *Портлокъ* и *Диксонъ* плавали по Южному морю, собрали свѣдѣнія объ островахъ *Гавайскихъ*, и особенно о С. З. берегѣ *Американскомъ*. — *Г. Блей* посланъ былъ, въ 1788 году, на *Таити*, взять шамъ и перевезти въ другія мѣста хлѣбное дерево и сахарный тростникъ; на пуши открылъ онъ небольшую купу острововъ *Бунти* и *Вейтутаки*. Раздраживъ своимъ грубымъ поведеніемъ подчиненныхъ, *Блей* брошенъ былъ ими въ шлюпку и оставленъ на волю свирѣпыхъ волнъ, съ немногими вѣрными ему людьми. *Бунтовщики* удалились на корабль. Но на своей ушлой ладѣ, *Блей*

счастлииво достигъ Тимора, и открылъ еще мимоходомъ нѣсколько острововъ, именно, *острова Бенкса*.

Эдуардъ, посланный для ошисканія мапировъ, возмушившихся противъ Блея, прибавилъ нѣсколько острововъ къ прежнимъ, дополъ извѣстнымъ. Капитанъ купеческаго корабля, *Маршанъ* обозрѣлъ, въ 1791 г., часть острововъ Нука-гивскихъ. Обнародованіе его путешествія ученымъ Флёрье придало сему странствованію извѣстность, которой никогда не имѣло-бы оно безъ сего счастливаго обстоятельство.

Ванкуверъ, въ 1791 г., открылъ нѣсколько небольшихъ острововъ, и превосходно описалъ С. З. берегъ Америки. Его товарищу, *Броутону*, мы обязаны познаніемъ острововъ *Чатама* и *Вавиту*. Слѣдствія сихъ путешествій были обнародованы въ обширномъ описаніи, и повѣствованіе Ванкувера можно упрекнуть только въ одномъ — излишней говорливости, иногда утомительной.

Въ тоже время, *Дантркасто* плавалъ по Тихому Океану, стараясь ошискать слѣды несчастнаго Лаперуза и занимаясь изслѣдованіями. Первая изъ сихъ цѣлей не была достигнута; для второй учинены важные подвиги, замѣчательные обширностію и точностію изслѣдованій. Главнѣйшими изъ нихъ были обозрѣнія южнаго берега Новой Голландіи, западнаго Новой Каледоніи, острововъ Адмиралшейства, Санша-Круза, или Нишенди, многихъ изъ острововъ Лузіады, части Новой Гвиней и значительной части Молукскихъ острововъ. Надобно еще присовокупить къ тому открытіе многихъ неизвѣстныхъ дополъ острововъ, или островковъ. Г-да де-Россель и Лабильярдьеръ издали описанія сего путешествія.

Вскорѣ потомъ, Испанецъ *Малеспина* означилъ свое путешествие многими значительными трудами. Къ со-

жалѣнію, незаслуженною неблагодарностью заплашили ему за его подвиги, и не допустили его издашь описанія своего путешествія, отъ чего цѣна подвиговъ Малеспины донынѣ неизвѣстна вполнѣ.

Въ 1792 г., *Блей* совершилъ второе путешествіе по Южному Океану, открылъ еще нѣсколько острововъ, и особенно въ архипелагѣ Виши; но путешествіе его не было издано и подробности неизвѣстны. Въ 1796 г. *Вильсонъ*, имѣя препорученіе перевезшъ на острова Южнаго Океана проповѣдниковъ Христіанской вѣры, открылъ на пуши многіе острова. Его описанія богаты свѣдѣніями весьма точными, о нравахъ, обычаяхъ и вѣрѣ островитянъ.—*Турнбуллъ*, простой прикащикъ на купеческомъ кораблѣ, успѣлъ собрать, съ 1800 по 1804 г., замѣчательные матеріалы, особенно о событіяхъ на Таити, начиная съ перваго посѣщенія сего острова Кукомъ до пребыванія на немъ описателя.

Въ это время, Англія и Франція, каждая съ своей стороны, рѣшились на дополненія Географіи Южныхъ морей. *Флиндерсъ* и *Боденъ* были начальниками экспедицій. Гидрографическіе труды Англійскаго мореплавателя являющагося превосходнѣе по точности изслѣдованій, но замѣчанія Французскихъ естествоиспытателей, находящіяся въ описаніи Боденова путешествія, составленнаго Перономъ, освѣтили яркимъ свѣтомъ физическое образованіе Австральныхъ земель.

И Россійскій флагъ явился наконецъ въ моряхъ Южныхъ: *Крузенштерну*, въ 1804 и 1805 гг., была поручена экспедиція, въ одно время дипломатическая и ученая. Новыхъ земель не найдено, но собраны были важныя свѣдѣнія для Географіи. Замѣчательно и то, что эта экспедиція была источникомъ превосходныхъ *Записокъ*, которыя въ послѣдствіи собралъ *Крузенштернъ* о земляхъ Южнаго Океана.

Экспедиція Американца *Портера*, въ 1813 и 1814 гг., была рѣшительно военная, и причинила величайшій вредъ торговлѣ Англичанъ на Южныхъ моряхъ. Но должно замѣтить, что Портеръ вмѣстилъ въ свое описаніе подробныя и любопытныя изслѣдованія объ островахъ Нука-гивскихъ, дошолъ мало извѣстныхъ.

Немного времени спустя, *Коцебу* плавалъ по Тихому Океану на бригѣ *Рурикъ*, снаряженномъ на иждивеніе Русскаго вельможи, Графа Румянцева. Открытіе разныхъ острововъ, особливо изъ числа восточныхъ Каролинскихъ, увѣнчало успѣхомъ плаваніе *Коцебу* въ 1816 году. Замѣчанія ученаго Шамиссо прибавили большую цѣну повѣствованію мореплавателя.

Въ 1819 г. *Фрейсине* начальствовалъ въ южномъ Океанѣ надъ кораблемъ *Уранією*. Слѣдствія сего путешествія для Географіи были посредственны, и ограничились познаніемъ двухъ или трехъ острововъ Каролинскихъ, острововъ Маріаннскихъ, и открытіемъ скаль Розы. Но важныя матеріалы пріобрѣло Естествознаніе. Кромѣ того, повѣствованіе о путешествіи Г-на Фрейсине есть сборникъ матеріаловъ для Исторіи всѣхъ посѣщенныхъ имъ мѣстъ. Къ сожалѣнію, начатое печатаніемъ въ 1821 г., оно не кончено еще донынѣ.

Почти въ одно время съ Французскимъ путешествователемъ, Русскій мореплаватель *Биллингсгаузенъ* посѣтилъ Южное полушаріе, открылъ много новыхъ острововъ, между прочимъ островъ *Оно*, на югъ отъ архипелага Виши. Особенно любопытны плаванія его къ Южному полюсу.

Съ 1818-го по 1822 г., путешествіе *Кинга* удачно дополнило Географію Южныхъ земель, осматривавшихся малоизвѣстными. Труды *Кинга* можно почесть образцомъ шерцнія и отваги, и повѣствованіе его замѣча-

тельно подробностями о природѣ и жителяхъ Южныхъ земель.

Въ 1823 и 1824 гг., Г-нъ *Дюперре* плавалъ по Южнымъ морямъ, на кораблѣ *Раковинѣ*. Значительное число новыхъ острововъ было открыто имъ, особливо изъ числа Каролинскихъ; сдѣланы также замѣчательныя частныя спознанія въ островахъ Мульграва, купѣ острововъ Гоголеу и островахъ Шушена, близъ Новой Гвиней. Эта экспедиція превзошла путешествіе Ураніи числомъ предметовъ Естествознанія, вывезенныхъ въ Европу. Имѣвъ честь быть участникомъ въ трудахъ Г-на Дюперре, я помѣщу нѣкошорыя неизвѣстные подробности изъ веденнаго тогда мною частнаго журнала во *Всеобщемъ путешествіи*.

Американецъ *Паульдингъ* издалъ повѣствованіе о путешествіи шунера *Дольфинъ*, отправленнаго въ 1825 г. для ошысканія взбунтовавшихся матрозовъ одного кишоловнаго корабля, по полученному извѣстію, что сіи бунтовщики поселились на островахъ Мульграва. Въ эшомъ путешествіи произведено только одно открытіе: *островъ Гуль*; но многія подробности объ островахъ Мульграва новы и любопытны.

Англичанинъ *Бигей*, съ 1825 по 1828-й годъ, совершалъ путешествіе по Тихому Океану на кораблѣ *Цвѣтокъ*. Онъ доставилъ намъ познаніе нѣсколькихъ новыхъ острововъ архипелага Помощу, и безъ того уже многочисленнаго, а также и совершилъ важныя изслѣдованія на отдаленной части С. В. берега Америки. Описанія Бигея особенно любопытны изслѣдованіемъ геологической части Южныхъ земель и нравовъ тамошнихъ жителей.

Въ 1826 — 1828 гг. корабль *Аспролябія*, подъ моимъ начальствомъ, совершилъ путешествіе по Южному Океану. Въ отношеніи географическомъ, слѣдствіемъ сего путешествія было тщательное изслѣдованіе простран-

ства на 400 льё по берегамъ Новой Зеландіи, обозрѣніе архипелага Виши, острововъ Loyalty, южной части Новой Британіи, сѣверной Новой Гвиней, на 360 льё, острововъ Ваникоро, Гоголеу и Пелевскихъ. Шестидесять острововъ, островковъ и скаль, дошолъ неизвѣстныхъ, было описано. Отчетъ знаменишаго Кювье доказываетъ, что пріобрѣтенія по части Естествознанія были немаловажны. Мы имѣли также горестное утѣшеніе: узнать достоверно то мѣсто, гдѣ погибли Лаперузъ и его несчастные спутники, и воздвигнуть памятникъ сему достопамятному мореплавателю на мѣстѣ его гибели. Описаніе нашего продолжительнаго и труднаго путешествія совершенно готово; не имѣя права судить объ его достоинствѣ, мы скажемъ одно, что собственно для насъ, оно доставитъ много неизвѣстныхъ свѣдѣній *Всеобщему путешествію*.

Русскій мореплаватель, Капитанъ *Литке* совершилъ тогда-же путешествіе, замѣчательное по свѣдѣніямъ. Особенно съ большимъ стараніемъ были обозрѣны имъ острова Каролинскаго архипелага. Впрочемъ, намъ извѣстны донынѣ только гидрографическія изслѣдованія Г-на Литке, и шѣмъ съ большимъ неперпѣніемъ заславляютъ они насъ дожидаться полнаго описанія (*).

Въ 1826 г. Англичанинъ *Диллонъ* получилъ на островѣ Тикопіи первыя достоверныя извѣстія о мѣстѣ гибели Лаперуза. Остъ-Индская Компанія ввѣрила ему корабль *Изысканіе*, дабы окончательно дополнить свѣдѣнія о семъ плачевномъ событіи. Исполнивъ препорученіе, въ 1827 и 1828 г., Диллонъ издалъ свое путешествіе. Но кромѣ нѣкошорыхъ подробностей о Новой Зеландіи и Ваникоро, это путешествіе не заключаетъ

(*) Двѣ первыя части его изданы на Русскомъ языкѣ въ нынѣшнемъ 1835 году. Прил. Перев.

въ себѣ ничего важнаго. Какъ не пожалѣть, что вмѣсто подробностей о ссорѣ Капитана съ бывшимъ у него Естествоиспытателемъ, намъ не передано болѣе свѣдѣній о туземцахъ Новой Зеландіи и острововъ Виши, съ которыми долго были въ сношеніяхъ путешественники.

Упомянемъ еще о путешествіи *Лапласа* въ 1830 и 1831 гг. — Хотя наука не была цѣлью сей экспедиціи, однакожь много полезнаго было наблюдено въ Кишайскомъ морѣ, и описаніе Г-на Лапласа, уже поступившее въ печать, важно подробностями о земляхъ, видѣнныхъ имъ.

Наконецъ, не лзя упустить изъ вида путешествій Американца *Морелла*, изъ коихъ послѣднее имѣло поприщемъ своимъ Южный Океанъ (въ 1829—1833 гг.). Можно упрекнуть спранствовавшаго за непочность въ опредѣленіи мѣспъ, за преувеличеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Но это награждаетъ любопытность многихъ подробностей.

Здѣсь кончимъ мы предположенное нами *обозрѣніе путешествій вокругъ Свѣта*, и особенно въ Южныхъ моряхъ. Мы не имѣли приязанія сдѣлать наше обозрѣніе полнымъ. Безъ сомнѣнія, нѣкоторыя экспедиціи нами не упомянушы, пошому, что мы не имѣли объ нихъ свѣдѣнія, или пошому, что слѣдствія ихъ не были важны, или, наконецъ, пошому, что рассказы объ нихъ не имѣюшъ достовѣрности. Но очерка, представленнаго нами, достаточнo для предположенной цѣли: пересказать читателямъ имена, копорыя, болѣе или менѣе, будушъ упоминаемы во *Всеобщемъ путешествіи*, и крапко обозначить главнѣйшіе труды, исполненные въ различное время мореплавателями, на пространствахъ Тихаго и Южнаго Океановъ.

Намъ оспается присовокупить нѣсколько изъясненій, касательно картъ, приложенныхъ къ *Всеобщему путешествію*. Ихъ будетъ двѣ: общая карта всего путешествія и общая карта Южныхъ земель.

Касательно общей карты всего путешествія, исполненіе не представляло затрудненій: мы просто взяли довольно вѣрную карту земнаго шара, и означили на ней главнѣйшія точки странствованій нашего мнимаго путешественника, такъ, что читатель легко можетъ видѣть и сообразить общность его описаній.

Но въ разсужденіи картъ, изображающихъ общность и подробности Южныхъ земель, намъ слѣдовало предварительно рѣшить два важные вопроса: Какое раздѣленіе надобно принять? Какой номенклатурѣ надобно слѣдовать въ названіяхъ?—Въ отношеніи перваго вопроса, мы не колебались принять раздѣленіе, предложенное нами въ Запискѣ нашей, читанной въ засѣданіи Географическаго Общества, 27 Декабря 1831 года. Въ сей Запискѣ, мы предлагали раздѣлить всѣ земли Южныя, заключая ихъ подъ общимъ именемъ *Океаніи*, на четыре главныя части: *Полинезію*, *Микронезію*, *Малезію* и *Меланезію*. Излагаемъ здѣсь основанія, на которыхъ располагается это дѣленіе.

Начнемъ съ того, что всѣ путешественники, посѣщавшіе Тихій Океанъ, замѣтили два раздѣленія человеческихъ племенъ, совершенно различныхъ одно отъ другаго, и по многочисленнымъ и существеннымъ чертамъ, опредѣляющимъ каждое изъ сихъ двухъ различій, дѣлили его на двѣ породы.

Первая изъ нихъ представляешь наблюдателю людей средняго роста, болѣе или менѣе темно-желтоватаго цвѣта, съ прямыми волосами, преимущественно темными, или черными, съ формами тѣла довольно правиль-

ными, живущихъ большею частію въ состояніи общественномъ, и иногда образующихъ собою монархіи.

Другая порода суть люди цвѣща весьма темнаго, иногда почти столь-же черные, какъ Кафры, съ волосами курчавыми, завишыми, клочковатыми, жесткими, съ чертами безобразными, формами непріятными и безъ надлежащей соразмѣрности. Сіи люди живутъ обыкновенно племенами небольшими, почти никогда не образуютъ собою народа и общества, и состояніе ихъ всегда близко къ невѣжественному варварству.

Далѣе, между людьми первой породы, легко замѣтишь двойное разительное дѣленіе. Съ одной стороны, всѣ племена, населяющія восточные острова Тихаго моря, отъ Гавайскихъ до Новой Зеландіи въ одну часть, и съ острововъ Тонга и Гамоа до Вайгу въ другую, явно имѣютъ одно происхожденіе и суть дѣти одного семейства. Ихъ цвѣтъ, ихъ черты, форма тѣла, языки суть однообразны. Всѣ сіи народы признаютъ *тапу*; всѣ употребляютъ *каву*, или *аву*; употребленіе лука и стрѣлъ, какъ военныхъ оружій, имъ неизвѣстно. Наконецъ, всѣ они достигли степени образованія, болѣе или менѣе значительнаго, и между нѣкоторыми изъ нихъ законы условной вѣжливости доведены до удивительной степени.

Второе отдѣленіе эсихъ мѣдноцвѣтныхъ людей заключаетъ въ себѣ племена, разсыпанные на цѣпи мѣлкихъ острововъ, получившихъ отъ мореплавателей названія острововъ Жильберта, Маршаля, Каролинскихъ, Маріанскихъ, даже до острововъ Пелевскихъ, включительно. Сіи островиане вообще различествуютъ отъ Восточныхъ собратій цвѣтомъ, болѣе темнымъ, лицомъ болѣе правильнымъ и формами, болѣе пріятными. *Тапу* имъ неизвѣстенъ; языкъ, чувствительно различающійся почти на каждомъ архипелагѣ, весьма различается отъ

языка общаго всѣмъ людямъ перваго ошдѣленія. *Кав* еще употребляется, подъ другими именами въ восточной части сего ошдѣленія, но въ западной она уже замѣнена употребленіемъ *бетеля* и *арека*.

Наконецъ, между мѣдноцвѣтными людьми, шретье ошдѣленіе съ давняго уже времени было опредѣлено подъ именемъ *архипелага Индійскаго*, или *великаго архипелага Азіи*, заключаая въ себѣ острова, извѣстные подъ именемъ Филиппинскихъ, Молукскихъ, Зондскихъ, почти совершенно занимаемые, по крайней мѣрѣ по берегамъ, Малайскими народами.

Сіи наблюденія, основанныя на нравственныхъ и физическихъ свойствахъ туземцевъ, естественнo доводящъ насъ къ раздѣленію *Океаніи*, сначала на четыре главные и основные ошдѣла, а именно:

I. *Океанія Востогная*, кошорой сохраняемъ мы извѣстное уже названіе: *Полинезія* (многоостровіе), принятое нѣкошорыми географами въ смыслѣ слишкомъ обширномъ, ибо симъ именемъ назвали они всю *Океанію*. Мы ограничиваемъ его приложеніемъ только къ народамъ темно-желтымъ, или мѣднаго цвѣта, соблюдающимъ *тапу*, говорящимъ одинакими языками и занимающимъ всю *востогную область* Тихаго Океана. Эшотъ ошдѣлъ заключаешъ въ себѣ архипелаги: Гавайскій, Нука-гивскій, Помошускій, Таишскій, Гамоаскій, Тонгскій, Ново-Зеландскій, Чашамскій, и множесшво острововъ, разбросанныхъ между сими купами.

II. *Океанія Стверная*, кошорую именуемъ мы *Микро-незія* (мѣлкоостровіе), ибо она заключаешъ въ себѣ мѣлкіе острова, изъ коихъ *Гуагамъ* въ *Маріаннскихъ*, *Пунинетъ* въ *Каролинскихъ*, *Бобельтуапъ* въ *Пелесскихъ*, сушъ главные. Здѣсь находятся племена, различныя по купамъ острововъ, своими нравами, правленіями, языками. Большинство сихъ народцевъ всюду

мѣдно-цвѣтное, но Капишанъ Липке видѣлъ и черныхъ людей на возвышенномъ островѣ Пунипетѣ, и, если вѣришь Мореллю, черное поколѣніе находится также на купѣ острововъ Гоголеускихъ. Главные купы сего отдѣленія суть острова Жильберта, Маршала, Маріанскіе, Пелевскіе, и всѣ извѣстные подъ именемъ Каролинскихъ, включая сюда еще множество острововъ необитаемыхъ, до 40° Сѣверной широты.

III. *Океанія Западная*, или *Малезія* (страна *Малайцевъ*), заключающая въ себѣ острова Филиппинскіе, Молукскіе и Зондскіе, всѣ занимаемые народами явно Малайскаго происхожденія, по крайней мѣрѣ, по прибрежію острововъ, ибо внутренность большей части сихъ огромныхъ земель занимается еще поколѣніями, весьма приближенными къ шѣмъ, которыхъ относимъ мы къ слѣдующему отдѣленію, называя его,

IV. *Океанія Южная*. Оно заключаетъ въ себѣ Океанскихъ народовъ, болѣе или менѣе черноцвѣтныхъ, съ волосами завившими, или курчавыми, съ членами тѣла безобразными, словомъ, тѣхъ, которымъ придаемъ мы общее имя *Меланезовъ* и *Меланезіи* (черноостровіе, острова, обитаемые черными). Здѣсь нравы, обычаи, языки разнятся до безконечности, и всѣ здѣшніе туземцы остаются въ варварскомъ состояніи. Нѣтъ правленій, нѣтъ законовъ, нѣтъ религіозныхъ обрядовъ; обращеніе туземцевъ къ Европейцамъ постоянное и сильное. Самый страстный любитель дикой природы долженъ сознайся въ безконечномъ различіи между разумными способностями этихъ черныхъ Океанійцевъ и мѣдноцвѣтной ихъ собратіи. *Австралія*, или *Новая Голландія*, огромный материкъ Южнаго полушарія, образуетъ узелъ сего обширнаго пространства, къ которому примыкаются великіе острова *Новой Зеландіи*, *Новой Гвиней*, *Лузіады*, *Новой Британіи*, *Новой*

Ирландіи, Новой Каледоніи, Новыхъ Гебридовъ, острововъ Loyalty, Нишенди и Виши.

Наша система дѣленія, кажется, представляеть изъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ ту выгоду, что она не произвольна, но напротивъ, основана на положительныхъ изслѣдованіяхъ, на естественныхъ, твердыхъ и постоянныхъ отношеніяхъ между народами, включенными въ каждый отдѣлъ. Смотри по тому, какое имя употребляется, Полинезіи, Микронезіи, Малезіи, Меланезіи, легко понять: говорится-ли о народахъ мѣдноцвѣтныхъ, употребляющихъ общій языкъ, признающихъ *тапу*, или мѣдноцвѣтныхъ, говорящихъ различными языками, не признающихъ *тапу*, или о народахъ Малайскихъ, или наконецъ объ Океанійскихъ Неграхъ. По нашему мнѣнію, важное пособіе для памяти, если извѣстное имя напоминаетъ намъ собою главный характеръ предмета, которому оно дается.

Отдавъ отчетъ въ нашихъ главныхъ дѣленіяхъ Океаніи, мы спѣшимъ говорить о номенклатурѣ названій. Въ семъ отношеніи, до сихъ поръ мы запутаны въ безконечномъ смѣшеніи именъ, и для примѣра можно представить читателямъ по чешыре, по пяти именъ, придаваемыхъ одному и тому-же острову, и ни одно изъ сихъ именъ не лѣзя названъ болѣе другихъ общимъ и употребительнымъ. Въ началѣ произошло это отъ незнанія первыхъ мореплавателей и несовершенства средствъ, коими могли они опредѣлять удовлетворительнымъ образомъ земли, находимыя ими. Такимъ образомъ многократно случалось, что почиали новымъ открытіемъ землю, уже давно видѣнную другими, давали ей имя и это новое имя переходило на карты. Кукъ былъ мореплаватель образованный; онъ снорово и прочно занимался наблюденіями, такъ, что не могъ ошибаться въ дѣйствительной новизнѣ своихъ открытій, и ему

можно-бъ было начать правильную номенклатуру, кою-рою важность его имени придала-бы положительный вѣсъ. Но изъ жалкой суешности, сей странствователь, столь великаго достоинства, почти никогда не уважалъ правъ своего предшественника касательно именъ, и позволялъ себѣ давать новыя имена видѣннымъ прежде него землямъ. Должно сознаться, что эши новыя имена были иногда даваемы безъ всякаго строгаго выбора. Такъ поступали многіе послѣ Кука, и не лзя не удивляться, усматривая, на примѣръ, на картахъ Арровсмита, въ купѣ острововъ Лузіадскихъ названія, данныя новыми и неизвѣстными мореплавателями, вмѣсто тѣхъ, кошорыя прежде были уже даны ошъ Анпркашо. Даже и теперь, года не проходишь, чтобы какое нибудь китоловное или купеческое судно, послѣ плаванія въ Южномъ Океанѣ, не объявляло новымъ открытіемъ давно извѣстныхъ земель и острововъ. Согласимся однакожь, что до нѣкошорой степени все эшо извинительно, ибо съ давняго времени никто не подумалъ составить полной и вѣрной карты сей части земнаго шара, на кошорой всѣ открытія до нашего времени были-бы означены.

Соображеніе изложеннаго нами побудило насъ сочинить *общую карту Океаніи*. Она должна присоединиться къ атласу путешествія, совершеннаго нами на кораблѣ *Астролябія*. Намѣреніе наше было утвердить сею картою достовѣрное состояніе географическихъ познаній нашихъ объ Океаніи, въ началѣ 1830 года, эпохѣ, принятой нами за опредѣленную точку времени. Цѣль наша оказалась достигнутою удовлетворительнымъ образомъ, ибо въ теченіе года, съ тѣхъ поръ, какъ составлена карта наша, изъ 20-ти мнимыхъ новыхъ открытій, объявленныхъ разными мореплавателями, ни одного не оказалось, кошораго не должно-бъ было отнести къ землямъ и островамъ,

уже находящимся на нашей картѣ. Напрошивъ , вѣроятно , мы означили еще много такого , что слѣдуетъ исключить , въ слѣдствіе изслѣдованій болѣе тщательныхъ и изысканій болѣе точныхъ. Мы думали объ этомъ предварительно , и опмѣтили всѣ такія мѣста знакомъ сомнѣнія , желая , чтобы мореплаватели обратили на эти сомнительныя назначенія земель свое вниманіе , и либо утвердили существованіе ихъ , либо доказали ихъ небытіе.

Ограниченность размѣра нашей карты не позволяла намъ выставлятъ различныхъ именъ одного и того-же мѣста [synonymie], для соображенія , какъ дѣлано было это на картахъ Арровсмиша и Крузенштерна. Въ слѣдствіе сего , мы принуждены были поступать окончательно съ номенклатурою , и вотъ чѣмъ руководствовались мы , какъ правиломъ , въ одно время самымъ приличнымъ и самымъ справедливымъ : каждый разъ , когда намъ было извѣстно имя , употребляемое туземцами , мы не колебались принимать и ставить его , предпочитая всѣмъ даннымъ Европейцами , кто-бы ни былъ мореплаватель , употребившій то или другое имя. Но когда мы не могли узнать туземнаго имени , свято соблюдали мы имя , данное первымъ открывшимъ землю , если только права его подтверждались несомнительно. Такъ поступали мы въ путешествіи нашемъ на корабль Астролябія , не позволяя себѣ давать новыхъ , произвольныхъ именъ , исключая такихъ только случаевъ , когда туземное имя было намъ неизвѣстно и никто изъ нашихъ предшественниковъ не наименовалъ острова , или земли , никакимъ именемъ. При всемъ томъ , наименованія , данныя нами , мы почитали рѣшительно непороспешенными , долженствующими уступить туземнымъ или первоначальнымъ , если въ послѣдствіи открылись-бы сіи имена. Въ нашъ вѣкъ смѣшно тщесла-

віе мореплавателя , раздающаго горделиво новыя , без-
полезныя имена островамъ , все равно , какъ дѣтскою
игрою должно нынѣ почесать принятіе вновь откры-
таго острова подѣ власть того или другаго Прави-
тельства , съ извѣстными обрядами. Имена шугемныя
суть почтенныя знаки первобытнаго Человѣчества , и,
можетъ быть , черезъ одно или два столѣтія , они
будуть единственнымъ признакомъ шугемной перво-
бытности , когда все другое поглотитъ и преобра-
зитъ пребываніе Европейцевъ.

Что касается до правописанія первобытныхъ именъ ,
мы постоянно слѣдовали системѣ , принятой нами еще
со времени путешествія нашего на корабль *Раковина* ,
то есть , мы придавали буквамъ нашей азбукѣ простое
произношеніе , почти такъ , какъ дѣлается это въ чте-
ніи Латинскихъ буквъ. Сію самую систему употребле-
нны нынѣ однообразно миссіонеры Южныхъ морей.

По примѣру ихъ , мы означаемъ также архипелаги
острововъ именемъ главнаго острова въ такихъ архи-
пелагахъ. Такимъ образомъ пишемъ мы: острова *Гавай-
скіе* , острова *Таитскіе* , острова *Тонга* , острова *Ну-
каива* , вмѣсто: острова Сандвичевы , острова Обще-
ства , острова Дружескіе , острова Маркизскіе. Первыя
изъ сихъ наименованій просты , и , важное преимуще-
ство — шугемцы такъ называютъ упомянутыя земли.
Имена *Новой Голландіи* и земли *Фанъ-Діеменовою* , мы
замѣняемъ именами *Австраліи* и *Тасманіи* , уже рѣши-
тельно принятыми въ Европейскихъ колоніяхъ , находя-
щихся на сихъ островахъ. Но мы сохранили имена
Новой Зеландіи , *Новой Каледоніи* , *Новыхъ Гебридовъ* ,
остр. *Соломоновыхъ* , *Новой Ирландіи* , *Новой Бри-
танніи* , *Лузіады* и *Новой Гвиней* , по необходимости ,
ибо не могли замѣнить ихъ шугемными именами.

Впрочемъ , всѣ наши нововведенія въ номенклатурѣ

не затрудняшь читателей *Всеобщаго путешествія*, пошому, что въ описаніяхъ нашихъ тщательно означаемъ мы при каждомъ островѣ, каждой купѣ, каждомъ архипелагѣ, всѣ имена, данныя извѣстнѣйшими мореплавателями, такъ, что читатель легко найдетъ землю, о которой говорится, на всякой картѣ. Донынѣ еще никто не принимался за такой синонимическій трудъ, являющійся необходимымъ, особливо, если общее согласіе географовъ и мореплавателей не утвердитъ предлагаемой нами систематической номенклатуры, или другой какой либо, но уже постоянно и однообразно.

На рисункахъ, которыми сопровождаются описанія наши, читатели увидятъ вѣрные изображенія описываемыхъ мѣстъ, морскихъ приключеній, портреты, одежды и жилища туземцевъ и Европейскихъ переселенцевъ, звѣрей, растенія, рѣдкости Естествознанія. Скажутъ, что сіи изображенія составлены Г-мъ Сенсономъ, значить скажутъ, что они составлены человекомъ, имѣющимъ превосходныя дарованія, знающимъ своего дѣла, и отличающимся особенною вѣрностью. Г-ну Сенсону стоило для сего раскрыть только свой богатый портфель, составленный имъ во время путешествія его на корабль *Астролябія*, и котораго далеко не могло истощить богатое изданіе нашего путешествія.

Заключимъ увѣреніемъ читателей, что я и сотрудники мои приложили всѣ старанія, желая сдѣлать *Всеобщее путешествіе* столько-же пріятнымъ, сколько и поучительнымъ чтеніемъ — существенная цѣль, коей должно достигатьъ каждому сочиненію, предназначенному для многочисленныхъ читателей.

Ж. Дюмонъ Дюрвиль.

ПАРИЖЪ.

2 Янв.

1834 г.

ВСЕОБЩЕЕ
ПУТЕШЕСТВІЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Отъѣздъ изъ Европы; Западная Африка; Бразилія;
Южная Африка; Южная Азія: острова Малдивскіе,
Цейланъ Западный Индійскій полуостровъ.

ГЛАВА I.

ТУЛОНЪ. — ОСТРОВА БАЛЕАРСКІЕ.

Гошовый предпринявъ продолжительное путешествіе, гошовый предаётся случайностямъ событий и непредвидимыхъ приключеній, спрансповоатель невольно обращаетъ задумчивый взоръ на опечесшвенную землю, съ кошорою скоро суждено ему распахъся. Тяжелое чувство унынія смѣшивается съ его рѣшишельностью: единъ Богъ вѣдаетъ, увидѣшь-ли еще ему милую опчизну, спрану, гдѣ все заключено для него въ уладительныхъ воспоминаніяхъ прошедшаго, въ наслажденіяхъ настоящаго, все — любовь и дружба, родные и минувшая жизнь!

Таково было мое душевное расположеніе, когда въ Іюль мѣсяцѣ 1829 года, надобно было мнѣ опшавишь Тулонъ и опправившись въ далекій пушь. Въ то время, по случаю блокады Алжира Конпръ-Адмираломъ Лабрешонньеромъ, Тулонъ представлялъ живую каршину военной дѣяшельности: на рейдѣ, въ поршѣ, въ докахъ, въ арсеналѣ, въ канашномъ заведеніи — всюду работали пысячи рукъ, образуя шрудомъ своимъ средства къ побѣдѣ и завоеванію, кошорыя долго были обдумываемы, но

за що быспро совершились, и какъ будно громомъ, уничтожили силы и дерзоспъ Варварійцевъ. И пора было Европѣ опплатишь эспимъ безразсуднымъ и безчеловѣчнымъ разбойникамъ. Въ Парижѣ еще сомнѣвались о томъ, начнешся-ли дѣйсшвишельно война съ Алжиромъ, но въ Тулонѣ уже не было объ эспомъ сомнѣнія. Грозныя приготошвленія къ войнѣ едва было не увлекли меня въ прежнюю солдапскую жизнь: подобно многимъ спарымъ шова-рищамъ, я шакже хошѣлъ записашъ шшыкомъ имя свое на исполинскихъ громадахъ Апласа. Но не-преодолимая спраспъ къ пушешеспвіямъ и желаніе видѣшь и узнашь опдаленные народы и спраны, скоро пошущили мой воинскій жаръ, шѣмъ болѣе, что издавна искавши для сего случая и средспвъ, я предваришельно заключилъ уже условія со многими купеческими домами, и долженъ былъ для выполнения ихъ немедленно предприняшь мое спранспшованіе.

Начну мои пушевыя записки, думалъ я, съ шого мѣспа, опкуда должно начашся моему пушешеспвію. Англійскому пакешбому, на кошоромъ долженъ былъ я опсправишься къ оспрову Мадерѣ, надлежало промедлишь въ Тулонѣ еще нѣсколько дней, и эши дни упошребилъ я на обозрѣніе Тулона и его окреспносшей.

Посспроенный полукружіемъ около одной изъ лучшихъ гаваней Средиземнаго моря, Тулонъ, эшопъ южный край Европейскаго машерика, походишь на передоваго спража Франціи, и пошому исторія его не могла совершишься безъ множеспва различ-

ныхъ событій. Начало сего города шеряется въ опдаленной древности, среди баснословныхъ предположеній, и Провансальскіе изыскатели древности еще болѣе запушали задачу, спараясь объяснить ее. Чшо первоначально какой-то Теламонъ, или Римскій полководецъ Тело-Марціусъ — гадательные великіе люди, подвиги которыхъ весьма хорошо извѣсны ученымъ изыскателямъ — чшо топъ или другой были первыми покорителями Тулонской обласи, объ эшомъ никшо не споришь, пошому, чшо никшо эшого не можешь доказашъ. Досповѣрно, чшо Тулонъ былъ уже славенъ своею промышленностью во времена Аркадія, сына Θεодосія Великаго. Мы ничего не скажемъ о легендѣ Св. Кипріана, покровителя Тулонскаго, современника Цезарію и мученика за свою любовь къ родинѣ. Нашествіе Аравишянъ пролетѣло подобно бурѣ надъ сею часпію Прованса, которая скоро разцвѣла опашъ подъ шѣнью щипа Графовъ Марсельскихъ. Два раза являлись здѣсь Саррацины съ опустошеніемъ, мечемъ и огнемъ; два раза благодѣтельный геній спраны снова оживлялъ развалины. Карлъ V-й оставилъ здѣсь памяшь своего могущества и своей гордости. Съ шѣхъ поръ, щещенно Герцогъ Савойскій, при помощи Голландіи и Англіи, покушался заняшь Тулонъ. Только однажды, пользуясь государственнымъ волненіями Франціи, Тулонскую крѣпость, ключъ южной Франціи, измѣною и хипросшю успѣли захвашишь непріатели. Соединенные флоты Англіи и Испаніи овладѣли Тулономъ. Эшо было въ 1793 году, и эшо завоева-

ніе было средсвомъ одному молодому аршилле-
рійскому офицеру въ первый разъ показавъ въ се-
бѣ Европѣ того великаго война, который пошомъ
возложилъ на свою голову вѣнецъ Императорскій,
побѣдами своими заставилъ шрепешать Европу,
пошерялъ и вѣнецъ и побѣды подъ Ватерлоо, и
умеръ на скалахъ острова Св. Елены. Наполеонъ
опнялъ Тулонъ у Англичанъ. Это была первая его
побѣда.

Разсмаприваемый, какъ морская крѣпость, Ту-
лонъ являешся весьма важенъ; онъ можешъ принявъ
подъ защиту своего порта тысячи кораблей, и
опъ того вѣчно населенъ онъ судами: множесство
линейныхъ кораблей, фрегатовъ, корветовъ, гальё-
новъ, флюговъ, габарговъ, канонерскихъ лодокъ, па-
кешботовъ, плашковоовъ, перевозныхъ судовъ спо-
явъ на якоряхъ въ его гавани, въ живописной
спройности. Лѣсъ мачтовъ и громады снастей за-
слоняювъ опчаспи берега. Гора возвышаешся за
городомъ и охраняешъ Тулонъ опъ сѣвернаго вѣ-
пра. По бокамъ этой горы, между многоразличны-
ми насажденіями, между кущами маслинъ, померан-
цевъ, деревъ и расшеній, подаренныхъ Провансу
Ишалією и Африкою, мелькаювъ, какъ голубяшни
на обширномъ просяженіи, бастиды, бѣлые, чисшо
опшупкашуренные домики, куда купцы и ремеслен-
ники Тулонскіе обыкновенно опсправляювся кара-
ванами, на ослахъ и мулахъ, въ праздники, на сель-
скія пирушки и забавы. Яркіе цвѣта одеждъ, лю-
бимые всѣми южными жишелями, разнообразявъ въ
это время зелень пучнаго и богашаго произраспа-

нія. Между рядами фисшашковыхъ, дроковыхъ, алойныхъ, миршовыхъ, гренадныхъ и лавровыхъ кустовъ, вьющихся по всей горѣ, невольно останавливаешься любоваться на веселое кокетство и живописный нарядъ Провансалока. Изъ подъ юбочки, едва досигающей до икры, вы видишь прелестную маленькую ножку: эша мода годилась-бы, кажешься, только для нѣжныхъ и спройныхъ красавицъ нашихъ большихъ городовъ, но она старинная мода милостивыхъ Провансалока. И повѣрьте, что ихъ быстрые глазки не пропускаютъ вашего невольнаго изумленія ихъ красотѣ, не смотря на соломенную, или пуховую шляпку, съ огромными полями, кошорыя прихотливо колышутся при ускоренномъ ходѣ мула и защищаютъ бѣлизну лица отъ лучей пламеннаго южнаго солнца. Вечеромъ, вы увидите множество посѣщителей Тулонскихъ, въ порядкѣ, спройно и весело, возвращающихся въ городъ.

При первомъ взглядѣ, Тулонъ кажется чѣмъ-то безпорядочнымъ: улицы узки, площади неправильны; но за то они украшены водоемами, освѣжающими воздухъ въ лѣтніе жары. Множество гидравлическихъ работъ составляетъ роскошь города. Эти каменные бассейны, бронзированные мохомъ и зеленью, пробивающимися между каменьева — естественное украшеніе, сохраняемое изящнымъ вкусомъ обитателей и придающее фоншанамъ какую-то поэтическую форму — распространяютъ день и ночь благодѣтельную прохладу. Вообще дома въ Тулонѣ построены красиво. Площадь, называемая

Марсовымъ полемъ — мѣсто кроваваго возмездія, послѣ того, когда Французы испоргнули Тулонъ изъ рукъ Гуда и Сиднея Смиша — хороша, обширна и окружена двойнымъ рядомъ деревьевъ. — Не забудьте, бывши въ Тулонѣ, взглянуть на каріашиды, поддерживающія балконъ Городскаго Суда (*Hôtel de-Ville*), находящагося на широкой и прекрасной набережной, называемой *Quai des marchandes* (набережная Купеческая): эшо памятникъ забавнаго мщенія знамениаго Пюже — ему хопѣлось заплашишь за насмѣшку двумъ зависпникамъ, и онъ выспавилъ ихъ на вѣчное посмѣшище въ видѣ каріашидъ. — О Соборѣ Тулонскомъ нѣчего сказать — онъ ни чѣмъ не возбудишь любопытства художника. — Портъ Тулонскій и его принадлежности увлекають особенное вниманіе военнаго, моряка и просаго путешественника. Здѣшній портъ раздѣляется на двѣ части: одну, построенную при Генрихѣ IV-мъ, и предоставленную для военныхъ кораблей — эшо *старый портъ*; другую, предпринимающую и оконченную Людовикомъ XIV-мъ — эшо *новый портъ*; оба соединяются каналомъ, и крѣпости и валы, уставленные пушками, защищають превосходную эшу гавань, копорая не имѣетъ соперниковъ, по признанію самыхъ чужеземцевъ. Въ новомъ портѣ видише вы *понтонъ*, или суда, служащія жилищемъ для осужденныхъ на каторжную работу. Здѣсь заключено и содержишся ихъ около 4000 человекъ. Впрочемъ, большую часть сихъ несчастныхъ испоргають изъ сего ужаснаго жилища, употребляя ихъ на очищеніе фонтановъ, города

вообще, и на работы въ арсеналѣ и гавани. — Имя *Винцентія Поля*, и его евангельская добродѣтель, его подвиги на пользу осужденнаго на спраданія пресшупника, невольно приходящъ на память другу человѣчества, когда онъ осматриваетъ поншоны капоржныхъ въ Тулонѣ. . . . Увы! нѣтъ подражателей святому мужу, и образъ наказаній за пресшупленія, во Франціи, кажется, изобрѣшенъ для того, чтобы привесши грѣшниковъ не къ покаянію, но къ совершенному ошчаянію.

Тулонскій арсеналъ изумилъ даже и того, кто видалъ уже арсеналы въ Рошфорѣ, Бреснѣ и Шербургѣ. Пирамиды гранатъ, цѣпныхъ ядеръ, бомбъ образуютъ собою множество рядовъ, которыми раздѣляющся одинъ опъ другаго ряды тяжелыхъ морширъ, пушекъ и каронадъ. Въ обширныхъ магазинахъ спѣны убраны 20-ю тысячами ружей; копья, алебарды, пистолены симметрически расположены рядами; сабли, соединяясь оспрыми концами, образуютъ солнца и звѣзды на пополкахъ, а сполбы унизаны съ низу до верха, какъ будшо иглами, шшыками разныхъ родовъ. Аншикварій съ радостью оспановишся здѣсь передъ военною лѣшописью: она расположена по вѣкамъ, и въ каждомъ вѣкѣ найдешъ онъ все, чѣмъ испребляли другъ друга наши предки, начиная съ желѣзныхъ дубинъ Галлійскихъ дикарей, до блестящихъ лашъ временъ Рыцарства, до новѣйшаго ружья съ двойнымъ дуломъ. Перебирая въ головѣ воспоминанія, возбуждаемыя сими безчисленными орудіями смерти, невольно дивишесь, что на землѣ еспъ еще живые

люди ! — Изъ арсенала переходяшь на канашную фабрику: это зданіе въ 1600 фушовъ длиною ; сводъ его показываетъ смѣлую рѣшительность новой архипектуры. Здѣсь могутъ сучить вдругъ шесть якорныхъ канашовъ, и ежедневные опыты надъ разными родами матеріаловъ, новыми машинами для усовершенствованія и сокращенія работъ, доказываютъ спарашельность моряковъ Французскихъ объ этомъ родѣ промышленности, самомъ необходимомъ для мореплаванія. — Надобно также осмопрѣшь здѣсь сполярную, бочарную, лишейную для пушекъ, кузницы, гдѣ спо молошовъ вдругъ падають на пламенѣющія глыбы желѣза, пекарню, вѣчно заняшую рабошою, залу моделей, гдѣ можешъ изучишь всѣ роды кораблей и судовъ. Разсадникъ моряковъ образуешъ здѣсь, гошовый на опважныя предпріяшя, на поддержаніе чести Французскаго флага и распроспраненіе шорговли Французской по опдаленнымъ морямъ. — Въ превосходной верфи, построеной въ новѣйшее время Гроньяромъ, и образующей собою ящикъ въ 300 фушовъ длины и 100 ширины, можешъ разсмопрѣшь подробно, какъ починивають корабли, вдвинувши ихъ моремъ, и пошомъ разбирая на сухомъ пуши. Ворота сего ящика запираютья посредствомъ особеннаго успройства, въ видѣ опрубленнаго конуса; тяжешъ вдвигаетъ этотъ механизмъ въ плосныя рамы, шакъ, что никакая сила морскихъ водъ не можешъ его ниспровергнушь. Смѣлоснь постройки сего рода облегчило то, что въ Тулонской гавани нѣтъ ни прилива, ни оплива.

Приучаясь, такъ сказать, моими наблюденіями въ Тулонѣ къ моему продолжительному путешествію, я хотѣлъ видѣть и окрестности города, особенно спѣшилъ насладиться взглядомъ на маленькій городокъ и сады Іэрскіе (d'Hyères), отчизну Массильона. Очаровательное это мѣстечко, гдѣ, на прелестномъ мѣстоположеніи, Испанскій жасминъ, Левантская кассія и нѣжный померанецъ Португальскій сплешають вѣтви свои, наполняя воздухъ благоуханіемъ, представило мнѣ совершенную противоположность съ красотою ущелій Оліульскихъ — дикой долины, гдѣ былъ я за два дня, и гдѣ живы еще слѣды спрашныхъ потрясеній природы и древнихъ волканическихъ разрушеній. Еще можно, кажется, и теперь оплечишь слѣды широкихъ потоковъ лавы на разодранныхъ бокахъ горъ. Зрѣлище этой пущины, гдѣ карандашъ рисовальщика можешь схватишь спрашныя очерки, похожіе, то на разрушенныя пирамиды, то на крѣпости, развалившіяся отъ землетрясенія, изумляло меня: я не зналъ еще въ это время великолѣпія Тенерифскаго пика.

Насталъ день отъѣзда. Не безъ прискорбія оставилъ я друзей, кошорыми былъ окруженъ во все время крапкаго моего пребыванія въ южной Франціи. Пакетбошъ нашъ помчался изъ гавани при благопріятномъ сѣверномъ вѣтрѣ — городъ, портъ, окрестныя горы скрывались поспешенно отъ нашихъ взоровъ; на лѣво исчезли острова Іэрскіе, прежде столь цвѣтущіе и живописные, нынѣ безплодные и опустошенные. — Вниманіе наше

привлекъ фрегатъ , выходившій въ это-же время въ море на всѣхъ парусахъ , для присоединенія къ Французской эскадрѣ передъ Алжиромъ. Нѣсколько минушъ любовался я величественнымъ зрѣлищемъ , какое представлялъ эгошъ фрегатъ , разбивая волны морскія. Склоненный на бокъ , онъ шелъ горделиво и величественно. Бѣлая линія , означающая на бокахъ его рядъ пушекъ , пересѣкаемая многочисленными амбразурами , блистала отъ лучей солнца. Самые старые моряки испытываютъ живое чувство наслажденія , при видѣ корабля , плывущаго по морю. Какое-же сильное дѣйствіе долженъ производить на свѣжія чувства , на новое воображеніе видъ военного корабля , когда онъ мчится мимо насъ ! Вскорѣ фрегатъ обогналъ нашъ пакет-ботъ; съ приближеніемъ ночи , его корпусъ , паруса , мачты скрывались и скрылись наконецъ въ темныхъ волнахъ Средиземнаго моря.

Три дня плыли мы пошомъ , и ничего замѣчательнаго не было съ нами — кромѣ морской болѣзни , мучительной , которую испытываютъ не только путешественники , въ первый разъ пущившіеся въ море , но даже и старые моряки послѣ продолжительнаго пребыванія на землѣ , пока снова не привыкнутъ къ качкѣ и пошрясеніямъ корабля. Августа 8-го , проплывши 90 льѣ (*), мы завидѣли

(*) Французскія льѣ , морскія , бываютъ прокія , по 20, 22½ и 25 на градусъ , и равняются 5,555555 — 4,938272 и 4,444444 километрамъ , которыхъ полагается одинъ

Минорку, одинъ изъ острововъ Балеарскихъ. Гора Торо, съ ея шелеграфомъ, показала прежде всего. Не скажу многого о впечатлѣніи, какое произвелъ на меня Магонъ, портъ сего острова: онъ совсѣмъ не оправдываетъ той идеи, которую составляютъ себѣ объ немъ по разсказамъ Кардинала Репица. Остроумный Кардиналъ уподобляетъ зрѣлище Магона Опернымъ декораціямъ; по этому одному, я готовъ на половину не вѣрить разсказамъ щеголевашаго Кардинала. Нашъ Капитанъ далъ мнѣ однакожь замѣтить превосходное расположеніе порта Магонскаго. Природа все сдѣлала здѣсь для того, чтобы люди могли устроить по слѣдамъ ея надежное пристанище кораблямъ, далеко превосходящее славный Карфагенскій портъ въ Испаніи. Важную пользу могли-бы извлечь изъ здѣшней пристани Испанцы, если-бы только думали они извлекать изъ чего нибудь пользу. Въ случаѣ войны съ Франціею, съ Африканскими или Итальянскими государствами, беспрашные крейсера вдругъ могли-бы явиться изъ Ивисы, Пальмы и гаваней Минорки, и разсыпаться по Средиземному морю, готовые спастись отъ превосходной силы непріятеля въ Магонъ, среди утесовъ, едва покрытыхъ водою и защищающихъ гавань отъ приближенія большихъ кораблей. Такимъ обра-

на 1000 метровъ. Наша верста составляетъ 1,067130 километра. Сухопутная льѣ заключаетъ въ себѣ 2000 тувъ, или 3,898073 километра. Прил. Пер.

зомъ , Балеарскіе острова могли-бъ бытъ щипомъ для Испанскаго полуострова. Недовольная Гибралтаромъ , Англія всегда пополамъ съ горемъ уснула, послѣ неудачъ, или по мирнымъ договорамъ , эшомъ важный военный пунктъ , которымъ успѣвала овладѣвать уже нѣсколько разъ и откуда можеть она угрожать Испаніи и Франціи. Каждый разъ , при сдачѣ Балеарскихъ острововъ, она срывала укрѣпленія ихъ и уничтожала пушки , если не могла ихъ увезти. Приписываютъ Андрею Доріа , сопернику славнаго Аріадана Барберуссы и избавишелью Генуи , слова, сдѣлавшіяся пословицею у моряковъ, что « Іюнь , Іюль , Августъ и Магонъ суть лучшіе порты на Средиземномъ морѣ.» Магонъ былъ складкою Индійскихъ товаровъ до открытія Португальцами пути въ Индію около Африки; эшо нанесло въ основаніи ударъ Порту-Магону ; другою споль-же губительный ударъ его процвѣтанію произвело изгнаніе Мавровъ изъ Испаніи. Госпиталь, лазаретъ , карантинъ и арсеналь занимають чешыре небольшіе острова, находящіеся въ Магонской гавани. Входъ въ эту гавань задвигаютъ два мыса , и человекъ почти ничего не прибавилъ къ ея улучшенію. Она никогда не можеть подвергнуться засоренію, ибо ни одна рѣка не впадаетъ въ нее. — Благодаря возвышенному положенію на утесахъ , господствующихъ надъ портомъ , воздухъ въ городѣ Магонѣ весьма чистъ , но поспройка города на этихъ утесахъ , иногда обваливающихся къ берегу , кажется чѣмъ-то спраннымъ и опаснымъ. Скалы грозно возвышаются надъ дома-

ми, худо расположенными, но снаружи красивыми и живописными. По черепичнымъ, наклоненнымъ крышкамъ домовъ, дождевая вода спекаетъ въ водохранилища, изсѣченныя въ утесахъ; она могла бы загнивать въ нихъ, но, говоряшъ, будто жишели легко опивающъ это, бросая шуда зеленныя миршовыя вѣшви. — Можете вѣришь и не вѣришь разсказу. Монашпыри, Городской Судъ, домъ Губернашора — зданія жалкой архипешкшры. Улицы вообще нечиспы, вымощены мѣлкимъ кремнемъ, узки и несносны для пѣшеходовъ. Гульбище, на кошоромъ нѣсколько деревьевъ, искривленныхъ вѣшромъ, и кошорымъ, не знаю почему, гордяшся Магонцы; наконецъ, довольно красивый, но дурно окруженный плацъ-парадъ — вошъ почти все, что можете замѣшишь въ Магонѣ, споль живописно предспавленномъ въ запискахъ Кардинала Респца.

Сспрабонъ изображалъ Балеарцевъ его времени людьми миролюбивыми, но храбрыми. Безъ сомнѣнія, первобышныя здѣшнїе шуземцы должны спвовали смѣшивашъся съ поселеніями Иберійскими, убѣгавшими сюда опъ Ссеговъ и Вандаловъ. — Мнѣ показывали собраніе монешъ, найденныхъ на Миноркѣ. Если вѣришь здѣшнимъ аншикваріямъ, можно-бы исчислишь многіе народы, по-Омировски, исчисляя шѣхъ, кошорые приходили зарывашъ здѣсь свои сокровища. Гораздо вѣрояшнѣе приписывашъ богатштво разнообразныхъ, находимыхъ здѣсь монешъ разбойникамъ Средиземнаго моря, или промышленности Жидовъ, производящихъ выгодную торговлю спаринными монешами. Какъ-бы то ни

было, но судя по собраніямъ здѣшнихъ аншикваріевъ, Финикіянъ, Карфагенянъ, Римлянъ, Мавровъ, Капалонцевъ — всѣ приходили плашши какую нибудь дань землѣ Минорки, скрывая въ ней свои сокровища. Если-бы надобно было подшвердить преданія разсмотрѣніемъ языка Балеарцевъ, то въ немъ нашлось-бы сильное этому доказательство: трудно разобрать Вавилонское смѣшеніе языковъ Сирійскаго, Греческаго, Римскаго, Арабскаго, Капалонскаго, Лангедокскаго, какое находите въ Балеарскомъ языкѣ; Лангедокскій преимуществуеши однакожь надъ всѣми другими. Что касается до народа, происшедшаго отъ столькихъ смѣшеній, всего болѣе упрекаюши его путешественники въ лѣнності. Впрочемъ, Балеарцы весьма вѣжливы, но угрюмы и недоступны. Ихъ холодная важность разогрѣвается тогда только, когда они соберутся толпою вокругъ какого нибудь хорова, оживленнаго быспрымъ *фанданго*, любимую здѣшнею пляскою, подъ звуки гишары, на копорой, какъ будто опчаянный, играетъ концами пальцевъ какой нибудь плясунъ, или въ праздники Св. Іоанна и Св. Пепра, когда бываюши здѣсь скачки на ослахъ, и когда моряки, находящіеся въ здѣшнемъ портѣ, забавляюши зришелей своими играми.

Одежда здѣшнихъ паспуховъ опзывается древними нравами предковъ. Шапки, на корошко оприженныхъ волосахъ, и широкія шаравары изъ козлиной кожи, полукафтанье въ родѣ Римскаго *sagum* и тяжелые башмаки — вошъ ихъ обыкно-

венное одѣяніе. Въ праздничное время, они надѣвають черную шапочку, *фрезъ*, разброшенный на грудь и плеча, и шляпу съ огромными полями, поднятыми съ правой и съ лѣвой стороны. Женщины, безъ различія званій, всѣ носятъ обыкновенно *ребозилло*, съ тою разницею, что его дѣлають изъ самой грубой шкани и изъ дорогихъ кружевъ: это родъ манильи, съ фалбалами и фестонами, которая накрывается голову, завязывается на подбородкѣ лентами, падаетъ назадъ и образуетъ пошомъ крестообразно на груди два конца, сложенные одинъ на другой. Прелесные волосы здѣшнихъ женщинъ, иногда падающіе даже до колѣнъ — *поддѣльные*, и мы слышали, что бѣдные щеголихи по деревнямъ, стараясь увеличивать объемъ волосовъ, вплетаютъ въ нихъ даже коровьи хвосты. Чешки, медальоны, съ портретами родныхъ, или съ образами, надѣваются подъ ребозилло. Корольки, ожерелья, всякія галантерейныя бездѣлки — любимое украшеніе Балеарокъ. Ничего не можешь быть непріятнѣе и некрасивѣе ихъ одѣянія праздничнаго, которое душишь ихъ у горла, и изъ подъ кошораго выставляются голыя, довольно часто худыя, шющія руки.

Озданное во власть Каполическихъ монаховъ, воспитаніе здѣсь вовсе ничужно; въ училищахъ слѣдуютъ стариннымъ, давно брошеннымъ методамъ, продолжающимъ до безконечности ученіе, самое схоластическое и педантское. Чтеніемъ Лапинскаго молитвенника оканчивается наука во многихъ школахъ, не смотря на то, что нѣкогда ученость Аравианъ славилась на здѣшнихъ осп-

ровахъ и Англичане бывали здѣсь повелишелями. Шитье, вязанье чулковъ, чтеніе молишвъ ограничивающъ всѣ знанія женщинъ. Когда Французскіе эмигранты, во время ужасовъ Революціи, искали здѣсь убѣжища, и хошѣли съ пользою для себя и другихъ употребить свои дарованія и ученіе, особеннымъ повелѣніемъ изъ Мадриша имъ строго запрещено было вмѣшиваться въ образованіе обывателей.—Земледѣліе здѣсь самое грубое; торговля ничтожна. Шерстяные ковры, одѣяла и пояса, кой-какія издѣлія наборныя, съ узорами, стекло для домашняго обихода, перегонныя заведенія, особенно для розоваго и изъ померанцевыхъ цвѣтовъ масла — вошъ почти вся промышленность Балеарцевъ. Подробноспи эпи слышалъ я, во время краш-каго нашего пребыванія въ Магонъ, опъ Француза, фабриканша, здѣсь поселившагося. Его нововведенія по части промышленности возбуждающъ зависть и негодованіе шудемныхъ соперниковъ, но за шо награждающъ его барыши.

ГЛАВА II.

КАБРЕРА. — ИСПАНСКІЕ БЕРЕГА. — ГИВРАЛЬТАРЪ.

Мы осшавили Магонъ 11-го Августа. Вскорѣ проплыли мы мимо острова *Кабрера*, на югъ отъ Майорки: это груда голыхъ, утесистыхъ скалъ, около 4-хъ миль пространствомъ; между скалами находящяся дикія долины. Но Кабрера памятенъ для Француза: здѣсь было мѣсто заключенія несчастныхъ плѣнниковъ, захваченныхъ въ Испаніи. Желая показать ужасное состояніе этихъ злополучныхъ людей, мы приведемъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ описанія Г-на Дюперре, который посланъ былъ, вмѣстѣ съ другими, по заключеніи мира въ 1814 году, для взятія и отвоза во Францію плѣнныхъ съ острова Кабрера:

«Мы бросили якорь въ маленькой гавани, на сѣверной сторонѣ острова; полугнилой Испанскій фрегатъ составлялъ морскую стражу, а что-то похожее на крѣпость, гдѣ жили человекъ сорокъ солдатъ Испанскихъ, сухопутное охраненіе плѣнниковъ. При видѣ нашего флага, возвѣщавшаго имъ освобожденіе, худые, изможденные спрадальцы взлѣзали на скалы, спускались съ нихъ, и съ кри-

комъ изскупленной радости бѣжали на морской берегъ. Многіе, копорымъ мысль о прекращеніи неволи дала какую-то необыкновенную силу, бросались вплавъ къ нашему кораблю; они были принимаемы со всевозможнымъ состраданіемъ, равнявшимся чувству негодованія, возбужденному жалостнымъ состояніемъ нашихъ земляковъ. Обхождение съ ними Испанцевъ походило на жестокосердое обращеніе съ плѣнниками въ Среднія времена: шакъ народная ненависть, копорую возбуждала въ Испанцахъ война съ Французами, изгнала изъ сердце ихъ чувство великодушія, какимъ всегда они славились. Изъ 19,000 Французовъ, брошенныхъ на безплодныя скалы Кабрерскія послѣ несчастной Байленской капитуляціи, погибло здѣсь — 16,000 ! Ужасъ голода и жажды доводилъ иногда сихъ изгнанниковъ до безчеловѣчія людоѣдовъ Австраліи. Разсказъ о бѣдствіяхъ ихъ, въ теченіе шестидлѣшъ плѣна, заславлялъ насъ невольно содрогаться; мы шѣснились съ изумленіемъ вокругъ людей, пережившихъ подобныя спраданія. Когда мы прибыли къ Кабреру, около 200 человекъ, въ помѣшательствѣ умственномъ, скипались по неприспуннымъ утесамъ острова и жили въ пещерахъ, какъ дикіе звѣри; шоварищи ошскивали сихъ несчастныхъ, принося имъ пищу, бѣдную и недоспащочную. Всѣ они были полунагіе, въ лоскутьяхъ. Когда мы собрали наконецъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ плѣнниковъ, и объявили имъ, что присланы по повелѣнію Короля, для узнанія, сколько судовъ пошребно на немедленную перевозку ихъ въ ошечество — ра-

доспѣ ихъ походила на бѣшенство ; они зажгли свои бѣдныя хижины, служившія для нихъ до сего времени убѣжищемъ. Наспала ночь, и горящія приспанища несчастныхъ земляковъ нашихъ казались иллюминаціею, зажженною ими для праздника освобожденія. Мы также хошѣли показати участіе въ ихъ радости, зажгли фонари на кораблѣ, и пушечными выстрѣлами отвѣчали на вопли восшорга, оглашавшіе негоспепріимный берегъ Кабрера. Испанскій фрегатъ не оспсалъ оспъ насъ.....Мая 16-го 1814 года Кабрерскіе плѣнники осплыли въ Марсель».....

Оспавивъ гибельныя скалы Кабрера, недалеко оспъ узкаго пролива, оспдѣляющаго Ивису, сполицу Пишіускихъ оспрововъ оспъ оспрова Форментера, мы были задержаны прошивнымъ западнымъ вѣтромъ, и лавировали нѣсколько дней. *Ивиса* и окресшныя оспрова именующіяся *Питіускими*, оспдѣльно оспъ собспвенно - *Балеарскихъ*, Майорки и Минорки. Оспровъ *Форментера* получилъ свое названіе оспъ богашыхъ пажисей своихъ.—Еспесспвоиспытатель, бывшій съ нами на пакетбошѣ, занимался сборомъ на поверхности моря спранныхъ *молюсковъ*, и спѣшилъ списывать ихъ, ибо эши спудениспыя, скоро-гибнущіе обипашели моря, мгновенно умирали, разлученные съ родною спихіею.—Насъ оспанавливали нѣсколько разъ корабли, блокирующіе Алжиръ. Вдалекѣ видѣнъ былъ эшотъ пришонъ Варварійскихъ хищниковъ. Треугольною формою и бѣлыми зданіями, распавленными на ушесиспыхъ скалахъ длиннаго мыса, низъ кошораго

покрытъ былъ зеленью, *Алжиръ* походилъ на парусъ расшнурованный на мачтѣ, поставленной среди зеленеющей пажити.

Вѣтеръ вдругъ перемѣнился и подулъ съ востока. Насъ быстро понесло къ Палосскому мысу, длинному пропятию земли около береговъ Мурційской области; со стороны материка задвигаются сію область Гренадскія горы, и этакъ берегъ справедливо называютъ *садомъ Испаніи*. Смотря на цвѣшущія долины сей благословенной земли, Капишанъ пересказывалъ мнѣ свои замѣчанія, въ которыхъ видѣнъ былъ характеръ Англичанина и Протестанта. «Земля здѣсь такъ-же хороша, какъ жалко нравственное состояніе ея жителей—говорилъ онъ.—«Главное препятствіе всякому успѣху народнаго общежитія составляетъ въ здѣшней сторонѣ удивительное суевѣріе. Вообразишь, что было, когда, лѣтъ 15-ть тому, вздумали освѣщать фонарями улицы въ Каршагенѣ, Малагѣ, Мурціи: народъ, возбужденный торговцами восковыхъ свѣчъ, думалъ, что это изобрѣшеніе ерешниковъ; что эскимъ хотѣя уничтожить усердіе набожныхъ людей, почитающихъ обязанностію покупать каждый вечеръ восковыя свѣчки и ставить ихъ передъ маленькими часовнями, построенными на улицахъ, почти на каждомъ шагу—единственное освѣщеніе Испанскихъ городовъ! Волненіе сдѣлалось общимъ; народъ собрался толпами, и перебилъ всѣ фонари, поставленные по улицамъ. Но съ такою слѣпою ревностію ко всему, что кажется жителямъ покушеніемъ противъ ихъ набожности,

они соединяють лѣность, сродную вообще Испанцамъ, но только въ величайшей степени. Не смотря на прелестныя мѣста для прогулокъ, жители остаются по домамъ неподвижные: ѣдятъ, спятъ, курятъ сигарку, и — только. Два рода прогулки извѣстны жителямъ — къ духовнику и къ *стратегу*, пошому, что жители Мурціи, сколько набожны и суевѣрны, столько-же и охотники до шажебъ. Суевѣріе произвело въ нихъ рѣшительную умственную бездѣйственность, изгнало музыку, танцы, искусства и ученіе. Бой быковъ и споры о таинствахъ религіи занимаютъ всю умственную дѣятельность. Только въ Карпагенѣ заведены училища, и то для образованія Королевскихъ морскихъ офицеровъ. Бездѣйствіе, *ѣда* и *сіеста* (*) — вотъ кумиры, владычествующіе въ здѣшней споронѣ. Торговля совершенно въ рукахъ иностранцевъ: ею занимаются Французы, Англичане, особенно Неаполитанцы; они пріѣзжаютъ въ Карпагенскій портъ, берутъ шерсть, шелкъ, издѣлія изъ бумаги, соду, превосходной доброшы, въ обменъ за кружева, желѣзные подѣлки, пряности. Слѣды дѣятельныхъ Аравианъ остаются на землѣ Мурціи, какъ давнее воспоминаніе среди развалинъ. Ненависть къ Музульманамъ и изгнаніе Мавровъ разрушили духъ промышленности, дышавшій полною жизнью подъ покровомъ терпимости. Но древніе основатели прекраснаго города Гренады занимались не одною только промышленностью:

(*) *Siesta* — отдыхъ во время дневнаго зноя въ Испаніи.
Примѣч. Пер.

склонность къ наукамъ и художествамъ, покровительствуемая просвѣщеннымъ вниманіемъ Мавришанскихъ государей, основывала здѣсь училища, школы, библіотеки. Въ Эскуріалѣ шлѣются шеперь книги, ошняящія у Мавровъ, а Альгамбра — эшо чудо Мавришанскаго зодчешва, разваливается ошъ небреженія (*). Но Испанія прекрасна природою — она ждетъ только своего великаго человека, что-бы среди другихъ Европейскихъ народовъ занялъ досшойное мѣсто, освободиться ошъ ига Инквизиціи и суевѣрія, и сбросить оковы лѣноши и умшвеннаго бездѣйствія, выкованныя изъ Перуанскаго золота и погубившія истинное богатштво народа.»

Мы снова выплыли въ открытое море, и удаляясь ошъ Карпагены перешли обширное пространштво моря, покрытое мѣлкою соломой и колосьями, кошорые несеютъ печеніемъ: эшо явленіе естъ свидѣтельштво морскаго печенія ошъ востока къ западу. Мы увидѣли Гашскій мысъ. Въ пять часовъ ушра на другой день, вѣтеръ сдѣлался восточный, и мы были въ 3-хъ миляхъ ошъ ошровка *Алборана*. Онъ низокъ и покрытъ спелющимися расшеніями. Гоеланы (**) спадаями лешали и кричали надъ нашимъ кораблемъ; никто не оспориваетъ у нихъ

(*) *Эскуріалъ*, монастырь, увеселишельный дворецъ и мѣсто погребенія Испанскихъ Королей, близъ Мадрида. *Альгамбра*, дворецъ Мавришанскихъ государей въ Гренадѣ. *Примѣт. Перев.*

(**) *Водорѣзъ* (goélans), морская птица. *Примѣт. Перев.*

владычества надъ сею пустынею. — Западный вѣтеръ остановилъ здѣсь наше успѣшное плаваніе, и нѣсколько дней должны мы были лавировать противъ сильныхъ теченій между берегами Андалузій и Марокко, ожидая благопріятнаго вѣтра для перехода черезъ проливъ Гибральтарскій. Западные вѣтры иногда недѣль по шести запирають эпошь проливъ для кораблей, желающихъ переплыть изъ Средиземнаго моря въ Атлантическій Океанъ. Ученые занимались множествомъ изысканій, стараясь объяснить затрудненія, встречающія мореплавателей въ семъ проливѣ. Не смотря на вліяніе воды изъ Чернаго моря, столько рѣкъ и рѣчекъ Европы, Азіи и Африки, полагають, что изъ Атлантического Океана есть сильное теченіе въ Средиземное море. Доказательствомъ сему приводятъ огромное стремленіе по морской поверхности, занимающее самую средину пролива отъ запада къ востоку, когда отъ востока къ западу стремятся въ проливъ только два крайнія, и то слабыя теченія. Ученый Папренъ предполагалъ, что дѣйствіе солнца освобождаетъ Средиземное море отъ излишней воды, а дѣйствіе вулкановъ отъ излишества солей морское дно, которое безъ того было бы обременено ими. Но по мнѣнію Мальтебрёна, видимосць теченія изъ Атлантического Океана объясняетъ всю задачу, ибо она есть только поверхностная и обманчивая, будучи производима силою подводною огромнѣйшаго теченія отъ востока на западъ, изъ Средиземнаго моря въ Атлантическій Океанъ.

Августѣ 19-го, легкій вѣтерокъ начался съ 4-хъ часовъ утра, и передъ нами открылись вершины горы *Гибралтарской* и горы *Обезьянь*, эшихъ древнихъ *Столповъ Геркулесовыхъ*, гдѣ оканчивался міръ Грековъ. Мы получили надежду выйдти вскорѣ изъ предѣловъ Средиземнаго моря. Надобно было удалиться отъ громаднхъ утесовъ, называемыхъ *воротами Европы*, и возвышающихся надъ водою болѣе нежели на 1500 футовъ. Въ срединѣ, какъ будто у опрокинутой песочницы, утесы образуютъ закраину, обломки кошорой падаютъ въ волны морскія. Прелестная деревенька находится на краю эсихъ обломковъ; шутъ-же и ферма, принадлежащая Англійскому Губернатору. Огромная глыба Гибралтарской горы возвышается ошроко-нечно надъ эшими жилищами, брошенными къ ея подошвѣ. Изъ тысячи амбразуръ, едва замѣтныхъ для зрѣнія въ расщелинахъ утесовъ, могутъ мгновенно загремѣть громы, и огонь и смерть разольются на корабли, дерзающіе плыть мимо Гибралтара. Мы пересѣкли морское печеніе при помощи благопріятнаго вѣтра, и Гибралтаръ остался у насъ сзади. Другіе корабли шли по слѣдамъ нашимъ; мы спали на якорь въ 20-ти брассахъ отъ берега, въ губѣ Гепарезской, за мысомъ Карнеро, недалеко отъ лазарета. Мысъ Санъ-Гарсія, съ его башнею, скрывалъ отъ нашего зрѣнія Алхезирасъ. Неперпѣливо желая выйдти на землю, мы рѣшились прогуляться къ Каза-Марселло, опличавшейся бѣлизною своею среди густой зелени возвы-

шеній. Великолѣпное зрѣлище залива раскрылось передъ нами.

По своей необыкновенной обширности, эшотъ заливъ достоинъ особеннаго вниманія. Цѣль горъ составляетъ его окруженіе. На западъ, его ограничиваютъ *Гибральтаръ* и проливъ Гибральтарскій; къ сѣверу цвѣшущія пажити, ниже деревни Сень-Рока, при подошвѣ очаровашельнаго холма, гдѣ тысячи фіалокъ цвѣшутъ и благоухаютъ подъ защитою розовыхъ и жасминныхъ кустовъ. Мѣсто для стоянія кораблей въ портѣ превосходно. *Алхезирасъ* и мысъ Карнеро суть западныя почки залива.

Генуэскіе изгнанники, одѣтые по обычаю здѣшнихъ шуземецевъ, явились къ намъ и заговорили съ нами по-Французски. Спранная участь! Лишенные опщизны, они поселились здѣсь и занимающіяся разведеніемъ винограда. Одинъ изъ нихъ вызвался быть пушеводишелемъ нашимъ по окрестностямъ. Перешедъ черезъ виноградники, хорошо обработанные, мимо аловыхъ и пальмовыхъ кустовъ, окружающихъ дорожки по холмамъ, мы достигли самой возвышенной части окрестностей. Увлекательный видъ наградилъ насъ за усталость. Пушеводишель указалъ намъ, между утесами Зеленаго острова и башнею Вилла-Вьеха, мѣсто битвы, гдѣ, 4 Іюля 1804 года, Коншръ-Адмиралъ Линуа, захваченный внезапно непріятелемъ, которому благопріятствовалъ воспочный вѣшеръ, не имѣя удобствъ выбрать мѣсто дѣйствія, ни возможности удалиться, подъ пушками Гибральтара рѣшил-

ся на бивву и съ чesтью выдержалъ ее. Онъ примкнулъ линію сраженія къ Алхезирасу, видя непріателя, вызваннаго сигналами Гибральшара ошъ блокады Кадикса. Французская эскадра состояла изъ шрехъ кораблей и одного фрегата; на нее напали семь линейныхъ кораблей. Французы сбили мачшы на шрехъ корабляхъ, убили и взяли въ плѣнъ 4,500 чelовѣкъ, и принудили Сира Джемса Саумареца бѣжать подъ защиту Гибральшарскихъ баштарей, оставя побѣдишелямъ 74-хъ - пушечный корабль. Бѣдшвенны были послѣ того лѣшописи Французскаго флoша; шѣмъ памяшнѣ это блестящее дѣло.

Городъ Алхезирасъ обязанъ своимъ происхожденіемъ Аравишянамъ. И шеперь еще видны ошашки первоначальной крѣпости, воздвигнушой ими на здѣшнемъ берегу. Алхезирасъ худо посшавленъ, бѣденъ, унылаго вида. Выбѣленные дома его разбросаны безъ порядка. Водопроводъ, идущій черезъ рвы, снабжаетъ фoшаны его водою. Съ ушесисшой вершины окресшныхъ горъ, огромные орлы, обиташели поднебесья, спускающяся величешвенно на пажиши долинъ, или паряшъ въ безконечность облаковъ. День былъ праздничный, но мы видѣли земледѣльцевъ, подбиравшихъ каменья съ земли, кошорую хошѣли они пошомъ пахашъ. Въ рукахъ каждаго изъ нихъ были чешки. На замѣчаніе, сказанное мною одному, что онъ работаешъ въ праздникъ — « Чшожь дѣлашъ » — ошвѣчалъ онъ — « мы бѣдны; Богъ простишъ насъ. » — Пушеводишель нашъ замѣшилъ, что эшому вѣришъ не лзя: Алхезирасъ ешъ мѣсто убѣжища коншрабандисшовъ,

кошорые стараются привлекать къ себѣ всѣхъ , кого попало , негодяевъ и бездѣльниковъ , спасающихъ жизнь свою опъ преслѣдованій правосудія. — Мы отправились опсюда на лодкѣ въ Гибральтаръ.

Онъ возвышается амфиатеатромъ , къ сѣверо-западной споронѣ , на полуостровѣ , просширающемся далеко въ проливъ. Обширные сады идушъ опъ перваго города , оканчивающагося спаринною площиною , и просширающся вдоль морскаго берега до южной оконечности , гдѣ находихся множество новѣйшихъ зданій , образующихъ собою второй городъ. Начальникъ порта поспребовалъ опъ насъ свидѣтельсхва о томъ , что мы плывемъ изъ благополучнаго мѣста; впрочемъ , это одинъ обрядъ , не весьма строго соблюдаемый. Мы вышли на новой плошинѣ , заставленной шѣлегами и снарядами для выгрузки кораблей , оспанавливающихся въ портѣ. Здѣсь замѣшили мы между прочимъ желѣзныя машины , превосходнаго устройства , поднимающія величайшія тяжести.

Въ виду сей грозной оконечности Европейскаго материка , я привелъ себѣ на память различныя наименованія , какія попеременно носили эти скалы , ознаменованныя споль многими событіями. Подъ именемъ *Калле* , они свидѣтельсхвуютъ о существованіи баснословнаго Геркулеса , кошорый , оподвинувъ въ Африку другую гору , *Абилу* , соединилъ два моря проливомъ. Я вспомнилъ чипанное мною въ *Одиссеѣ* , что Улиссъ въ одинъ день проплылъ опъ острова Калипсы , находящагося на

порогъ Апланшическаго Океана, до ужаснаго пролива Мессинскаго, гдѣ воюшъ и бушующъ Харибда и Сцилла (*). Для такого чудеснаго путешествія, по пространству, заключающему въ себѣ, въ прямой линіи, не менѣе 24-го градуса, въ самомъ дѣлѣ надобно было покровительство Минервы. Оспавляя мифологическія преданія, я воображалъ себѣ побѣдительное поколѣніе Музульмановъ, предводимыхъ безспрашнымъ искашелемъ приключеній *Тарихомъ*, въ 712 году отъ Р. Х. переходящее въ семь мѣсѣ на Европейскій материкъ. Покорители непобѣдимой крѣпости, преданной въ руки ихъ злобою Графа Джюліана, мстившаго послѣднему Готтескому Королю Испаніи Родерику, за безчестіе своей дочери, эшой красавицы Флоринды, эшой славной въ Испанскихъ романахъ, Музульмане дающъ имя своего полководца неприспуннымъ скаламъ Калпе. Изъ эшого названія—*Gebel Tarikh* (гора Тариха), Европейцы составили пошомъ имя Гибральшара (Гебль-шархъ). Мечъ Испанцевъ мстишъ Музульманамъ за ихъ побѣды; Инквизиція истребляешъ ошашки ихъ, и Гибральшарръ подъ власнію Испанцевъ. Они обладаютъ имъ до войны за Испанское наслѣдство въ 1704 году. Тогда Англія силишся вырвашъ Гибральшаръ изъ рукъ ихъ, и пока Жоржъ Рукъ, повелѣвая соединенными флотами

(*) Водоворотъ въ проливѣ между Италією и Сицилією, гдѣ, по Мифологіи Древнихъ, обитало страшное чудовище Сцилла. *Прим. Пер.*

Англии и Голландіи, бесполезно бросаетъ 15,000 бомбъ и ядеръ прошивъ швердынь Гибральшара— нѣсколько пьяныхъ маэпрозовъ, на маленькой шлюпкѣ, дарящъ его побѣдою, а Англию однимъ изъ важнѣйшихъ ея завоеваній. Безразсудство высадки эшихъ смѣльчаковъ сначала заставляетъ Испанскихъ защитниковъ смѣяться; но они приспѣваютъ къ спарой плошинѣ и овладѣваютъ укрѣпленіемъ. Въ двойномъ упоеніи, грогомъ и успѣхомъ, смѣльчаки укрѣпляются; красная куршка, вздѣтая на палку, служишь имъ вмѣсто знамени, къ которому спѣшатъ присоединиться другіе, изумленные удачею, и предъ которыми пали гордые знамена Каспилии и Леона, вѣявшіяся на швердыняхъ Гибральшарскихъ. Упрехтскій прахпанъ укрѣпилъ Англии эту дерзкую удачу, которой сначала не умѣли оцѣнить надлежащимъ образомъ. Съ тѣхъ поръ, флагъ Бришаніи виситъ на швердыняхъ Гибральшара, не смотря ни на какія усилія Франціи и Испаніи.—Во время Американской войны, испанскія приготовленія и неудачное расположеніе осады заставили Францію исплатить милліоны на несбыточное завоеваніе Гибральшара. Храбрость Французскихъ солдатъ и моряковъ щещно боролась здѣсь прошивъ непоколебимости военнаго генія Эллиота. Съ тѣхъ поръ, Англія горделиво указываетъ на Гибральшаръ, и увѣрена, что не смотря на зависъ сосѣдей, она вѣчно сохранитъ въ рукахъ своихъ этотъ ключъ Средиземнаго моря.

Наружность Гибральшара уже даетъ выгодное понятіе о порядкѣ, какой наблюдается въ спѣнахъ

его, и довольствѣ его обитателей. Англійскіе гренадиры, въ своихъ блестящихъ военныхъ мундирахъ, охраняють городскія ворота. Дома, построенные изъ кирпича и камней, оплечаются опрятностью; улицы, украшенные пропшуарами, оживлены движеніемъ толпы въ многоразличныхъ одеждахъ. Простолудины, большею частью Испанцы, въ своемъ характерномъ костюмѣ, наиболѣе заняты извозничесствомъ. Толпа Жидовскихъ торгашей, одѣтыхъ по Восточному, босыхъ, съ наружными признаками бѣдности, бѣгаетъ по городу, и представляетъ каждому новопріѣзжему разные шкани, развертываетъ ихъ, и словоохотливые продавцы, не смотря на свой носовой выговоръ, расхваливаютъ товаръ свой въпрѣчному и поперечному. Жидовки носятъ здѣсь длинные плащи изъ краснаго сукна, обшитые чернымъ бархатнымъ лизере, съ капишономъ на головѣ. Легко замѣтишь, что эта одежда, расположенная съ большимъ кокетствомъ, едва прикрываетъ обычную неопрятность сыновъ Іудиныхъ. Генуэзецъ узнаетъ по ихъ вѣжливости. Англичане шаковы-же въ Гибральтарѣ, каковы въ Лондонѣ и вездѣ; ихъ нарядъ изысканъ, и подъ солнцемъ почти Африканскимъ, сохраняютъ они всю строгость своего Бришанскаго туалета.

Это соединеніе различныхъ народовъ даетъ Гибральтару почти 20 тысячъ жителей; Жидовъ въ семь чиселъ будетъ около трети. Управление здѣшней колоніею прежде было рѣшительно военное, но теперь гражданская часть отдѣлена. Благодаря

духу терпимости, издавна составляющему основание Английской политики повсюду, кроме Ирландии, Гибралтаръ сдѣлался неуправляемою землею, гдѣ согласно уживаются Протестанты и Капоники, нисколько не думая тревожить и Жидовскихъ синагогъ. Не безъ удивленія видишь, что изъ числа кладбищъ сихъ трехъ исповѣданій, Каполическое содержишь хорошо, но Жидовское болѣе всѣхъ оплещается порядкомъ и чистотою. Остроумный Французскій путешественникъ, Г-нъ Делабордъ, предрекалъ, что Гибралтаръ превратится со временемъ въ царство Жидовъ. Дѣйствительно, множество ихъ переселяется сюда съ своимъ имѣніемъ, стараясь убѣгать отъ непереносимости Испанцевъ. Въ Гибралтарѣ не видишь ни нищихъ, ни бродягъ, ни площадныхъ ворожей, которыми усыпаны всѣ окрестности Гренады и Севиллы. Здѣсь всѣ заняты мѣной, торговлей, а всего болѣе контрабандой. Изъ дѣловыхъ людей надобно однакожь исключишь *Хитановъ* (Gitanos), или Цыганъ, бродящихъ бездѣльниковъ, у которыхъ нѣтъ ни Бога, ни опечесства. Они пользуются легковѣріемъ благочестивыхъ Каполиковъ, позволяя имъ безпрестанно уговаривать себя креститься, и повторяя такой промыселъ двадцать разъ въ жизни, въ разныхъ мѣстахъ, потому, что воспріемники всегда дарятъ ихъ послѣ этого. Колдуны и лошадиные лекаря, Хитаны опыскиваютъ ворожбою украденныя вещи, лечатъ скопину отъ наговора, и за нѣсколько копѣекъ пляшутъ безъ памяти самыя соблазнительныя танцы, передъ ко-

шорыми никуда не годишься сладоспращное Испанское фанданго. Пляски ихъ, на каждомъ гуляньѣ, суть почти единственное увеселеніе здѣшнихъ жишелей. Однакожь Англичане устроили здѣсь шеапръ, кошорый разшевеливаетъ немного ихъ природную угрюмость.

Во время нашего пребыванія въ Гибральшарѣ, западные вѣшры, удерживавшіе насъ сполько времени въ проливѣ, произвели сильныя лихорадки. Англичанинъ лекаръ сказывалъ мнѣ, что изъ 6,000 человекъ гарнизона, кошорый удвоивается во время войны, по крайней мѣрѣ чешвертая часть всегда бываетъ подвержена сей болѣзни. Желая показъ намъ все, что дѣлается чешъ духу порядка и промышленности его народа, лекаръ эшошъ предложилъ мнѣ на другой день осмошрѣшъ крѣпость во всѣхъ подробностяхъ. Намъ оспавалось еще прожигъ около двухъ сушоекъ, и я согласился. Вечеромъ были мы у Губернашора, гдѣ Англійскіе офицеры занимающа раззорительною игрою.

На другой день, я и другіе пассажиры, были представлены Плацъ-Маіору. Онъ принялъ насъ весьма ласково, и далъ намъ въ проводники аршиллерійскаго сержанша, въ красномъ мундирѣ, съ преогромнымъ жабо. Нашъ чичероне ходилъ передъ нами, показывая намъ дорогу, спройно и важно, какъ будшо на ученіи. — Къ сѣверу, на спорону Испаніи, и къ Средиземному морю, соединено здѣсь все, что шолько можно изобрѣсшъ для ошраженія нападеній съ земли и съ моря. Верхняя часть укрѣпленій горы, возвышающейся оспроконечно, нахо-

дишся въ 1300 фушовъ отъ ея подошвы. Послѣ получасовой ходьбы по уклону, сдѣланному посредствомъ взрывовъ, намъ ошворили подземелье, состоящее изъ длинныхъ корридоровъ во внутренности горы. Переходы здѣсь безконечны; они змѣяшся, всходяшъ, нисходяшъ; эшажи ихъ, находящіеся одинъ надъ другимъ, сообщаются виншобразными, деревянными лѣсницами. Тутъ повсюду пробишя въ камень опверзшія, изъ копорыхъ выспавляющся жерла каронадъ и огромныхъ пушекъ. Глядя въ сіи опверзшія, изумляешся, видя далеко внизу подъ собою приморскій берегъ и море. Смошря снизу, и различая сіи амбразуры въ неровности скалъ, не лзя не подивишся, что въ эшихъ громадныхъ ушесахъ человекъ умѣлъ изрышъ убійственныя лабириншы, и силою руки своей перенести въ глубину эшихъ орлиныхъ жилищъ болѣе 500 аршиллерійскихъ орудій. Каждая изъ сихъ подземныхъ галлерей означаешся по времени устроисшва ея и напоминаешъ имя историческое. Однообразіе ихъ прерываешся въ разныхъ мѣсшахъ обширными залами, для складки запасовъ и снарядовъ. Только послѣ часовой ходьбы достигли мы самой обширнѣйшей изъ шакихъ залъ, называемой *галлереею Св. Георгія*. Мнѣ сказали, что за нѣсколько дней до прибышя нашего въ Гибральшаръ, Губернашоръ выбралъ эту галлереею для великолѣпнаго бала, гдѣ находилось все лучшее изъ города и окрестностей, а Англійскіе офицеры распоряжались угощеніемъ. Карешы чиновниковъ Гиб-

ральшарскихъ, носилки окрестныхъ алькадовъ (°), Англійскія лошади и Испанскіе мулы, при громѣ пушечномъ, взбирались на возвышенія горы. Въ корридорахъ разсѣялены были съ обѣихъ сторонъ, вмѣсто канделябровъ, Англійскіе солдаты съ факелами. Исполнскій коверъ разосланъ былъ на полу залы, гдѣ происходили танцы. Множество подробностей рассказывалъ мнѣ лекарь объ этомъ оригинальномъ праздникѣ, происходившемъ въ подземельи, на 4000 футовъ выше Средиземнаго моря, и гдѣ пошолокъ залы поддерживалъ надъ головами щегольски одѣтыхъ дамъ спрешную громаду скалъ въ 400 футовъ толщиною. Ужинъ былъ достоинъ такой волшебной залы. Изъ всѣхъ слѣдовъ роскоши, кошорою хвастала здѣсь Британская гордость, мы видѣли только черепки стекла и фарфора, хрустѣвшіе подъ ногами въ мрачномъ и безконечномъ подземельи. Мнѣ невольно пришла въ голову, когда описывали мнѣ прихотливую выдумку Гибральшарскаго Губернатора, такая-же спрешность — пуншевая чаша какого-то Англійскаго Адмирала: нѣсколько тысячъ бочекъ рому влило было въ бассейнъ его парка, съ нѣсколькими бочками сахара, корицы, и нѣсколькими десятками тысячъ лимоновъ. Прелестный мальчикъ, одѣтый маэрозомъ, плавалъ по бассейну въ лодкѣ изъ краснаго дерева, и подавалъ гостямъ пуншъ.

(*) *Алькадъ*, вообще судья въ Испанскомъ городѣ, или селеніи. *Прим. Пер.*

Но громадныя пещеры Гибральшара вырыты не для того только, чтобы служить мѣстомъ воксала, а для цѣли болѣе политической и полезной: онѣ образуютъ собою неприспунные казематы, гдѣ весь гарнизонъ можетъ найдти спасеніе отъ какаго угодно бомбардированія, а безчисленные запасы, копорыми, съ помощью ихъ, можно снабдить Гибральшаръ, дѣлаютъ сію крѣпость независимою ни отъ какой блокады.

Наружною дверью вышли мы на свѣтъ, и очутились почти на двухъ прешахъ вышины всей горы. Тысячи хищныхъ птицъ гнѣздяся шутъ повсюду въ неровностяхъ утесовъ. Мы продолжали всходить по западному уклону горы; солнце палило насъ почти прямо въ голову. Впрочемъ, дорога устроена весьма удобная. Въ разныхъ мѣстахъ, на каменныхъ площадкахъ, прикрытыхъ парапетами, мы шли мимо вѣшнихъ баштарей, снабженныхъ огромными пушками на желѣзныхъ лафетахъ, копорые весьма прочны и занимаютъ мало мѣста. Съ вершины горы, мы парили, шакъ сказать, на воздухъ, подобно горнымъ орламъ, надъ всѣмъ пространствомъ города, и могли судить объ его величинѣ; она незначительна. Укрѣпленія, придвинутыя къ самымъ берегамъ моря, занимаютъ всего болѣе мѣста. Публичный садъ, довольно обширный, присоединяетъ зданія Гибральшара къ другому, шакъ сказать, городу, находящемуся на югъ, на половинѣ дороги, до мѣста, называемаго Краемъ Европы, и представленному преимущественно для общественныхъ

заведеній. Мачша *семафора* (*) возвышается на шемѣ холма, образующаго собою средину горы. Козы, цѣпляясь по ушесамъ, щипали листья распенія, называемаго *chomaerops humilis*, родъ мѣлкой пальмы. Насъ перевели попомъ на восточный край горы, и съ сего громаднаго возвышенія мы увидѣли расширение Средиземнаго моря между Европою и Африкою. Неровности морскихъ волнъ совершенно исчезающъ съ эшой вышины, и въ сухой и прозрачной атмосферѣ мы легко могли разглядѣть Африканскія горы, съ ихъ бѣлѣющими въ снѣгахъ вершинами, когда при подошвѣ ихъ горяшъ въ шоже время знойные Африканскіе пески.

Проводникъ рассказывалъ намъ о сущесгвованіи въ семъ мѣспѣ особеннаго рода обезьянъ, говоря, что ихъ нигдѣ нѣшъ болѣе, кромѣ Гибральшарской горы, самой крайней оконечности Европы. «Кромѣ здѣшняго мѣспа, нигдѣ не водяшся въ Европѣ обезьяны,» продолжалъ онъ съ довольною гордосшю. «Здѣсь на висошахъ, совершенно безопа-снны опъ людей, онѣ питающся вѣшками пальмовника и оппрысками заячьей капусты. Здѣсь для нихъ единсшвенное жилище, гдѣ находяшъ онѣ шишину и обиліе. Губернапоръ весьма забошится о сохраненіи нашихъ дикихъ сосѣдей; ихъ запреще-но бишъ и ловишъ. Одинъ креспьянинъ, съ величайшимъ шрудомъ, успѣлъ поймашъ одного изъ

(*) Телеграфы особеннаго устройства. Прим. Пер.

эпихъ смирныхъ звѣрей, и думалъ угодишь Губернатору, поднеся его въ подарокъ. Но Губернаторъ чрезвычайно разсердился, и бѣднякъ, съ опасностью сломишь себѣ шею, долженъ былъ, по его приказанію, опнести свою добычу обратно, на то самое мѣсто, гдѣ доспалъ ее. Благодаря такому покровительству, сосѣди наши живутъ спокойно и умираютъ по своей волѣ.» Анекдотъ проводника показался мнѣ совершенно въ Англійскомъ духѣ; но что касается до знаменитыхъ Гибральшарскихъ обезьянъ, это просто обезьяны, называемыя *Miscasus inuus*, или *Маго*, безобразная и бѣдная порода, кошорыхъ фокусники учатъ всякимъ шпикамъ и показываютъ по ярмаркамъ. Но я не хотѣлъ разочаровывать бравого сержанта, и согласился, что обезьяны его есть величайшая драгоценность въ мірѣ. Меня удивило послѣ того безчисленное множество курошакъ, лешавшихъ повсюду; когда мы подходили, спада ихъ разлетались передъ нами, но едва уходили мы, призывный крикъ ихъ за нами извѣщалъ насъ, что беспечные жильцы ушесовъ Гибральшарскихъ снова слетались безчисленными спадами. Лекаръ сказалъ намъ, что охота за курошакками такъ-же запрещена, какъ и ловля обезьянъ, не пошому, чтобы ружейные выстрѣлы могли причинять бесполезную тревогу Англійскому гарнизону, но для того, чтобы солдаты, привыкнувъ къ симъ выстрѣламъ, не пріучились быть беспечными и при шакихъ, кошорые означаютъ различные сигналы. Въ слѣдствіе сихъ распоряженій, Англійскіе офицеры принужде-

ны осправляшсья лѣ за шри, въ Тарифскія горы, и забавляшсья полезнымъ упражненіемъ охоты на Испанской землѣ. Говоря о солдапахъ здѣшнихъ, не могу не упомянуть о Шопландцахъ: сшоя неподвижно на часахъ, въ своей корошкой юбкѣ и въ песпромѣ *тартакѣ*, лицомъ къ морю, они не оборачивались, когда мы шли мимо ихъ по дорожкамъ, но не оглядываясь на насъ, они не забывали ошдавать намъ честь ружьемъ. Таковъ здѣсь обычай.

Гибральшарскіе ушесы, ошъ кошорыхъ набралъ я обломковъ, бродя по висошамъ, сосшояшъ изъ сѣраго известняка, раздѣленного продольными шрещинами, кошорыя наполнены желѣзисшыми наплавами яркаго краснаго цвѣша. Ископаемыя раковины и кости живошныхъ, принадлежащихъ къ породамъ ронжеровъ и различныхъ звѣрей, перемѣшаны съ эшимъ наплавомъ. Въ южной оконечности показали намъ чудесную пещеру Св. Михаила, ошверзшую въ полугорѣ, на западной споронѣ полуосшрова. Бѣловашыя капельныя спалакшшшы висшъ на ея сводѣ, а спалагмишшы, выходящіе снизу, образуюшъ собою самыя спранныя формы. Я бросалъ камешки въ ращелины пещеры, и по ошзыву звуковъ паденія могъ поняшъ, что они падали въ безконечныя пропасти.

По крушому, но превосходно усшроенному уклону, просширающемуся полукружіемъ ошъ запада къ сѣверу, мы сшали надъ обшшалищами, находящимися на краю Европы. Здѣсь сады окружаюшъ зданія, высшроенныя съ большимъ вкусомъ. Далѣе

видѣли мы казармы, военный гошпишаль, магазинъ припасовъ, общую масперскую, все устроенное просто, но превосходно. Мы разсмаширивали шакже и палашки, служащія гарнизону опчасши вмѣсто казармъ. Направляя пушь къ сѣверу, свели насъ въ публичный садъ, гдѣ деревья различныхъ родовъ и обиліе цвѣшовъ, весьма красивыхъ, сосшавляли рѣзкую прошивоположность безплодію горы. На мраморной колоннѣ, взяшой изъ Карѣагенскихъ развалинъ, посшавлена пушь бронзовая сшашуя Герцога Веллингтона; на мѣдномъ шишѣ ея вырѣзана Лашинская надпись, въ кошорой расхваленъ Англійскій полководецъ до небесъ. Здѣсь находшся еще сшашуя храбраго Элліота, обезсмертившаго себя мужесшвенною защшпою Гибральшара въ 1782 году. Къ сожалѣнію, памятникъ не сшощшъ героя: его изобразили въ преогромной шреугольной шляшѣ, въ самомъ принужденномъ положеніи; кажешся, онъ хочешъ закинуть въ небо огромные позолоченные ключи, кошорые держишъ въ рукѣ. Пушка и осадная печка, съ ея принадлежностшями, нагромождены въ пѣдесшаль и пошполняющъ собою каррикашурность эшой нелѣпой рабошы Англійскаго ваяшеля.

Вошедъ въ улицы Гибральшара, мы вспрѣшшили множесшво *Маха* (*), съ ихъ вольными взглядами и въ южномъ нарядѣ, кошорый очень идешъ къ

(*) Маѣо, Маѣа, Испанскій щеголь, Испанская щеголиха. Прил. Пер.

нимъ. Онѣ особливо щеголяють обувью на маленькихъ своихъ ножкахъ, убирають голову розами, и гордящяся своимъ кокешничьимъ нарядомъ.

Вообще жительство въ Гибральшарѣ привольно. Пославленный въ климатѣ умеренномъ, гдѣ обилуютъ всѣ произрастенія юга, эшотъ ушесъ служить складкою и для богатствъ сѣвера: еще не передавая Италіи, Сициліи, Мальтѣ и Леванту столь различные грузы, посылаемые Лондономъ и Ливерпулемъ, Гибральшаръ оставляетъ для своихъ жителей все, что роскошь Англійская создала богатаго и хорошаго. Какъ торговая пристань, какъ морское перепутье, какъ военное владѣніе, Гибральшаръ не уступитъ никакому другому мѣсту въ мірѣ — эшо одинъ изъ лучшихъ драгоценныхъ перловъ въ Британской коронѣ.

ГЛАВА III.

ТАРИФА. — ТАНГЕРЬ. — МАДЕРА.

Августа 25-го, при небольшомъ вѣтрѣ С. В., мы вступили подъ паруса, вмѣстѣ съ многими другими кораблями. Пакешботъ нашъ прошелъ мимо *Тарифа*, кошорый сшоль бесполезно осаждалъ въ 1811 году Герцогъ Беллунскій. Эшотъ городъ находится на самой южной часпи Испанскаго полуострова, и укрѣпленія его весьма значительны. Неоднократно хошѣли здѣсь засыпать каналъ, фушовъ въ 100 шириною, раздѣляющій городъ отъ острова того-же имени. Тарифскій маякъ, съ двумя фонарями, находится на высокой башнѣ, и хорошо посшроенъ. Движимосшь его огней даетъ легкое средство мореплавателямъ опшличить огонь маяка отъ звѣздъ, и сохраняешъ ихъ отъ едва покрытыхъ водою скалъ Кабезаскихъ.

Вскорѣ проливъ расширился передъ нами. Мы принуждены были приблизиться къ Испанскому берегу, удаляясь отъ слишкомъ быспраго шеченія, и тогда прямо прошивъ насъ опскрылся достопамятный мысъ *Трафальгарскій*, гдѣ дана была, 21-го Октября 1805 г., ужасная морская бштва, въ конецъ

разрушившая флоты Наполеона. Сколько мыслей внушаетъ это мѣсто! — Все до сихъ поръ остается еще загадкою въ этомъ несчастномъ для Франціи дѣлѣ, о которомъ извѣстіе получилъ Наполеонъ, какъ будто предварительный урокъ несчастія, среди блестящихъ побѣдъ своихъ въ Германіи. Продолжительное медленіе Адмирала Французскаго въ Кадикскомъ портѣ, его внезапная рѣшительность, удивительная близорукость видовъ, и слабость союзниковъ, столь плохо подкрѣплявшихъ Французскій флотъ; наконецъ самоубійство Вилльнёва, прибѣжавшаго изъ Англіи во Францію оправдывать свои поступки — все это загадки, и разнообразныя изъясненія сдѣлали ихъ еще темнѣе. Спранное рѣшеніе судьбы вождей въ битвѣ Трафальгарской отличило ее между другими сраженіями: *Нельсонъ* былъ убитъ; *Гравина* умеръ отъ ранъ; *Вилльнёвъ* зарѣзался — Франція, Англія и Испанія лишились каждая своего Адмирала.

Подъ вечеръ, мы подошли къ берегу Африканскому, въ виду Танхера, или Тангера, Варварійскаго города, изъ котораго Англичане были прогнаны въ 1662 году, и который разрушили они при своемъ удаленіи (*). Городъ находится на узкой полосѣ земли, возвышающейся близъ самаго морскаго

(*) *Tanger*, городъ принадлежащій къ Имперіи Марокской, или *Меракашской*, занимающей часть приморскаго берега до Атласкихъ горъ, на С. З. Африки. Ее составляютъ Фецъ, Марокко, Тафилетъ, Дарагъ и часть Суса. *Прим. Переводъ.*

берега. Низкіе, нездоровые дома, у которыхъ кровли плоскія, а стѣны снаружи вымазаны извѣсткой, представляютъ жалкую смѣсь строеній въ двойной оградѣ разваливающихся стѣнъ. Плохая крѣпость построена на мѣстѣ прежнихъ развалинъ, и башиарея внутри залива не испугаетъ самой слабой изъ морскихъ державъ Европы, если-бы ей пришла охота наказатъ разбой и оскорбленія здѣшнихъ пиратовъ. Къ сѣверу, пески и безплодныя горы замыкаютъ небосклонъ.

Нашъ Капитанъ остановился здѣсь только на то время, какое было необходимо для передачи писемъ Англійскому Консулу, живущему въ Тангерѣ.—Здѣсь находилось множество Жидовъ, и съ ними обходящаяся немилосердо. Они принуждены нести въ рукахъ обувь свою, если идутъ мимо мечети, или другого какого-нибудь священнаго Музульманамъ мѣста. Если путешественнику, снабженному приказомъ Мароккскаго Императора, надобенъ переводчикъ для сопровожденія его во внутренность Африки, правитель Тангера, по отношенію Консула, даетъ приказъ шестъ или чепыремъ Музульманамъ искать переводчика. Они отправляются обыкновенно къ Жиду, и когда бѣднякъ не откупится, тащатъ его изъ среды семейства, хотя-бы и въ день субботный, бьютъ, и не рѣдко представляютъ полумертваго въ распоряженіе Консула. Если путешественникъ замѣтитъ, что при такомъ снабженіи его переводчикомъ поступлено нѣсколько строга, отдають ему на волю награждать спрдальца, вмѣстѣ за терпѣніе и услугу. Но не

смотря на всѣ подобныя припѣсненія , Жида держался въ Тангерѣ ; они посредники въ торговлѣ, какая производилась здѣсь между Африкою и Испаніею. Сближеніе двухъ материковъ позволяло бы усиливъ здѣсь промѣнъ сарачинскаго пшена и другихъ сортовъ хлѣба, Мароккскихъ кожъ , гумми и воску на разныя Европейскія мѣлочи , какъ-то : табакерки, зеркальцы, желѣзные подѣлки , часы и проч.—Здѣшніе Жида вообще богаты. Ихъ калпаки , обувь и одежда чернаго цвѣта ; они брѣютъ себѣ головы и опускаютъ длинныя бороды. Никто изъ нихъ не смѣетъ носить оружія, и всѣ могутъ ѣздить только на мулахъ, въ слѣдствіе особеннаго уваженія , какое Мавритане здѣшніе оказываютъ лошадямъ.—Я видѣлъ здѣсь молодыхъ Мавровъ, приучающихъ лошадей своихъ къ ловкости особеннаго рода: въ весьма шѣсномъ проспансѣ, всадникъ бросается во всю прыть ; думаете , что онъ разшибется объ стѣну, но въ томъ-то и состоитъ удалство, чтобы остановившись, на всемъ лезу, въ назначенной точкѣ. Мнѣ говорили , что иностранцы, которые заходятъ посмолотить здѣсь на воинскія упражненія шугемцевъ, должны приготовившись къ нечаянному испугу : въ нихъ стрѣляютъ изъ карабиновъ , чуть не въ лицо, доказывая ловкость шѣмъ , что пуля пролетитъ мимо, чуть не по волосамъ, но не задѣнетъ головы — это почитается особенною учтивостію.—Изъ женщинъ, мы встрѣчали по улицамъ только Жидовокъ ; онѣ были подъ покрывалами, и щадельно оберегаемы своими мужьями. Ревновать мужьямъ не мѣшаетъ

никакое вѣрованіе, какъ равно женщинамъ кокетничать. Кажется, что и здѣсь женщины умѣютъ управлять мужьями, точно такъ, какъ и вездѣ; ихъ обхожденіе съ любезными супругами казалось намъ довольно грубо.

Гибральшаръ, Тангеръ, материкъ Европы и материкъ Африки исчезли опъ насъ въ волнахъ, и при пособіи хорошаго вѣтра опъ NNE, мы быспро усспремилсь по водамъ Атлантическаго Океана. На пятый день плаванія, съ мачты закричали: *Земля!* Подобно другимъ, я бросился на верхъ, и дѣйствительно увидѣлъ, что впереди что-то неопредѣленно и неправильно обозначается въ туманѣ: это былъ *островъ Порто-Санто*, небольшая земля на сѣверъ опъ острова Мадеры. Хотя гораздо болѣе возвышенный и обширнѣйшій, но закрытый густымъ шуманомъ, *островъ Мадера* показался четверть часа спустя. Мы направили путь въ заливъ Фунчальскій, на юговоспточной споронѣ Мадеры.

По мѣрѣ того, какъ приближались мы, островъ увеличивался; казалось, онъ бѣжалъ къ намъ. Безпрерывно открывалось новое очарованіе зрѣлища. Издали взоръ останавливался только на двухъ высочайшихъ точкахъ, вершинахъ горъ *Руиво* и *Симаторингасъ*, первой въ 965, другой въ 914 шаговъ. Потомъ, когда мы подвинулись далѣе въ заливъ, величественное зрѣлище являли волканическіе длинные мысы, замыкающіе собою упихнувшее въ нихъ море, и эпомъ городъ *Фунгаль*, пославленный на верхней точкѣ полукружія, съ его бѣлыми домами, прислоненными къ черной базальшовой

спѣнѣ, выдвинутой надъ ними на 3,000 футовъ. Когда наконецъ, могли мы разсмащивать въ подробности величіе этого амфиатра, подошву котораго омываютъ волны Атлантическія — что за зрѣлище увлекательное, живописное! Какая свѣжая природа! Какія богатая противоположности! Здѣсь, на пошокъ заспавшей лавы, ряды деревъ зеленыхъ и мощныхъ, повисшихъ надъ крупымъ обломомъ горы; тамъ сельскіе домики, церкви, часовни, монастыри, одно надъ другимъ по горѣ, и съ моря кажется, будто все это составляетъ ступеньки огромной лѣстницы на гору; всюду на вулканической почвѣ видны необозримые сады, рощицы, длинные каштановыя аллеи.

Обогнувъ скалы *Ильео*, или *Лео*, защищенныя башняреями, мы спали на югъ отъ Церковной горы, прошивъ монастыря *de Nossa Senhora do Monte*, прелестно оканчивающемъ собою горную вершину. Намъ можно было оставаться только два дня на островѣ Мадерѣ, оптизиѣ знаменитаго вина, запасномъ магазинѣ для плывущихъ въ Индію. Надобно было поспѣшить все увидѣть.

Мадера, Португальскій островъ, находится подъ 32° 38' ш. с. и 19° 16' долгошы восточной отъ Парижа, въ 146 льѣ отъ западнаго берега Африки, 256 льѣ отъ Лиссабона и острововъ Асорскихъ (*),

(*) *Асорскіе острова*, на С. З. отъ Мадеры, принадлежатъ Португаліи; главные изъ нихъ: *Терсейра* и *Св. Михаила* (*San-Miguel*). Всего ихъ девять; они составляютъ пространство около 800 кв. миль. *Прил. Перев.*

въ 60-ти ошъ Канарійскихъ. Онъ соспавляетъ про-
спранство на 70 миль квадрашныхъ. Народонасе-
леніе здѣсь проспирается до 400 тысячъ человекъ.
Оспровъ дѣлился на два Капитанства, *Фунгальское*
и *Магикское*, называемыя по именамъ главныхъ го-
родовъ. Въ Фунчалѣ полагають до 20-ти тысячъ,
въ Мачико до 2,000 жишелей. Кромѣ сихъ двухъ
городовъ, естъ еще нѣсколько мѣстечекъ, изъ ко-
ихъ можно упомянуть только о *Санта-Крузѣ*, на-
селенномъ 4,200 жишелей.

Едва бросили мы якорь, какъ и осправились къ
берегу на маленькомъ іолѣ. Мы вышли на приспа-
ни, гдѣ грозно разбиваются волны морскія, и всту-
пили въ Фунчалъ. Вошъ городъ совершенно *Пор-
тугальскій* по своей поспройкѣ—неправильный, ни-
чпожный, узкій, кривой, нечиспый; его мосшова,
соспавленная изъ мѣлкихъ оспрыхъ кремней и сло-
исшой лавы, порпишъ обувь и рѣжешъ ноги пѣше-
ходовъ. Горные пошоки могли-бы очиспишъ, освѣ-
жишъ городъ, если-бы жишели не сдѣлали изъ нихъ
канавъ самыхъ неопряшныхъ, сбрасывая шуда вся-
кую нечиспошу изъ своихъ жилищъ.

Немноего число порядочныхъ домовъ въ Фунчалѣ
принадлежишъ Англичанамъ. Рекомендованный од-
ному изъ здѣшнихъ Англичанъ, извѣспному шор-
говцу винами, я нашель у него пріемъ самый ла-
сковый и дружескій. — « Пойдемше » — говорилъ
миѣ добрый купецъ — « я покажу вамъ всѣ рѣдко-
спи нашего оспрова. » Надвинувъ на голову
огромную соломенную шляпу, онъ повель меня въ
Губернашорскій домъ, на *passao publico* (публич-

ное гулянье), богато опѣшенное померанцовыми, лимонными деревьями, тополями и ивою; пошомъ въ шеапръ, почти всегда запершой, въ госпишаль, наконецъ въ Митрополишскую церковь. «Посмотрите—говорилъ мнѣ добрый Г-нъ Шмидшъ, указывая на брусъ въ церкви — это кедровые; теперь на Мадерѣ почти вовсе нѣтъ кедра, а прежде имъ покрытъ былъ весь островъ. Какъ гора Ливанъ, это былъ густой лѣсъ, едва проходимый. Кто сдѣлалъ изъ Мадеры то, что она теперь — голый утесъ? Опустошеніе-ли волкана, какъ говорятъ одни; пожаръ-ли, какъ говорятъ другіе? Или просто рука человѣка, мало по малу уничтожающая все, что творитъ природа? Загадка, загадка даже и для вашихъ Французскихъ ученыхъ, которые *все знаютъ*» — прибавилъ онъ, съ насмѣшливою улыбкою.

Я не перебивалъ рѣчей моего проводника, я совершенно предавался впечатлѣніямъ того, что видѣлъ передъ собою — этому уже Африканскому климату, этому шропическому произрастанію, шполь новому для меня; мнѣ не было ни времени, ни охоты опдавать опченъ въ моихъ впечатлѣніяхъ, или подвергать ихъ методическому изслѣдованію. Глубоко заняшой мѣспиноспью, безъ мыслей слѣдовалъ я за Г-мъ Шмидшомъ въ монастырь Францисканскій, гдѣ онъ гошовилъ мнѣ неожиданное зрѣлище. Одинъ изъ брашій вспрѣшилъ насъ у ворошъ и провелъ прямо въ корпусъ монастырскихъ зданій. Здѣсь опворилъ онъ двери въ какое-то низкое со сводами зданіе — ужасъ: со всѣхъ

с-сторонъ были шупъ разложены кости челове-
скія, расположенныя по спѣнамъ шупыми углами, съ
черепами по срединѣ ихъ! Монахъ разсказалъ намъ,
что все это останки благочеспивыхъ и свяпыхъ
людей, прославившихъ жишiemъ своимъ Мадеру, и
что по вѣрному счешу число ихъ проспираешся
до прехъ тысячъ. Это собраніе костей называеш-
ся здѣсь *Часовнею череповъ*, хотя оно походитъ
болѣе на собраніе какого нибудь ученаго черепо-
слова, нежели на мѣсто посвященное молишвѣ и
благочеспивымъ размышленіямъ. Посѣдивъ другой
монашпырь, женскій, гдѣ не замѣшилъ я спрогоспи,
какая бываетъ въ Поршугальскихъ монашпыряхъ,
мы возвращились въ городъ.

Населеніе Фунчала состоишъ изъ народа хилаго,
сухощаваго и больнаго; но жишели въ окрешнос-
пяхъ ошмѣнно здоровы и сильны. Изъ нихъ муж-
чины вообще заняшы обрабошкой виноградниковъ;
во время сборки винограда, вы видише ихъ, какъ
они, въ холспинныхъ рубашкахъ, пешрой обуви,
красномъ или синемъ калпакѣ — смѣло и гордо
идушъ по горнымъ дорожкамъ въ городъ, неся на
палкахъ свои *borrachas* (мѣха), наполненные выжа-
шымъ сокомъ винограда. Женщины заняшы быва-
юшъ другими рабошами: онѣ собираюшъ по горамъ
шерновникъ ракишникъ и другіе кушарники, свя-
зываютъ ихъ и носяшъ домой для шопки печей.
Одѣяніе ихъ составляешъ просшая рубашка, юбка,
калпакъ, или плашокъ, обвязанный вокругъ головы.
Между торговымъ народомъ, населяющимъ городъ,
видно болѣе роскоши: шупъ являетъ полный Пор-

шугальскій костюмъ — шляпы, башмаки, чулки, длинныя черныя плашья, юбки чернаго сукна, и широкія шляпки-капоны, въ кошорыхъ погребены бывають головы щеголихъ.

Самый роскошный изъ домовъ въ Фунчалѣ есть Губернапорскій.—Все, что только находилось значительнаго на оспровѣ, сходится сюда, принимается ласково, обѣдаетъ, угощается; Европейскіе путешественники, поселившіеся здѣсь Англичане, шугемные купцы и космополиты монахи бесѣдуютъ вмѣстѣ. Доходъ Губернапорскій, значительный самъ по себѣ, умножается еще пошлиною, кошорую платитъ ему Англійская здѣшняя факторія. Для защиты оспрова, подѣ начальствомъ Губернапора, находится горная крѣпость, повелѣвающая Фунчалемъ, баштареи Ильеоскихъ ушесовъ, крѣпость Сантъ-Яго, и ошъ 12-ши до 15-ши тысячъ милиціи.

Въ бытность нашу въ Фунчалѣ, Его Превосходительства не было въ городѣ; онъ ошдыхалъ въ своей загородной *квинтѣ*, или увеселительномъ домѣ, ошъ шрудовъ по управленію оспровомъ. Надобно прибавить, что ни въ какую другую пору Мадера не является столь прелестною и увлекающею. Это было время сборки винограда; народъ находился повсюду въ дѣятельномъ движеніи; всюду раздавались пѣсни горныхъ жителей и звонки муловъ ихъ. Я не хотѣлъ оставивъ Фунчала, не насладившись такимъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ. На другой день, рано ушромъ, былъ уже я на до-

рогъ въ Мачико , съ проводникомъ. Мы ѣхали на мулахъ.

Дороги во внутренности острова несносны. Надобно пробираться по горамъ, надъ ужасными пропастями; тамъ останавливаютъ васъ густые кустарники; здѣсь опасные переѣзды черезъ болоша. Въ окрестностяхъ Фунчала утесы состоятъ изъ крѣпкой голубой лавы, но далѣе, чѣмъ больше приближаешься къ вершинѣ горъ , всѣ слѣды вулканическихъ переворошовъ исчезающъ, кварцъ и шистъ становящися обильнѣе. По обязанности естественнаго испытателя, я старался открыть, во время поѣздки моей, какіе нибудь остатки кедровъ, о кошорыхъ говорилъ мнѣ Г-нъ Шмидтъ, и ничего не находилъ. Согласно съ Форшеромъ, я думаю, что преданіе ошибается, и что кедрами почиали здѣсь какіе нибудь кипарисы , или лисивенницы. Но меня особенно заняли два рода величественныхъ деревьевъ, растущихъ на самой возвышенной части Мадерскихъ горъ и называемыхъ здѣсь *Mirmulano* и *Pao branco*. По словамъ Бенкса , это *Laurus indica*, и оно-то доставляетъ Англичанамъ драгоценное дерево, называемое ими Мадерскимъ краснымъ деревомъ. Между деревьями сихъ двухъ породъ растутъ повсюду кустарники: какшусы, молочай, дикая маслина; далѣе цвѣшны , шравы , злчныя растенія : la fuchsie écarlate, недошрога (le mimosa), шрясунка (la brize tremblante), дикая мяша, красная напершнянка (la digitale pourprée).

Наконецъ, послѣ продолжительнаго переѣзда по Куралю и около подошвы горы Руиво , я прибылъ

въ самую обработанную часть острова. Тутъ, на возвышеніи надъ городомъ Макино, пѣснясь всѣ плодовые деревья нашей Европы, перемѣшанные съ лимонами, померанцами, бананами, Индійскими грушами (goyavier). Длинные вѣтви винограда, обремененныя кистями спѣлыхъ ягодъ, висятъ на бамбуковыхъ рѣшешкахъ, или опираются на шпалерникъ. Листья винограда составляютъ такимъ образомъ защиту, подъ которою зрѣютъ ягоды. Самою лучшею землею для винограда почищается здѣсь та, которая составлена изъ краснаго и желтаго известковаго шуга; для предохраненія плантацій отъ обваловъ, ихъ укрѣпляютъ въ разныхъ мѣстахъ каменными стѣнками.

Когда мы прибыли на возвышеніе, день оканчивался, и я послѣдовалъ за шолпою виноградарей, отправлявшихся въ давилни. Всѣ имѣющіе право на участки вина находились уже тутъ: хозяева земель, наемщики и сборщикъ въ пользу казны; онъ немедленно отбираетъ слѣдующую подачу мустомъ, или выдавленнымъ сокомъ. Остальное дѣлился на двѣ равныя половины — помѣщику и наемщику земли. Пятнадцать тысячъ пипъ вина (*) выходятъ ежегодно изъ Мадеры. Это главное богатство здѣшняго острова, и его оцѣнить можно въ 40-ть милліоновъ франковъ, по ежегодной цѣнѣ отпуска. Качества вина бываютъ весьма различны,

(*) Португальская пипа содержитъ въ себѣ 26-ть альмодовъ, равняющихся 16,541 липра. Въ Русскомъ ведрѣ 12,289 липра. *Прим. Пер.*

смотря по свойству почвы и прудамъ обрабошки. Лучшимъ соршомъ вина почитается *Мальвоази-Мадера* — это отборное вино, и оно довольно рѣдко. За шѣмъ слѣдуетъ простое *Лондонское* (London particular), или *тинто*, а за ними множесшво соршовъ качесшва вшоросшепеннаго. Сшранно покажется, если сказашь, что изъ 45-ши тысячъ пипъ, вывозимыхъ изъ Мадеры, въ Европу идетъ едва-ли шрисша или чешыресша пипъ; все осшальное ошправляющъ въ Америку и въ Индію. Нѣкоторыя другія произведенія, какъ-шо: хлѣбъ, сарачинское пшено, сахаръ, дополняющъ вывозъ шоваровъ изъ ошрова.

Уже ночью досшигли мы *Магико*. Говорящъ, что имя этого города происходишъ ошъ имени Англичанина Мачима, копорый прежде всѣхъ ошкрылъ ошровъ Мадеру, въ царсшвованіе Эдуарда III-го. Если вѣришь Поршугальской лѣтописи, юный Англичанинъ эшошъ увезъ прелесшную и богашую красавицу, Анну Дарфешъ, и въ лодкѣ, безъ кормщика, ошправился съ нею изъ Англіи во Францію. Любoвники не замѣшили, какъ началась буря; лодку ихъ умчало въ Океанъ, долго носило по волнамъ, и наконецъ бросило къ ошрову Мадерѣ. Здѣсь жили и умерли они. И шеперь еще показывающъ мѣсто, гдѣ приспалъ Мачимъ, называя его porto Machico, или porto dos Ingleses, по преданію, которое ушвердилъ Гонзалезъ, первый изъ Поршугальскихъ мореплаващелей, ошкрывшій Мадеру. Небольшой крестъ поставленъ на эшомъ мѣстѣ.

Изъ Мачико ясно видѣнь оспровъ *Порто-Санто*, богашый виномъ не менѣе Мадеры, хорошо обрабо- шанный, и на 20-ти льѣ проспранспва заключаю- щій въ себѣ до 6000 жишелей.

Любопышество мое было удовольсьшовано; я про- ѣхаль Мадеру во всю ширину ея. Моремъ ошпра- вился я въ Фунчаль, на прибрежной шлюбкѣ. Мой привѣпливый Капишанъ пакешбоша ждалъ меня на приспани. По моей просьбѣ, онъ договорился уже о переѣздѣ моемъ на корвешпѣ, кошорая должна была ошправиться въ Сенегаль, осшановясь прежде того у Канарійскихъ оспрововъ. Мои пожипки были уже перенесены на корабль. Миѣ осшавалось шолько поблагодарить добраго сопушника, и по- спѣшно броситься въ лодку, ошправлявшуюся къ кораблю.

ГЛАВА IV.

КАНАРІЙСКІЕ ОСТРОВА.

Сентября 6-го, при С. В. вѣтрѣ, мы оправились къ Сенегалу. Время было благопріятное. Черезъ два дня послѣ отбытія изъ залива Фунчальскаго, передъ нами появился изъ волнъ Океана самый главный островъ изъ числа *Салвахскихъ*. Онъ не болѣе двухъ лѣтнихъ пространствъ, и состоитъ изъ скалъ, возвышающихся на 300 мѣтровъ надъ моремъ. Обломки, безпрестанно падающіе съ утесовъ его, показываютъ, что эта необитаемая громада ожидаетъ только сильнаго землетрясенія; тогда развалился она и исчезнетъ въ безднахъ Океана. Здѣсь нѣтъ мѣста человѣку. Море яростно разбиваетъ волны свои объ утесистые, неприступные берега. Мы могли различать только голыя скалы, глинянаго цвѣта, и кустарники, покрывающіе высоты утесовъ. Птицъ, живущихъ въ сей пустынѣ, такое множество, что онѣ, буди по шуча, зашмѣваютъ солнце, подымаясь стаями,

Въ 4 часа утра, на другой день, Тенерифъ былъ у насъ въ виду, но покрытый туманомъ. Знамени-

шій *Пикъ* его (*), то показывался, то исчезалъ въ воздушныхъ волнахъ. Островъ былъ опъ насъ въ 45-ши льё; говоряшъ, будшо онъ видѣнъ бываешъ даже въ 40-ка льё. Вѣперъ опъ NNE вздувалъ паруса наши и быспро двигалъ насъ по легковолнуемому пространству водъ. Мы обошли мысъ Анага, и оставили вправѣ при скалы Наго. — Въ часъ по полудни были мы въ виду Санша-Круза и его полукруглаго залива, кошорый не можешъ однакъ вмѣщашъ болѣе 12-ши военныхъ кораблей. По обыкновенію, пушечнымъ выспрѣломъ попотребовали мы лоцмана, и въ 5-шъ часовъ вечера барка, съ нѣсколькими людьми провела насъ къ приспанищу. Осправившись къ берегу на прибрежныхъ баркахъ, и приближаясь къ нему, я могъ хорошо разсмопрѣшъ положеніе Санша-Круза: онъ находишся въ низкой долинь, при подошвѣ ушесисшой горы. Колокольни и *мирадоры* (**) домовъ разнообразяшъ длинную линію, по кошорой просягивающа городскія строенія. Никакой зелени не видише на распреснувшихъ обломкахъ базальшовыхъ громадъ, образующихъ собою грозныя сѣны во кругъ города и гавани. Удушашій жаръ оспражаешся солнечными лучами опъ эшихъ волканическихъ швердынь.

(*) Словомъ: *пикъ*, вообще означается оспроконечная гора; но это имя сдѣлалось собственнымъ для горы Тенерифской. *Прим. Пер.*

(**) *Mirador*, ошкрытые бельверы, кошорые спрояшъ въ Испаніи на домахъ, для наслажденія прохладою вечерняго воздуха. *Прим. Пер.*

Мы вошли въ Санша-Крузъ сквозь деревянные городскія ворота. Городъ показался мнѣ довольно великъ и миловиденъ; его прямыя, широкія, просторныя улицы украшены пропшуарами изъ мѣлкихъ, круглыхъ и неровныхъ каменьевъ, съ закраинами изъ лавы. Моспная пыльна и усыпана мѣлкимъ кремнемъ; строенія вообще пріятнаго вида. Обыкновенно, у здѣшнихъ домовъ находящся обширный дворъ, окруженный открытою галлереею на столбахъ, копорая служишь сѣнями и магазиномъ. По срединѣ двора водоемъ, для спюка дождевой воды, изъ копорого вода процѣживаеиъ въ маленькіе резервуары, сквозь пористый камень; эти водохранилища украшаюиъ снаружи красивымъ колодцемъ въ Мавришанскомъ вкусѣ, и обсаживаюиъ цвѣтами. Переходъ съ одной стороны двора ведешъ къ главному корпусу дома, построенному въ два этажа. Комнаты, у копорыхъ пошолки устроиваюиъ изъ голыхъ досокъ, кажуиъ мрачными, пошому, что бываюиъ весьма обширны; но это даешъ прохладу, и ею всего болѣе дорожаюиъ въ здѣшнемъ жаркомъ климатѣ. Спѣны, число ошпукатуренныя, убираюиъ разными духовными изображеніями, плохо гравированными, и маленькими зеркалами.

На городской площади, неподалеку отъ пристани, вниманіе мое обратилось на фонтанъ, изъ копорого лѣшомъ изливаетъ вода только въ извѣстные часы. Каменный образъ Богоматери (*de Notre-Dame de la Chandeleur*) поставленъ наobeliskъ изъ бѣлаго мрамора. По угламъ подножія

сего обелиска видны спашуй чепырехъ послѣднихъ власшишелей Гуанческихъ , первобышнаго народа , нѣкогда обладавшаго оспровомъ; головы сихъ Королей въ лавровыхъ вѣнкахъ , и они представлены въ какомъ-шо воспоргѣ , поднимая къ небесамъ человѣческія кости. Въ Испанской надписи сказано, что заспуленіемъ Богомашери, Испанцы успѣли искоренить Гуанчей , народъ пастушескій и военный. Бассейнъ фоншана сдѣланъ изъ черной лавы , и бѣлизна мрамора спашуй пріятно разнообразишь съ цвѣшномъ его. Воду доспавляешъ въ сей фоншанъ испочникъ, кошорый, перебираясь по рышвинамъ , проведенъ въ городъ деревянными прубами, ушверженными на подмоспкахъ. На эшой площади, лучшей изъ шрехъ, находящихся въ Санша-Крузѣ, по вечерамъ производятся военные смопры и ученья гарнизона и милиціи. Я осмопрѣлъ нѣсколько церквей; онѣ обширны , но неизяшнаго зодчеспва. Привѣски (ex-voto), плохія каршины , безмѣрная роскошь позолопы безобразяшъ ихъ своею песпрошою. Дымъ маленькихъ восковыхъ свѣчекъ, зажигаемыхъ пысячами передъ алшарями разныхъ свяшыхъ, копшишь своды и образа. Непріятный запахъ слышенъ изъ церковныхъ погребовъ; въ нихъ хороняшъ мерпвыхъ , слѣдуя спарому, весьма дурному обычаю, и опъ того всѣ церкви здѣшнія испещрены эпишафіями.

Находясь подъ шою-же зоною , подъ кошорою находящаяся Кишай, Индія и Персія, оспровъ Тенерифъ, благодаря своимъ долинамъ , горамъ и береговымъ возвышеніямъ, соединяешъ всѣ роды шемпе-

рашуръ, кромѣ холодной. Больнымъ, какъ говорятъ, можно посовѣшовавъ вмѣсто лекарства благовонный воздухъ здѣшняго города Орошава. Англичане предпочитаютъ даже Tenerifскій климатъ Ишальянскому. Оплъ того на оспровѣ большое спеченіе народа. Иностранцы, купцы изъ различныхъ странъ Европы, оплщаються разнообразіемъ своихъ національныхъ одеждъ. Смуглые Африканцы съ мыса Могадора, кошорыхъ узнаете по ихъ чалмамъ, *каикамъ*, привязаннымъ къ плечу, и полусапогамъ изъ красной кожи, безпрестанно встрѣчаються по улицамъ. Нищіе надобдають путешественнику въ Санша-Крузѣ, и безспыдство ихъ не уступаетъ неоправданности ихъ одежды. На каждомъ шагу, васъ привѣстивуеиъ нищій и просишь исполнишь вашу *картилле* (*). Испанцы расхаживають важнымъ шагомъ, закутавшись въ суконные плащи, кошорые носятъ они лѣтомъ и зимою. Священники, пустынники, монахи шолкаються по прошшуарамъ; шагу не сдѣлаете не зацѣпившись за ихъ рукава, кошорые безпрестанно цѣлуютъ у нихъ набожные прохожіе. Купцы останавливають духовныхъ людей, даютъ имъ небольшія монетки и просятъ молитъ Пресвятую Богоматерь о помощи въ торговыхъ предпріятіяхъ. Въ Санша-Крузѣ есть Инквизишоръ; но ревность Свяшой Коллегіи умѣряется здѣшними

(*) *Leerle à uno la cartilla* — учпивое выраженіе Испанское: напомнить кому нибудь объ его обязанности. Но въ тоже время, *cuartillo* значить и четверть реала Испанскаго, мѣлкую серебряную монету. Прим. Пер.

коммерческими правами. Подъ вліяніемъ Испанской полишики, Инквизиція ограничивается здѣсь только наблюденіемъ за ввозомъ философскихъ и вредныхъ книгъ, и преслѣдованіемъ Франкъ-Масоновъ. Росписи, выспавленные въ церквахъ, показываютъ благочестивымъ людямъ, какихъ именно книгъ должны они убѣгать. Эти каталоги весьма любопытны: подъ равнымъ проклятіемъ видите вы въ нихъ самыя опшврашительныя и самыя высокія произведенія ума человѣческаго. Иногда цензоры Инквизиціи попадающія въ забавныя ошибки: нѣсколько лѣтъ тому, не читавши, они обрekli проклятію книгу о *Революціяхъ*, думая, что въ ней говорится о какихъ нибудь возмущеніяхъ полишическихъ, а это было превосходное математическое сочиненіе о *революціяхъ* (т. е. поворотахъ) *небесныхъ тѣлъ*! Впрочемъ, на строгость цензуры здѣшней могутъ ропсать немногіе, занимающіеся чтеніемъ, а вообще народу, или большей части жителей, не велика нужда до цензуры, ибо онъ просто ничего не читаетъ. Всегда занятые пѣніемъ духовной пѣсни, всегда перебирая рукою чешки, ремесленникъ, виноградарь, земледѣлецъ, обушій въ свои *эспадрили* (*), съ шелковою сѣшкою на головѣ, даже идешь по рынку и по улицѣ напѣвая псалмы. Вспрѣвшись-ли вамъ за городомъ погонщикъ муловъ, разнощикъ, крестьянинъ — у всякаго въ устахъ какая нибудь духовная пѣсня, или *Господи помилуй*!

Я не согласенъ съ людьми, осуждавшими нарядъ

(*) Родъ обуви, изъ толстой ткани, *espadraro*. Прим. Пер.

Тенерифскихъ женщинъ; ихъ короткая юбочка, изъ шерстяной матеріи желтаго цвѣта, съ черною широкою бордюрою, право, очень красива. Маншилья, кошорую поднимають онѣ на голову, до самаго лба, чшобы закрыть шею, плеча и руки, показалась-бы одѣяньемъ неловкимъ и безобразнымъ при ихъ круглой шляпкѣ, но женщины здѣшнія умѣють по-собить неловкости этого одѣянія особымъ щегольскимъ манеромъ надѣвать маншилью. Богатыя женщины, ходя только въ городѣ, и то въ часы прохлады, не имѣють надобности носить шляпъ, и матерія, изъ которой дѣлають онѣ маншильи, бываетъ саржа, или даже кисея, съ кружевною обшивкою. Моды Французскія успѣли завоевать себѣ нѣсколько прелестныхъ охотницъ до щегольства; но вліяніе Испанскихъ нравовъ придаетъ даже и этимъ щеголихамъ что-то суровое и принужденное. Вообще походка женщинъ здѣшнихъ медленная, физіогномія угрюмая; своими вѣерами закрываютъ онѣ въ половину лицо, и никогда не оборачиваясь къ вамъ, какія-бы учтивыя ласкашельства ни начали вы говорить имъ. Вообще онѣ смуглы и сухощавы; рты у нихъ слишкомъ велики, носы слишкомъ орлиные, но зубы ихъ прелестны, брови красивы и глаза живые.

Въ образованныхъ обществахъ здѣшнихъ, иностранца всегда встрѣшаютъ и примутъ ласково. Едва входитъ гость, по здѣшнему обычаю, подносятъ ему рюмку мадеры и *сигарито* — родъ небольшихъ сигарокъ изъ крошеннаго табаку, завернушаго въ трубочку изъ тоненькой бумаги. На

Тенерифъ, какъ и вездѣ въ торговыхъ колоніяхъ, жадно слушающъ вѣсти изъ Европы и съ любопытствомъ читающъ Журналы. Каждого прибывшаго вновь окружающъ, засыплющъ вопросами; но за то гостю здѣсь ошпашишь вѣжливостью и услугою всякаго рода — поведущъ васъ смотрѣшь все рѣдкости, все замѣчательное, гостю разскажутъ вамъ всякія подробности, и услужитъ вамъ во всѣхъ вашихъ надобностяхъ. Я одолженъ дружескому участию особъ, извѣстныхъ знаменитостью именъ своихъ и снѣпению чиновъ, пѣми изслѣдованіями, которыя, менѣе нежели въ недѣлю пребыванія моего на Тенерифъ и другихъ островахъ Канарійскихъ, успѣлъ собрать.

Архипелагъ Канарійскій находится между $27^{\circ} 39'$ и $29^{\circ} 26'$ сѣв. шир. и $15^{\circ} 40' - 20^{\circ} 30'$ зап. долготы, отъ Парижа. Онъ состоишь изъ семи острововъ: Лансероты, Форшавеншуры, Великой Канаріи, Тенерифа, Гомеры, Пальмы и Ферро. Нѣсколько каменныхъ утесовъ, возвышающихся изъ безднъ моря, образующъ собою островки *Алегранза*, *Клара*, *Грасіоза* и *Лобосъ* (веселый, свѣплый, пріятный и волчій), но они не снотъ упоминанія.

Исторія этого архипелага исполнена чудесностей. Если хотя немного вѣришь предположеніямъ, то легко убѣдишь въ поэтическомъ вѣрованіи многихъ, будто Канарійскіе острова суть обломки древней *Атлантиды*, этой обширной земли, навсегда погибшей и поглощенной волнами моря во время ужаснаго наводненія и переворота, когда море разрушило перешескъ Гибральтарскій, разъ-

единило Европу отъ Африки, и спрашно хлынуло въ западный берегъ Африки. Здѣсь — кто осмѣлился спорить противъ этого? — здѣсь, можешь быть, просягивалась, отъ Асорскихъ острововъ до Зеленаго мыса, эта обширная земля, обильная, прекрасная, кипѣвшая народомъ, кошорый Платонъ заставляешь говорить въ своемъ Тимей: «*О Солонъ, Солонъ! всѣ вы, Греки, дѣти!*» Здѣсь, можешь быть, расширялась эта область баснословія, о кошорой говорили Омиръ, Діонисій Аликарнаасскій, Діодоръ Сицилійскій, Спрабонъ, Плиній, и сколько другихъ — земля волшебствъ, знаменитая въ Греческой Мифологіи, видѣнная Ашласомъ, Геркулесомъ, Персеемъ, земля Амазонокъ и Горгонъ, гдѣ жили Титаны, цвѣли Гесперидскіе сады, съ ихъ золотыми яблоками, жилище поэзіи, погруженное въ бездны морскія, такъ, какъ міръ Древней Поэзіи и Мифологіи погрузился въ бездны вѣковъ.

Въ послѣдовавшія за шѣмъ времена, Канарійскій архипелагъ былъ извѣщенъ подъ именемъ *острововъ Счастливыхъ*, и Птоломей назначалъ мѣсто ихъ между 44 и 46° сѣв. широты. — Картагеняне проникли сюда. Юба, царь Мавританскій, отправлялъ нарочно экспедицію и далъ островамъ названія, сохранившіяся донынѣ: *Юнонія великая* и *Юнонія малая* — это, какъ говорятъ многіе ученые, *Лансерота* и *Фортавентура*; *Канарія*, имя кошорой произошло отъ прекрасной породы шамшнихъ собакъ; *Ниварія*, Тенерифъ, названный Ниварією по снѣгамъ, вѣнчающимъ Пикъ его; *Капрарія* — нынѣшняя Пальма, обильная козами; *Плювіалія* —

островъ Ферро — Желѣзный, пошому, что на немъ нѣтъ водныхъ источниковъ, и жилили довольсшву- ющая дождевою водою; наконецъ *Пурпурарія*, ко- шорую Данвиль почишаетъ Лансерошою.

Послѣ экспедиціи Мавришанскаго государя, вѣ- рояшно, не однажды приспавали сюда корабли, увлеченные бурей, и мореплаватели, посѣщавшіе Африку, касались здѣшнихъ острововъ. Можно по- лагать, что Аравияне узнали ихъ въ то время, когда ревность Исламизма успредила сихъ завое- вателей на западъ. Дапперъ увѣряетъ, что Арави- яне называли тогда сїи острова *el-Bard* (холод- ные), по причинѣ снѣговъ Тенерифскаго Пика, а пошомъ *Gezayr el-Khaledât* (счастливые), по при- мѣру Древнихъ. Какъ-бы то ни было, но извѣстія о Канарійскихъ островахъ были весьма неопредѣ- ленны, пока Инфантъ Донъ Люизъ де-Серда вы- просилъ ихъ себѣ во владѣніе у Папы Клименша VI-го, въ 1344 году. Жалованная грамата Папы ис- числяла слѣдующія имена: *Канарія, Нингарія, Плю- віалія, Капрарія, Юнонія, Эмброней, Атлантика, Гесперія, Церненція, Гаргонія и Гаулетія*, всего одиннадцать острововъ, вмѣсто семи — доказатель- ство, какъ худо знали земли Атлантическія. Но До- ну Люизу не удалось даже и взглянуть на свое Афри- канское Королевство. Въ послѣдствіи, когда море- ходцы западные принялись за поиски въ Африкѣ, ар- хипелагъ Канарійскій нѣсколько разъ служилъ для нихъ мѣстомъ спасенія при кораблекрушеніяхъ. Историки Испанскіе говорятъ о жителяхъ Сициліи, Маіорки и Аррагоніи, приспававшихъ къ Канарій-

скимъ островамъ. Всего болѣе походитъ на романъ разсказъ ихъ о какомъ-то Бискайцѣ, *Мартинъ Руитзъ Авендано*. Брошенный съ кораблемъ своимъ бурей къ берегамъ Лансероты, Руишзо, по словамъ Испанскаго писателя Клавихо, нашелъ сей островъ населеннымъ племенами народа сильнаго и красиваго, копоры называли себя *Гуанги*. Черпы лица были у нихъ прекрасны, ростъ исполинскій, сила непомѣрная. Испанецъ и поварищи его бѣдствія были приняты съ особеннымъ дружесствомъ, и Руишзо, удостоенный чести жиить во дворцѣ государя Лансеротскаго, шакъ умѣлъ понравиться супругѣ власишеля острова, что новорожденная дочь Королевская совершенно походила на ловкаго и вкрадчиваго чужеземца.

Только съ 1402 года начинаешся досповѣрная исторія Канарійскихъ острововъ. Въ эшомъ году, искашель приключеній, какой-то *Баронъ Іоаннъ де-Бетанкуръ*, и поварищъ его, *Гадиферъ де ла-Салль* дворянинъ Гасконскій, приплыли къ Лансеротѣ и построили крѣпость, назвавъ ее *Рубиконъ*. Сей первый шагъ къ завоеванію, былъ послѣдуемъ дальнѣйшими побѣдами, подкрѣпляемыми прибытіемъ всякаго Европейскаго сброда. Испанія рѣшилась присовокупить завоеванія эшихъ бродягъ къ своимъ владѣніямъ. Съ 1464 г. Донъ Діего Гарсія де-Геррера, названный правишелемъ Лансероты и Форшавеншуры, переправился на Тенерифъ, копорый успѣли покорить однакожь только придцать два года спуешя, подъ начальствомъ Испанскаго аде-

лантадо (*) Алонза Фернандеза де-Луго. Но гораздо прежде была покорена Испанцами Пальма, а Испанецъ Педро де-Вера завоевалъ Канарію.

Подчиненіе Тенерифа было послѣднимъ дѣломъ Гуанчей, туземцевъ Канарійскихъ. По договору съ власпишелемъ Тенерифа *Бенгемо*, де-Луго обязался сохранить его личную безопасность, и вскорѣ вѣроломно нарушилъ свой договоръ. Несчастнаго власпишеля Гуанческаго увезли въ Испанію, какъ рѣдкую диковинку; попомъ возили его въ Римъ и Венецію, показавъ Папѣ и Дожу Венеціанскому. Тамъ умеръ послѣдній государь Канарійскій, въ состояніи достойномъ жалости. Но не только одни государи — весь народъ Гуанчей погибъ отъ меча Испанцевъ и заразительныхъ болѣзней. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ покоренія Тенерифа, ни на одномъ островѣ Канарійскомъ не оставалось уже ни одного изъ прежнихъ туземцевъ Канаріи.

Этотъ первобытный народъ сполнѣ лучшей участи. Безспрашный, добрый, довѣрчивый, онъ долженъ-бы былъ осмѣяться даже для того, чтобы показавъ Европейскимъ пришлецамъ свое самобытное и превосходное образованіе. Изъ тысячи примѣровъ, могущихъ дать понятіе о характерѣ Гуанчей, почишаю доспащочнымъ представивъ шоль-

(*) *Adelantado*, званіе, соотвѣтствующее предсѣдателю главнаго областного суда, или Губернатору. *Прим. Пер.*

ко два, копорые беру я изъ примѣтательнаго, и до-
нынѣ неизданнаго сочиненія Г-на Бершело, ученаго
Француза, долго жившаго на островѣ Teneriffъ,
гдѣ занималъ онъ должностъ Дирекшора одного
учебнаго заведенія. Г-нъ Бершело не могъ скры-
вать своего пристрастія къ первобытнымъ оби-
тателямъ Канарійскихъ земель; тщательно изу-
чивъ нравы ихъ въ памяшникахъ и преданіяхъ, онъ
оживлялъ сей изчезнувшій на вѣки народъ въ сво-
ихъ живописныхъ разсказахъ. Вскорѣ послѣ зна-
комства со мною, Г-нъ Бершело принужденъ былъ,
по причинѣ гоненій Испанскаго духовенства, оста-
вивъ Teneriffъ и удалился во Францію. Желательно,
чтобы онъ привелъ въ систематическій поря-
докъ все, что было собрано у него для исторіи
Гуанчей. Вошъ слово въ слово оспрывокъ, копо-
рый далъ мнѣ Г-нъ Бершело, и копорый ошносиш-
ся къ покоренію Испанцами Канарійскихъ земель.
Лучше длинныхъ разсужденій, онъ показываетъ,
что за народъ были Гуанчи.

«Во время вшоричнаго нападенія Испанцевъ на
островъ Канарію, Капитанъ Діего де-Сильва, съ
200 солдатами своихъ, вшоргнулся въ обласъ Галь-
даръ, опустошилъ ее, похишилъ сшадъ, захватилъ
женщинъ. Темезоръ Семиданъ, одинъ изъ *гванар-*
темовъ, или государей острова, собралъ своихъ
воиновъ, напалъ на Сильву съ превосходнымъ чис-
ломъ, и принудилъ его укрышся для защиты въ
одномъ зданіи, служившемъ, какъ говорили, мѣс-
томъ для казни. Окруженные со всѣхъ сторонъ,
Испанцы защищались два дня, но видя, что помо-

щи и спасенія ожидать невозможно, рѣшились начать переговоры и просили побѣдителяго Семидана о помилованіи. Онъ самъ приближился къ осажденнымъ, въ сопровожденіи *гвайресовъ*, или вельможъ своихъ, оставилъ всѣхъ другихъ за укрѣпленіями и одинъ вошелъ въ средину непріятелей. Тронутый бѣдственнымъ состояніемъ, до котораго доведены были Испанцы, Семиданъ началъ говорить имъ: «Жалѣю объ васъ, ибо мои воины рѣшились испребити васъ безъ пощады. Вы пришли къ намъ съ несправедною войною, похищали наши имѣнія, опустошили нашу землю, и великій *Алько-ракъ* (богъ) явно мститъ вамъ за насъ, если вы сами убѣжали въ мѣсто, назначенное для гибели преслупниковъ. Однакожь, поклянитесь мнѣ оставивъ ваши несправедливые замыслы и, можете быть, я спасу васъ.» Обнимая колѣна побѣдителя, Сильва клялся, что немедленно удалился. Тогда добрый гванаршемъ подозвалъ къ себѣ съ высоты укрѣпленій главныхъ своихъ вельможъ, и объявилъ, что Испанцы захватили его обманомъ, и хотѣли умершвишь, если имъ не дадутъ свободнаго выхода. Гвайресы оскорбились, хотѣли сражаться, но войско, любившее Семидана, не рѣшилось подвергать жизнь его опасности и дозволило Испанцамъ удалиться. Заключили договоръ; немедленно оказана была непріятелямъ всякая помощь. Положено было, чтобы самъ гванаршемъ проводилъ непріятелей до того мѣста, гдѣ стояли корабли ихъ, и которое до сихъ поръ указываютъ, называя его *la Cuesta de Silva*. Отправились ближайшею дорогою. Сопро-

вождаемые Семиданомъ и его войскомъ, Испанцы съ ужасомъ увидѣли, что ихъ привели на край утесистой горы; страхъ овладѣлъ ими; смерть, казалось имъ, являеся въ самомъ спрашномъ видѣ; они думали, что Гуанчи хошащъ сбросишь ихъ въ пропасти. Семиданъ замѣшилъ робость на лицахъ побѣжденныхъ, понялъ причину, и оборотясь къ Сильвѣ съ усмѣшкою состраданія, сказалъ: «Не бойся ничего — мы знаемъ пропинки, по которымъ проведемъ васъ къ берегу — дай мнѣ руку; я самъ помогу тебѣ сойдши безопасно.» — Каждый изъ Гуанчей взялъ подъ руку Испанца, и ихъ безопасно провели мимо пропащей. Сильва обнялъ своего избавителя, ошдалъ ему свою шпагу въ залогъ кляшвы и удалился ошъ береговъ, исполненный благодарнаго изумленія.

«Въ 1493 году, Фернандезъ де-Луго, аделаншадъ Испанскій, приплылъ къ Тенерифу съ 4000 воиновъ, и послѣ многихъ безплодныхъ покушеній, оспавилъ наконецъ свой укрѣпленный лагерь близъ Аназа (Санша-Круза). Онъ приблизился къ горамъ, окружающимъ область Таоро, желая осмопрѣшъ мѣстоположеніе. Власпишель Бенчомо, свѣдавшій объ его походѣ, ошправился изъ Орошопала (Орошава), оспавя брата своего Тингваро въ засадѣ, на краю долины Асенпехо, куда Испанцы безразсудно осмѣлились войдши. Хорошо разсчитанными соображеніями, Бенчомо угадалъ всѣ намѣренія непріятеля, и съ ошличнымъ войскомъ скрылся въ ближнихъ лѣсахъ, дабы кончишь дѣло рѣшишельнымъ ударомъ. Де-Луго прошелъ шрудное дефиле, не замѣчая ни-

какого движенія; все было тихо и спокойно. Гуанчи ожидали враговъ при ихъ возвращеніи. Испуганный уединеніемъ мѣста, боясь нечаянныхъ нападеній, предводитель Испанцевъ ворошился назадъ, гоня передъ собою многочисленныя спада, нарочно оставленныя Гуанчами, чтобы затруднить его опшупленіе. Едва только Испанцы вступили снова въ роковую долину, войско Тингвара показалось на всѣхъ окрестныхъ высотахъ, и съ страшнымъ крикомъ начало губить враговъ, скашивая на нихъ огромные ушесы. Въ то же время, Гуанчи, скрывше въ лѣсу, ринулись въ битву, а Бенчомо пресѣкъ опшупленіе Испанцамъ. Сжавше въ тѣсномъ ущельѣ, гдѣ не лзя было развернуть рядовъ, Испанцы старались только спастись отъ гибели, и въ отчаяніи шещно призывали на помощь Св. Іакова. Делуго хотѣлъ одушевить подчиненныхъ своимъ примѣромъ, но успунилъ числу непріятелей и выгодѣ ихъ положенія, едва успѣвши съ собою воиновъ, послѣ тысячи опасностей, выйдши изъ ущелья. Среди жаркой битвы, говорящъ испорики, Бенчомо явился на полѣ сраженія и нашелъ своего брата, раненнаго копьемъ и сидящаго на краю одного ущелья. «Какъ!» воскликнулъ Бенчомо — «твои воины сражающся, а ты сидишь въ бездѣйствіи?» — Я побѣдилъ — спокойно отвѣчалъ Тингваро — какъ полководецъ, я кончилъ свое дѣло; пусть теперь мои воины оканчивающъ свое — истребляющъ враговъ!»

«Но битва при Асеншехо была послѣднимъ днемъ славы для несчастныхъ Гуанчей. Неслыханныя бѣдствія слѣдовали за сею побѣдою; счастье оставило

побѣдителей и Испанцы подчинили побѣжденных тяжкому игу. Прекрасные острова утратили даже имя, копорымъ славились дошолѣ; несчастные обитатели ихъ были преслѣдуемы даже въ самыхъ неприступныхъ убѣжищахъ; одни изъ нихъ бросались съ вершины утесовъ, и погибали безплодными жертвами за опечество, копораго уже не могли защищать; другіе умирали съ оружіемъ въ рукахъ; кто переживалъ общую гибель, дѣлался рабомъ и былъ продаваемъ въ невольничество чужеземцамъ. Въ тогдашнія времена варварства, побѣдители думали, что имъ все позволено дѣлать съ полученною ими добычею. Событія и дѣла, могущія занять вниманіе историка, были забыты, и только черезъ восемьдесятъ лѣтъ пошомъ, добродѣтельный инокъ (Алонзо Эспиноза) взялъ перо, чтобы передать пошомъ описаніе свирѣпства Испанскихъ разбойниковъ, гордо называвшихъ себя героями и побѣдителями. Описывая безпристрастно, Эспиноза не побоялся опдаться справедливости погибшимъ шужеземцамъ, и осудилъ злодѣйства ихъ губителей, земляковъ своихъ.)

Таковы были Гуанчи, по разсказамъ самихъ Испанцевъ. Къ прогашельнымъ эпизодамъ, разсказаннымъ нами, можно бы присовокупить еще множество подробностей, исполненныхъ драматическаго движенія и яркой мѣстности. Таковы могли-бъ быть — упорное сопротивленіе Канарійскаго властителя Дорамаса и геройская смерть храбраго Тингваро, брата Тенерифскаго гванаршема, убившаго на шрупахъ девятнадцать Испанцевъ. Всюду

въ испоріи Гуанчей видѣше въ рыцарскую храбросшь, совершенное презрѣніе смерти, и рядомъ съ сими геройскими добродѣтелями находѣше крошкія свойства паспырей, краснорѣчіе мужественное и рѣзкое, слѣпую довѣренность къ святости обѣщаній, непримѣрное гостепріимство, склонность во всемъ видѣть одно добро.

Кто-же были эши Гуанчи? Откуда явились они на Канарійскіе острова? Надобно-ли видѣть въ нихъ остатки народовъ Атлантиды, погрязшей во глубинѣ Океана, остатки, подобно плавающимъ спасающимся на вершинахъ мачтъ, уцѣлѣвшіе на вершинахъ высочайшихъ горъ, изъ которыхъ образовались потомъ отдѣльные острова? Надобно-ли называть Гуанчей, слѣдуя одному изъ новѣйшихъ писателей, *Патагонами классической Географіи*? Или это были колонисты Финикійскіе, Арабское племя, Берберы или Шиллуки отъ предѣловъ Атласа, случайно войны, или бурю, брошенные на Канарійскій архипелагъ? Должно-ли почесть ихъ самобытными туземцами, или потомками какого нибудь извѣстнаго великаго рода? На всѣ сіи вопросы, наука не нашла еще отвѣтовъ, и, кажется, не найдетъ никогда. Завоеваніе Канарійскихъ острововъ было такъ губительно, такъ свирѣпо произведено, что все погибло подъ кровавою рукою побѣдителей — люди, преданія, памятники, все — даже языкъ народа — осталась земля, безмолвная и безопытная.

Нѣсколько словъ изъ языка Гуанчей пережили однакожь погибель сего достопамятнаго народа:

всѣ они , кажется , происходятъ отъ Арабскихъ корней, или отъ первобытныхъ Азіійскихъ языковъ. Другіе осмашки памяти Гуанчей ведутъ изслѣдовашеля еще далѣе, заставляя относить ихъ къ извѣстнымъ народамъ Древности. Такъ, напримѣръ, сооруженіе великихъ стѣнъ для безопасности земель своихъ , и еще болѣе бальзамированіе мертвыхъ тѣлъ, бывшее въ обычаѣ у Гуанчей , заставляютъ насъ признавать въ нихъ опродіе Египтянъ. Даже донынѣ, въ погребальныхъ пещерахъ Тенерифа, Гомеры и Канаріи , находятъ муміи Гуанчей , превосходно сохранившіяся. Благодаря симъ драгоценнымъ осмашкамъ, мы лучше всякой исторіи узнаемъ, что Гуанчи были высокаго роста; волосы у нихъ были тонкіе и гладкіе , иногда русые, и нисколько не похожіе на курчавую шерсть Негровъ. Гуморальныя полости (*la cavité humérale*) являющіяся въ скелетахъ Гуанчей открытыми, какъ у нѣкошорыхъ племенъ въ окрестностяхъ мыса Доброй Надежды. Погребальныя пещеры Пальмы, Канаріи и Тенерифа предсавляютъ точно такой-же порядокъ, какъ погребалища Сіушскія и Элеѳійскія; муміи поставлены въ нихъ въ такомъ же порядкѣ, и вошъ еще новое доказательство къ сближенію съ Египтянами: на Канаріи найдены небольшіе памяшники въ видѣ пирамидъ , безъ сомнѣнія , воздвигнушыя надъ значительными покойниками.

Извѣстно, что у Гуанчей были власшители, или *гванартемы* ; что правленіе ихъ было смѣсю аристократіи и еократіи; что у нихъ были *гіероглифы*, торжественные праздники и вѣрованіе въ еди-

наго Бога, блюстителя вселенной. Беспечная жизнь ихъ раздѣлялась между попеченіями о спадахъ и обработываніемъ земли. Они пишались плодами, овощами, рыбою и копченымъ мясомъ; употребленіе крѣпкихъ напитковъ было имъ неизвѣстно. Донъ Алонзо Эспиноза, безъ сомнѣнія, увеличилъ роспѣ ихъ, говоря, на примѣръ, о власпителѣ Гвипарѣ, будто-бы онъ былъ 14-ти фузовъ въ вышину, и что во рту его находилось восемьдесятъ зубовъ. Что касается до женщинъ, онѣ имѣли пріятныя, правильныя лица, прекрасную шалю, прелестныя формы. «Онѣ носили красивыя шюники,» говоритъ Бори де-Сенъ-Венсанъ, «перехваченныя въ срединѣ шѣла, обрисовывавшія собою ихъ шалю, не переходившія въ длину за колѣно, и открытыя немного на шеѣ. Головной уборъ ихъ состояла изъ тонкой кожи, перевитая волосами и красиво обвязанная вокругъ головы.» Таковы были женщины на Лансеротѣ; на Тенерифѣ щегольство проспиралось гораздо далѣе — женщины румянились. «Онѣ скрывали отъ нескромныхъ взоровъ мужчинъ весьма немного изъ своихъ прелестей — стройныя плеча, прекрасная шея ихъ, словомъ, вся верхняя часть шѣла была прикрыта только кудрявыми, распущенными волосами, иногда небрежно заплетенными. Узкая юбочка изъ замши, завязанная на поясицѣ, роскошно обвивала шѣло ихъ до колѣнъ, и своею мягкостію обрисовывала всѣ формы, о красотѣ которыхъ можно было догадываться по открытымъ частямъ шѣла.» Сія картина, положимъ, слишкомъ украшенная роскошью юнаго,

поэтического воображенія, показываетъ однакожь, почему власнь женщинъ была споль безмѣрна на Канарійскихъ островахъ. Спранный успавъ *полиандріи* (многомужія) былъ здѣсь допускаемъ, и это увлекаетъ мысль къ баснословнымъ Амазонкамъ, кошорыхъ царство поперяно въ Испоріи и опчизна неизвѣсна. Одѣяніе мужчинъ также было спранное и особенное: съ своими полусапожками и сандаліями, похожими на кошурны древнихъ Грековъ, крѣпкими щипами изъ коры драконоваго дерева, широкими *тамарко*, или плащами изъ козлиной кожи, огромными волосяными шапками, украшенными перьями, они имѣли видъ воинспвенный и дикій, согласный съ ихъ исполинскимъ ростомъ и аплешическимъ сложеніемъ.

Вначалѣ Гуанчи были *троглодиты*, то есть, жили въ пещерахъ, по горамъ; но искусство построения сдѣлалось попомъ извѣстно на Канарійскихъ островахъ, и много находилось здѣсь каменныхъ домовъ. Острова обильны были тогда обширными лѣсами; дожди не были рѣдкостью, и источники воды упучняли землю. Только на островѣ Ферро воды вовсе не было. Европейцы, приставшіе къ сему острову въ 1406 году, погибали отъ жажды; одна женщина опкрыла имъ существованіе особеннаго рода деревъ, доспавлявшихъ островишянамъ воду. Эти деревья назывались *гарое*. Боншье и Леверрье, духовники и испоріографы Бешанкура, говоряшъ объ этомъ, описывая, что «на вершинахъ горъ острова находились деревья, съ кошорыхъ текла чистая, прекрасная вода въ водоемы, на-

рочно вокругъ нихъ устроены, и эта вода была превосходна для пищи.» Карданъ прибавляетъ, что воды спекало съ одного дерева до 70 фунт. въ день. Кайраско, Меркашоръ, Дапперъ, Феихо, Клавихо, всѣ свидѣтельствуютъ объ этомъ водопочивомъ деревѣ, и говорятъ, будто видали еще спариковъ, утолявшихъ жажду сею чудесною водою. Галиндо рассказываетъ гораздо положительнѣе, что во время поѣздки своей на островъ Ферро, онъ видѣлъ тамъ одно гарое на утесахъ горъ; что пень этого дерева былъ 12-ть палмъ (*) толщиною, а высота дерева простиралась отъ 30-ти до 40 футовъ; что круглая вершина его состояла около ста футовъ въ окружности, и листья дерева, густые, гладкіе, никогда не опадали, были всегда зелены, походили на лавровые, только гораздо болѣе ихъ. Резервуары были устроены вокругъ этого дерева, говоритъ Галиндо, для собранія воды. Утромъ, когда восточный вѣтеръ гналъ облака къ горѣ, они стремились къ гарое, и водяными каплями покрывались гладкіе листья его. Буря сокрушила это дерево въ 1625 году.

Гуанчи были поэты, музыканты, и спрассно любили пляску. Ихъ религіозные обряды, кажется, ограничивались весьма немногимъ; они признавали

(*) Мѣры въ Испаніи чрезвычайно разнообразны, смотря по областямъ, но *Кастильскія* принимаются въ основаніе. Кастильская, или *большая палма* (*grande palme*) составляетъ 1½ футъ, а футъ Кастильскій равняется 0,282655 частямъ метра Французскаго. *Прим. Пер.*

бышіе Бога, и молишся ему уходили на возвышенныя вершины горъ своихъ. Были еще у нихъ жрицы, *магады*, что-то въ родѣ Веспалокъ, обязанныя сохраняшь дѣвство, и эши Веспалки обливали новорожденныхъ дѣтей водою; такой обрядъ заспавиль Исианцевъ первоначально думаешь, будто Гуанчи хрисііане. О полипическихъ и гражданскихъ законахъ Гуанчей, мы не имѣемъ шеперь никакихъ свѣдѣній. Форма правленія, кажется, всего болѣе подходила у нихъ къ теократической. Жрецы говорили народу: «Великій Творецъ (Ачамасъ) сначала создалъ благородныхъ (Ачименсей), кошорымъ раздалъ всѣхъ созданныхъ имъ козъ. Потомъ создалъ онъ прослолюдиновъ (Ачикайновъ). Эшо послѣ созданное поколѣніе шакже осмѣлилось шребовашь себѣ козъ; но великій Творецъ опвѣчалъ имъ, что они сошворены служишь благороднымъ, и что имъ нѣтъ никакой надобности въ имѣніи.» *Файкасъ*, или великій жрецъ, могъ возвести прослолюдина въ благородные, и закономъ было посшавлено, что каждый ачименсъ, унизившій свое происхожденіе работою, напримѣръ, доеніемъ козы, лишался своего шишула благородства. Среди такой презирающей всякую работу аристократіи, власпишель долженствовалъ бышь и былъ первымъ лѣнивцемъ изъ всего государства. При всшупленіи на престолъ новаго власпишеля, одинъ изъ спариковъ подавалъ ему кости кошораго илбудъ изъ его предшесшвенниковъ, и новый власпишель клялся надъ сею свяшыннею править народомъ мудро и справедливо.

Законы гражданскіе не составляли никакого систематическаго уложенія; все сохранялось въ преданіяхъ и обычаяхъ. Мы упоминали уже, что много-мужіе было позволено. На Лансеротѣ женщина могла имѣть до шрехъ мужей; каждый изъ нихъ пользовался правами супруга въ теченіе мѣсяца; другіе въ это время дожидались своей очереди, и служили общей женѣ и очередному товарищу своему. За двадцать дней до вступленія въ первое супружество, дѣвушку начинали опкармливать; давали ей лучшія кушанья, запрещали ей всякую работу, и если, къ положенному сроку, женихъ находилъ, что невѣста его не довольно дородна, онъ могъ отказатьсѣ отъ нея, и искать другой, болѣе пучной.

Обитатели Лансероты, кажется, болѣе всѣхъ Гуанчей были опытны въ искусствѣ построекъ; влашитель тамошній, Зонзамасъ, жилъ во дворцѣ, правильность котораго удивляла Бешанкура и его товарищей. Большая стѣна, пересѣкавшая на двое островъ Форшавенпуру, остатки которой видны еще донынѣ, была сооружена изъ огромныхъ камней, положенныхъ одинъ на другой, какъ видимъ это въ строеніяхъ, называемыхъ циклопейскими (*).

(*) Остатки громадныхъ и грубыхъ построеній, въ различныхъ странахъ Европы, въ Азіи и даже Америкѣ. Нѣтъ никакихъ историческихъ извѣстій о томъ, какіе изъ первобытныхъ народовъ производили сіи изумительныя постройки. Древніе приписывали ихъ работѣ Циклоповъ, и новѣйшіе ученые приняли для означенія ихъ это названіе. Прил. Пер.

Вошъ, удаляя несбыточные преувеличенія, все, что извѣстно намъ о Гуанчахъ. Въ Teneriffъ, на этой землѣ, гдѣ жили они, особливо надобно оспергаться преданій, привязанныхъ къ ихъ воспоминанію. Начиная съ Санша-Круза до Орошава, по рассказамъ жителей, нѣтъ мѣста, гдѣ не напоминали-бы вамъ о Гуанчахъ: здѣсь *Матанза*, гдѣ погибло много Испанцевъ; тамъ *Витторіа*, мѣсто разбитія храбраго Бенчомо; далѣе *Асентехо*, *Таоро*, и проч.—Всякій изъ здѣшнихъ жителей знаетъ что нибудь о погибшемъ народѣ; не одинъ проводникъ Орошаваскій спанель увѣрялъ васъ, что онъ *Гуангъ* по своему происхожденію, хотя болѣе спалѣлъ прошло, какъ на всемъ архипелагѣ Канарійскомъ нѣтъ уже ни одного потомка Гуанчей.

Особливо возвращаясь съ прогулки нашей на Teneriffскій Пикъ, мы встрѣтили много такихъ хвастливыхъ рассказчиковъ. Я участвовалъ въ этой прогулкѣ, вмѣстѣ съ офицерами нашей корветши, и путешествіе наше было вмѣстѣ ученое и живописное, топографическое и веселое. Каждый изъ насъ ѣхалъ верхомъ на лошади, а въ особыхъ вьюкахъ везли наши запасы и плащи. Мы взѣхали сначала на высоты около Лагуна, со стороны Санша-Круза. По дорогѣ, огороженной по краямъ кусками бальзама, предъ нами раскрывались поля, устланныя волканическимъ шлакомъ, на кошорыхъ расстелъ плохой хлѣбъ, а передъ бѣдными хижинами насъ встрѣчали полунагія дѣти, и поздравляя насъ, просягивали руки, прося милосыни. По мѣстамъ видны здѣсь кактусы и молочай. Но пе-

редъ Лагуною мѣстоположеніе открылось привлека-
кашельнѣе; направо видѣнъ былъ густой, зеленый
лѣсъ; передъ нами, до самаго города, поля, засе-
янные маисомъ, хлѣбомъ, просомъ. Небольшое,
хорошо обработанное пространство это было нѣ-
когда покрыто водою.

Мы отдохнули въ *Лагунѣ*. Этотъ городъ былъ
прежде главнымъ городомъ Тенерифа, но онъ у-
палъ, когда изверженіе Пика въ 1706 году уничто-
жило *Гварагико*, лучший портъ на островѣ, и при-
нудило основать *Санта-Крузъ*. Съ того времени
удалилось отсюда все торговое народонаселеніе,
и Лагуна, мѣстопребываніе судебныхъ мѣстъ и
праздныхъ дворянъ, не выдерживаетъ соперниче-
ства *Санта-Круза*. Дома здѣсь большіе и хорошо
построены, улицы опрятныя, хоша и поросли пра-
вою. Мы пробыли въ *Лагунѣ* около часа, и выѣхали
на большую, плодоносную долину, орошаемую ручь-
ями. Направо, къ приморью, видны были хижины,
загородные дома, огороды, виноградники, поля съ
хлѣбомъ; налѣво, лѣсницей подымались холмы и
пригорки, увѣнчанные лисивенницею и сосною. Какъ
записной ботаникъ, я замѣтилъ здѣсь расшенія:
Melissa fruticosa, *Euphorbia mauritanica*, *Saccarum*
Teneriffae, широколистную аспленію (*la Doradille*),
Chrysanthemum frutescens, и особенно прекрасное
дерево, извѣстное подъ именемъ *Poinciana pul-*
cherrima; далѣе ежовку (*l'Arbousier*) съ лавровы-
ми листьями, *Mosan*, *Geranum vitifolium* и *Scab-*
rum. Огромные Американскіе агавы (сабуровое
дерево) росли по обѣимъ сторонамъ дороги. Сре-

ди сихъ наблюдений прибыли мы въ Орошаву, прелесный городокъ, гдѣ остановились ночевать.

Оротава, древняя Орапопола Гуанчей, находящаяся близъ сѣверныхъ опраслей Пика, во внутренности острова. Гавань ея, омывающая отъ города на три мили, называется Puerto de l' Orotava и Puerto de la Paz (гавань мира); это небольшая зашишенная бухта, худо защищающая корабли отъ волнений.

Въ Орошавѣ есть ботаническій садъ, хорошо снабженный рѣдкими растеніями, и училище, въ которомъ долго былъ Директоромъ Г-нъ Бершелло. На землѣ, принадлежащей сему заведенію, находится огромное дерево Dracaena draco (драконова кровь), о которомъ столь часто говорили путешественники. Мы измѣряли пенъ его въ основаніи, и нашли, что толщина его въ окружности простирается до 48 футовъ; высота до 70 футовъ, хотя цѣлая половина дерева опломбена бурей въ 1849 году. Преданіе говоритъ, будто въ 1406 году, когда Бешанкуръ приспалъ къ Лансеротѣ, дерево это было уже столь-же огромно и дряхло, какъ теперь. Но многіе естественныя испытатели утверждали, что порода сихъ деревьевъ совсѣмъ не земная на Канарійскихъ островахъ. Задача была разрѣшена Г-мъ Бершелло, открывшимъ драконовыя деревья въ такихъ мѣстахъ, гдѣ конечно никто не думалъ разводить ихъ. Онъ срисовалъ съ напуры одно изъ такихъ дикихъ деревъ, распускающее на ушесѣ конической фигуры, отъ чего составляетъ оно какъ будто плюмажъ огромной шляпы;

внизу его возвышаются два алоевыя дерева. Следственно, *Dracaena draco*, или *draco arbor*, есть природное здѣшнее произведеніе. Исторія подтверждаетъ сіе мнѣніе, говоря, что Гуанчи дѣлали щипсы свои изъ коры этого дерева. Отсюда догадка нѣкоторыхъ ученыхъ, что драконъ, хранишель яблоковъ Гесперидскихъ, означалъ именно сіе произведеніе природы. Сокъ его имѣетъ цѣлебныя качества. Монахи Лагунскіе приготавливаютъ изъ него зубной порошокъ.

На другой день мы отправились къ вершинамъ Пика, по неловкой дорогѣ, вымощенной скользскою лавою. Три четверти часа ѣдете по землѣ хорошо обработанной; здѣсь начинается область каштановыхъ деревъ, занимающая широкую полосу въ полмили шириною, и шуазовъ на двѣсти въ высоту по горѣ. За послѣдними каштанами вступаешь въ царство облаковъ, гдѣ распускаются деревья съ толстыми, крѣпкими листьями, лавръ, ардізія, *Mossanera*, *Ilex perado*, *Olea excelsa*, *Myrica faya*, и въ шѣни ихъ прозябаютъ лѣсныя расшенія, свойственныя климату здѣшнему, ранункулы, дороника, лабанникъ, аспленій. Послѣ сего отдѣленія и области сосноваго лѣса идешь отдѣленіе кустарниковъ, на 300 шуазовъ въ высоту и 2000 пространствомъ. Кустарники эти, отъ 6-ти до 12-ти футовъ вышины, перемѣшаны съ *Nuregicum canariense*, уродливымъ шминомъ, и множествомъ другихъ деревцовъ и травянистыхъ расшеній.

Чѣмъ выше, тѣмъ болѣе очищалась атмосфера; мало по малу, по мѣрѣ нашего восхожденія, мы,

шакъ сказашъ, спряхивали съ себя оболочку шума-на и росы ; зелень исчезала , кустарники рѣдѣли ; являлась *Cytisus foliosus* , сначала рѣдкая и пощая , и спановилась тѣмъ густѣе и сильнѣе , чѣмъ болѣе суха и поща являлась почва земли. Въ половинѣ сего опдѣленія , шуманъ разодрался надъ нами , какъ будто занавѣсъ , и взорамъ нашимъ явился Пикъ , ярко рисуя формы свои на синевѣ небесъ. За нами облака , сжапыя надъ лѣсами , образовывали какъ будто море , или ледникъ Альпійскій. Мы остановились полюбоваться прекраснымъ зрѣлищемъ , и срисовали вершину Пика въ разныхъ видахъ ея. До сихъ поръ скрытая облаками , или задвинутая нисшими горами , вершина Пика , съ моря похожая на шпигъ , принимала передъ нами форму конуса , огромнаго и величественнаго. Выходъ не былъ очень крупъ на сей высотѣ , слегка всхолмившейся , и сначала усѣянной огромными глыбами лавы , а потомъ усѣянной пемзою и обсидіаномъ. Прелестное деревцо , *Spartium supra nubium* , разнообразило собою обширную , однообразную пустыню , кошорую Испанцы называютъ *Canadas*.

Послѣ новаго опдыха въ *Cueva del pino* (Сосновой пещерѣ) , мы продолжали взбираться на гору между базальшовыми обломками ; будучи разбросаны около жерла горы , они показываютъ окружность крашера , или опверзшія. *Spartium* есть единственнае деревцо , могущее шумъ прозябашъ. Въ пемзѣ , раскинутой до самой подошвы Пика , является прелестная фіалка съ желтыми цвѣтами , недавно сдѣлавшаяся извѣстною ботаникамъ чрезъ

Г-на Бершело, подъ именемъ *Viola Teydensis*, отъ слова Гуанческаго языка: *Teyde*, означающаго Пикъ; это послѣднее усиліе прозябающаго царства природы; оно оканчивается тамъ, гдѣ кончился пемза и начинается чистая лава.

День вечерѣлъ. Надлежало ночевать въ такъ называемомъ *la Estancia de los Ingleses*. На другой день мы ашпаковали конусъ Пика, взбираясь съ одной стороны его, по дорогѣ устѣянной пемзою, между двухъ пошюковъ лавы. Послѣ небольшой ошюгоспи *Alta-Vista*, началась чистая лава, идущая до подошвы, такъ называемой, *Сахарной головы*. Это разстояніе составляетъ, такъ сказать, пирамидальное основаніе жерла, и просширается ошвѣсно на 60 шуазовъ, если все возвышеніе жерла положишь въ 600 шуазовъ. Здѣсь послѣднее ошдѣленіе горнаго ожерелья; надобно было взобратъ далѣе на крушую гору, по скользской пемзѣ, дробившейся подъ ногами и запруднявшей путь. Наконецъ, послѣ шрехъ четвершей часа шрудной дороги, мы досшигли самой крайней кончноспи Пика.

Зрѣлище было величественно: въ полувысошѣ горы, подъ нами лежалъ влажный поясъ облаковъ, такъ, что низменности ошрова вовсе не было видно, и только возвышенныя мѣста Тенерифа, *Monte-Verde*, *Monte-Cahorra*, *Monte-Trigo*, *Monte-Caravella*, являлись изъ среды облаковъ, будто ошрова; облака сливались съ моремъ, и горы Лансероты, Форшавеншурь и другихъ ошрововъ

Канарійскихъ , казалось, продолжали эпошъ воздушный архипелагъ.

Верхушку Пика составляетъ краперъ, вполонину сглаженный , съ нешолстыми зубчатыми сшбнами , углубленіе котораго не болѣе 60-80 фушовъ ; снаружи все это усѣяно обломками лавы, пемзы и обсидіана. Сѣрныя испаренія вылешающъ изъ боковъ его и образуюшъ всегдашній вѣнецъ дыма на вершинѣ горы , хошя дно крапера совсѣмъ просшыло. Съ вершины Пика легко можно было увидѣшъ и разсмопрѣшъ всю заоблачную часшъ его , и мысль наша естешвенно спремилась къ разгадкѣ причинъ , сосшавившихъ это огромное геологическое явленіе.

Безъ сомнѣнія, нынѣшняя верхушка волкана была центромъ обширнѣйшихъ огнеизвергающихъ жерлъ, пролившихъ безмѣрное количество лавы , образовавшей нынѣшнюю основу острова. Эпошъ центръ, въ слѣдствіе посшепенныхъ изверженій, осшался одинъ въ дѣйствіи, и получилъ собшвенно названіе *Пика*. Первоначальный краперъ, долженсшвовавшій бышъ глубины величайшей , завалило мало помалу изверженіями вшоросшепенныхъ опшверзшій и наносомъ земли , увлекаемой дождями. Рабошя кончилась образованіемъ обширныхъ долинъ по горѣ , или *Canadas* , которыя находяшся почти въ уровень съ древнимъ волканомъ. Пока дѣйствіе подземнаго огня позволяло Пику извергать свои сосшавы , онъ продолжалъ возвышашься , до того мѣста , гдѣ начинаешся *Сахарная голова*. По досшженіи сей почки, безъ сомнѣнія, была великая

осстановка, или, по крайней мѣрѣ, значительное уменьшеніе въ силѣ огня, до тѣхъ поръ, когда возгорѣвшись снова, вулканъ образовалъ Сахарную голову. Тушъ огонь погасъ совершенно, и опъ изумительной силы его, какая пошребна была для произведенія столь великихъ дѣйствій, остаешся только главный краперъ, увѣнчивающій безсильнымъ дымомъ своимъ края *Сахарной головы*.

Но внутренняя работа еще не перестала. Задавленный тяжестью громадъ, извергнушихъ имъ, подземный огонь пробиваешся наружу опъ времени до времени. Не находя выхода въ самомъ Пикѣ, онъ пробиваешъ себѣ новыя жерлы. Такъ, напри- мѣръ — чшобы говорить только о современныхъ событіяхъ — ночью съ 8-го на 9-е Іюня 1798 года, одно изъ отдѣленій Пика, гора *Кагорра* лопнула съ громовымъ шрескомъ, и пятнадцать жерлъ выбросили изъ себя громады каменьевъ, пролили рѣки лавы. Они ограничились пошомъ двѣнадцатью, чешырьмя — шеперь осталось только три жерла — другія пошухли. Самое большое было недалеко опъ верха горы; изъ него выходилъ черный, густой дымъ, лешло пламя, сыпались каменья и раскаленные, перегорѣвшія вещества. Другое опверзшіе произошло ниже; шрешья опдушина, бывшая еще далѣе, походила на кузнечный горнъ, и при непрерывномъ дымѣ извергала изъ себя ручей переплавленныхъ веществъ, раздѣлившійся на три потока, пошомъ слившійся опять въ одинъ. Эшопъ ручей змѣился въ разныхъ направленіяхъ почти на цѣлую льѣ по острову.

При восхожденіи на Пикъ, мы совсѣмъ не встрѣтили нѣхъ непобѣдимыхъ препятствій, о копорыхъ столь много наговорили другіе путешественники, особливо Вердюнь де-ла-Креннъ. Досигнувъ вершины, мы были такъ бодры, что хорошо позавтракали, на высотѣ 4904 футовъ отъ поверхности моря, по счету Г-дъ Борда и Пингре, или 4858-ми, по новѣйшему вычислу Г-на Бальби. Послѣ часового отдыха, началось наше сходженіе съ горы, и въ разныхъ мѣстахъ осматривали мы продолговатыя круглыя опверзшія, изъ копорыхъ вырывается сѣрный паръ. Посѣтивъ Cueva de Nieve (пещеру снѣговъ), образовавшуюся изъ глыбъ лавы и наполненную замерзшею водою, мы снова пустились въ путь и прошли черезъ лѣса, гдѣ въ изобиліи растутъ *Pinus canariensis*. Среди этихъ лѣсовъ порхало множество чижиковъ съ зеленожелтыми перушками, столь извѣстныхъ въ Европѣ, подъ именемъ канареекъ.

Возвращеніе наше происходило быстро. Черезъ нѣсколько часовъ мы были уже въ Орошавѣ, и на другой день возвратились въ Санша-Крузъ, послѣ трехъ-дневнаго путешествія. Обратная поѣздка наша черезъ приморскую сторону Тенерифа дала намъ случай поживиться разными предметами Естественнаго. Мы видѣли два рода молочая — *canariensis* и *balsamifera*, оба замѣчательные по изобилію молочнаго сока; но сокъ перваго изъ нихъ, называемый *cardon*, горекъ, жгучъ и прошивенъ, а втораго, *tahayba*, напрошивъ, такъ сладокъ и безвреденъ, что жили дѣлаютъ изъ него родъ

спудени и їдятъ ее. Не это-ли шѣ два расшенія, о кошорыхъ говоритъ Плиній, что одно изъ нихъ даетъ сокъ, похожій на сладкое молоко, а другое сокъ горькій? Не они-ли также дали поводъ къ разсказу Помпонія Мелы о двухъ чудесныхъ фонтанахъ, изъ кошорыхъ вода одного заспавляла человѣка, пившаго ее, умирающаго безмѣрнаго смѣха, если онъ не поспѣшалъ выпить поскорѣе воды другаго? *Rumex lunaria*, *Carduus marianus* вспрѣпились намъ по дорогѣ близъ Такоронте; *Clech repens* и *Viburnum glutinosum* на предѣлахъ лѣса Агва-Гарсіаскаго, а потомъ *Blechnum radicans*, *Asplenium trichomanes* обогатили нашъ гербарій. Мы дополнили его сборкою еще нѣсколькихъ расшеній изъ рода орселей, красильнаго моха, кошорымъ производился на Канарійскихъ островахъ большая торговля въ Европу. Прежде нежели кошениль сдѣлалась общею повсюду краскою, Канарійцы отправляли своего красильнаго моха болѣе 3000 квинталовъ (*) ежегодно. — Подлѣ Санша-Круза, мы остановились близъ одной приморской башни. Милиціонный канонеръ Испанскій спожалъ шутъ на спражѣ. Одежда этой милиціи состояла изъ шерстянаго, или холщеваго полукафтанья, съ поясомъ, за кошорымъ носящъ эти грозные воины что-то въ родѣ кинжала. На головѣ у нихъ шапка, или родъ капишона (*saban*), шерстя-

(*) *Quintal*, мѣра изъ 100 фунтовъ Испанскихъ; фунтъ Испанскій равняется 0,460870 килограмма. Прил. Пер.

наго, съ двойнымъ забраломъ, къ верху похожимъ на Фригійскій калпакъ, а съзади съ лопаснями, падающими на плеча. Такія шапки носятъ здѣсь и не военные люди, горожане и сельскіе жишели; только первые изъ нихъ, на зиму, закушывающся въ широкіе сюршуки, а на ноги надѣвають паншалоны съ шпиблешами; впорые ходящъ проспо въ рубашкахъ и паншалонахъ, надѣвая пришомъ жилешъ съ узорными краями. Паншалоны у нихъ короткіе, собранные у колѣнъ, шакъ, что осшаль-ная часпъ ноги осшасешся голая.

Кромѣ шрехъ главныхъ городовъ на Тенерифѣ, *Санта-Круза*, *Лагунъ* и *Оротавы*, ешпъ здѣсь еще множество мѣстечекъ и селеній, расположенныхъ на 60-ти льѣ просширансшва, сосшавляющаго весь Тенерифъ. Вообще народонаселеніе здѣсь просшираешся до 80,000 человекъ. Хошя обильный хлѣбомъ, Тенерифъ принужденъ иногда, въ неурожайные годы, получащъ его съ Лансерошы и Форшавеншуры. Но въ замѣнъ шого, виноградники здѣшніе производящъ болѣе, нежели всѣ другіе осшрова въ сложносши. Вывозъ вина, двухъ соршовъ, *Малвоазіи* и *Видонья*, просшираешся ежегодно ошъ 20 до 25,000 пипъ. Здѣсь также производящъ большой засолъ рыбы, между прочимъ макрели, и продажа эшого шовара сосшавляешъ важный доходъ осшрова. Скошоводсшво невелико; нѣсколько сшадъ козъ и овецъ бродящъ кое-гдѣ. Изъ числа выучной скопины, верблюды, перевезенные сюда съ Африканскаго берега, развелись очень хорошо. Кромѣ вина и красильнаго моха, Тенерифъ

торгуешъ еще деревяннымъ масломъ, сухими плодами, льномъ и шелкомъ.

Четыре острова изъ всего Канарійскаго архипелага, *Тенерифъ*, *Великая Канарія*, *Гомера* и *Пальма*, образуя собою цѣпь высокихъ горъ, направляющуюся отъ востока къ западу. Только три изъ нихъ, Канарія, Тенерифъ и Пальма, именуяся *Королевскими* островами.

Канарія имѣетъ почти круглую форму, отъ 15-ми до 16 лѣ во всѣхъ діаметрахъ, и 55 лѣ въ окружности. Волканическая и мало плодородная къ сѣверной части, почва сего острова обилуетъ въ южныхъ частяхъ богатыми возвышенностями, гдѣ производятся майсъ, хлѣбъ, вино и сахаръ. Народонаселеніе достигаетъ до 55,000 человѣкъ. Городъ *Ласъ-Пальмасъ* есть главный всего острова и мѣстопробываніе Епископа другихъ острововъ Канарійскихъ. Доходъ сего духовнаго начальника простирается до 240-ка тысячъ франковъ. Замѣчательна деревня *Гвальдаръ*: она состоитъ изъ пещеръ, вырубленныхъ древними обитателями въ горныхъ утесахъ.

Пальма, островъ почти конической фигуры, имѣетъ около 28 лѣ въ окружности. Гористый и лѣсистый, онъ только по берегамъ производитъ нѣсколько хлѣба, вина, сахара, и особливо миндаля. Вершина одной изъ горъ его, образованная базальшовыми призмами, издалика походитъ на шолпу дѣшей, почему и называютъ эту гору *Rosa de los Muchachos* (Дѣшская гора). Жителей на островѣ до 45,000.

Окружность *Гомеры* до 48 лѣ; народонаселеніе 43,000 человекъ. Островъ перерѣзывается лѣсными горами и прелестными долинами. Изобильно всего, хлѣбовъ, плодовъ, вина, меду, руннаго и рогатаго скота. По словамъ Мильбера, только на этомъ островѣ изъ всего архипелага находясь олени и дикія козы (*chevreuils*). Главный городъ здѣсь *Сень-Себастьянъ*, съ хорошою гаванью, гдѣ починивалъ свои корабли Христофоръ Колумбъ, прежде нежели пустился на нихъ по безвѣстнымъ Западнымъ морямъ, въ 1492 году. Испанскіе монахи увѣряютъ, что первую колонію завелъ здѣсь Гомеръ, сынъ Іафета, упоминаемый въ Библии. Впрочемъ, это не первый примѣръ Историческаго вывода изъ этимологическихъ каламбуровъ.

Ферро, самый малый изъ всѣхъ острововъ Канарійскихъ, семи лѣ въ окружности, съ 5,000 жителей, и не заслуживалъ-бы особенной важности въ глазахъ путешественника, если-бы не вздумалось Птолемею избрать его, какъ самую крайнюю точку земной поверхности на Западъ, и провести черезъ него *первый* меридіанъ долготы. Со временъ сего географа начали исчислять градусы по этому пункту, и Людовикъ XIII, въ 1634 году, повелѣлъ, чтобы Французскіе географы слѣдовали непременно меридіану черезъ островъ Ферро. Но указъ не пособилъ дѣлу; счетъ меридіановъ производили и производятъ всякій по своему, и очень жаль, что по крайней мѣрѣ ученые люди образованныхъ народовъ не согласятся принять какой нибудь одинъ общій меридіанъ для геогра-

фическихъ вычетовъ. Рикчіоли сдвинулъ его съ Ферро на островъ Пальму, ошибкою думая, что сей островъ западнѣе Ферро. Голландцы считаютъ меридіанъ отъ Пика Tenerifского; Англичане отъ Гренвича (*); новѣйшіе Французы отъ Парижской обсерваторіи; Рускіе отъ Пешербурга, Нѣмцы отъ Вѣны и Берлина, Испанцы отъ Мадрида. Словомъ, нѣтъ ни одного народа, который не хотѣлъ-бы хвастать своимъ собственнымъ меридіаномъ, и долгою отъ него на своихъ картахъ. Досадная пупаница, служащая только къ затрудненію морской техники, и безъ того столь сложной и столь разнообразной!

Два остальные острова Канарійскіе суть: *Лансерота* и *Фортавентура*. На первомъ 43-ть тысячъ жителей (на 25 лѣ кв. пр. пространства); другой заключаетъ въ себѣ до 12,000 обитателей, на 63-хъ лѣ. Оба изобильны ячменемъ, хлѣбомъ, хлопчатною бумагою и содою.

(*) *Гренвичъ*, или *Гринъвичъ* (Greenwich), мѣстечко близъ Лондона, гдѣ находится знаменитый госпиталь для 2400 опсравныхъ мажоратовъ, училище для 200 дѣтей ихъ, и откуда раздается содержаніе еще 30,000 морскихъ инвалидовъ, находящихся въ опсравкѣ. Здѣсь есть также Королевскій дворецъ и устроена превосходная Королевская обсерваторія. «Что Вашему Величеству всего лучше нравится въ Гренвичѣ?» спросили у нашего Петра Великаго. — «То,» отвѣчалъ онъ, «что здѣшній Королевскій дворецъ походитъ на госпиталь, а госпиталь на дворецъ.» *Прим. Пер.*

Таковъ *Канарійскій архипелагъ*, могущій подъ другимъ управленіемъ составить богатѣйшее владѣніе. Одно изъ вредныхъ слѣдствій небрежности нынѣшнихъ его обладателей есть истребленіе лѣсовъ, сославлявшихъ нѣкогда для сего архипелага великій кубъ дождевой перегонки. На почвѣ острововъ, крупо оканчивающихся утесами къ морскому берегу, на землѣ сожигаемой солнцемъ, и опшалкивающей, или поглощающей въ себя внутреннюю влажность, лѣса изъ высокихъ деревьевъ привлекали къ себѣ облака, и доставляли непрерывное питаніе источникамъ и потокамъ, образующимся въ атмосферическомъ пространствѣ. Это было постоянною причиною прежняго обилія и богатства острововъ Канарійскихъ. Но истребленіе лѣсовъ производилось и донынѣ продолжается самымъ безразсуднымъ образомъ. Отраженіе солнечнаго зноя, опъ нынѣшней безлѣсной полщи острововъ, дѣлается столь сильно, что облака пролетаютъ мимо, и влажность, кошую пониженіе температуры могло-бы производить здѣсь, поглощается и исчезаетъ въ чрезвычайной сухости здѣшнихъ высотъ.

На западъ опъ Канарійскаго архипелага, въ неопредѣленномъ разстояніи, существовалъ, если вѣрить нѣкошорымъ Испанскимъ преданіямъ, еще островъ, называвшійся *Бараданъ*, или *островъ Св. Брандона*. Множество сказокъ разсѣявалось на Канарійскихъ островахъ объ этой баснословной землѣ, кошую, какъ говорили, посѣщаль въ 1500 году какой-то Канарійскій мореходъ, и пошомъ видѣль

и осматривалъ, въ 1700 году, нѣкто Педро Велло, какъ самъ онъ хвастливо объ этомъ рассказывалъ. Увѣряли многіе, что въ ясные дни весьма хорошо различаютъ эту землю съ высотъ Пальмы и Ферро. Святой Епископъ, какъ былъ слухъ, препроводилъ на сей неизвѣстный берегъ колонію хриспіанъ, которые обраши и крестили тамошнихъ дикихъ туземцевъ. Но послѣ 1759 г. переспали говоришь о чудесномъ островѣ. Можетъ быть, это былъ оптический обманъ, одно изъ явленій, столь обыкновенныхъ на морѣ, гдѣ часто облака представляющія издали землею. Можно почтеть возможнымъ также, что это было изверженіе подводнаго волкана, выдвигавшее на поверхность Океана груды пепла и лавы, снова разрушаемыя волнами морскими, какъ часто бываетъ это въ Средиземномъ морѣ (*).

Ничто не удерживало меня болѣе на Канарійскихъ островахъ. Или по личному обозрѣнію, или изъ рассказовъ другихъ, я узналъ все любопытнѣйшее. Наспалъ часъ отъѣзда. Споя на пристани, я

(*) Кромѣ извѣстныхъ, наружныхъ волкановъ, или огнедышащихъ горъ, дѣйствіе подземнаго огня производить иногда неожиданные взрывы шамъ, гдѣ ихъ вовсе не подозревали. Иногда это происходитъ на днѣ моря, и тогда изверженіе подводнаго волкана выдвигаетъ на поверхность морскую груды камней и земли, образующія собою острова. Такой островъ образовался нѣкогда близъ Уналашки, среди Алеутскихъ острововъ. Нѣсколько лѣтъ тому подобное явленіе было близъ Сициліи, окруженной множествомъ подобныхъ волканическихъ острововъ. *Прим. Пер.*

вспомнилъ, что здѣсь нѣкогда неудачно хотѣлъ
приспастъ храбрый Нельсонъ. Въ 1797 году, онъ
вздумалъ захвапшъ Тенерифъ нечаяннымъ нападе-
ніемъ. Съ тысячу человекъ выступилъ онъ на бе-
регъ, но огонь баштарей и пальба изъ ружей при-
нудили его поспѣшно удалиться, пошерявъ 500-тъ
человекъ. Ошважный предводителъ Англичанъ ли-
шился здѣсь руки.

ГЛАВА V.

СЕНЕГАМБІЯ И СЕНЕГАЛЪ.

Въ 6-ть часовъ вечера подняли мы якорь, и оставя заливъ Санша - Крузскій, направили путь къ *Бѣлому мысу*. Ночью меня занимали наблюденія надъ свѣшомъ морскихъ волнъ, чрезвычайно поразительнымъ въ сихъ мѣстахъ; онъ особливо замѣшенъ въ волнахъ, перебиваемыхъ носомъ корабля; широкіе всплески воды, весьма похожіе, по цвѣшу и отраженію свѣтлости, на нѣкошорыя, болѣе другихъ блестящія часши Млечнаго пути, непрерывно вздымались надъ темною поверхностью темнаго пространства воды. Отблески свѣта, живѣе другихъ и совершенно похожіе на блескъ Римскихъ свѣчъ въ фейерверочномъ огнѣ, сверкали отъ нихъ во всѣхъ направленіяхъ и тянулись вдоль корабля, въ видѣ воспламененныхъ шариковъ, казавшихся не менѣе шести линій въ діаметрѣ.

Эти шарики особенно привлекали мое вниманіе, и я предполагалъ, что свѣтъ ихъ должны производить какія нибудь фосфорическія животныя; съ пособіемъ часшаго сита, старался я поймать ихъ; но

едва сѣпка была вынимаема изъ воды, свѣпящійся шарикъ превращался въ маленькую искорку, и иногда исчезалъ вовсе, такъ, что невозможно было уловить причины свѣша. Наконецъ, послѣ многихъ покушеній, я открылъ, что свѣпящуюся въ морской водѣ точку составляетъ оживленный атомъ, похожій на пылинку, и съ помощію увеличительнаго стекла, я разглядѣлъ, что эта *пылинка* точно было животное, въ родѣ рака, чрезвычайно малое и прозрачное. Особенному свойству капель воды, которыми они окружаются, способныхъ къ лучезарности, безъ сомнѣнія, должно приписать яркій свѣшъ, извергаемый сими живыми атомами. Онъ бываетъ шѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе находяшся они къ поверхности моря; чѣмъ далѣе въ глубину, шѣмъ болѣе собраніе ихъ образуетъ свѣшъ бѣловашый и шускый.

На другой день, когда мы вышли на палубу, море представило намъ видъ совершенно прошивной ночью зрѣлищу, но не менѣе поразительный: оно явилось намъ не свѣпящееся, но зеленѣющее; можно бы сказать, что корабль нашъ плыть по обширной пажити, или пловучему лугу. Толстые слои *вареки*, или *саргасса*, темнозеленаго цвѣта, переходящаго въ желтый, занимали все пространство Океана, и взбиваемые волнами, выслаивались кусками на поверхности волнъ. Слои сіи были составлены изъ огромныхъ пучковъ морскаго расшенія, называемаго Французскими мореплавателями *Тропиковый виноградъ*; они простираются по Атлантическому океану до 25° широты, а къ сѣверу замѣчающся даже

близъ Асорскихъ острововъ. Древніе мореплаватели знали уже объ эсихъ пловучихъ островахъ, состояющихся изъ расшеній, плавающихъ въ морѣ. «Корабли Финикіянъ,» говоритъ Аристотель, «несомые восточнымъ вѣтромъ, послѣ штидцашидневнаго спранспованія, прибыли въ шакое море, кошорое все покрыто было зеленымъ шроспникомъ.» Въ *Периплѣ* Скилакса шакже читаемъ: «За Черною море непроходимо для кораблей, по причинѣ мѣлководія, опѣ чего оно походитъ на болото и зарастаетъ правою, кошорая шолщиною въ руку, а на верхней оконечности оканчивается ошпреемъ.» Дѣйствительно, при первомъ взглядѣ на сіи луга Океана, опасеніе мѣлководія прежде всего должно пошревожитъ мореплавателей. Когда Колумбъ ошправился для ошысканія земель на Западѣ, его сошупники не могли преодолѣть ужаса, переплывая между пловучими шравяными островами, и назвали эшу часъш Анланшическаго океана *Mar de Sargasso* — имя, ошавшееся навсегда для означенія плавающихъ по морю шравъ. Нѣкошорые изъ ученыхъ, въ изобиліи сихъ шравъ хошѣли найдши доказательство пошонушшаго въ Анланшическомъ морѣ огромнаго машерика; но не шоль романически и гораздо правдовиднѣе можно предположитъ, что эшо сушъ пуки шроспника, ошрываетаго опѣ Африканскихъ береговъ, кошорые носяшся по морю, и пассапными вѣтрами удерживающа въ одномъ мѣстѣ, сдвигаясь въ большія груды (*).

(*) Кажется, надобно признатъ въ семъ ошношеніи дошповѣрнѣйшимъ мнѣніе Гумбольдта, что множество шра-

Во время плаванія нашего къ Бѣлому мысу, намъ удалось воспользоваться нѣкошорыми изъ немногихъ развлеченій, сокращающихъ однообразную скуку подобныхъ переѣздовъ по морю. Съ приближеніемъ нашимъ къ Африканскому берегу, болѣе и болѣе попадалась намъ рыба, и на уди наши, до сихъ поръ безполезныя, вдругъ доспались двѣ прекрасныя *макрели*, съ синеватою спинкою и серебристымъ брюхомъ; онѣ были опличной породы, называемой *sombres rélamides*; длина ихъ не болѣе двухъ фушовъ, и пясть полосъ на кожѣ ихъ казались въ водѣ зеленоватаго цвѣта, съ радужнымъ опливомъ; хвостъ и перья ихъ были шемные. Въ шопъ-же день мы лакомились нашею добычею за споломъ. Капишана, а на другой день поспѣло у насъ оняпъ роскошное блюдо: сшадо *летугихъ* *рыбъ* упало къ намъ на корабль, и мы подобрали ихъ. Еспесшвоиснышашели называющъ эту породу *ехосets*. Способность лешучеспи придающъ сей рыбѣ ея необыкновенно большія перья. Все шѣло лешучей рыбы покрыто чешуею, особливо голова, плоская и небольшая; она весьма нѣжна и вкусна, не бываешъ болѣе 12-ши дюймовъ въ длину, и весьма похожа на сельдя. Одаривъ сихъ рыбокъ способностью лешашъ, кажется, природа хошѣла по-

вы, въ родѣ длиннаго шроспника, плавающей по Океану, естъ произведеніе морскаго дна, на кошоромъ распешъ она, и попомъ, опрываясь вѣпрами и печеніемъ, всплываешъ на верхъ и составляетъ безконечныя плавающіе оспрова (см. *Voyage de Humboldt*, Т. 1, гл. 1). *Прим. Пер.*

казашь себя справедливою къ ихъ безпомощному сосшоянію. Едва-ли жизнь какого нибудь другаго шворенія подвержена столь ужасному безпокойшву и равной опасности. Рыбы средней величины, какъ-шо: макрель, шупоголовъ, и другія, непрерывно преслѣдуюшъ лешую рыбу въ морѣ; спасая себя, бѣдняжки поднимаюшся изъ воды, и—на нихъ нападаюшъ фрегаты, глупыши, бурняки и другія морскія пшицы, жадныя до ихъ мяса. Лешая рыба можетъ держашься внѣ воды, пока ея перья не обсохли, и лешая довольно высоко, можетъ измѣняшъ свой полешъ въ разныя шпороны; избавляясь опъ пшицъ, она безпрестанно касается морской поверхности, производя родъ рикшешовъ, подобныхъ прыжкамъ, какіе дѣлаешъ камень, брошенный съ силою по поверхности воды.

Море въ окрешносшяхъ Бѣлаго мыса обилуешъ лешучими рыбами. Имъ-шо, близъ сихъ самыхъ мѣсшъ, обязаны были спасеніемъ несчастныя плаватели корабля *Медузы*.—Мы находились въ нѣсколькихъ льѣ опъ знаменишой мѣли *Аршвинской*, гдѣ погибъ сей корабль, и прискорбное для Французскаго моряка собышіе невольно пришло намъ на памяшъ !

Эшо было въ 1816 году, когда несчастныя политическія обшояшешьсшва Франціи привели въ безпорядокъ все внушреннее управленіе; принуждены были удалить многихъ прежнихъ чиновниковъ за различіе въ мнѣніяхъ, и довѣріемъ Правительсшва воспользовались многіе люди, недосшойные вниманія правителей государсшва, неспособные къ за-

няпію мѣспѣ, какія были имѣ опіданы. Французскій
 флотъ, на ряду съ другими часпями управленія,
 также испыталъ невыгоды сего перелома дѣлъ;
 одинъ изъ чиновниковъ Адмиралшейства, въ на-
 смѣшку названныхъ опѣ моряковъ *выскозками* (les
 Rentrans), какой-то Шомарейксъ, вдругъ получилъ
 чинъ Капишана, и былъ опредѣленъ начальникомъ
 надъ экспедиціею, оппращенною въ Сенегалъ. Фре-
 гатъ, съ 400-ми человекъ, былъ ввѣренъ этому на-
 чальнику, едва-ли не въ первый разъ пущившемуся
 въ море. Слѣдствія были самыя несчастныя. Не-
 опытный Капишанъ умѣлъ погубить ввѣренный ему
 корабль, безъ всякой бури, безъ всякой морской
 нечаянности, на спокойномъ морѣ, въ спранѣ пас-
 сажныхъ вѣпровъ, гдѣ свободно могъ управлять
 пушемъ своимъ. Вопреки всѣмъ совѣшамъ, вопреки
 предоспереженіямъ другихъ офицеровъ, Капишанъ,
 плывя на полныхъ парусахъ, ударился объ мѣль,
 совершенно извѣспную, означенную на всѣхъ кар-
 шахъ, даже замѣченную, въ предоспорожностъ его,
 въ данныхъ ему наспавленіяхъ. Бѣдствіе было не-
 избѣжно. Всѣ пришли въ ужасъ и пошеряли спо-
 собностъ разсуждать. Офицеры, мапрозы, солдашы,
 пассажиры бросались въ шлюпки и на плоть, на-
 скоро сколоченный. Безпорядокъ былъ ужасный.
 Если до того времени недоспавало Медузѣ хо-
 рошаго начальника, во время крушенія еще болѣе
 пошребенъ былъ человекъ съ сильнымъ, мужеспвен-
 нымъ харакшеромъ, ободряющій своимъ примѣромъ,
 побѣждающій опасностъ великодушіемъ, и сохра-
 няющій устройство и подчиненностъ въ виду са-

мой смерти. Ничего этого не было. Шлюпки и плоть обременились людьми и поклажею до того, что вскорѣ принуждены были сбросить съ нихъ часть запасовъ и груза въ море.

Кому неизвѣстна дальнѣйшая исторія несчастливцевъ! Герико изобразилъ ее въ превосходной своей картинѣ, а Г-да Савиньи и Куденъ были сохранены Провидѣніемъ, чтобы пересказать ужасное смертное помленье *ста сорока восьми* человѣкъ, наваленныхъ, такъ сказать, одинъ на другаго, и безчеловѣчно преданныхъ свирѣпости Океана съ самымъ ничтожнымъ запасомъ вина и муки. Море непрерывно схватываетъ съ ушлаго пристанища бѣдствующихъ плавателей, которые и безъ того стоятъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по поясъ въ водѣ. Но тутъ начинается битва между офицерами и матрозами, битва въ морскихъ волнахъ, на пространныхъ 45-ти квадратныхъ футовъ, гдѣ кругомъ зияетъ бездна—неслыханная битва, въ которой ножъ, шпоръ, сабля устремлены погибающимъ на гибель товарища! Но когда ужасъ, или смерть, вырываютъ оружіе изъ рукъ, несчастные цѣпляются, держась другъ за друга, въ неистовомъ бѣшенствѣ перзаютъ одинъ другаго, думая, что мѣсто товарища безопаснѣе и опираясь у него это мѣсто... Смерть опускаетъ ряды—мѣсто оспальныхъ спланившись свободнѣе, но—голодъ, со всеми ужасами Даншева Ада, является погибающимъ—ихъ было еще 60-ть человѣкъ! *Двенадцать* дней проходитъ, и едва по нѣскольку капель воды, по нѣскольку кусковъ сырой рыбы достается каждому—они

бдяпть наконецъ умершихъ сопушниковъ ! И такъ сильно желаніе спасши бышіе свое, что оспальныя изъ всѣхъ, *пятнадцать* человекъ, хошяпть лучше испытапть неслыханныя мученія шомпшельной погпбе-ли и голода, но не предупреждаюпть ихъ смерпью... Такъ, съ 5-го до 17-го Іюля, море, голодъ, жажда, звѣрское опчаяніе терзали несчастныхъ. Іюля 17-го, одинъ изъ нихъ кричипть наконецъ, въ сумасшесшвіи воспорга—« *Корабль!* »—Да, эшо былъ бригъ *Аргусъ*, высланный изъ Сенегала для опысканія погпбавшихъ и уже опчаявшійся въ ихъ опысканіи. Какъ описать воспоргъ, испушленіе радости? Несчастливые связываюпть всѣ свои оспальныя лоскушья, машупть ими, кричапть, хошяпть бросишья въ море, обнимаюшья, плачупть. Аргусъ приблизился, и радосшными восклицаніями опшвѣчали мапрозы его на охрипый вопль спасенныхъ. Пшадцать спрадальцевъ, полумершвыхъ, полунагихъ, сгорѣвшихъ опъ солнца, были всшщены на корабль; никакія спаранія не могли спасши изъ нихъ шесшерыхъ — *девятеро* ожили. Люди, опсправившіеся на шлюпкахъ, были счастливѣе другихъ, и почти всѣ спаслись, не смошря на шяжкій переходъ черезъ палящія шепи, гдѣ вспрѣшила ихъ непріязнь Африканцевъ. *Семнадцать* человекъ не хошѣли опшавишъ разбишаго корабля, говоря, что *умирать все равно*. Аргусъ посланъ былъ за ними, и заспалъ изъ нихъ еще *трехъ человекъ*, державшихся за обломки—они прожили на нихъ 52 дня! Судьба Капишана Шомарейкса была удивительна, не менѣе неслыханныхъ бѣдешвій и спасенія его подчиненныхъ. Онъ былъ

одинъ изъ первыхъ, бросившихся въ шлюпки, спасся отъ гибели, и попомъ спокойно возвратился во Францію. Его судили, и объявили *неспособнымъ* продолжашъ службу, лишивъ званія Капитанскаго. Знающая родня утѣшила его за неудачу.

Вспоминая рассказанную нами плачевную исторію, повѣршая подробности ея, мы вдругъ были прерваны крикомъ: *Ура!* и воображеніе наше такъ было наполнено разговоромъ о кораблекрушеніи, что многіе содрогнулись, думая, не возвѣщаетъ-ли и намъ эшотъ крикъ неожиданной гибели! Напрошивъ, онъ означалъ неожиданную удачу: огромная *аккула*, или *рекинъ*, ухватила за уду, спущенную съ корабля, и машрозы, гордые шакимъ важнымъ завоеваніемъ, прикрѣпили къ заднимъ снастямъ желѣзную цѣпь, за кошую прицѣпленъ былъ нашъ рыболовный снарядъ; эшо была уда, или лучше сказать, довольно большой крюкъ, съ кускомъ свинины. Приманка обольстила прожорливое морское чудовище, шакъ, что оно проглошило приманку, уду, даже часъ цѣпи, по крайней мѣрѣ на 45-ть дюймовъ. Судите о бѣшенныхъ скачкахъ эшого морскаго разбойника (величина его была 46-ть фушовъ въ длину), когда, прикрѣпленная къ кораблю, желѣзная цѣпь прошивилась всѣмъ его усиліямъ, и уда шолько что раздирала болѣе и болѣе его внутренность, чѣмъ сильнѣе бился онъ и бросался, спараясь сорваться! Шканцы прещали отъ его усилій, и волны хлещали въ разныя стороны, когда свирѣпый плѣнникъ, испытывая силу цѣпи, рвалъ, грызъ ее, попрысалъ ужаснымъ образомъ. То, съ

удвоеннымъ проворствомъ, онъ кидался въ споро-
ну; но погружался въ глубину моря, откуда жес-
шокая боль заставляла его выплывать снова на по-
верхность моря; но кружился на цѣпи своей,
и долго оставляли его испытывать всѣ возможные
средства избавленія. Наконецъ, мало по малу,
ужасныя силы чудовища истощились, и тогда по-
тащили его на гикъ, длинную и крѣпкую райну,
которая находилась сзади корабля. Тупъ, висящій
на воздухѣ, прицѣпленный проглоченною удою,
нашъ рекинъ принялся за экзерцицію другаго ро-
да—прыгалъ, вершѣлся, билъ хвостомъ, грызъ цѣпь,
изрыгая пошoki черной крови, и выставляя наружу
чешыре ряда бѣлыхъ, спрашныхъ зубовъ, когда
открывалъ огромную пасть свою. Послѣ двухъ-
часовыхъ усилій его въ этомъ положеніи, осмѣли-
лись наконецъ вспащить его на корабль, и послу-
пили неоспорожно, ибо, едва почувствовалъ онъ
твердую опору, его прыжки и движенія возобно-
вились; хвостомъ производилъ онъ ужасные удары;
онъ одного изъ нихъ полетѣла вверхъ ногами
кѣшка съ курицами, стоявшая вблизи. Но это
было послѣднее усиліе спрашнаго силача морскаго.
Онъ уснулъ, и мапрозы приступили къ вскрытію
усопшаго. Оказалось, что добычу составлялъ пре-
восходный рекинъ изъ рода *Carcharias*, красавецъ
морской, со вдавленнымъ рыломъ, онъ чего при-
нужденъ онъ изгибался сильно на спину, когда
надобно ему что нибудь схватить своею спраш-
ною пастью. Даже и мертвый, онъ былъ еще ужа-
сенъ; прожорливость, какъ будто пережила его.

Желая разсмотрѣть зубы чудовища, мы сунули въ пасть его толстую палку: такова еще была гальваническая сила его челюстей, что онѣ сжались, и глубокіе слѣды зубовъ остались въ палкѣ. Ужасные примѣры, могущіе показати всю мѣру изумительной силы челюстей рекина, пришли на память свидѣтелямъ этого событія. Одинъ изъ офицеровъ рассказалъ между прочимъ анекдотъ о Капитанѣ Гошѣ, который начальствовалъ Наншскимъ кораблемъ, *Сынъ Франціи*, въ 1828 году. Также поймали и выпасили на корабль рекина, который бился ужасно. Казалось, что послѣ смертныхъ судорогъ, онъ заснулъ; попоромъ разрубили ему хвостъ; брюхо его оставалось распорошное около двадцати минутъ; сердце и внутренность были выняты. Капитанъ разсматривалъ челюсти чудовища, и желая что-то дать замѣнить своимъ товарищамъ въ расположеніи зубовъ, всунулъ руку въ пасть рекина. Можно-ли повѣрить? Челюсти сжались, и — рука неоспорознаго Капитана была опхвачена зубами въ одно мгновеніе. . . .

Прожорливостъ рекина издавна вошла въ пословицу. Самое имя этого чудовища (*) довольно показываетъ, что человекъ, вспрѣпившійся съ нимъ въ морскихъ волнахъ, можешь навѣрное счищать себя-покойникомъ. Ни одинъ изъ путешествовавшихъ въ пропическихъ странахъ не возвращаетъ

(*) Его иначе зовутъ Requiem — названіе панихиды по усопшемъ въ Каполической Церкви. Говорятъ, что и слово Requie, происходитъ отъ сего корня. *Прим. Пер.*

ся безъ разсказа о какомъ нибудь несчастномъ, перехваченномъ надвое, или лишившемся руки, ноги, головы отъ ненасытныхъ рекиновъ. Говорятъ, будто рекинъ можетъ схватить человека и въ воды, но это мнѣніе рѣшительно ложно. Вотъ слова одного изъ ученыхъ естествениспытателей: « По расположенію своей пасти, находящейся посрединѣ нижней части головы, передъ кошорою проспирается длинное, шупое рыло, рекинъ можетъ схватить свою добычу не иначе, какъ заворотивъ голову назадъ, или въ бокъ. Явно, что при такомъ неудобномъ изгибѣ, рекину невозможно выпрыгнуть, или приподнявшись изъ волнъ, поднимая огромную тяжесть воды, лежащую, не только на шлѣ его, но и на огромныхъ его плавательныхъ перьяхъ, горизонтальное протяженіе коихъ есть одно изъ главнѣйшихъ препятствій для способности, приписываемой рекину, выпрыгивать изъ воды. Не довольствуясь выводомъ изъ естественнаго образованія рекиновой головы, я многократно дѣлалъ опыты: самымъ сильнымъ и жаднымъ рекинамъ, плававшимъ вокругъ насъ, мы показывали приманку, держа ее дюймовъ на шесть отъ поверхности воды, и они не касались ее,плыли мимо, не дѣлая даже никакихъ покушеній ухватить добычу. Никогда не увидимъ мы головы, или шла рекинова надъ поверхностью моря; все, что показывается на поверхности, есть спинное перо, и иногда, весьма рѣдко, конецъ хвоста, по кошорому во время шихой погоды, можно узнать его издалека.»— По общему повѣрью мореходцевъ,

говорятъ также, будто рекинъ одаренъ чрезвычайно тонкимъ обоняніемъ, чувствуетъ больного человека за нѣсколько льѣ, и близъ каждого корабля, на кошоромъ находишся умирающій, непременно будто-бы плаваешь и рекинъ, ожидающій своей добычи. Оправданіе этого повѣрья заключаеши въ удивительной способности рекина выбирать мѣсто и обстоятельство, при кошорыхъ можетъ онъ удовольствоваться свою ненасытимую жадность. Такимъ образомъ, по непонятному инстинкту, онъ всегда плыветъ за кораблями, на кошорыхъ везутъ Негровъ невольниковъ, и гдѣ, слѣдственно, онъ шѣсношъ людей, набишыхъ въ шрюмъ, смертность бываетъ необыкновенная. Въ бурное время, множество рекиновъ собираются и плаваютъ близъ опасной Сенегальской мѣли, гдѣ всегда разбиваеши много лодокъ и шлюпокъ. Впрочемъ, рекины необщешительны и наиболѣе плаваютъ поодиначкѣ. Неизвѣстно, что удаляетъ ихъ другъ отъ друга, но осшальныхъ жишелей моря заставляеши убѣгать отъ нихъ то, что все встрѣтившееся съ рекиномъ будетъ неминуемо поглощено и пожрано. Только два рода рыбъ, маленькихъ, длиною не болѣе полу-фуша — *прилипали* и *спутница* (Remora и Pilote) — кажеши, живутъ съ опущеннымъ морей въ дружескомъ союзѣ. Каждое изъ этихъ чудовищъ всегда имѣетъ вокругъ себя двѣ, три, пять, шесть изъ этихъ рыбокъ, кошорыя ныряютъ, рѣзвяши подлѣ него, безопасно мелькаютъ мимо его паша, всплываютъ ему на спину, плаваютъ у него подъ брюхомъ,

около хвоста и головы. Для чего рекинъ щадитъ своихъ неоплучныхъ, рѣзвыхъ спутниковъ? Или они помогаютъ ему въ чемъ нибудь? Или это соглядатаи, одаренные лучше его чутьемъ, и предупредительные его о всякой опасности? Дѣло оспается загадкою, даже для самыхъ зоркихъ описателей подводнаго міра. Замѣтимъ только, что когда рекинъ, пойманный на удъ, бьется и силился убѣжать, маленькіе друзья не оставляютъ его, слѣдуютъ за нимъ, пока тянутъ его по водѣ; едва онъ подымется изъ воды, спутники бѣгутъ, но не пристанутъ тотчасъ къ другому рекину, собираются заботливо, ищутъ своего жаднаго покровителя, и иногда по нѣскольку дней слѣдуютъ за кораблемъ, куда всащили ихъ огромнаго товарища. Рекинъ есть существо живородящее; мясо его грубо и неудобоваримо въ желудкѣ, но мореплаватели, особливо мапроты, ѣдятъ его охотно. Наша шестнадцати-футовая добыча довольствовалась нашихъ мапротовъ въ печеніе нѣсколькихъ дней.

Среди этихъ мѣлкихъ событій плаванія и воспоминаній прошедшаго, черезъ шесть дней послѣ отбытія нашего изъ Тенерифа, приблизились мы къ порту Горейскому, гдѣ и бросили якорь 20-го Сентября.

Горей маленькій вулканическій островокъ, на полъ-льѣ пространства въ окрестности, болѣе длинный, нежели широкій, узкій посрединѣ, и находящійся подъ $14^{\circ} 40'$ широты и $19^{\circ} 45'$ долготы. Проливъ, въ 1500 шаговъ ширины, отдѣляетъ

еще его отъ Африканскаго материка. Горею можно раздѣлить на двѣ части: высокая часть видимая съ материкаго берега, представляешь самое живописное зрѣлище, съ крѣпостью, защищающею сію сторону, съ базальшовыми столпами, вышиною въ 300 футовъ, поставленными одинъ на другомъ, какъ на дорогѣ исполиновъ въ Ирландіи (*). Низменная часть острова соединяется съ вулканическою возвышенностью его узкимъ, наноснымъ перешейкомъ. Пороховой магазинъ, домъ Губернаторскій, церковь, казармы для гарнизона, небольшая гошпиталь, на весьма видномъ мѣстѣ, суть публичныя строенія острова. Дома построены изъ базальта, оштукатурены пескомъ съ известью, и при нихъ подѣланы террасы на манеръ Испанскій. Воды здѣсь большой недостатокъ; только два ручейка журчатъ внизу ущесовъ, и корабли

(*) Базальтъ, камень особенной породы, во многихъ мѣстахъ составляющій великіе утесы и горы, и расположенный въ нихъ правильными, переломленными, одинъ на другой поставленными столбами, въ необъятномъ количествѣ. Смотри на базальтовые громады, какова, напримеръ, *Фингалова пещера*, на островѣ Стаффъ, можно сомнѣваться, не произведеніе-ли это рукъ человѣческихъ? До сихъ поръ, геологи не рѣшили, что такое базальтъ — остатокъ-ли вулканическихъ изверженій, или порожденіе водъ, покрывавшихъ нѣкогда землю? — Дорогою исполиновъ въ Ирландіи называется множество рядовъ базальтическихъ камней, расположенныхъ по крутизнамъ горы, такъ, что они образуютъ собою нечто похожее на спускени громадной лѣстницы. Прим. Пер.

принуждены наливались водою близъ полуострова Зеленаго мыса.

Открытый въ XV столѣтіи Португальцами, Горея находился въ 1670 г. уже во владѣніи Французскомъ. Здѣсь была заведена коншора для торговли Неграми. Въ 1785 году, подъ начальствомъ Губернатора Буффлера, островъ сей сдѣлался главнымъ мѣстомъ всѣхъ Французскихъ заведеній на Сенегалѣ, и народонаселеніе росширалось на немъ до 5000 человекъ. Но съ сего времени Англійское заселеніе Св. Маріи, въ устьѣ Гамбіи, постепенно лишало Горею его важности. Нынѣ здѣсь не болѣе 4000 жителей, и шѣ состоятъ наиболѣе изъ Мулапровъ (*) и Негровъ, большею частію невольниковъ, захвапавшихъ себѣ значительныя выгоды торговли. Гоэлешы, принадлежащія Мулапрамъ, построенныя черными плотниками, управляемыя черными Капшанами, дѣятельно производятъ прибрежную торговлю по Африканскому берегу и на островахъ Зеленаго мыса. *Синьяры* (Signarres), или Мулапки, всего болѣе составляютъ душу сихъ дѣлъ; будучи умнѣе, хитрѣе, живѣе мужчинъ ихъ племени, онѣ нерѣдко наживающъ большія имѣнія

(*) *Мулатрѣ* — мѣднаго или смуглаго цвѣта человекъ, рожденный отъ Европейца и Негришянки, или отъ Негра и Европейской женщины. Иногда называютъ ихъ *Метисами*. Рожденный отъ Мулапра и дикой Американки, именуется *Жамбосѣ*. Родившійся отъ Европейскихъ родителей въ Америкѣ, въ Африкѣ, или въ Индіи, именуется *Креолѣ*. Прим. Пер.

торговлею. Иногда богашства доспаюшся имъ другимъ образомъ: проданная Европейцу своею матерью, Синьяра умѣетъ обольстить его своею прелестью, заспавляетъ дарить себя и наживаетъ независимое соспояніе. Корысполюбіе естъ сильнѣйшая спрасъ сихъ женщинъ, и между шѣмъ, онѣ бывающъ ревнивы и мспишельны. Нарядъ Синьяры, весьма простой, сподитъ между шѣмъ дорого. Онѣ обвивающъ голову дорогою кисеею; повязка, шипая золомомъ, прикрываетъ лобъ; на груди, по бѣлой рубашкѣ, пропягивается запанъ, изъ бумажной или шерспяной шкани, не успупающей изящеспвомъ рабошы лучшей шали; шакой-же запанъ виситъ на плечахъ сзади. Руки, ноги, уши убраны бывающъ браслешами, кольцами, золошыми подвѣсками драгоценной рабошы. Ожерелье, по Мавришанскому обычаю, соспоятъ изъ золошыхъ монешъ, нанизанныхъ на снурки; нерѣдко вспрѣшпше Синьяру, у кошой такое ожерелье соспавляетъ шяжелую цѣпь изъ цехиновъ, луйдоровъ и сувереней.

Черное населеніе Горей, опчаспи нѣсколько образовавшееся опъ сообщенія съ Европейцами, все еще сохраняетъ всякіе предразсудки своей каспы. Одно изъ главныхъ заблужденій ихъ естъ совершенная покорность *Марабу*, или чернымъ Мугаммеданскимъ священникамъ. Повелѣніе Марабу священно для Негра. Какъ жрецъ, какъ колдунъ, какъ лекарь, Марабу соспавляетъ одну изъ величайшихъ власпей въ сей часпи Африки. Горе шому, кто его ослушается! Собраніе Марабу осудитъ дерзкаго, и онъ погибнетъ опъ кинжала сихъ *Вольныхъ*

судей (*), осуждающихъ и исполняющихъ свои рѣшенія въ глубокой тайнѣ. Мѣсто для собраний тайнаго судилища Марабу находишся въ лѣсу, въ нѣсколькихъ льѣ отъ морскаго берега, подъ огромнымъ баобабомъ, великаномъ царства распеній, прикрывающимъ своими обширными вѣтвями жилище Великаго или главнаго Марабу. Одно средство избѣжать гибели, если она возвѣщена осужденному—заплатить выкупъ въ общую казну безчеловѣчныхъ судей.

Такимъ образомъ, спрание это духовное общество управляетъ здѣшними Неграми. Рѣшеніе суда ихъ надъ женщинами производится еще дерзновеннѣе, посредствомъ особеннаго обряда, называемаго *Мама Комбо*; это названіе уродливой чучелы, вырѣзанной изъ древесной коры, расписанной красками, и одѣтой въ длинное платье, съ рукавами, съ остроконечнымъ калпакомъ на головѣ, исписаннымъ волшебными фигурами. Обыкновенно этошъ спрашнй уродъ виситъ на деревѣ близъ каждаго селенія. Когда наступитъ время наказанія надъ какою нибудь Негришянкою, Марабу собираются толпою, и несутъ Мама-Комбо на главную площадь. Всѣ Негришянки должны являться передъ

(*) Такъ назывались члены *Тайнаго судилища*, существовавшаго въ Германіи, въ Среднія времена. Они собирались въ лѣсахъ, осуждали преступника, какого-бы онъ званія ни былъ, и исполняли надъ нимъ приговоръ свой, посредствомъ людей, которыхъ имѣли для такихъ исполненій. *Прим. Пер.*

ними, и всё собирающаго со страхомъ и пренешомъ. Тогда объявляеша имя виновной, коюрой Мама-Комбо пренеуеъ наказанія; она должна вышунпшеъ изъ шолны и вышерпшеъ наказаніе, какое опредѣляющеъ Марабу; нпкто не смѣеетъ спроспшеъ о прпчпне бѣды, а еше менѣе зашпшеъ преншунпцу. Мама-Комбо уносающеъ послѣ шого и по пренеуеу вѣшающеъ на обыкновенномъ его мѣспѣ.

Африканскій берегъ прпшевъ Гореи, и далѣе до полуострова Зеленаго мыса, населенъ народомъ *Уолофовъ* (или Олофовъ). Оне знакомсшеа съ Европейцами, эшоющеъ народъ сдѣлался самымъ вошншеннымъ и грознымъ изъ всехъ Африканскихъ племенъ. Въ началѣ ХІХ столѣтія, обпшашелп полуострова Дакарда, сосшавлявшіе часшеъ владѣнній *дамеля*, или повелпшеля *Кайорскаго*, возмушплсь прпшевъ сего сильного власшпшеля, и завоевалп свою независпмосшеъ оружіемъ. Онп живущеъ нынѣ подѣ начальсшевомъ избраннаго ими вождя, по имени Мокшара, почпш всегда обпшающего въ Гореѣ. Его владѣнія, сосшоющія изъ горпсшой, но плодотосной земли, можно назвашъ садомъ здѣшнихъ береговъ. Негры, подданные его, ппшающеъ *кускусомъ*, мукою, добываемою изъ расшенія *дугубъ-нпуль* (*Penicillaria spicata*), съ коюрою иногда мѣшающеъ свѣжую или сушеную рыбу, говядину, баранпну, или кислое молоко. Земледѣліе здѣсь весьма хорошо. Залпвъ Бенскій, окружающій полуостровъ, можно уподобпшеъ рыбному садку; шакъ обпленъ онъ рыбою всякаго рода. На берегу его находитпсь мѣспечко *Гамъ*, гдѣ каждый изъ достапочныхъ Ев-

ропейцевъ, живущихъ въ Горѣхъ, имѣешь свою *казу*, или увеселишельный сельскій домикъ. Утомленное видомъ базальшовыхъ скалъ, зрѣніе ошдыхаешь здѣсь на огромныхъ сшарыхъ баобабахъ (*Adansonia*), съ огромными, невысокими пнями, и съ исполинскими, густыми вѣшьями. Плодъ сего дерева именующъ здѣсь *хлѣбомъ обезьянъ*. Здѣшнія пальмы (*Elaïs guineensis*), въ 80 фушовъ вышиною, доставляющъ шуземцамъ освѣжающее, бѣловашое, сахарисшое и густое пишье, именуемое *пальмовкою*. Если пишь его свѣжее, нѣтъ никакой опасности; но если дашь ему постоять нѣсколько часовъ, оно забродитъ и опьяняетъ человѣка. Кромѣ кофейнаго дерева, го-явьеровъ, ананасовъ, Негришянскаго дашаха (*Detarium senegalense*), дашахъ-нѣея, или слоноваго дашаха, *Dialium nitidum*, Гвинейскаго перца (*Uvaria aethiopica*), а изъ огородныхъ прозябеній сладкаго пашаша, иньяма, арбузовъ, груздей, огурцовъ, здѣсь находишся множесшво другихъ произведеній. Къ несчастію, кромѣ зимняго времени, климашъ здѣсь убійсшвенный, и съ Іюня по Ноябрь лихорадка губитъ человѣка въ полсущки.

Въ бышность мою въ Горѣхъ, мнѣ рассказывали объ одномъ Французскомъ естесшвоиспытателѣ, совершившемъ обширныя пушешествія по Африканскому материку. Изъ Сен-Луи, онъ поднялся по Сенегалу до Подора, посѣшилъ озеро Н'геръ въ Сенегамбіи, и потомъ обозрѣлъ Зеленый мысъ, Албреду на Гамбіи, рѣку Казамансъ въ землѣ Фелусъ-Оласовъ; это былъ нѣкто Г-нъ Перрошше. Онъ познакомилъ въ послѣдствіи публику съ своими шру-

дами въ *Annales des Voyages*, и въ изданной имъ *Flore de Sénégambie*.

Во внутреннихъ здѣшнихъ обласяхъ, и подлѣ деревни Кунунъ, произрастають обширные лѣса, или лѣсные оазисы (*), гдѣ обилуетъ хайа Сене-гальская, обыкновенно называемая *Sail-cédra*, или *Сенегальское красное дерево*. Оно расшетъ въ вышину до 120 фушовъ; Негры дѣлають изъ него всякую мебель. Въ 15-ми лѣ на Ю. В. отъ Горей находится мѣстечко *Жоаль*, и въ окрестныхъ около него лѣсахъ расшетъ *неде*, или *Parkia africana*, напоминающее своимъ названіемъ имя несчастнаго *Мунго-Парка* (**); вѣтви его просшираются горизонтально отъ пня, на большое пространство. Мѣстечко *Жоаль* многолюдно и обширно; оно снабжаетъ Горей превосходными устрицами. Жители большіе воры; но земля богата, хорошо обрабатана, обильна дичью, скопиною и пщицею.

Отъ Жоаля до городка *Сентъ-Марги*, или *Mayu Bathurst*, находящагося на оспровѣ, при устьѣ Гамби, шолько день плаванія. Небольшой и нездоро-

(*) *Оазисъ*, плодоносное, населенное мѣсто, со всѣхъ сторонъ окруженное песчаною, безводною пустынею. Такія мѣста находятся въ Африканскихъ и Азіатскихъ степяхъ. Такъ, напримѣръ, пространства занимаемая *Бухарою* и *Хивою*, суть оазисы въ безконечной степи Монголо-Киргизской, и ихъ можно назвать цвѣтущими прекрасными островами среди безплоднаго океана песковъ. *Прим. Пер.*

(**) *Мунго-Паркъ*, знаменитый Англіійскій путешественникъ, погибшій въ Африкѣ. Онъ первый открылъ достоверное теченіе Нигера, или Жолиба. *Прим. Пер.*

вый городокъ эшомъ сдѣлался для Англичанъ важнымъ мѣстомъ шорговымъ; здѣсь мѣняющъ они желѣзо, порохъ, амбру, Гвинейскія шкани, вино, кораллы и стеклянныя издѣлія. Въ эшомъ Англійская колонія соперничаетъ съ *Албредою*, Французскимъ мѣстечкомъ, восемь льё выше, на правомъ берегу Гамбіи. Тушъ находишся нѣсколько Европейскихъ домовъ, подлѣ деревни Жилфре, шузахъ въ 300-хъ отъ берега, и живешъ Консулъ Французскій, который, кромѣ шерпѣнія, не имѣешъ никакихъ средствъ защиты отъ грубаго хищничества шуземцевъ. Окресные Негры принадлежатъ къ поколѣнію *Мандинговъ*, или *Созесовъ*; языкъ ихъ испорченный Бамбараскій, перемѣшанный съ Сараколлешскимъ. Они носятъ бумажные запаны, синяго цвѣта, или некрашенные. Женщины повязываютъ голову плашкомъ, цѣпляющъ на поясъ стеклянныя чешки, и на шею надѣваютъ ожерелья изъ амбры и корольковъ. Волосы, у женщинъ и у мужчинъ, заплетаются въ маленькія, тонкія плешушки, и густо намазываются свѣжимъ масломъ коровьимъ. Главное произведеніе у Мандинговъ сарачинское пшено; его дополняютъ хлопчатая бумага, индиго и шабакъ. Многочисленныя стада рогатой скотины, козъ, овецъ и свиней, покрываютъ прибрежныя пажити. Здѣсь расшущъ: беншенъ (*Eriodendron anfractuosum*), *Bombax buoporozense*, и мампаша (*Parinari excelsum*), кошораго цвѣты издающъ прелесный запахъ.

Самое отдаленное селеніе Французское въ семь мѣстъ естъ *Казаманса*, находящееся на устьѣ рѣки

сего имени, въ 30-ти льё опъ Гамбіи. Тушъ находишся Резиденшъ , живущій въ добромъ согласіи съ *Фелу-Оласами* , шамошними туземцами , народомъ крошкаго и смирнаго нрава. Хижины ихъ спрояшся, какъ у Мандинговъ, изъ бишой земли, и они живутъ въ нихъ вмѣстѣ съ живошными. Дѣвушки ходяшъ нагія до 16-ти лѣшъ; женщины прикрываюшся небольшимъ запаномъ, изъ бумажной шкани синяго цвѣша , грубо сошканной, и обшишой по краямъ раковинками. Мужчины надѣваюшъ иногда маленькій запанъ , или закрываюшся пальмовымъ лисномъ, на подобіе закрывки, бывающей у мраморныхъ спашуй въ Европѣ. Дикари эши не знаюшъ кажешся никакой религіи. Единственнѣй религіознѣй обрядъ, замѣченнѣй у нихъ, совершаешся при погребеніи: умершаго, одѣшаго въ лучшій его нарядъ, сажаюшъ посреди хижины и окружающіе спрашиваюшъ его о причинахъ, по кошорымъ вздумалъ онъ оспавишъ ихъ. Одинъ изъ родствениковъ сидишъ подлѣ мершваго, опвѣчаешъ за него, и оканчиваешъ шребованіемъ погребенія. Тушъ начинаешся плачевнѣй крикъ, заключаемѣй послѣ похоронъ веселымъ шумомъ, пѣснями, плясками и пиромъ.

Въ окрешностяхъ Казаманской факшоріи ешъ много туземныхъ селеній, посѣщаемыхъ Европейцами: Берингъ , Самашишъ , Каньушъ , Малумбъ , находяшся по шеченію рѣки; Моншсоръ и Каньакай далѣе вглубь области; Вагранъ лежишъ на наносной землѣ, и окружено насажденіями сарачинскаго пшена; наконецъ , Зингипхоръ , неважное владѣніе Поршугальцевъ.

Таково нынѣшнее положеніе Французскихъ владѣній въ окрестностяхъ Гамбіи, бѣдное, жалоси доспойное, и долженспвующее кончиться совершенною гибелью, за недоспашкомъ ободренія. Сенегальскія колоніи находяпся въ состояніи нѣсколько болѣе цвѣшущемъ. Городъ *Сень-Луи*, главное мѣсто изъ шамошнихъ Африканскихъ владѣній, принадлежащихъ Франціи, могъ-бы сдѣлаться весьма важнымъ пристанищемъ, если-бы успѣе Сенегала было менѣе опасно для плаванія. Не смотря на искусство лоцмановъ, почти ежедневно бывающъ здѣсь бѣдспвенные случаи; волненіе столь сильно, и разбивается о берега съ такою свирѣпостью, что малѣйшее уклоненіе съ фарватера причиняетъ гибель. Но переплывши это опасное мѣсто, входящъ въ спокойную рѣку, гдѣ, направо разсшилаешся плоская, голая, безплодная земля Варварійцевъ, а налѣво видна зеленѣющая, покрывая густыми пальмами и баобабами Гвинея. Въ двухъ льё отъ успья, на островѣ, проспирающемся на 1200 шуазовъ отъ С. къ Ю., и на 400 шуазовъ отъ В. къ З., находяпся Сень-Луи, называемый Неграми *Н'дарь*. Крѣпость, мѣстопробываніе Губернатора, построена въ срединѣ города; жилища обывашелей идушъ по обѣимъ ея споронамъ. Валы и бапшареи, защищающіе рѣку, такъ ничпожны, что едва только можно опбишся ими отъ Мавровъ. Жителей въ Сень-Луи отъ 8-ми до 40,000, Мулапровъ, Негровъ, свободныхъ и невольниковъ. И здѣсь, какъ въ Горѣ, Европейцы живутъ съ Синьярами, и хотя на подобные союзы нѣшъ законоспи, но они сохраняющся,

какъ торговая сдѣлка, весьма вѣрно. Въ 60-ти льѣ отъ острова Сентъ-Луи находящійся островъ Морфиль, съ построенною на немъ крѣпостью *Подоръ*, а 240 льѣ далѣе есть еще крѣпость *Св. Іосифа Галамскаго*; обѣ устроены для защищенія торговли гуммы. На второй прѣпи дороги въ Подоръ находящійся заведеніе *Ригардъ-Толь*. Путешествуя симъ направленіемъ, замѣчаете Африканскую природу въ живошныхъ, населяющихъ рѣку и берега ея: здѣсь коронованный журавль, ибисъ, красная колпица, фламандъ; шамъ левъ, гіэнна, леопардъ, чакалъ; изъ проросника рѣчнаго крокодилъ высовываетъ свою чешуйчатую, кослявую спину, влачивъ на солнце, дремлетъ, и ждетъ, чѣмъ человѣкъ, или легкая газель подошли къ водамъ Сенегала. Далѣе извивается полосатая боа, схватываетъ добычу въ свои исполинскія кольца, сосетъ кровь ея, и пошомъ глотаетъ ее цѣликомъ. Подлѣ острова Кума водяныя бегемоты, или водяныя лошади — исполинскіе пахидермы (*), высовывающіе отъ времени до времени свою голову изъ воды, и ржущіе, какъ лошадь. Они выходятъ на землю только по ночамъ, и ищутъ себѣ пищи, состоящей изъ нравокъ, корешковъ и вѣшокъ.

По всей рѣкѣ, произращаніе здѣшнихъ мѣснъ является въ богатѣйшемъ видѣ: оно разстилаетъ передъ зрѣніемъ самую песнрую, прекрасную, раз-

(*) *Пахидермъ* (съ Греческихъ словъ: *пахѹс* толстый, и *дѣрма* — кожа), слово, принятое для означенія живошныхъ, имѣющихъ кожу толстую и почти безшерстную, каковы: слонъ, бегемотъ, и п. п. *Прим. Пер,*

нообразную смѣсь прозябенія между-пропиковыхъ споронъ. Тутъ видите *Tamarix*, множесство родовъ *Acacia*, *Nitraria*, *Phelipea africana*, съ его безлиственными своломи, обремененными желшизною цвѣтовъ, *Sesbania punctata*, *Bauhinia reticulata*, круглую Сенегальскую пальму (*Rondier*), ніушумъ (*Neudelotia africana*), деревцо, принадлежащее къ семейству шерпеншинныхъ расшеній, изъ котораго печешъ густая гумма, извѣстная въ Европѣ подъ именемъ *бделліи* (*Bdellium*); наконецъ *келеге* (*Salix aegyptiaca*), *Mertensia* и *Tamarendus indica*.

Въ продолжительномъ прибрежномъ пути отъ Сень-Луи до Подора, послѣ Ричардъ-Толя находишся военный постъ *Данага*; далѣе *Пътушій рынокъ*, мѣсто шорговли гуммою, и за нимъ коншора, мѣсто для складки сего шовара. Здѣсь, когда сборка гумми бываешъ окончена, являющся караваны Бракнашскихъ Мавровъ, съ гуммою, собранною въ лѣсахъ Афапаетскихъ; по берегу рѣки разбивающся ихъ шашры, сдѣланные изъ козлиныхъ шерстяныхъ войлоковъ, гдѣ сложенъ бываешъ шоваръ, а ближе къ берегу, прошивъ своихъ судовъ, кочуюшъ тогда купцы изъ Сень-Луи, Мулашры и Европейцы, пріѣхавшіе за покупкою гумми. Торговля, здѣсь и въ другихъ мѣстахъ, продолжаешся мѣсяца чешыре: начинаясь въ Апрѣлѣ, она оканчиваешся въ Іюлѣ, началѣ вторичной сборки. Во все эшо время, *Пътушій рынокъ* предшавляешъ шумный базаръ, наполненный людьми, верблюдами, быками, козами, овцами. По рѣкѣ мелькаюшъ Пеульскія лодки, съ мѣдноцвѣтными Маврами, шлюпки, съ

курчавыми черными Неграми, и щегольскіе боты, гдѣ нѣжась на подушкахъ лѣнивые Мулапры. На сухомъ пуши видно такое-же смѣшеніе: всюду движущаяся и бѣгающая женщины, принимающія на себя заботу прокормленія этой временной колоніи: Пеулянки, съ ихъ намазанными масломъ головами; беспечныя Мавришанки, у которыхъ плешушки волосовъ обременены кольцами изъ слоновой кости, коралловъ и желѣза, съ таинственными амулетами; Негрянянки Уалоскія и изъ Сентъ-Луи, съ своими ожерельями изъ амбры, и мѣшечками, наполненными множествомъ палисмановъ. Вечеромъ, когда дѣла кончались, толпы народа собираются на площади; звуки тамъ-тама увлекаютъ Негровъ къ ихъ дикому, ещранному плясанью, сопровождаемому кривляньями и сладоспращными движеніями.

Гуммъ, столь важный предметъ Африканской торговли, получается изъ шрехъ здѣшнихъ лѣсовъ, гдѣ производятъ ее дерево, именуемое *Acacia Verek* — Саэльскаго лѣса, принадлежащаго Маврамъ Трарзашскимъ, Ель-Гіебарскаго и Аль-Фатакского, принадлежащихъ Бракнашамъ и Дарманкутамъ. Собственно, гуммъ есть слѣдствие болѣзни дерева, ее приносящаго: это насильственная выжимка, производимая пуспыннымъ вѣтромъ; можно-бы сказать, что дряблѣя отъ сухости, дерево прескается и плачетъ; слезы его образуютъ шарики гумми. Въ Ноябрь, Мавры оставляютъ свои оазисы, ѣдутъ въ гуммовые лѣса на сборку, и набиваютъ гуммъ въ большіе кожаные мѣшки. На во-

лахъ и верблюдахъ везушъ они послѣ сего шоварь свой на ярмарки. Кромѣ Пѣпушьяго рынка, ихъ находишся еще великое множесство: въ Поршендикѣ, въ Галамѣ, въ Гаѣ, и другихъ мѣстахъ. На сихъ базарахъ, Мавришане имѣюшъ возмoжностъ показашъ всю свою купеческую хитроссть и все безсмыдство мошенниковъ. Ложь, угрозы, запирашельство ничего не значашъ для нихъ, если только черезъ это они могушъ увеличитъ хоть немногимъ выручку за свой шоварь.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Ричардъ-Толя, во внутреннихъ обласяхъ, на границахъ Гіолофа, и особенно въ лѣсахъ около озера Н'геръ, живушъ стадами огромнѣйшіе слоны, болѣе многочисленныя, болѣе дикіе, нежели во всякой другой споронѣ Африкѣ. Ночью, когда все въ природѣ погружено въ безмолвіе, громадные сіи пахидермы приходяшъ стадами утоляшъ жажду въ озерѣ, находящемся близъ мѣстечка Серръ. Тушъ сходяшся ихъ сонни; они отдыхаюшъ, играюшъ въ озерѣ, съ шакимъ шумомъ, что сонъ Негровъ, живущихъ въ окружности, нарушается ими. Но не думая прогоняшъ безпокойныхъ посѣшителей, шуземцы рады, что незваные гости не прогаюшъ ихъ по крайней мѣрѣ. Въ Африканскихъ пусыняхъ, чело-вѣкъ еще не смѣетъ горделиво называшъ себя царемъ всѣхъ другихъ швореній: болѣе его сильныя, болѣе его грозныя власшители земли здѣсь живушъ и царшвуютъ вмѣстѣ съ громаднымъ слономъ, свирѣпыя львы, леопарды, гіэнны, шигры, гепарды, кабаны, чакалы, и — горе дерзкому чело-

вѣку, если онъ нарушитъ неприкосновенную вольность ихъ логовищъ!

Можно сказать, что Африканскій материкъ есть обширнѣйшій звѣринецъ дикихъ животныхъ; включая сюда даже и человека. Легко понять, что путешествіе во внутренность Африки болѣе обильно драмою, нежели поэзіею другаго какого нибудь рода. Оспваживаясь на такое путешествіе, надобно быть одарену воспорженною смѣлостью урожденного искашеля приключеній, или быть болѣзну жадностью купца, едва-ли не сильнѣйшею всякой спраши, побуждающей къ путешествіямъ. Не чувствуя въ себѣ ни той, ни другой склонности, я удовольствовался собраніемъ въ Горѣ нѣсколькихъ новѣйшихъ и достовернѣйшихъ свѣдѣній о Гвинѣ и Сенегамбіи. Мнѣ подробно рассказали о подвигахъ Г-на Калле (*) и важныхъ открытіяхъ Г-на Перрошпе. Довольный разказами, я рѣшился избавить себя отъ личнаго испытанія всѣхъ бѣдствій, какими сопровождается спранспованіе по дикой и губительной Африкѣ.

Четыре дня пробыли мы въ Горѣ, то находясь въ самомъ городѣ, то гуляя въ окрестностяхъ его, то посѣщая полуостровъ Зеленаго мыса. Корвеша должна была пробыть здѣсь все это время, а я искалъ случая отправиться въ Ріо-Жанейро,

(*) *Калле* Французскій путешественникъ. Онъ первый изъ Европейцевъ достигнулъ съ сѣвернаго берега Африки въ Томбукто, и недавно издалъ любопытное описаніе своего путешествія. *Прим. Пер.*

но не находилъ никакого. Наконецъ , Голландскій гальонъ тяжело ввалился въ заливъ , и спалъ на якорѣ. Онъ назывался *Корнелія* ; подымалъ груза 250 тонновъ ; имя Капишана было *Фанъ-Петеръ*. Осправясь изъ Роттердама въ Бразилію съ полнымъ грузомъ Голландскаго сыра, почтенный гальонъ насчитывалъ уже *восемидесятый* день своего пущи , и зашелъ въ Горею запасшись водою и припасами. Какъ ни хошѣлось мнѣ ѣхать , но собранныя мною подробности о грузѣ и пущешествіи флегматической Корнеліи , останавливали меня. Пять разъ въ день осправлялся я договариваться съ Капишаномъ , и пять разъ не рѣшался на договоръ , уѣзжалъ обратно , взглянувъ на эшотъ круглый , тяжелый коробъ , на эши квадрашныя кранъ-балки , плашформы , прямая , какъ сѣна , особливо на устройство мачтъ , низкихъ и щедушныхъ , и оснастку , что-то въ родѣ оснастки шлюпа и кушера вмѣстѣ. Я откладывалъ договоръ , надѣясь лучшаго случая. Но , наконецъ , дѣлать было нѣчего ! Съ горемъ пополамъ вошелъ я на палубу Корнеліи и поспѣшилъ договориться. За 80-ть добрыхъ шиллинговъ , *герръ Фанъ-Петеръ* взялся доставить меня въ Рио-Жанейро , и кормить во все время нашего переезда. Кое-какъ помѣстился я въ маленькой каютѣ , шести фушовъ въ длину , четырехъ въ ширину , походившей на мышь норку , вырытую въ сырахъ , гдѣ , по причинѣ несноснаго запаха отъ сыровъ , надобно было надолго просидѣть съ чистымъ воздухомъ.

ГЛАВА VI.

**ОСТРОВА ЗЕЛЕНАГО МЫСА. — ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ ЭК-
ВАТОРЪ. — УТЕСЫ МАРТИНА ВАЗА. — ОСТРОВЪ СВ.
ТРОИЦЫ.**

Сентября 25-го, нашъ почтенный гальонъ под-
нял паруса, не какъ вѣтренникъ и шалунъ какой
нибудь, легко, быстро, порывисто — нѣтъ! тихо,
медленно, какъ созданіе почтенное, спеленное и
пожилое. Мы направили путь на З., для осмошрѣ-
нія острововъ Зеленаго мыса. На пятый день нахо-
дились мы на югъ отъ Сантъ-Яго, и могли видѣть
всѣ части сего архипелага, принадлежащаго Пор-
тугальцамъ. Видъ его представляетъ землю голую
и неблагоприятную; можно-бы сказать, что это глы-
бы земли, выброшенные изъ печи — такъ кажутся
онѣ обожжены солнцемъ. Нагія скалы, безпорядоч-
но наваленныя одна на другую, представляющія со-
бою обломы спранныхъ формъ, воздвигающія остро-
конечными вершинами къ небу. Но въ немногихъ
долинахъ, находящихся между скалъ, замѣтна бо-
гатая обрабошанность. Народонаселеніе сихъ осп-
рововъ, хотя оно и гордится своимъ Португаль-
скимъ происхожденіемъ, приняло въ здѣшнемъ кли-
матѣ бронзовый цвѣтъ плѣа Африканскихъ мулаш-

ровъ. Духовенство здѣшнее, все состоишь изъ такихъ цвѣтныхъ людей, и даже изъ Негровъ. Главное произведеніе соль, вывозимая отсюда во множествѣ въ Бразилію. Но здѣсь обильно также кокосовыхъ, банановыхъ, папайеровыхъ, шамариндовыхъ и баобабовыхъ деревьевъ; распушь также померанцы, лимоны, гойявы, фиги, арбузы превосходной доброшы. Виноградъ, сахарный проспникъ, индиговое расшеніе и хлопчатая бумага обилують во многихъ мѣстахъ. Въ дождливые годы, маисъ и сарачинское пшено родяшся успѣшно, но за то въ засушливые годы они извергающся изъ нѣдръ земли, перегорѣлыя отъ солнца, ибо въ такіе годы термометръ Фаренгейта никогда не сходитъ здѣсь ниже 80°, и часто переходитъ выше 90°. Ужасный голодъ поражаетъ тогда здѣшнія мѣста, и еще недавно обитатели архипелага Зеленаго мыса едва не погибли отъ сего неоправимаго бѣдствія.

Главное мѣстопробываніе Португальскаго управленія здѣшнихъ владѣній находится на островѣ Сантъ-Яго (Св. Іакова), гдѣ знаменѣйшія мѣста суть: городъ *Пуэрто-Прайа*, мѣсто для пристанища мимоплывущихъ кораблей; *Сантъ-Яго*, прежній главный городъ всѣхъ острововъ, и *Рибейра-Гранде*, съ бѣднымъ строеніемъ. Прайа стоишь на высотахъ, куда всходяшь крутыми и неудобными дорогами. Пристань находится противъ пригорка, окруженнаго финиковыми, и шощими лашаньеровыми деревьями. Другіе острова сего архипелага (всего ихъ десять): *Майо*, богатый скопководствомъ и хлопчатною бумагою; *Фуэжо*, гдѣ есть огне-

дышащая гора; *Брава*, или островъ Св. Іоанна, извѣстный по выдѣлкѣ вина и добыванію селистры; *Боа-Виста*, низменнѣе другихъ, но весьма плодотворный; *Саль*, получившій названіе отъ своихъ соляныхъ копей; остр. *Св. Николая* гудотворца, обширнѣйшій всѣхъ, и обязанный богатствомъ своему мануфактурному народонаселенію; *Санта-Лусіа*, *Санъ-Висенте* (гдѣ хорошій портъ) и *Санъ-Антоніо*, населеннѣе всѣхъ другихъ, и замѣтный по своей высокой, остроконечной горѣ.

Мы оправились далѣе, поспешенно приближаясь къ экватору, или палящей *равноденственной линіи*. Нашъ почтенный корабль шяжело подвигался впередъ, пока двигали его *пассатные* вѣтры отъ С. къ В. (*), но когда прекрашились они, сырнѣй корабль нашъ пересталъ двигаться, остановился, какъ будто приколотенный гвоздями. Зыбь волновала иногда масляную поверхность моря, но спешенная Корнелія только перекачивалась съ боку на бокъ, а не плыла. Если-бы такое спокойное стояніе на одномъ мѣстѣ было въ гавани, подлѣ веселаго загородья, или хотя въ пущынѣ, но живописной, дикой, орошаемой водопадомъ, опѣненной густыми деревьями, или подлѣ большаго, разгульнаго горо-

(*) *Пассатными* (vents alizés) называются вѣтры, постоянно дующіе въ одну сторону, въ моряхъ, находящихся между тропиками. Измѣняясь отъ Географическихъ причинъ, вѣтры сіи между Азіею и Африкою составляютъ такъ называемые *муссоны*, т. е. вѣтры, полгода дующіе въ одну, а другіе полгода въ другую, противоположную сторону. *Прим. Пер.*

да, гдѣ можно хорошо пообѣдать, поглядѣшь на достопамятности, бышь въ шеапрѣ, на балѣ—кто бы не переносилъ равнодушно неподвижности, съ твердою рѣшимостью дожидаться терпѣливо ея окончанія! Но подѣ 5° широты, между тропикомъ и экваторомъ, подѣ солнечными лучами, падающими съ неба прямо въ голову, когда на утоленіе жажды дають вамъ по разсѣху спаканомъ вонючую воду, для прогулки оповодяшъ двадцать квадрапныхъ фушовъ, вымазанныхъ шающею смолою, а въ обѣдъ подають солонину, или преску, съ сухаремъ, вмѣсто хлѣба, и все зрѣлище заключается въ необозримомъ, вѣчно-однообразномъ, неподвижномъ зеркалѣ Океана, и когда пришомъ товарищемъ вашего уединенія—Голландскій Капитанъ и его мапроты — я не знаю ничего помилельнѣе, мучительнѣе этого состоянія.....

Къ счастью, послѣ недѣли неподвижности, море, до того времени столь тихое, столь зеркальное, вдругъ сдѣлалось буйно и бурливо; оно перебротило насъ изъ нашей однообразной жизни въ превосходное жительство, съ непрерывными, внезапными перемѣнами, на смѣну тишины вѣтромъ и на смѣну вѣтра тишиною, что называютъ моряки *силью* (*). То

(*) Grain. — Вообще, часть Океана Атлантическаго, между 4—10° ш. с. и 330—365° д., именуется *море дождливое*. Здѣсь, на предѣлахъ пассатныхъ вѣтровъ, сосредоточивается переломъ атмосферныхъ теченій, производящій, то внезапную тишину, то порывистые вѣтры, или *травады* и *торнады*. Причина всего этого, а равно *пассатовъ* и *муссоновъ*, заключается въ дѣйствіи солнечныхъ лучей при суточномъ обращеніи земли. *Прим. Пер.*

вдругъ вздымались вокругъ насъ волны и сыпались на корабль, хотя ни одно облако не предвѣщало бури и небо казалось ясно. Схваченныя быспрымъ порывомъ вѣтра, мачты, райны наши прещали; вѣтръ свиспалъ въ снастяхъ, и паруса рвались въ лоскушья и лепесшки. Въ другое время, порывъ вѣтра возвѣщали широкія черныя тучи, вдругъ развѣсившись на голубомъ небосклонѣ; другія облака, свѣплѣе и бѣловашѣе, разбрасывались, будно клочья снѣга, въ низу небосклона, пока главная толща ихъ медленно вздымалась на самый верхъ неба. Черезъ мгновеніе пошомъ, измѣнялся видъ этого великолѣпнаго воздушнаго явленія: съ одной спороны небо являлось лазурнымъ, синимъ, съ другой желшѣло мѣднымъ цвѣшомъ, опцвѣчивалось фіолетшвымъ, шемно-зеленымъ, шемнымъ..... Молніи змѣились въ эшихъ плавающихъ по небу громадахъ, и слышенъ былъ громъ, но не раскашиспый и продолжисельный, какъ бываешъ на землѣ, гдѣ онъ долго гуляешъ въ опзывахъ и перекашахъ: онъ прещалъ здѣсь мгновенно, рѣзко, и безъ опзывовъ на глухой и ровной поверхности моря. Но вскорѣ, усиленная эшими пригошвленіями, набѣгала буря—сквозъ разодранное небо лешѣли внизъ крупныя капли дождя; море, леспрѣющее сначала мѣлкою дробью волнъ, посшепенно начинало вздымашъся горами высокихъ валовъ; вѣшеръ шакъ вился и обвивался около снашей корабля, что казалось, каждая изъ нихъ воишъ, звучишъ по своему, своимъ особеннымъ голосомъ. Адская музыка эша сливалась съ звуками повелишельной шрубы Капишана,

крикомъ мапировъ , шрещаньемъ мачшъ , шумомъ волнъ , скрипѣньемъ корабельныхъ часшей. Это показывало намъ начало жестокой бури. Черезъ часъ, все являлось въ новомъ видѣ : дождь лился пошодами, холодный, гусшой, прямо въ голову, и хлещалъ по корабельной палубѣ рѣкою воды , когда въ шоже время переливалась черезъ корабль волна, и кругомъ кипѣла морская пѣна , взбиваемая вѣтромъ съ поверхности валовъ. Въ облакахъ сверкали свѣшлыя полосы , но грома уже не было: элекприческій огонь наполнялъ все пространство между небомъ и моремъ , и какъ пламя лампадки , наполненной виннымъ спиршомъ , загарался на верхушкѣ мачшы огонекъ , называемый моряками огнемъ Св. Елены, или Св. Эльма (*).

Въ эшихъ судорожныхъ явленіяхъ природы, среди эпой борьбы неба , моря и вѣпра , наша *Корнелія* была истинно безцѣнна и изумительна. При первомъ признакѣ шревоги, методическій *герръ Фанъ-Петеръ* командовалъ *дрейфить паруса* , и едва видѣлъ онъ, что *Корнелія* приведенная въ шакое положеніе, была безопасна ошъ бури , онъ раскланивался спокойно ожиданію всякой бури и всякаго смяшенія неба и моря — чудный примѣръ Голландскаго шерпѣнія ! Онъ оставлялъ на палубѣ одного

(*) Это происходитъ ошъ сильнаго скопленія въ одномъ мѣстѣ элекприческа , которое горитъ огнемъ иногда на никѣ, или на шапкѣ человека , находящагося въ срединѣ его. Древніе называли эпошъ огонекъ *огнемъ Кастора и Поллукса*. *Прим. Пер.*

машроза, да собаку, сгонялъ все оспальное внутрь корабля, щательно запиралъ всѣ поршны, люки и гублоны, и самъ распягивался на своей койкѣ, въ ожиданіи, пока прихотливое море перестанетъ бушевать, утѣшая себя между тѣмъ всякою всячиною, что составляетъ утѣху на Голландскомъ кораблѣ — чаемъ, сыромъ, прубкой табаку и спаканомъ джина. Онъ крѣпко былъ увѣренъ въ своей доброй Корнелии, нашъ почтенный *герръ Фанъ-Петеръ*. Онъ зналъ ея твердосъ и прочносъ на всякое бурное время, испытанную вѣрносъ гальоша, споль не ловкаго, споль неподвижнаго, когда море ласкало его благопріятнымъ вѣтеркомъ. Съ своимъ гальошомъ, герръ Фанъ-Пешеръ былъ шакъ-же безпеченъ о своей безопасности, какъ Испанецъ, сидящій на Кашаланскомъ своемъ мулѣ, и не думающій о пропасти, по краешку которой пробирается его добрый мулъ.

Съ великимъ шрудомъ выпросилъ я у хладнокровнаго герръ Фанъ-Пешера позволеніе оспашься на палубѣ, и посмошрѣшь на удивительное зрѣлище аквапорной бури, кошую я могъ шолько угадывать, сидя въ своей каюшѣ. «Не бойшесь за Корнелию — возражалъ онъ — и безъ вашей помощи, она раздѣлается со всякой бурей. О! эшотъ корабль шочно желѣзный; вода переливается черезъ него, но ни одна капелька ея не проберется внутрь корабля.» Когда я сказалъ, что хочу оспашься на палубѣ не изъ опасенія, но желая посмошрѣшь на море, онъ глядѣлъ на меня, не понимая, что шакое находилъ я шущъ любопытнаго? «Пожалуй,» отвѣчалъ

онъ наконецъ — «только вы не привыкли къ шумамъ Океана; оставайтесь себѣ на палубѣ, но васъ надобно привязать, а не то васъ ухващитъ первою волною.» Я спорилъ; онъ не соглашался иначе, и я поблагодарилъ его за такое сиссемашическое упрямство: безъ веревки, державшей меня у кабестана, меня снесло-бы, дѣйствительно, въ море волнами, бурливо переходившими черезъ корабль. Съ тѣхъ поръ я рѣшился жертвовать великолѣпнѣмъ зрѣлища бури безопасному госпепріимству воючей и дурной каюты.

За то я вполне вознагражденъ былъ черезъ нѣсколько дней. Вѣперъ стихъ; море было спокойно; небо, свѣтлое и прозрачное, одѣлось серебристыми и багряными облаками. Въ семь часовъ вечера, солнце, удаляясь за небосклонъ, казалось, понуло въ безконечномъ аломъ покрывалѣ, обширномъ золошою бахрамою. Я вспомнилъ поэтическія картины Бернардена де-Сенъ-Пьера. «Однажды вечеромъ (говоритъ онъ) облака собрались на западѣ, образуя собою обширную сѣшь, какъ будто сотканную изъ бѣлаго шелка. Когда солнце проходило за этими облаками, казалось, что каждая полоска сѣши ихъ была окаймлена золошою ниткою; золошо переливалось пошомъ въ огненный цвѣтъ, алѣло, и небо цвѣтилось послѣ того легкими багряными, зелеными, лазурными опшѣнками.» Всего, что было очаровашельно въ мимолетные сумерки этого дня, изобразить невозможно! Небосклонъ наполнился широкими вырѣзками облаковъ, всѣхъ опшѣнковъ, постепеннѣ опъ краснаго, фіолетовыми, сѣрыми

мемными. Нагроможденные, набросанные одно на другое, облака образовывали исполинскіе образы какъ будто изображая аллегорическія фигуры, округлялись безконечными мапериками, или выдвигались живописными мысами воздушныхъ острововъ. Въ этой непрерывно движимой панорамѣ, воображеніе видѣло, по Омировскія биввы, по сраженія ужасныхъ чудовищъ, и пошомъ лѣса, скалы, расшенія, переходившіе ошъ одного цвѣша къ другому, какъ будто они стремились испощить всю прелесшъ радуги. И когда ночь быспро упала на небо, и океанъ и небо задернулись мрачнымъ, непроницаемымъ покровомъ, а волны морскія, населенныя миріадами блестящихъ моллюсковъ, освѣтились блѣднымъ фосфорнымъ опблескомъ—эшо было восхищительно! Корабль, спремясь по волнамъ, пробивалъ широкую серебряную дорогу, обвивавшую его золошыми полосами съ обѣихъ споронъ; около нихъ играли рыбы, обозначая блескомъ свое плаваніе—однѣ огромныя, неподвижныя въ свѣпныхъ кругахъ, другія мелькающія тысячу извилинъ и разсѣкающія мракъ на подобіе змѣисшой молніи.

За перемѣнчивою погодою и дождями, начались наконецъ посшоянные вѣпры ошъ Ю. В.—Мы находились шогда подъ 2° с. ш., и съ помощью ихъ благополучно перешли экваторъ, подъ 21° долгошы зап. ошъ Парижскаго меридіана. Кто-бы повѣрилъ? Наши флегматическіе Голландцы оставили на сей разъ свою обыкновенную угрюмосшъ, и опшпраздновали, какъ водишся у всѣхъ моряковъ, веселый

праздникъ старика Линіи, будно шаловливые мореходцы какого нибудь Гаврскаго, или Нантскаго брига (!) Съ вечера, всѣ бывшіе на кораблѣ ошавили свои шрубки, умылись, надѣли новое бѣлье. Эши пригошовленія показывали что-то необыкновенное. Едва солнце закапилось за небосклонъ, на мачшѣ зазвонили въ колокольчики, а на палубу посыпался дождь бобовъ и гороху, спуча объ нее, будно градъ. Эшо возвѣщало прибытіе старика Линіи, эквапорнаго власшишеля, крышиаго мѣхами, на подобіе Лапландца, а между шѣмъ дрожащаго ошѣ спужи. Тише ! Вошѣ явился ошѣ него курьеръ, въ длинныхъ сапогахъ, со шпорами, съ хлышомъ въ рукѣ. Посмотрише : онѣ подходитъ къ угрюмому Фанѣ-Пешеру, ошдаетъ ему бумагу, и Фанѣ-Пешеръ преважно беретъ ее, чишаешъ не улыбаясь и ошвѣчаешъ хладнокровнымъ: *Goed ! dat gaat wel* (*ладно, дѣло въ шляпѣ*) ! Эшо значило согласіе его на празднованіе завшрашній день *перехода гезезъ экваторъ*. Для полнаго совершенія обряда явился и аспрономъ, съ бородою, въ оспроконечной шапкѣ, съ деревяннымъ окшаномъ, смѣрялъ вышину неба, сличилъ вычисленіе свое съ Капишанскимъ журналомъ. Объявили, что Корнелія

(*) Путешественникъ описываетъ шушливый обрядъ, которій постоянно наблюдають всѣ мореходцы, переходящіе черезъ эквапоръ. Полагають, что подъ эквапоромъ живетъ старикъ Линія, чрезвычайно зябкій, и потому нагрѣвающимъ свое пребываніе сильнымъ зноемъ солнца. Въ честь его, каждый новичекъ долженъ быть выкупанъ въ водѣ. *Прим. Пер.*

перешла во владѣніе сшарика Линіи, и должна расплашишся съ нимъ.

На другой день пригошвили полубочье съ водою, завѣсили его парусами — это было мѣсто для купанья въ честь сшарика Линіи. Явились кумовья, а за ними на сшаромъ лафешѣ, обращенномъ въ шоржесшвенную колесницу, выѣхалъ почтенный сшарикъ Линія, съ своею благородною супругою. Бѣдняжка посшарался запасшисъ шеплою одеждою опшъ эквашорнаго холода, закушался въ шубы, прикрылъ голову пеньковымъ парикомъ, а сверхъ него напялилъ на себя вѣнецъ изъ фольги. Также одѣлась и супруга его, и оба важно и шоржесшвенно сидѣли въ колесницѣ, кошорую едва шацили два машпроза, переодѣшые медвѣдями. Ихъ окружалъ полный маскерадъ: *Европа*, въ шляпѣ съ плюмажемъ, въ сшаринномъ шишомъ мундирѣ, съ поношенными эполешами; *Азія*, *Африка*, *Америка*, съ шафшяными повязками на головахъ, осыпанные пухомъ, вымазанные дегшемъ и сажею.

Когда поѣздъ прокашилсѣ по кораблю, началось купанье. Главное дѣло сосшоишъ въ шомъ, что каждаго новичка, въ первый разъ переплывающаго черезъ эквашоръ, надобно облишъ водою. Таковъ обычай съ незапамяшнихъ временъ. Я видѣлъ, что мнѣ, вмѣстѣ съ прочими, гошовишся мокрая учасшъ. Надобно было повиновашься, и облишый съ ногъ до головы, заплашивъ нѣсколько піасшровъ на водку, я получилъ на вѣки право свободнаго плаванія въ Южномъ полушаріи. Но я не зналъ, что если Голландская угрюмость разыграешся, то

хочешъ повеселишься порядкомъ. По данному знаку, изъ нѣсколькихъ, нарочно приготовленныхъ ведръ хлынула вода, безъ различія на всѣхъ, и эшо было началомъ всеобщаго обливанья. Съ шумомъ, крикомъ, хохомъ, всякій прыскалъ, плескалъ на кого попало, и казалось, что на корабль упала водяная пуча. Шутки между мажорами не прошли безъ обыкновенныхъ, грубыхъ слѣдствій, чѣмъ оканчивающа почти всегда пошѣхи простолюдниковъ: у одного чуть не раскроили головы ведромъ; другой упалъ въ люкъ, и едва не переломалъ ноги; третій полетѣлъ за бортъ, и едва удержался за веревки. Съ спарика Лини сбили его фольговый вѣнецъ, пенковый парикъ, и содрали всю его теплую одежду; Европа, Азія и Африка были мокрехоньки, а медвѣди, шавившіе колесницу, плясали жигу съ горделивою супругою повелишеля аквапорнаго.

Доказавши мнѣ весьма важную истину, именно ту, что и Голландцы могутъ шутить, герръ Фанъ-Пешеръ доказалъ и другую, что какъ шихони плаваютъ они, но наконецъ приплываютъ однакожь къ мѣсту своего назначенія. Постоянный Ю. В. вѣшеръ превосходно помогаль намъ въ плаваніи, и 4-го Ноября, въ нѣсколькихъ миляхъ передъ нами, появились изъ Океана скалы *Мартина Ваза* и островъ *Св. Троицы*. Первые казались почти неприступными, по причинѣ сильнаго волненія, какимъ окружены ихъ дикіе утесы; груды эшихъ вулканическихъ острововъ обитаемы только множествомъ морскихъ птицъ, бѣлыхъ и черныхъ гозле-

товъ , быспроленовъ (*taillevents*) , глупышей и фрегашовъ.

Будучи обширнѣе ихъ , островъ Св. Троицы является взорамъ также дикою пустынею. Западный край его представляетъ довольно разнообразныя формы ; на югъ возвышается гора , съ остро-конечными , прямыми вершинами , и кажется какимъ-то огромнѣйшимъ зданіемъ , построеннымъ руками человѣческими; полукруглое опверзшіе про-бито у нея снизу , и сквозь него видна другая сторона острова, что дополняетъ очарованіе зрѣ-лища. Думаете , что руки исполиновъ готовили себѣ здѣсь жилище, и оставили работу неокончен-ною. Наѣво находишь утесъ въ 4,400 фузовъ вышины , называемый Англичанами *Сахарною голо-вою*. У подножія сего утеса есть два якорныя мѣ-ста, если только можно ихъ такъ назвать. Близъ одного изъ нихъ расположено Португальское за-селеніе , посѣщенное Лаперузомъ въ 1785 году. При свѣжемъ вѣтрѣ , мы обошли островъ съ юга , въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега , и въ первый разъ увидѣлъ я здѣсь спада кишовъ ; вскидывая фоншанами воду на большую высоту , они означа-ли шѣмъ пушъ свой по морю. Кажется , что кшпы, видѣнные здѣсь нами , принадлежатъ къ породѣ , называемой *Gibbar*. Долго слѣдовали они за нами, и я любовался игрою ихъ живыхъ фоншановъ , явившихся по пространству моря въ величайшемъ множествѣ. Долгое время ешесвоиспытатели думали , что изверженіе воды ноздрами , или фоншаны, кшами пускаемые, есть дѣйствіе необходи-

мое для ихъ дыханія , но теперь извѣстно , что это изверженіе воды попребно имъ для глопанія пищи. Раскрывая пасть свою , чтобы схватишь добычу , кишъ наполняетъ ее водою , и потомъ выбрасываетъ къ верху ноздрями. Кюве первый узналъ это , и превосходно описалъ двойной организмъ , къ кошорому устремляется вода опъ сжатія круглыхъ мускуловъ кишовой глошки ; безъ него , сила сихъ мускуловъ , достапочная для доведенія воды въ пустошу позади ноздрей , не могла-бы побѣдишь прошивоборсхва окружныхъ часшей , когда живошное глошаетъ схваченное имъ и освобождается опъ воды , влившейся въ шоже время въ пасть его. Устройсво эшого сжатія заключено въ двухъ мѣшечкахъ , сдавливаемыхъ мускулами , и снабженныхъ изнутри закрышкою , для воспрепятсвованія прилива воды къ горлу. Слѣдуя за мыслью Кюве , Г-да Куа и Гемаръ открыли и доказали въ послѣдсвіи , что кишъ , дѣйствительно , при дыханіи не извергаетъ воды , и что дыханіе его можно замѣишь опдѣльно , по изверженію мокроты и пара , издали похожаго на дымъ. Долго старался я замѣишь , какихъ именно рыбъ преслѣдовали здѣсь кишы въ виду нашемъ , когда обиліе фоншановъ доказывало , что ловля была у нихъ на сей разъ весьма удачна. Но ни одна рыба не мелькнула на поверхности воды , и въ шеченіе нѣсколькихъ часовъ всѣ кишы удалились къ С. В.

ГЛАВА VII.

РІО-ЖАНЕЙРО. — ОСТРОВЪ ТРИСТАНА АКУНГА.

Вѣсѣрь продолжался для насъ благопріятный, и Ноября 9-го мы увидѣли, къ З. Ю. З. опѣ мыса Фріо, гору, называемую *Сахарною головою*, и служащую вмѣсто маяка порту Ріо-Жанейрскому. На другой день ушромъ, наша Корнелія была подлѣ опмѣли, на сѣверъ опѣ оспровка, защищеннаго бапшареею, подѣ пушками *крѣпости Св. Креста*, защищающей сей проѣздъ. — Въ ожиданіи лоцмана, мы могли наслаждашь зрѣлищемъ порша Ріо-Жанейрскаго—можешъ бышь, одною изъ самыхъ очаровательныхъ каршинъ природы на земномъ шарѣ. Вообразише себѣ обширное озеро, кошорое прошигиваешся и разширяешся въ видѣ прапеціи, озеро, по крайней мѣрѣ, на спо миль объема. Эшо озеро оживлено разнообразными оспровами, зеленѣющими, благоухающими, окаймлено лѣсиспыми холмами, кошорые подымаюпся амфишеапромъ, и входяпъ въ воды озера зубчашыми краями, когда между шѣмъ заливы озера омываюпъ прелеспнѣйшія, какія шолько могупъ бышь на землѣ, долины. Вообразише себѣ, въ дополненіе эшого, самую

цвѣщую природу, самый безопасный заливъ, самую крѣпкую воинскую защиту, все это подъ небомъ вѣчно-яснымъ, опѣненное деревьями вѣчно-цвѣщими, и вы будете имѣть поняшiе о великолѣпномъ зрѣлищѣ, какое раскрылось передо мною, при видѣ Рио-Жанейрской гавани. Я еще не успѣлъ опомниться, когда явился къ намъ лоцманъ, но мое удивленiе не уменьшилось до самого того времени, пока мы спали на якорь; картина разнообразилась изумительно. Въ дальней глубинѣ ея, въ 20-ти льѣ разстоянiя отъ берега, рисовались *Органныя горы*, съ своею вершиною въ 4000 шаговъ; на право, на высотѣ, являлось зданiе церкви Пресвятой Богоматери Благопоспѣшенiя спранспвующихъ, находящееся противъ укрѣпленiй *Вильганьонскаго* и *Теодосiевскаго*; пошомъ видѣнъ былъ *Козiй островъ*, и наконецъ самый городъ *Рио-Жанейро*, находящiйся на лѣвой споронѣ залива, среди трехъ укрѣпленныхъ, защищающихъ его возвышенiй. Каждое изъ возвышенiй здѣшняго очаровательнаго мѣстоположенiя вѣнчается монастыремъ, церковью, увеселишельнымъ домомъ, башпареею, огнедышащiя жерла копорой кажутся темными пашнами на гудахъ зелени. Разсмапривая превосходную защиту порша, и эти длинные ряды пушекъ, огонь копорыхъ успремленъ въ гавань перекрестно со всѣхъ споронъ, можно почишать почти баснословнымъ завоеванiе Рио-Жанейро Дюгей-Труэномъ, въ 1711 году. Не смоща на равносильную Поршугальскую эскадру, на огонь съ башпарей и крѣпостей, беспсрашный морякъ Французскiй

пробился въ гавань , забросалъ городъ бомбами , овладѣлъ имъ , и не ошдалъ его безъ выкупа. И для дѣла шоль геройскаго, ему достапочно было нѣсколько кораблей и 3,000 солдатъ. . . .

Я былъ еще погруженъ въ воспоминаніе о геройсвѣхъ достопамятнаго смѣльчака, когда мой любезный *герръ-Фанъ-Петеръ* объявилъ мнѣ , что лодка гошова къ моимъ услугамъ , если я хочу опсправиться на берегъ. Черезъ полчаса, я былъ уже гостемъ въ Ріо-Жанеирской госпинницѣ.

Городъ Ріо-Жанеиро, или *Св. Себастіана*, одинъ изъ знапнѣйшихъ городовъ Америки, расположенъ на неправильномъ пропяхеніи земли , съ прехъ споронъ омываемомъ водами залива, а съ чешвершой примыкающемся къ высокимъ , зеленѣющимъ холмамъ. Основанный въ 1567 году , Поршугальскимъ Генералъ-Губернашоромъ Мемомъ де-За, онъ возведенъ былъ въ званіе эпархіальнаго города въ 1676 году, и объявленъ споллицею Бразиліи съ 1763 года. Плошина , гдѣ находится городская приспань и производишя выгрузка , образуешъ красивую квадрашную площадь , на кошорой воздвигнушъ гранишный обелискъ; вода бьешъ изъ всѣхъ чешырехъ споронъ его. Прошивъ эшого фоншана одинъ изъ дворцевъ Имперашорскихъ , впрочемъ плохой наружности.

Улица на-право самая оживленная изъ всего города ; въ ней живушъ купцы и находишя шаможня; здѣсь вѣтный , шумный базаръ для всякихъ шоваровъ; безпрешанно встрѣчаешъ *Негровъ дрягилей*,

которыя бѣгають повсюду, шаца на плечахъ огромныя пѣсжи и напѣвая пѣсни.

Городъ раздѣляется на двѣ части обширнымъ параллелограмомъ, который называютъ полемъ *Св. Анны*; на-право *новый* городъ, на-лѣво *старый*, вообще раздѣленные на семь приходовъ. Лучшія церкви здѣсь: *Св. Себастіана*, придворная, управляемая Канониками; Пресвятыя Богоматери Свѣщницы (*De la Chandeleur*), съ богатымъ, величественнымъ фасадомъ, и *Соборная*, довольно незначительная по своему зодчеству. Между приходскими должно упомянуть о церкви *Св. Креста*, съ изящнымъ входомъ, и церкви *Пресв. Богоматери Преславныя* (*de la Gloire*), зеленое основаніе которой прямо противъ церкви *Св. Вендикта*, находящейся по другую сторону гавани. Вообще духовныхъ зданій здѣсь величайшее количество. Кромѣ церквей, весьма много находится монастырей и семинарій. Библіотекъ въ нихъ немного, и тѣ очень бѣдны. — Городу недоспаетъ фоншановъ. Дворцовый фоншанъ на площади Мураской, и другой на площади Каріокаской, достойны замѣчанія, и снабжающа водю по водопроводу, построенному на двухъ рядахъ аркадъ, которыя издали можно-бы почесть за Римское построеніе. Отъ монастыря *Св. Терезы*, арки водопровода соединяюща въ одинъ огромный сводъ, съ продушинами для воздуха, и эшотъ сводъ просширается по скамъ горъ на $4\frac{1}{2}$ льё, до небольшого водопада, довольствующаго весь городъ водю. Водопадъ составляетъ мѣсто прогулки для жителей Ріо-

Жанейро , и его называютъ *Mai d'agoas* (Машка водъ).

Между замѣчательными памятниками города и его окрестностей , должно упомянуть о дворцѣ *Св. Христофора* , мѣстопребываніи Императора , украшенномъ портикомъ и двумя галереями съ колоннами , театръ , монетномъ дворѣ , арсеналѣ , шажонѣ , биржѣ , ботаническомъ садѣ , народномъ гульбищѣ (*passao publico*) , усаженномъ мангиферами и пуховиками (*laurier rose*). Съ террасы , ограничивающей сей садъ , къ сторонѣ гавани , видъ превосходный. Два павильона составляютъ два крыла террасы , и въ нихъ находящіяся эмблемматическія изображенія , представляющія торговлю и богатства природы Бразильской.

Въ городѣ счисляется до 140,000 жителей , но только часть ихъ составляютъ настоящіе Бразильцы ; остальное суть Португальцы , Европейскіе купцы , мулашры , Негры , невольники и свободные. — Главнѣйшіе магазины предметовъ роскоши содержатся Французами ; слава объ ихъ изящномъ вкусѣ и модахъ передала въ руки ихъ всю промышленность относительно туалета и мебелировки ; другіе роды промышленности въ рукахъ Англичанъ , Итальянцевъ , Сѣверо-Американцевъ. Бразильцы и переселенцы Португальскіе лѣниво занимающіяся торговлею , и , какъ будто природа влечетъ ихъ къ праздности и бездѣйствію , самое движеніе есть уже для нихъ трудъ , прогулка занятіе , и отъ того и другаго они удаляющіяся , сколько могутъ. Бразильскія женщины беспечны

не менѣе мужчинъ: лежатъ на своемъ канапе, по-
крытомъ прекрасными рогожками, по цѣлымъ ча-
самъ въ бездѣйствіи, любоваться цвѣшкомъ, или
пшичкою — вошъ ихъ занятіе; но заботы о хозяй-
ствѣ, женскія рукодѣлья, чтеніе, все, чѣмъ зани-
маются наши Европейскія женщины, кажется здѣш-
нимъ недостойно вниманія. Если онѣ и принима-
ются за что нибудь подобное, то по неволѣ и
неохотно. Едва удѣляють они немного времени
опѣ своего лѣниваго досуга на нѣкошорыя пріят-
ныя упражненія и на заботливостъ о нарядахъ. Съ
давняго уже времени, Французскія моды овладѣли
здѣшними щеголихами, хотя вкусъ Португальскій
замѣтенъ припомъ въ сильной степени. Дамы
здѣшнія, въ буквальномъ смыслѣ слова, осыпають
себя драгоценными каменьями — онѣ не украшаются,
но обременяются ими. Вообще женщины здѣшнія
брюнешки, живы, лукавы, кокетливы, и говорятъ,
будто онѣ охотно позволяють себѣ слишкомъ
близкое знакомство съ иностранцами. Угрюмый
Кукъ съ досадою рассказываетъ, что нерѣдко
бросали въ него и его товарищей цвѣтами съ
балконовъ и дѣлали имъ глазки. Но зачѣмъ-же
принимаетъ невинную рѣзвостъ въ дурную сторону?
По крайней мѣрѣ, теперь Бразильское волокиш-
ство приняло всѣ формы Европейскаго утончен-
наго приличія.

Пищу здѣшнихъ жителей составляютъ, большею
частью, рыба, фрукты, овощи, и — неизбежное
кушанье изъ маниоковой муки (*farinha del raõ*).
Говядина здѣсь прегадкая, щощая; баранина рѣдка

и недосступна по цѣнѣ; пища сносна; дичина чудесная. Пшеничный хлѣбъ пекутъ превосходный; фрукты здѣшніе вкуса безподобнаго. Находясь подъ $22^{\circ} 54'$ с. ш. и $45^{\circ} 5'$ з., д., Рио-Жанейро пользуешься усладительнымъ, мало измѣняющимся климатомъ. Въ жаркіе мѣсяца, когда солнце доспигаетъ пропика Козерога, вѣшперокъ съ моря смягчаетъ силу знойныхъ, прямо на голову падающихъ лучей его. Въ это время, термометръ не восходитъ выше 28° (100 градусный). Въ другое время, то есть отъ Апрѣля до Декабря, онъ находится между 18 и 22° . —

Окрестности Рио-Жанейро прелестны, восхищительны. Не скажу, чтобы рука человека умѣла обработать здѣсь все, что только прекраснѣйшія на земномъ шарѣ небо, воды и земля могутъ доставить человеку — нѣтъ! — человекъ ничего не сдѣлалъ въ этой изумительной красою споронѣ; но природа здѣсь такъ роскошна, сыплется такою полною рукою произрастаніе дѣвственное и могущее, даетъ громадамъ зелени здѣшней такой яркій опливъ, такой сильный цвѣтъ, деревьямъ такой ростъ, струямъ воды такую живость, что взоры самаго безчувственного человека будутъ здѣсь очарованы, и мысль самая тупая склонится въ изумленіи передъ красою и богатствомъ творенія Божіаго! При зрѣлищѣ столькихъ чудесъ, я не могъ выйдти изъ непрерывнаго удивленія, и съ трудомъ успѣвалъ заняться подробностями, пораженный волшебною прелестью величественной общности. Поперемѣнно ходилъ я на

высопы горы *Корковадо*, откуда видна хижина храбраго Французскаго Генерала Гогендорпа, на вершину *Боа-Виста*, на *Прая-Гранде* и къ живописному водопаду *Трихука*. Во всѣхъ эсихъ прогулкахъ, предо мною раскрывались красшы, дошолѣ мною невиданныя, и чувсвуя себя не въ сосшояніи описашъ ихъ, я шолько удивлялся имъ. И шеперь, я не въ сосшояніи былъ-бы ничего предсшавишъ, кромѣ бѣглыхъ, общихъ замѣшоекъ. Кшо пошребуетъ у меня полнаго ошчеша, шому укажу я на описанія Куа и Гемара, бывшихъ здѣсь во время плаванія ихъ на кораблѣ *Уранія*, и шщашельно обозрѣвавшихъ окрешносши *Ріо - Жанейро*. Желая дашъ вамъ хошя небольшое поняшіе о богашсшвѣ природы въ здѣшней очаровашельной споронѣ, я выпишу нѣскольш спрокъ изъ описанія Гемара :

«Шагу не спупише вы въ окрешносшяхъ безшечнаго залива *Ріо-Жанейрскаго*, и на множесшвѣ оспрововѣ, покрывающихъ сей заливъ, безъ шого, чшобы не вспрѣшишъ какой нибудъ великолѣпной пернашой, украшающей наши Европейскіе музеи. Еще болѣе многочисленныя, красивыя насѣкомыя лешающъ, прыгающъ, жужжашъ во всѣхъ споронахъ. Особливо бабочки здѣшнія удивишельной красшы, и число родовъ ихъ превосходишъ всякое вѣрояшіе. Но зрѣлище, предсшавляемое здѣсь шопинами и другими свѣшящимися насѣкомыми, бѣглымъ, мимолешнымъ свѣшомъ мелькающими передъ глазами наблюдашеля, всего болѣе поражаешъ чужеземца, когда въ шемную ночь, въ гущишѣ

лѣса, онъ видитъ себя окруженнаго тысячами сихъ естественныхъ фонарей, составляющихъ собою очаровательную иллюминацію.

«Пробѣгая окрестности Рио-Жанейро, мы видѣли ихъ всюду населенными множествомъ птицъ, украшенныхъ самыми блестящими цвѣтами. Каждая порода имѣетъ здѣсь свое любимое мѣстопробываніе, гдѣ жизнь кажется для нея лучше и привольнѣе. Такъ въ шѣхъ окрестностяхъ залива, гдѣ горы не столь возвышенны, лѣса не столь густы, земля обработана, и находясь разсѣянные сельскія мызы, вы видите прелестныхъ синихъ гвишгвишовъ (пищухъ), зеленыхъ пишпишовъ, тангаравъ (кардиналовъ), яркими алыми перьями составляющихъ плѣнительную противоположность съ густою шѣвною зелени деревьевъ; не менѣе ихъ красивы, такъ называемыя, *епископы* и *архіепископы*. Въ садахъ, около банановъ и кавалерниковъ, воркуютъ маленькія горлицы, и жужжатъ цвѣтныя пшцы-мухи, изъ которыхъ особенно замѣчательна *хохлатка* (*hirre-col*), столь крошечная, что ее дѣйствительно почтете мухою.

«На лугахъ обитаютъ кукушка гвираканшара, рѣдкая даже и здѣсь, другой родъ кукушекъ, называемый *соусои ріауе*, о которой множество суевѣрныхъ повѣствованій рассказываютъ Негры; безспрашная пшца эта дозволяетъ смѣло подходить къ себѣ. Также смѣлы аписы, живущія семействами: садясь рядомъ на вѣтви дерева, онѣ представляютъ собою длинную цѣпь для спрѣлка. Болѣе осторожная, сѣрая епанчиская сорока (*la pie*

grèche à manteau) скрывается въ низкихъ , густыхъ кустарникахъ , ошкуда кричишь рѣзкимъ , учащеннымъ голосомъ , между шѣмъ , какъ бронзово-черная жакарини , повиснувъ на верхушкѣ недопроги , производишь свои вершикальные прыжки , всегда попадая на прежнее мѣсто , гдѣ сидѣла сначала.

«Тамъ , гдѣ лѣсъ густѣе , зобасный манакинъ быстро перелезаетъ съ мѣста на мѣсто , издавая крикъ , похожій на рычанье лошади ; шуканъ (перцеѣдъ) , опустошилель банановъ , спремился на обработанныя долины , а ванги и шираны (сорокопумы) сидятъ на краяхъ луговъ .

«Если во время прогулокъ нашихъ , мы подходили къ небольшимъ болошамъ , закрытымъ распеніями , мы навѣрное надѣялись найдши здѣсь яканасовъ , а въ окрестныхъ кустарникахъ пинамусовъ , Бразильскихъ куропашокъ . По теченію ручьевъ видѣли мы Бразильскихъ зимородковъ (martin - pêcheur) , охошниковъ сидѣть надъ потоками водъ , и повсюду вспрѣчали урубъ (сипа , родъ коршуна) , пернатое боязливое и прожорливое , воняющее гнилымъ мясомъ , сославляющимъ лакомую его пищу ; надъ гаванью видите многочисленныя спада ихъ , парящія по высотамъ облачнымъ , или недовѣрчиво спускающіяся на всякую пададь по берегамъ залива .

«Другая хищная птица , обитатель долинъ , ястребъ-выродокъ (falco degener) , кричащій рѣзко и продолжительно . Спранная эта птица , кажется , не хочетъ раздѣлять хищныхъ нравовъ своей по-

роды. Лѣнивый поварищъ спадъ, она всегда сидишъ на спинѣ быка, или коровы, и избавляешъ ихъ отъ безпокойныхъ клещей, кусающихъ до крови и высасывающихъ кровь изъ животнаго; чрезвычайно робкій, эшотъ услужливый другъ рогашой скопины лешишъ издали, завидѣвъ челоуѣка; съ чрезвычайнымъ прудомъ успѣли мы доспашъ себѣ пару пшицъ сей породы, хошя онѣ водяшся всего болѣе въ мѣспахъ обитаемыхъ людьми, пошому, что прудъ челоуѣка облегчаешъ имъ добычу пици и вскормленіе дѣшей; въ ихъ желудкахъ нашли мы множесшво клещей, кошорыми они питающся.

«Если, оставя долины и мѣлкія горы окресшнотей Ріо-Жанеирскихъ, поднимаешся на высошы Органныхъ горъ, видъ природы перемѣняешся. Съ величешвеннымъ зрѣлищемъ, предешавляемымъ возвышенными вершинами, уклонами, обрываами, пропащами, водопадами, падающими съ горныхъ шремнинъ, соединяешся удивительная роскошь непрерывнаго произрасшанія, шѣмъ болѣе сильнаго и свѣжаго, что оно безпрешанно увлажено облаками, кошорыя привлекаешъ и производишъ.

«Здѣсь породы пшицъ, спановаясь малочисленнѣе, уже совсѣмъ не шѣ, какія обитающъ въ долинахъ. Здѣсь видише вы желшаго *котинга* (свирѣшшеля), *жунуба* (хохлашую иволгу), замѣчательнаго своимъ краснымъ хвосшомъ и длиннымъ краснымъ клювомъ, *пикукулей*, бѣлогрудаго, и другаго съ загнутымъ на подобіе серпа клювомъ. Красивыхъ *манакиновъ*, съ длинными перьями, узнаеше по ихъ сладоспашному воркованію. На берегахъ пошоконъ,

гдѣ произрастаніе не столь сильно, мелькаешъ несправа колибри, что-то воздушное, по живоспи своего полета, вдругъ сверкающее вокругъ васъ въ тысячѣ направленій. На скамѣ горъ, гдѣ основалось шеперь Швейцарское селеніе, водятся другой родъ колибри, и по названію можете судить о прелести ея перушковъ: ее называютъ *рубинъ-изумрудъ*. Здѣсь также пребываніе множества породъ разноцвѣтныхъ *тангаровъ*; онѣ живутъ небольшими стадами, и, кажется, особенно любятъ влажныя и тенистыя мѣста; по крайней мѣрѣ, всего чаще въ такихъ мѣстахъ находили мы ихъ, прелѣтныхъ и семи-цвѣтныхъ. *Тамати* (бѣлобрюхіе канкромы) также любятъ уединенныя мѣста, и здѣсь съ удивленіемъ замѣчали мы у темныхъ птицъ сего рода способность двигать хвостомъ вправо и влево, столь-же легко и скоро, какъ другія птицы двигаютъ хвостомъ снизу кверху.

«Если въ сихъ мѣстахъ увидите вы какуюнибудь уединенную мызу, то близъ нея, на окрестныхъ пашняхъ, непременно найдете хохлатыхъ касиковъ (иволгъ), сѣрыхъ сорокъ, и стада красныхъ аровъ (*aras*), амазоновъ (Суринамскихъ подорожниковъ) и другихъ попугаевъ, губительныхъ для земледѣлія.

«Наконецъ, когда достигли вы самого высокаго мѣста горъ, къ второму *registro*, или шаможенной спражѣ, посланной въ томъ ущельѣ, гдѣ находился единственный проѣздъ въ область Каншо-Галло, васъ невольно поразитъ глубокое уединеніе, царствующее повсюду.

«Здѣсь остановишься въ на грани дѣленія водныхъ потоковъ, которое едва пробивается въ этомъ мѣстѣ серебристыми жилами по скаламъ, но вскорѣ, усиленное соединеніемъ, не замедляешь кипѣть водопадами, гремѣть бурными обрывами водъ, и потомъ, свободно отъ всякаго препятствія, мирно сливается въ широкія рѣки. Къ сѣверу сходятъ отсюда источники *Рибейро*, рѣки *Св. Антонія* и *Ріо-до-Конего*, образующія потомъ рѣку *das Bengalas*, которая умножаетъ собою воды *Ріо-Гранде* (рѣки Великой). На югъ льется *Ріо-Макаку*, широкимъ устьемъ впадающая въ заливъ *Ріо-Жанейрский*.

«На сихъ высотахъ птицы спановятся рѣдки, и надобно пробѣжать большое пространство, чтобы иногда встрѣшить сороку, съ зобомъ раскрашеннымъ азбаромъ, какую нибудь щеголеватую куку, или даже пенелопу (Бразильскаго свища). Отъ времени до времени, въ глубинѣ лѣсовъ, уединенный дятелъ долбитъ носомъ своимъ древесную кору, а хохлатый ястребъ и царь-коршунъ вьются надъ граничными иглами горы, похожими на громадныя прутья органа, отъ чего произошло и самое имя сихъ богатыхъ силами природы горныхъ возвышенностей. Здѣсь также жилище обезьянъ, и по вершинамъ лѣсовъ сіи живописныя перебѣгаютъ черезъ обширныя пространства, не касаясь земли. Самыя обыкновенныя изъ здѣшнихъ породъ сушь: паукоидъ, котораго употребляютъ въ Бразиліи въ пищу, порода герныхъ обезьянъ, верплавый тамаринъ (мидасъ долгоухій), саху (ка-

пуцинъ), а въ мѣстахъ ниже, гдѣ болѣе шепла, золотистая *марикина*. По вечерамъ, мы слышали здѣсь ужасающій крикъ *алуаты* (цѣпкохвоста): повторяемый тысячу горныхъ опзывовъ, эиошъ крикъ испугалъ-бы самого безспрашнаго пушника, если-бы онъ не зналъ, какое безвредное живошное кричишъ такъ ужасно.

«Здѣсь живушъ также *муравьѣдъ*, одаренный странною способностью ловишъ муравьевъ; безобразный *коати* (хобошносецъ), которому маленькіе глаза и длинный мясистый носъ придаюшъ самую забавную фигуру, и наконецъ—*лѣнивонецъ*, брадишеай, самое неподвижное, самое нелѣпое по формамъ изъ всѣхъ млекопитающихъ — истинная насмѣшка природы, помѣщенная въ шакихъ мѣстахъ, гдѣ жизнь и дѣятельность кипяшъ изумительно во всѣхъ другихъ сущесшвахъ, ловкость соединяется съ блескомъ цвѣшовъ, а изумительная подвижность съ изящесшвомъ формъ....»

Покашости Органныхъ горъ населены поколѣніемъ шугемцевъ Бразиліи, оплично крѣпкаго сложенія, происходящихъ, кажется, отъ породъ *Уктаказовъ*; будучи, подобно *Гаугосамъ*, наѣздники, они почти живушъ на лошадяхъ. Пятнадцатилѣтній мальчикъ уже сядишся на коня, и съ лассо въ рукѣ мчишся за спрофокамиломъ, за гамо, или дикою лошадью. *Лассо* естъ родъ *аркана*, веревка, 30, или 35-ши фушовъ длиною, оканчивающаяся двумя, шрема, пашью концами, на которыхъ привязаны желѣзные или деревянные шары. Весело видѣшъ, какъ *Уктаказъ*, или *Гаучось*, сядя вер-

хомъ, держа голову прямо и гордо, бросаешь въ погоню за дикою лошадыю, и вихремъ мчишься за нею черезъ утесы, болоша, лѣса. Когда приблизишься онъ на извѣстное разстояніе къ добычѣ, то начинаешь быстро вершѣшь надъ головою шары, размахиваешь ими, и бросаешь ихъ въ свою добычу, съ изумительною ловкостью. Шары жужжащъ по воздуху отъ силы размаха, запусываяшся, падая около ногъ живошного, или оцѣпляющъ его голову, такъ крѣпко, что лишаютъ всякой возможности бѣжашъ. Но не только дикая лошадь должна бояшся удара неизбежнаго лассо: спирофокамилъ, серна, леопардъ, самый шигръ бывающъ жертвою его въ рукахъ ловкаго и сильнаго охотника. Сила удара бываешъ такова, что перебиваешъ и ломаетъ ноги звѣря.

При нынѣшнемъ смѣшеніи породъ пуземнаго народонаселенія трудно различить, кошорыя изъ нихъ были первобытными въ сей часпи Американскаго материка; еще труднѣе разобрать ихъ пребыванія и раздѣлить ихъ по оплительнымъ свойствамъ. Ведя кочевую жизнь, первобытные народы здѣшніе, безъ сомнѣнія, не одинъ разъ переносили шалаши свои отъ рѣки Амазонской до пролива Магелланова, и теперь безплодны были бы старанія ученыхъ опредѣлить древніе предѣлы *Тапуйасовъ*, *Тупинамбазовъ*, *Уктаказовъ*, *Ботокудовъ*, *Туписовъ*, *Гвайкуровъ*, *Гварановъ* и шестидесяти другихъ различій, извѣстныхъ на пространствѣ земли отъ 4° ш. с. до 35° ш. ю. — Множество варварскихъ именъ ихъ составишъ исторію, споль-

же запруднительную, сколь и недословѣрную. Общее наименованіе *Бразильцесъ* вѣрнѣе и почтѣе употребляется для обозначенія всѣхъ племенъ, населяющихъ обширныя области Бразиліи, безъ частныхъ различій на племена.

Раздѣляясь по областямъ, Бразильская имперія подраздѣляется еще на *комархи*, или *юридиціи*. Имена областей сущь: *Ріо-Жанейро*, *Санъ-Пауло*, *Санта-Капарина*, *Санъ-Педро*, *Машто-Гроссо*, *Гойазъ*, *Минасъ-Гераесъ*, *Эспириито-Санто*, *Багіа*, *Сергиппа*, *Алагоа*, *Пернамбуко*, *Парагиба*, *Ріо-Гранде*, *Сеара*, *Піавги*, *Маранъао*, *Пара*.

Самыя южныя области Бразиліи, *Санъ - Педро* и *Ріо-Гранде*, можно назвать житницами имперіи. Скошководство и разведеніе лошадей тамъ весьма обильны. *Ріо-Гранде* производитъ шоргъ кожами, соперничая въ этомъ съ *Буэносъ-Айресомъ*. Главный городъ сей области богатъ и многолюденъ. Область *Св. Екатерины* (*Santa-Catharina*), гдѣ главный городъ *Nossa Senhora del Destero*, построены на островѣ, къ С. В. отъ *Ріо-Гранде*, замѣчательна киповою ловлею.

Городъ *Св. Павла*, по имени котораго называется цѣлая область (*San-Paulo*), находится на возвышеніи, опоясанномъ низменными и орошенными водою лугами. Красивый городъ этотъ, богатъя отъ промывки золота, пріобрѣтаетъ съ богатствомъ вкусъ къ роскоши и щегольству, — Женщины тамошнія славятся по всему Американскому материкову; ихъ красота, прелестъ и благородство обращенія вошли въ пословицу. Мужчины дѣшительны,

предпріимчивы и наспойчивы въ предпріятіяхъ. Въ-
ря Португальскимъ Іезуитамъ, думали прежде,
что колонія Св. Павла происходитъ отъ смѣси
разныхъ искашелей приключеній, Испанцевъ, Пор-
тугальцевъ, мешисовъ, мулашровъ, и что осно-
ванная шайками разбойниковъ, она можетъ поддер-
жаться только ими. Но всѣ сіи клеветы опровер-
гнуты почтеннымъ членомъ Королевской Лиссабон-
ской Академіи, долго жившимъ въ сей споронѣ.
Если Санъ-Паулосцы не походятъ на другихъ Пор-
тугальцевъ, обитателей Бразиліи, тѣмъ лучше,
ибо они оплечаются силою дѣятельности, и при-
номъ честностію, мужествомъ, промышленностію,
услужливостію и образованіемъ. Ихъ шрудѣ одол-
жена Бразилія открытіемъ почти всѣхъ своихъ зо-
лошыхъ и серебряныхъ рудниковъ, и безъ ихъ усерд-
наго пособія, нѣтъ сомнѣнія, что колониальная вой-
на 1770 года была-бы гибельною для Бразиліи.

Немного сѣвернѣе обласпи Св. Павла находится
Ріо-Жанейро; за тѣмъ слѣдуетъ обласпъ *Св. Духа*
(*Espirito-Santo*), а за нею разстилаются богатыя и
знамениыя обласпи *Минасъ-Гераесъ* и *Гойазъ*, гдѣ
находятся золотые и серебряные рудники и алмаз-
ныя копи. Главный городъ первой изъ сихъ облас-
пей есть *Cidade do-Ouro Preto*, прежній *Villarica*
(городъ богачествъ), на склонѣ горы, вблизи *Ита-*
колуми, самой возвышенной вершины Бразильскихъ
горъ. Въ цѣлой обласпи счищаютъ до 360-ти ты-
сячъ жителей, между коими 200,000 Негровъ. Въ
Villa-do-Principe (Княжескомъ городѣ), находящемся
на предѣлахъ *Серро-до-Фріо*, или Алмазной облас-

ши, учреждены монашій и липейный дворы. Спро-
жайшій осмотръ производишя въ усгроенной
здѣсь шаможнѣ всѣмъ проѣзжающимъ. Предоспорож-
носпѣ взята не даромъ : воровство похищителей
бываешъ удивительно хипрое. Г-нѣ Мау, кошоро-
му обязаны мы превосходнымъ пушешествіемъ во
внушренность Бразиліи, разсказываешъ анекдотѣ
о бѣдномъ проснякѣ, погонщикѣ муловъ, у кошо-
раго въ связкѣ шоваровъ нашла однажды шаможня
300 карашъ алмазовъ. Какъ ни клялся проснякъ
въ своей невинности, но долженъ былъ согласишъ-
ся, что это весьма походишъ на мошенничесство.
Обласш Гойазская славишя шолько шѣмъ, что
шамъ, близъ *Агоаквенте*, найденъ былъ знаменишый
самородокъ золоша, вѣсомъ въ 43 фунша. Изъ ос-
шальныхъ обласшей должно замѣшишъ *Багію*, гдѣ
главный городъ *Санъ-Сальвадоръ* (Св. Спасишеля),
вшорой въ Бразиліи послѣ сполицы по числу жи-
шелей, доходящему до 120-ши шысячъ, и первый
изъ всѣхъ городовъ по своимъ красивымъ здані-
ямъ.—*Пернамбуко*, славный своею хлопчатною бума-
гою и красильнымъ деревомъ (фернамбукомъ), шак-
же прекрасный городъ, съ 60-ю шысячами народа.—
Маранъао, шорговая обласш, гдѣ въ главномъ го-
родѣ живешъ 30,000 человекъ.—*Пара* безпрерывно
увеличиваешя важностью и народонаселеніемъ въ
послѣднее время.

Присовокунимъ къ этимъ географическимъ замѣ-
чаніямъ, что настоящіе предѣлы Бразильской им-
періи, среди безпрерывныхъ измѣненій, всегда бы-
ли неопредѣленны. Она граничишъ нынѣ къ С. съ

Колумбією и Гвіаною, къ В. съ Атлантическимъ моремъ, къ Ю. съ Уругваемъ и Парагваемъ, къ З. съ обласями Ріо-де ла-Платского союза и республиками Перуанскою, Боливійскою и Колумбійскою. Она вмѣщается между 4° с. ш. и 35° ш. ю., отъ 37° до 75° долгошы западной. Можно понять, что на пространствѣ столь обширномъ, въ обласяхъ, пересѣкаемыхъ горами и долинами, всѣ климаты, всѣ температуры должны быть соединены. Нѣтъ произведенія, которое-бы не принялось, не развелось здѣсь, и естественная исторія Бразиліи составляетъ самый богатѣйшій каталогъ всяческихъ произведеній. Чего здѣсь нѣтъ!

Первое мѣсто, разумѣется, надобно отдать алмазнымъ копамъ и промывальнямъ, производящимъ, въ обыкновенный годъ, отъ 20-ти до 25,000 каратъ алмазовъ, не считая топазовъ и хризобризовъ (Бразильскихъ золопоцвѣтовъ). — За симъ слѣдуютъ желѣзные, мѣдные и другихъ металловъ рудники. — Царство произрастающее неисчислимо. Бразильскіе кокосы превосходятъ всѣ Индійскіе вышиною и толщиною; не буду вспоминать другихъ драгоцѣнностей, каковы: *клевъ*, *миртъ*, *Vignonia leucochylon*, *хака* (хлѣбное дерево), *курупиту*, или *пекіа*, то и другое приносящія огромные плоды. — Строевой лѣсъ расцвѣтъ во множествѣ, и породы его превосходны: *тапиноамъ*, *перола*, Бразильская сосна, вишенникъ, кедръ достигаютъ необыкновенной вышины и имѣютъ чрезвычайную плотность. Кондаминъ плывъ по рѣкѣ Амазонѣ въ лодкѣ, сдѣ-

ланной изъ одного дерева въ 90 палмъ длины (*). Красильныя деревья столь-же огромны и обилуютъ неменѣе. Пернамбукское дерево, столь извѣстное въ Европѣ по своимъ красильнымъ качествамъ, бываетъ объемомъ и величиною съ Европейскій дубъ.

Главную пищу въ Бразиліи составляетъ *маніокъ*, потомъ *иньямы*, сарачинское пшено, майсъ и пшеница. Арбузовъ, тыквъ, банановъ весьма много въ долинахъ; лимоны, *пампельмуссы*, померанцы и *гольберы* расшуютъ по морскимъ берегамъ. Суринамская фи́га, мангаба, ибиципанга находящаяся подлѣ фруктовыхъ деревьевъ Европейскихъ въ Ріо-Гранде, Ріо-Жанейро и Багін. Что касается до произведеній колоніальныхъ, какъ-то: сахару, кофе, хлопчатой бумаги, индиго, табаку, какао, ванили, перцу, сборка ихъ всегда необыкновенна, и въ Европу вывозится ихъ отсюда чрезвычайное количество.

Царство животныхъ во всей Бразиліи богато не менѣе окрестностей Ріо-Жанейро. *Хагуазы*, *кугуары*, *тапиры*, *пекари*, *коати* населяютъ ея обширныя области. Множество обезьянъ видно повсюду, наряду съ другими рѣдкими животными, каковы, *матусъ-болласъ*, родъ ежа, водящегося только въ Бразиліи, *мармозъ* (двушпиробка), *Cavia rasa*, *Sciurus aestuans* (Бразильская бѣлка), шапешы (родъ безхвостого зайца).

При столь великомъ многообразіи всякихъ про-

(*) Пальма Португальская составляетъ 0,21859 метра. Десять палмъ составляютъ одну брасу, или двѣ сары.—
Прим. Перев.

изведеній, торговля Бразиліи необходимо должна бытъ важна и увеличивающься посшепенно. Прибавимъ, что не смолря на всѣ препяшствія, съ богатствомъ увеличивается и образованіе шихо, медленно, но замѣшно, особливо послѣ собышій въ Бразиліи въ послѣднее время. Такъ, напริมѣръ, Негры здѣсь, какъ и въ другихъ странахъ Америки, все еще преданы игу рабства бѣлыхъ, но уже, многія новѣйшія постановленія охраняющъ ихъ отъ прежняго жестокаго обхожденія господъ. Не рѣдки образцы, что Негръ, помощію шруда, успѣваетъ составить себѣ досташочную сумму и выкупиться. Мудрымъ постановленіемъ Іоанна VI-го подшвержено, чтобы десятишлѣшняя служба избавляла Негра отъ неволи. Къ сожалѣнію, корыстолюбіе полагаетъ непреодолимыя препяшствія исполненію сего человѣколюбиваго и благодѣшельнаго закона.

Въ Ріо-Жанейро, еще болѣе нежели въ Горѣ, великое число Негровъ-невольниковъ сдѣлало на меня, съ непривычки, странное впечатлѣніе. Я не могъ хладнокровно смолрѣть на униженное состояніе человѣка, въ видѣ черныхъ собрашій моихъ, не могъ видѣть Негровъ, какъ рабочую скошину, запряженныхъ въ шѣлеги, или полунагихъ, въ ужасный жаръ, носящихъ паланкины своихъ повелителей. Сердце мое содрагалось также, когда я бывалъ свидѣтелемъ сшраданія эшихъ бѣдняковъ, наказываемыхъ жестокими палочными побоями за самую бездѣльную вину. Негришянки не освобождаются отъ сего шяжелаго наказанія. Въ Ріо-Жанейро учреждены базары, гдѣ бѣдные жишели Бенгуела, Мозам-

бика, Мадагаскара и Гвинеи выводятся на продажу, подобно бессловеснымъ живошнымъ. Здѣсь видѣше вы ихъ связанныхъ, скованныхъ, безчувственно лежащихъ, сидящихъ въ ожиданіи покупателя. Улица Валлонгская наполнена такими рынками невольниковъ.

Какъ ни хотѣлось мнѣ продолжитъ еще мое пребываніе въ Ріо-Жанейро, но расположеніе моего путешествія не дозволяло мнѣ дальнѣйшей отсрочки. Впрочемъ, по моему плану, мнѣ слѣдовало еще возвратиться въ южную часть Америки. Парагвай и Пашагонію, Монте-Видео, Буэносъ-Айресъ и всѣ другія обласи, исполненныя столько предметовъ новыхъ и любопытныхъ, я почиалъ задапкомъ для будущихъ наслажденій моего странствованія, намѣреваясь обратиться сюда отъ мыса Горна. Надобно было на сей разъ умирить мое любопытство. Долженствуя отправиться на Иль-де-Франсъ, я отнесся къ одному изъ маклеровъ, и онъ нашелъ мнѣ мѣстечко для переезда на Сѣверо-Американскомъ шлюпѣ, появившемъ тогда близъ Козьихъ острововъ. Я распрощался съ Ріо-Жанейро, довольный всѣмъ въ здѣшней сторонѣ, кромѣ кусливыхъ мусниковъ и — придирчивыхъ таможенныхъ чиновниковъ. Тамъ и другіе несносные комаровъ и таможенниковъ Европейскихъ.

Ноября 20-го, подняли мы якорь, и поплыли на Ю. Ю. В., чтобы въ высшихъ широтахъ достигнуть предѣловъ западнаго вѣтра. Шлюпъ нашъ назывался *Капраль Тримъ*, плылъ изъ Нью-Йорка, и подъ начальствомъ ловкаго моряка, Капитана

Диксона , могъ почесаться однимъ изъ превосходнѣйшихъ купеческихъ кораблей , легкихъ на ходу , красивыхъ наружносью — это была щегольская морская пшичка.

Опять началась для меня однообразная жизнь мореплавателя. Въ часы досуга, мажоры занимались охотою и рыбною ловлею. Но , ни одинъ изъ моряковъ , самыхъ опытныхъ , не могъ въ шомъ и другомъ сравняться съ нашимъ подшкиперомъ Томомъ Миллемъ, настоящею морскою рыбою, который уже не помнилъ , когда въ первый разъ отправился онъ въ море. Замѣчательнѣйшимъ изъ подвиговъ его въ нашу поѣздку была поимка превосходной , прелесной дорады , изъ рода *Scorphaene*. Чудная рыба, у которой спина, перерѣзанная облическими линіями , покрывается великолѣпнымъ синимъ плащемъ, съ посшепенными опшѣнками; голова у нея прелеснаго темнаго цвѣта, къ спинѣ переливающегося въ изумрудные опшѣнки; плаващельныя крылья желныя, брюхо серебряное; хвостъ раздѣляется на двѣ части , до такой сшепени, что можно-бы подумать, что онѣ бесполезно приспавлены къ шѣлу дорады. Въ этой широшѣ море обилуетъ рыбами сего рода; онѣ плыли за нашимъ кораблемъ спадями, и, признаюсь , что мнѣ веселѣе было видѣть ихъ въ водѣ , живыхъ, ловкихъ, красивыхъ, украшенныхъ всѣми опцвѣтами алмаза , шопаза , рубина и изумруда , нежели смошрѣть на бѣдную красавицу , какъ она обольстилась чучелой лешучей рыбы, и попомъ билась, засыпала , и прелесные цвѣта ея кожи шеряли

блескъ свой. Впрочемъ, не смотря на свою красоту, *карафена* рыба чрезвычайно прожорливая, ловкая, но неоспорожная; она бросается съ жадностью на всякую приманку, не щиплетъ, а глотаетъ добычу. Нерѣдко находящъ въ желудкѣ ея цѣликомъ проглоченныхъ долгоперовъ и желѣзные гвозди.—Другая поимка Тома Милля была еще любопытнѣе: онъ успѣлъ изловить морскую свинью, называемую по-Англійски *porpoise*, съ Лашинскаго названія *porcus piscis*, потому, что рыло этого животного дѣйствительно походитъ на свиное. Морскія свиньи плавають по морю сопнями, иногда тысячами. Когда море только слегка волнуется, вы видите ихъ среди волнъ, выпянувшимися въ длинные ряды и вершащимися на поверхности воды, всѣхъ въ одно время, съ удивительною стройностью. Эти морскіе маневры производятся ими такъ точно, какъ будто-бы дѣлались по приказу полковника, и порядокъ ихъ неизъяснимъ и непостижимъ. Каждое изъ сихъ животныхъ, въ одно время съ другими, подымаетъ голову, опускаетъ ее, выславляетъ хвостъ, опять выславляетъ голову, описавъ шѣломъ правильный кругъ. Издали это совершенно воинскій парадъ. Ни одно изъ морскихъ животныхъ не показываетъ такой охоты къ общежитію и общему союзу, какъ морская свинья. Собираясь вокругъ кораблей, онѣ кажутся спорящъ съ нимъ въ быспрошѣ плаванія, какъ будто вызываютъ его бѣжать въ перегонку, перегоняющъ, и спѣшатъ ворошиться назадъ съ шоржесивомъ. Забавляясь этою игрою въ перебѣжки,

машрозы особенно любящъ морскихъ свиней, и если нѣшъ ихъ около корабля, спараюшя призывашъ ихъ свиспомъ, съ важносшью увѣряя, что морская свинья понимаетъ и любитъ эшомъ знакъ призыва. Не ошашокъ-ли это древняго преданія, перешедшаго въ грубое повѣрье, будшо на хребтѣ морской свиньи спасся Греческій поэтъ Аріонъ, забавлявшій свою морскую лошадку игрою на лирѣ, пока она везла его по морю?

Уже по нѣскольку дней окружены мы были стадами морскихъ свиней; онѣ плавали около нашего *Каира* *Трима*, перебѣгали его, подплывали подъ бушпришъ, играли въ водѣ, какъ легкая собака бѣжишъ, и играешъ около карешы. Неушомимый Томъ Милль былъ въ опчаяніи, что при всемъ эшомъ ему не удавалось ничего поймашъ. Напрасно сидѣлъ онъ верхомъ на форшшевенѣ, сперегъ, мѣшилъ—съ досадою принужденъ онъ былъ вышаскивашъ свою ошпрогу, подшачивашъ, выправляшъ зубцы ея. Онъ бранился, клялъ неудату, и наконецъ съ яростію бросилъ ошпрогу на удачу—самый ловкій дельфинъ попался ему, какъ будшо въ награду за терпѣніе.... Побѣда! побѣда!—Скорѣе веревку, чтобы добыча не ушла, и—вошъ бѣднаго живошнаго вышацили на палубу, не смотря на всѣ его усилія освободиться ошъ желѣза, раздиравшаго его шѣло. Томъ Милль и шоварищи его не скрывали своего восшорга. Дельфинъ былъ опличный; чешырехъ фушовъ въ длину, шемнаго цвѣша, съ гладкою кожею, съ высокою спиною, съ хвостомъ въ видѣ полумѣсяца, опороченнымъ узорчашою се-

рединою. Не знаю опѣ чего, но мнѣ спрахѣ какѣ было жалѣ бѣдняжки ; машрозы распласпали добычу и съ жадностью ѣли ее за ужиномѣ , а я никакѣ не могѣ побѣдишь моего отвращенія и даже отвѣдашь ихѣ лакомага кушанья.

Если не рыбная ловля , шо охота занимала моихѣ товарищей спрансповованія ; впрочемѣ охота эта дославляла добычу не столько для нашей кухни , сколько для собранія чучель ; она ограничивалась немногими лапчашыми (palmipèdes) птицами, негодными для пищи : это были *глупыши*, бѣлые и черные , съ огромными маховыми перьями черного цвѣта, чрезвычайно проворные ловцы рыбы, едва всплывала она на поверхность моря ; далѣе, огромные , сильные , ширококрылые фрегаты , носившіеся спрѣлою по вершинамѣ волнѣ — красивая птица, съ виловатымѣ хвостомѣ и перьями бѣлыми, при радужномѣ отливѣ въ синіе цвѣта. По причинѣ широкихѣ крыльевѣ, фрегатѣ не можешѣ самѣ выхватывать рыбу изѣ воды , и пошому рыболовами для него служатѣ глупыши и бакланы ; онѣ безжалостно отнимаешѣ у нихѣ добычу. Мы спрѣляли въ быспролешныхѣ товарищей нашего пути, какѣ будто желая доказать, что побѣжденіе шрудносшей всегда бываетѣ пріятно; надобно было имѣть необыкновенную ловкость, чтобы выспрѣлѣ попадалѣ удачно.

Мы доснигли 37° ю. ш., когда вдругѣ поданѣ былѣ знакѣ, что видяшѣ землю : передѣ нами появились шри острова , изѣ которыхѣ самый главный называется островомѣ *Тристана д'Акунга*. Его издали узнающѣ по высокой остроконечной

горѣ, и многіе путешествовавши рѣшались увѣ-
 рять, что пикъ Тристана не уступитъ высокою
 Tenerifскому, и что онъ видѣнъ съ моря за 25-ть
 льё. Мы увидѣли его приблизившись къ нему на 15-ть
 льё. Всѣ при острова образуютъ собою преуголь-
 никъ, и Тристанъ составляетъ его с. в. уголъ.
 Два другіе острова названы были, въ 1767 году
 Французами, западный остр. *Неприступнымъ*, а юж-
 ный остр. *Соловьинымъ*. Мы старались обойти
 островъ Тристана съ сѣверной стороны, и черезъ
 нѣсколько часовъ находились не болѣе, какъ въ
 полу-льё разстоянія отъ берега. Въ этомъ поло-
 женіи, островъ представлялъ на сѣверномъ краю
 своемъ громаду утесовъ, болѣе нежели на 1,000
 футовъ отвѣсной вышины. На этой высотѣ начи-
 нается плоскостъ, и продолжаясь къ срединѣ остр-
 ова, оканчивается у пика Тристанова, горы ко-
 нической формы, почти всегда покрытой снѣгами
 на ея вершинѣ. Полоса лѣсовъ окружаетъ пикъ,
 доходя до самой половины его. Вершина рѣдко
 выходитъ изъ окружающихъ ея облаковъ. Почти
 всѣ берега острова круты, безъ подводныхъ кам-
 ней, и мы безопасно шли около прибрежной утес-
 истой снѣны его, но попомъ, захваченные шиши-
 ною, старались спастись на якорѣ въ заливѣ, съ с. з.
 стороны острова. При пособіи переменчивыхъ по-
 рывовъ вѣтра, нашъ *Капралъ Тримъ* вскорѣ осна-
 новился на якорѣ, въ песчаномъ грунтѣ, на 18-ти
 брассахъ. Передъ нами на берегу были два водо-
 пада, и увлекали зрѣніе среди оживленнаго и раз-
 нообразнаго ландшафта.

Оспр. Триспана находится подъ $37^{\circ} 5'$ ю. ш. и 45° д. з.— Онъ проспирается на пятьдесятъ миль въ окружности. Оспровъ *Соловиный* неправильной фигуры, и представляешъ впадину въ срединѣ, съ утесами на южномъ краю. Оспр. *Непреступный* ничто иное, какъ громада скалъ, дикая, неровная, съ разбросанными на нихъ уродливыми деревьями. Впрочемъ, приближеніе къ берегу его неопасно, исключая утеса на югъ, имѣющаго фигуру лодки. Капитанъ Грейгъ, управлявшій кораблемъ *Blenden-Hall*, плывшимъ изъ Лондона въ Бомбай, погибъ здѣсь 23 Іюля 1824 года. Восемь человекъ изъ экипажа спаслись на оспровъ, и ушонули попомъ, спараясь достигнуть оспрова Триспана на бопѣ, ими поспроенномъ.

Всѣ сіи оспрова были опкрыты Португальцами, въ ихъ первоначальныхъ путешесствіяхъ по Атлантическому Океану. Голландцы описали ихъ въ 1643 году, а Французы въ 1767 году. По берегамъ ихъ обитаешъ много земноводныхъ живошныхъ, шюленей, сивучей, моржей, также пингвиновъ и албапросъ. Въ окрешномъ морѣ есть кшпы и эспадоны (рыба мечъ).

Капитанъ Паппенъ, начальспвовавшій Сѣверо-Американскимъ кораблемъ *Промышленность*, былъ первый изъ Европейцевъ, имѣвшихъ долгое время пребываніе на сихъ оспровахъ, и своимъ описаніемъ дополнившій и исправившій прежніе, невѣрные объ нихъ рассказы. Паппенъ жилъ здѣсь съ Августа 1790-го до Апрѣля 1791 года, и занимался ловлею шюленей. Онъ успѣлъ добыть до

5,600 кожъ, приготоуишь полный грузъ ворваньяго жира, и попомъ выгодно продалъ все эшо въ Кишаѣ. Мѣстопробываніе его находилось подлѣ водопада, окруженнаго лѣсомъ. «Деревья здѣсь — говорилъ онъ въ своемъ донесеніи — не доспигають большой вышины, но вѣтви ихъ широки, густы и богаты зеленью. Всего болѣе расшешъ здѣсь дерево, въ родѣ писа по фигурѣ лиспьевъ и клена по своей прочности.» Чпо касаешся до живошныхъ, Папшенъ не находилъ никакихъ чешвероногихъ, кромѣ козъ, осшавленныхъ мореплауашелями и одичавшихъ. Пшицъ находилось здѣсь довольно, земля казалась способною для обрабошки, и ни одного ядовишаго живошнаго не было замѣчено.

Но съ шого времени, оспр. Триспана, посѣщаемый разными плауашелями, обогатился произведеніями всякаго рода. Капишанъ Колкгоунъ, начальсшвовавшій Американскимъ кораблемъ *Betzy*, развелъ здѣсь папашы (родъ каршофеля), лукъ и другія огородныя насажденія. Капишанъ Гейвудъ, осшановясь въ здѣшнемъ заливѣ, въ 1844 году, нашелъ шрехъ Американцевъ, поселившихся на оспровѣ, съ шѣмъ, чшобы занимашся ловлею шюленей и продауашъ кожи ихъ мореплауашелямъ, копорые приспанушъ къ оспрову. Одинъ изъ эшихъ искашелей приключеній, по имени *Ламбертъ*, вздумалъ даже написашъ манифесшъ, объяуляя себя власшшшелемъ всѣхъ шрехъ оспрововъ. Въ слѣдсшвіе сего, онъ расчисшилъ 50 акровъ земли, и засадишъ ихъ разными произведеніями, въ числѣ коихъ были кофе и сахарный шросшникъ; сѣмяна шого и дру-

гаго доспалъ онъ опъ Американскаго Консула въ Рио-Жанейро. Все это удалось весьма хорошо; но не смотря на успѣхъ насажденій, можешъ бышь, за недоспашкомъ посѣпишелей, Король Ламбертъ оспавиль свое государство, и его заняли попомъ опъ имени Англіи опрядомъ, состоявшимъ изъ восьми солдапъ, съ семействами, посланныхъ съ мыса Доброй Надежды. Поселенцы оспавались здѣсь до 1820 года, и тогда были опяпъ опозваны на прежнее мѣсто. Но капраль, начальствовавшій солдапами, и устройвшій себѣ небольшое хозяйство, не захопѣлъ оспавишь острова. Онъ просиль позволишь ему жишь здѣсь одному, владѣшь островомъ опъ имени Англійскаго правительсва, и помогашь услугами своими мимоплывущимъ спранствоваателямъ, или несчастнымъ мореплавателямъ, копорые спасуся на островъ опъ гибельнаго кораблекрушенія. Ему позволили. Новый Робинзонъ съ радоспью опказался навсегда опъ всего міра. Дѣйствительно, съ того времени онъ живешъ на островѣ, успѣлъ составишь себѣ порядочное имѣніе ловлею шюленей, и оказашъ многія услуги мореплавателямъ. Ни одно изъ собышій пуспной жизни его на островѣ Триспанѣ не имѣло шакого романическаго характера, какъ пребываніе здѣсь Англійскаго молодого живописца Ирля. Вотъ разсказъ объ этомъ, извлеченный нами изъ записокъ одного пупешественника:

« Въ концѣ 1824 года, юный художникъ Англіискій Ирль опсправился, на небольшомъ Англіис-

скомъ шлюпѣ, въ Бомбай. Будучи опличнымъ живописцемъ, онъ надѣялся найдти работу для кисти своей и многія выгоды при тамошнемъ Генералъ-Губернашорѣ, кошорый живешъ, какъ могущій власпишель.

« Небольшой корабль, на кошоромъ ошправился художникъ, много пошерпѣлъ во время пуши онъ прошивныхъ вѣтровъ на Ашланшическомъ океанѣ. Кромѣ того, запасы были споль недоспапочны и такъ дурно сберегаемы, что съ самага онѣзда мореплаватели увидѣли себя въ запруднишельномъ положеніи. Такъ доспигли они высшей широты, и рѣшились ошановишъся у ошрова Триспана, чшобы запасишъ дровами и водою. Вдали появилъся передъ ними эшопъ ушесисный ошровъ; шлюпки были спущены на воду; Ирль просилъ позволенія ѣхашъ съ мапрозамн на ошровъ. Съ альбомомъ въ рукахъ, онъ хопѣлъ схватишъ нѣсколько очерковъ дикой пусыни ошрова, гдѣ никогда еще не бывалъ ни одинъ живописецъ. Художникъ ошавилъ мапрозовъ при ихъ работѣ на берегу, и перебравшишъ черезъ прибрежные ушесы, заглядѣлся на дикія пещеры и спремнины, переходилъ онъ одной шочки зрѣнія къ другой, забывъ о времени, увлекся прелесшю живописныхъ мѣспъ и опомнилъся наконецъ въ совершенной пусынѣ. Невольный ужасъ объялъ его. Мысль о шомъ, что его могушъ ошавишъ на эшомъ дикомъ, необитаемомъ ошровѣ, засшавила его содрогнушъся; холодный потъ выпушилъ у него на лицѣ. Онъ бѣжишъ обрашно, перелѣзаетъ съ ушеса на ушесъ,

всходишь на гору, съ которой видна приспань. Вообразишь ужасъ его: приспань, еще незадолго передъ тѣмъ оживленная присуществіемъ людей, оглашаемая человѣческими голосами—пуска и безмолвна — заливъ также пуска — нѣтъ ни шлюпки, ни корабля! Только море, взволнованное вѣтрами, шумитъ и разбивается о прибрежныя скалы! Корабль видѣнъ вдали, едва замѣтный, и флагъ его, взвѣваемый вѣтромъ, кажется, означаетъ вѣчное прощаніе съ несчастнымъ товарищемъ, преданнымъ волѣ Провидѣнія. . . .

«Долго оспавался художникъ, прикованный къ мѣсту, на которомъ споялъ, съ дикимъ, смутнымъ взоромъ, съ волосами, спавшими дыбомъ отъ ужаса, въ безмолвномъ опчаяніи смопрѣ на землю, небо и море. Корабль исчезъ. Погибель казалась неизбѣжною. Къ вечеру онъ сошелъ съ горы, и опсправился искашь какого нибудь убѣжища на ночь. Приближаясь къ берегу — неуже-ли его обманываетъ его зрѣніе? — нѣтъ! точно — онъ видитъ хижину, Англійскую хижину, поспроенную точно такъ, какъ спроятъ сельскіе домики въ Англіи! Вошь и хозяйство Европейца — лаетъ собака — и человѣкъ выбѣгаетъ изъ дверей. Онъ спрашиваетъ спранника по-Англійски: кто таковъ эшотъ нечаянный госрь, какъ привидѣніе являющійся въ его пущынѣ? Художникъ не обманывался, не бредилъ въ помѣшательствѣ: жилецъ дикаго уединенія былъ капраль Англійскій, единственнѣй обитатель и губернапоръ острова Триспана. Начинаютъ говорить, объясняются; въ восторгѣ, Ирль обнимаетъ

нежданнаго спасителя, и гостепріимный кровъ земляка принимаетъ его подъ свою защиту. Тутъ явилось все народонаселеніе острова Триспана: жена капрала и дитя, сынъ его. Думая въ отчаяніи, что ему суждено погибнуть въ необитаемой пустынь, художникъ, попрошивъ, нашелъ добрыхъ, радушныхъ земляковъ.

«Четырнадцать мѣсяцевъ жилъ въ этомъ уединеніи Ирль, ласкаемый, утѣшаемый жителями острова. Капралъ, жена его и сынъ были совершенно довольны своимъ жребіемъ, привыкнувъ къ образу своего житья и къ разлукѣ съ цѣлымъ міромъ. Мужъ и жена почитали себя счастливыми. Небольшое спадло разныхъ живописныхъ, копорыхъ промѣнивали они на чай и сухари мореплавателямъ, останавливавшимся близъ острова, отъ всякихъ прихотей, и удовлетвореніе шѣмъ, что естъ — таковы были средства существованія и довольства этой маленькой колоніи. Но Ирль не могъ привыкнуть, грустилъ, проводилъ безъ сна ночи и въ шокѣ дни. Только альбомъ утѣшалъ его. Желая заплашить за гостепріимство добраго земляка, художникъ взялся учить грамотѣ сына его. Бѣлыя спороны листовъ альбома опредѣлены были на писанье прописей.

«Я видѣлъ эту любопытную книгу, наполненную очерками дикихъ, величественныхъ красотъ пустыннаго острова. Казалось, что въ выборѣ ихъ, художника руководствовало чувство грусти и отчаянія — такъ они являлись дики и страшны. Невозможно было оторваться отъ страницъ этой

книги, гдѣ дышала жизнь искусства и поэтическая шоска души человѣческой; марање ребенка, черпившаго буквы на оборошахъ эшихъ прелесныхъ рисунковъ, соспавляло не менѣе любопытное опличіе единственнаго въ своемъ родѣ собранія рисунковъ.

«Еще свѣжи были воспоминанія Ирля, когда онъ самъ лично рассказывалъ мнѣ повѣсть о своемъ бѣдствіи и продолжительномъ пребываніи въ этой пусынѣ Атлантического Океана, безъ всякой надежды воропиться когда либо въ міръ. По его описаніямъ, оспровъ Триспана есть дикое, шоржественное, спрашное мѣсто, гдѣ природа соединила всѣ величественные свои ужасы. Ирль рассказывалъ мнѣ о своихъ опасныхъ прогулкахъ по скаламъ и утесамъ, объ охотѣ за тюленями и сивучами, при чѣмъ капраль, хозяинъ его, оказывалъ чудеса силы и ловкости, о войнѣ, гораздо легчайшей, какую объявляли они въ двоѣмъ пингвинамъ, когда подъ вечеръ сіи спранные пшицы собиравались, какъ будшо для совѣщанія, подъ какимъ нибудь уединеннымъ утесомъ, гдѣ можно было убивать ихъ палкою, неподвижныхъ и важныхъ, будшо Сенапоры Римскіе, споически умирающіе на своихъ курульныхъ креслахъ. Моженъ бытъ, шѣлесное устройство эшихъ лапчатыхъ пшицъ преняспвуетъ имъ принятъ скорыя средства для спасенія своего, при видѣ угрожающей опасности, и ихъ видимое безчувствіе есть неизбежное слѣдствіе ихъ лепашельныхъ средствъ къ побѣгу. Обишатели полярныхъ спранъ, пингвины бывають за-

носимы въ здѣшнія широты бурями, упомянутые продолжительнымъ бореніемъ съ волнами и вѣтрами. Можно понять послѣ сего, почему охотникамъ нашимъ стоило только войдши въ ихъ убѣжище, и палкою перебить ихъ всѣхъ, отъ перваго до послѣдняго.

«Наконецъ, послѣ четырнадцати-мѣсячнаго пребыванія Ирля на островѣ, корабль остановился у берега. Ирль спѣшилъ выпросить себѣ у Капитана мѣстечко на кораблѣ, и оставилъ свое уединеніе, не безъ грусти расставаясь съ добродушнымъ хозяиномъ капраломъ.»

По странной случайности, за тридцать одинъ годъ прежде Ирля, островъ Тристана былъ мѣстомъ почти такого-же событія. Подобно Ирлю, ученый бошаникъ Дю-Пеши-Туаръ, остановясь близъ острова въ 1793 году, отправился собирать растенія, забрелъ Богъ знаетъ куда, потерялъ дорогу и принужденъ былъ ночевать въ лѣсу. На другой день онъ почелъ себя навсегда оставленнымъ на островѣ, и начиналъ уже думать о томъ, какъ жить ему и чѣмъ питаться. Къ счастью, нарочно посланные люди отыскали его, и ученый бошаникъ избавился только непродолжительнымъ страхомъ.

Со времени пребыванія здѣсь Ирля, колонія острова значительно усилилась. Капитанъ Джсфери, начальствуя Англійскимъ бриггомъ *Бервикъ*, посѣтилъ островъ на пуши въ землю Фанъ-Діемепову; и по возвращеніи въ Англію наговорилъ столько много о губернаторѣ острова, добровольномъ пу-

спыинникѣ , о выгодахъ , какія извлекаешъ онъ изъ своего маленькаго эдема , превознесъ пользы оуѣ ловли тюленей , и былъ причиною экспедиціи для заселенія оспрова.

Мы сошли на берегъ , и посѣщили знаменишаго капрала ; онъ называешся *Глассъ*. Кромѣ него живущъ еще на оспровѣ , подъ его папріархальнымъ управленіемъ , семь довольно многочисленныхъ семействъ. Они достапочно снабжены скопиною , овцами , свиньями , козами , пшицею , и всего эшого продали они намъ за умѣренную цѣну , снабдивъ припомъ овощами , яицами и масломъ , превосходной доброты. Мы съ удовольствіемъ провели часа два съ добрыми пуспынниками , и обмѣняли съ ними Европейскія новоспи на рассказы объ ихъ уединенной и однообразной жизни. Вѣспрѣ началъ крѣпчашъ. Мы поспѣшили , по совѣшу ихъ , ошвалили ошъ оспрова и пуспились въ море.

Капишанъ нашего *Трима* не принадлежалъ къ числу тѣхъ купеческихъ Капишановъ , которые почишають море большою дорогою , и сбереженіе нѣсколькихъ часовъ пуши счишають дороже всякихъ полезныхъ замѣчаній ; эшо былъ человекъ образованный , спраспный къ своему ремеслу моряка , и припомъ хозяинъ и начальникъ своего корабля. Когда приплыли мы на широкую оспрова *Діего-Альвареза* , нашъ морякъ рѣшилъ мимоходомъ осмопрѣшъ сей малоизвѣспный оспровъ. Мы направили пушъ къ Ю. В. , и черезъ два дня съ мачшы закричали: *Земля!*—Эшо былъ *Діего Альварезъ* , или оспровъ *Гоу* , названный шакъ по имени Капи-

пана Гоу, посѣщавшаго сей островъ въ 1713 году, когда онъ совершалъ путешествіе въ Кипай на корабль *Ризмондъ*.

По наблюденію Капитана Гейвуда, бывшаго здѣсь на корабль *Нерей*, въ 1811 году, Діего-Альварезъ находится подъ $40^{\circ} 19'$ ш. ю. и $12^{\circ} 2'$ д. з. — Его открыли Португальцы.

Возвышеннѣйшая почка горной вершины острова проспирася на 4,400 фузовъ отъ поверхности моря, по вычислу Гейвуда. Всѣ скалы его покрыты моховыми распеніями и мѣлкимъ кустарникомъ. Гора возвышается пикомъ, и въ расщелинахъ ея видны великолѣпные водопады, хрустальными каскадами льющіеся въ Океанъ. Къ С. отъ острова, немного на В., берегъ ограничивается маленькими островами, и тутъ есть небольшая бухта, защищенная отъ южнаго, западнаго и восточнаго вѣтра. — Здѣсь можно запасшись водою, остановясь въ срединѣ бухты, на 12-ти или 14-ти брассахъ. Узкій проливъ раздѣляетъ главный островъ отъ островковъ; глубина его около 15-ти брассовъ, при каменистомъ днѣ.

На С. В. краю Діего-Альвареза виднѣнъ утесъ, удивительно похожій своею фигурою на церковь, даже съ колокольнею, спящею отдѣльно на западъ, и пошому сіи скалы называютъ *Церковными*. На югъ отъ этой игрушки природы, къ восточной части острова, недалеко отъ приморья, есть зашишенный заливъ, гдѣ можно останавливаться безопасно отъ волненій и сѣвернаго вѣтра, подъ защищеною длиннаго, высокаго мыса. Здѣсь еще недав-

но жили нѣсколько Сѣверныхъ Американцевъ ; но индусы оставили островъ при ихъ появленіи , и колонисты должны были удалиться; охота за птицами и рыбная ловля не могли вознаграждать барышами уединеннаго житія ихъ въ этой пустынѣ.

Послѣ краткаго посѣщенія острова, мы пустились въ море; Діего-Альварезъ исчезъ изъ вида на З. Ю. З., по направленію нашему къ мысу Доброй Надежды. Уже по нѣсколько дней показывались и снѣдами слѣдовали за кораблемъ новые морскіе обитатели, *шашечныя бурныя птицы*. Во время пищины мапрозы забросили въ море уды съ приманкою. При видѣ такого страннаго приготовленія къ ловлѣ птицъ , я не могъ не удивиться охотѣ новаго рода ; но едва приманка появилась на поверхности волнъ, птицы съ жадностью бросились на нее, и съ крикомъ оспаривали одна у другой добычу. Черезъ часъ, мы имѣли уже съ дюжину ихъ на палубѣ. Не менѣе странно было видѣть пошомъ, что хотя имъ возвратили свободу, но онѣ оставались неподвижны и не смѣли двинуться съ мѣста, когда лешая по морю оплывающая напрошивъ своимъ быспрымъ полетомъ. Шашечными называютъ ихъ по причинѣ перьевъ, испещренныхъ черными и бѣлыми пятами, весьма похожими расположеніемъ на квадраты шашечницы ; величиною онѣ съ голубя. — Другая птица , встрѣтившаяся съ нами въ здѣшнихъ моряхъ, замѣчательна по своей огромности и величинѣ своихъ крыльевъ : это была албапроста, *Diomedea exulans*, называемая мапрозами *Капскимъ бараномъ*, пошому, что лешая, она выка-

зываетъ бѣлое брюхо свое. Крылья этой пшцы
отъ 8-ми до 10-ти фуговъ длиною, и разсѣкая ими
воздухъ на лешу, она кажется темною массою,
отъ кошорой далеко ложится тѣнь по волнамъ
моря. Вмѣстѣ съ сими двумя родами лапчатыхъ
пшцъ, появились еще бурныя пшцы, бѣлаго и же-
лѣзновапаго цвѣта, гальціоны дикаго вида, бысп-
рыя въ неправильномъ своемъ полетѣ.

«Предназначая симъ различнымъ родамъ пшцъ
жизнь среди спранъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами,
и среди ледовитыхъ морей, природа — говоришь
Г-нъ Лапласъ въ своемъ пушешествіи — снабдила
ихъ всѣмъ, что необходимо для жизни въ суро-
вомъ климатѣ, среди бурь, почти безпрерывныхъ.
Небольшое шло ихъ, въ сравненіи съ видимою ихъ
величиною, покрыто густымъ и весьма толстымъ
слоемъ пуха, поверхность кошораго проникнута
какимъ-то маслянистымъ веществомъ; пшца до-
скаетъ его изъ своего желудка, безпрестанно за-
нимаясь подновленіемъ этой обмазки. Все это да-
етъ ей удивительную способность плавать среди
сильнѣйшихъ волнъ, гошовыхъ кажется захлеснуть
ее. Задъ, образованный изъ корешковъ и швердыхъ
перьевъ, весьма не великъ, а крылья чрезвычайно
длины, искривлены, не мясисты, но снабжены
сноль мощными мускулами, что съ изумительною
быспрошою, не отдыхая, пшца можетъ переле-
зать на нихъ неимовѣрныя пространства. Всякое
ненужное украшеніе, какъ будто нарочно, исклю-
чено изъ ихъ образованія: на корешковъ и толстой
шеи торчатъ безобразная голова; но она снабжена

сильнымъ и пвердымъ клювомъ , могущимъ раздирать кожу морскихъ кишородныхъ живошныхъ (*), шрупы кошорыхъ безпрестанно носяпся по морскимъ волнамъ , и соспавляющъ пищу морскихъ пшицъ.

«Видъ эшихъ пшицъ, спюль различныхъ породъ, игравшихъ по слѣду корабля, и съ удивительнымъ проворствомъ спаравшихся схватишь куски сухарей или солонины — единспвенное лакомспво, кошорымъ могли мы подчивашъ ихъ, при собспвенной ограниченной роскоши запасовъ, не рѣдко развлекалъ наше ушомленіе однообразнымъ плаваніемъ. Доброе согласіе, видимое между ними, всегда возбуждало мое удивленіе : маленькая , легкая бѣлая чайка , какъ будто шуща , опнимала безнаказанно у альбапросы часпъ добычи, какую эша огромная пшица въ своемъ величеспвенномъ полешѣ успѣвала выхватишь у бурной пшицы , гораздо меньше ея объемомъ, но болѣе жадной. Иногда, во время пшиины, спокойно пlying по морю около корабля, наши спущницы мирно дѣлились , не обижая слабѣйшихъ, всякою пищею, кошорую бросали имъ машпрозы съ корабля. Хошя альбапросы и бурняки не рѣдко лешали черезъ корабль , въ самыхъ нижнихъ часпяхъ его оснашки , но ни разу ружейные выспрѣлы, при сильныхъ зарядахъ, не могли нанести

(*) Кишородныя живошныя, cétacés, опъ Лапинскаго слова Cetae, кишъ, къ кошорому опносяпся все роды и виды, для кошорыхъ кишъ соспавляетъ основной пшицъ. *Прим. Пер.*

имъ раны. Казалось, что высрѣлъ пугаль ихъ; онѣ удалялись, но вскорѣ появлялись снова. Неумѣнье стрѣлявшихъ, или толщина перьевъ, сохраняли ихъ отъ ранъ и смерти? Не умѣю рѣшить, но я радовался этому. Мнѣ-бы жаль было видѣть бѣдныхъ пшицъ съ перешибеннымъ крыломъ, предоспавленныхъ смертному помленію и гибели, безъ всякой причины, и безъ пользы для человѣка.»

Наши охотники также пробовали стрѣлять въ альбатросъ, но можно было подумать, что эти огромныя пернатые были заговорены отъ пуль, и что пули скользили безвредно по ихъ широкимъ крыльямъ. Стрѣлять въ нихъ, значило терять пороха и время, а послѣдняго и безъ того немного свободнаго остается у мореплавателя въ сихъ широкахъ, которыя можно назвать общелью самыхъ бѣшеныхъ, порывистыхъ вѣтровъ, и пошому ужаснѣйшимъ изъ всѣхъ морей въ мірѣ.

Декабря 10-го, черезъ двадцать дней по опытіи нашемъ изъ Рио-Жанейро, неприспунные предѣлы Игольной мѣли (*) были ознаменованы для насъ появленіемъ плавающихъ по морю водяныхъ расшепій (*Laminaria rugifera*), и видимымъ измѣненіемъ въ цвѣтѣ и движеніи морскихъ волнъ. Море являлось уже не свѣшло-голубое и прозрачное — оно зеленѣло по всему видимому пространству, и, казалось, наполнено было мѣлкимъ пескомъ; волны

(*) Обширная мѣль, окружающая самую южную оконечность Африки, и названная такъ отъ Игольнаго мыса — крайней точки Африканскаго берега на Югъ. Прим. Пер.

не распятивались длинными полосами, но дробились, и сильно пересѣкали одна другую.

Къ сѣверу, обширная оболочка шумана обозначала намъ пропѣженіе Африканскихъ береговъ. Намѣреніе нашего Капишана было обогнуть мысъ Доброй Надежды не приспавая къ нему, и пошому пушъ нашъ былъ прямо на В.—Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ *Капраль Тримъ* бѣжалъ къ Игольной мѣли подъ марсъ-зейлемъ и нижними парусами. Но къ полудню, при ужасномъ волненіи, вѣтеръ мгновенно перебросило отъ С. З. къ Ю. В., съ неслыханною свирѣпостью; паруса вдругъ *легли*, то естъ, вмѣсто того, чтобы вздуваться впередъ, они прилипли къ мачшамъ и ударили назадъ. Сначала мы почли себя погибшими, и, дѣйствительно, опасность была смертная, если-бы нашъ Тримъ не показалъ при семъ случаѣ всей своей ловкости. Какъ будто созданіе одаренное умомъ, онъ перевернулся на самомъ себѣ, заполоскалъ всѣми парусами, далъ время сгруппировать ихъ, и тогда, свободный, полетѣлъ на встрѣчу бѣшеному морю. Но во время этого маневра — волосы на головѣ моей спали дыбомъ отъ ужаса! — лихой, смѣлый маэрозъ, прежде другихъ взбѣжавшій на райны, былъ ударенъ парусомъ и слетѣлъ въ море..... Несчастный! Мы видѣли, какъ онъ бился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ корабля — мы слышали крикъ его — слѣдовали взорами за нимъ, и усматривали его, то выброшеннаго на вершину валовъ, то погруженнаго въ бездну..... Первое движеніе другихъ было превосходно: можно-бы сказать, что всѣ бросились

за погибавшимъ, и хотѣли спасти его, или погибнуть съ нимъ вмѣстѣ — это былъ невольный порывъ великодушія, минушное забвеніе самихъ себя..... Но, черезъ минушу, размышленіе внушило всѣмъ чувство собственной своей опасности. Корабль лепѣлъ на мачсахъ и снастяхъ прошивъ вала въ 60 фушовъ вышиною; вѣтръ не свисшалъ, не шумѣлъ, не вылъ — онъ ревѣлъ громомъ въ оснасткѣ корабля. При наклоненіи корабля бокомъ, онъ спускался до 33° ; при качкѣ продольной, онъ почти ошвѣсно спановился, по носомъ, по кормою, какъ будпо качель. При такихъ обстоятельстввахъ, спасашъ одного было невозможно, ибо всѣ могли погибнуть, и корабль угрожало погрузишъ въ бездны моря. Поспѣшили только бросишъ въ море нѣсколько клѣшокъ съ курицами, въ надеждѣ, что несчастный успеетъ ухватишъся за кошорую нибудь изъ нихъ, ушвердишъся на ней, и ожидашъ, пока вѣтеръ прикинетъ его къ берегу, или съ корабля подадутъ ему помощь. Клѣшки съ курицами бывающъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ послѣднимъ средствомъ спасенія, признакомъ опходной, кошорую чишающъ умирающему. Весьма рѣдко случается, чтобы упоающій могъ ухватишъся за клѣшку, еще рѣже, чтобы онъ удержался долгое время на ней, и почти не слыхано, чтобы кто нибудь спасся при такой бѣдной помощи. Но обычай сильнѣе всего.

Съ сердцемъ, исполненнымъ грустью, съ слезами на глазахъ, я слѣдовалъ взорами по поверхности волнъ за несчастнымъ мапрозомъ, когда вдругъ —

самъ окаменѣлъ отъ ужаса: лицомъ къ лицу, я увидѣлъ передъ собою необыкновенной величины валъ, опшѣсною спѣною поднявшійся изъ бездны; казалось, что все равновѣсіе моря было поперяно, пошому, что поверхность вала далеко превосходила вышину корабельныхъ мачтъ. Я закричалъ невольно и оподвинулся отъ этой громады водъ, готовой раздавить насъ — ухватаясь за чикъ — я зашрепешалъ — ударъ былъ ужасный — море повалилось на корабль, будшо спрашная гора, и когда оно схлынуло съ корабля, бошъ, висѣвшій на кормѣ, и всѣ поспройки на палубѣ исчезли; боршове нительсы были изорваны во всю длину ихъ; весь корабль показывалъ слѣды спрашнаго разрушенія. Минута безмолвія слѣдовала за симъ ударомъ, и пошомъ раздался голосъ сзади корабля: *Румпель запутало—не лъзя править!*—Еще сильнѣйшій крикъ раздался съ переди:» *Къ насосамъ! къ насосамъ! въ корабль вода на пятнадцать дюймовъ!*—

Да, это былъ шоржесшвенный часъ! Смерть была шущъ въ самомъ спрашномъ видѣ; еще одинъ такой валъ, и море могло поглотить насъ; связи корабля, уже надсѣвшія, могли раздвинуться еще болѣе..... Но, повѣрише-ли? Никогда, во все время нашего плаванія, приказанія нашего безспрашнаго Капитана не были опдаваемы споль хладнокровно, исполняемы шакъ спройно. Эти моряки, казалось, ушроили человѣческія силы на бипву съ разъяренною стихією. Прошивъ буйной, исполинской силы Океана, они прошивопоставили согласіе ума и силы, соединеніе всѣхъ средствъ искусства. Румпель

освободили; воду махомъ выхвапили вонъ , работающая всѣ, офицеры, мапрозы, пассажиры, юнги.

Шестнадцать часовъ сражался нашъ Капраль Тримъ съ яростию бури, когда съ кранъ-балки закричали: «Земля!»— Это были Столовая гора и Львиный хребетъ, находившіеся опъ насъ въ 15-миль. Еще при началѣ бури, Капишанъ уже рѣшился спастъ на якорь въ Споловомъ заливѣ (Table-Bay), у города Капа. Но разспроисво корабля послѣ того, дѣлало это намѣреніе рѣшительно необходимымъ. Мы начали править въ слѣдствіе сего на False-Bay, избѣгая утесовъ, окружающихъ его , и черезъ нѣсколько часовъ вошли въ Капскую рейду, укывшись опъ волненія , и правя нижними парусами плаваніе по морю , уже спокойному. Передъ нами полукружіемъ раскрылся обширный заливъ , центръ котораго занимаетъ городъ Капъ, а оконечность составляетъ Львиный хребетъ. Лѣсъ мачтъ означалъ мѣсто пристанища, и надъ всѣмъ эшимъ Споловая гора обрисовывала въ шуманномъ небѣ свое длинное, ровное просяженіе.

ГЛАВА VIII.

МЫСЬ ДОВОРОЙ НАДЕЖДЫ.

Мы спали на якорь въ Споловой губѣ, на нѣсколько кабельшововъ (*) ошъ другихъ кораблей. Буря все еще продолжалась; она ужасно свисшала между мачшами судовъ, и хошя море ушихло, но поѣздка на берегъ была еще не безопасно. Между шѣмъ, радости наша, избѣгнувъ погибели ошъ свирѣпости волнъ, и желаніе поскорѣ выйдши на берегъ, были шакъ велики, что мы, какъ милосши, просили позволенія немедленно опправишья въ Капъ. Капишанъ согласился. Спустили чешырехъ-весельный бошъ, и насъ опправилося пяшero, два офицера и при пассажира. Сначала мы правили къ городу, бѣлѣвшему вдали, но вѣшеръ былъ рѣшишельно прошивной, и мы должны были опказашья ошъ своего намѣренія. Пришомъ мы шакъ далеко

(*) Encâblure, веревка, длиною во 120 сажень, якорный канашъ, для означенія котораго принято у насъ Голландское названіе kabel-tow. *Прим. Пер.*

стали отъ пристани, что наши гребцы выбились бы изъ силъ, пока доплыли до берега. Препятствіе это насъ не остановило. Офицеръ, споявшій на рулѣ, перемѣнилъ дорогу, и уклоняясь отъ вѣтра, мы пристали въ маленькомъ заливѣ на С. З. отъ пристани настоящей. Это было дикое, уединенное, утѣсисто-е мѣсто, но мы привѣтствовали его, какъ обѣщанную землю. Нѣсколько разбѣянныхъ передъ нами хижинъ показывали, что недалеко селеніе Гошпеншоповъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ по прибытіи нашемъ, двое изъ сихъ дикарей, мужчина и женщина, появились у дверей своихъ хижинъ. Одежду мужчины составлялъ плащъ изъ овчинъ, грубо сшитыхъ одна съ другою; лоскутъ холстины прикрывалъ у него брюхо, а другой повязанъ былъ на шеѣ; коженный калпакъ торчалъ на головѣ. Держа въ рукѣ пикъ, онъ глядѣлъ на насъ, казалось, болѣе съ любопытствомъ, нежели съ недовѣрчивостію. Что касается до женщины, ея плащъ былъ драпированъ болѣе щегольски, и покрывка шѣла ея была расположена съ большою изысканностію. На голой и вымазанной масломъ шеѣ висѣло нѣсколько нитокъ пронизокъ. Лоскутъ холстины, перевязанный на поясѣ, былъ обшпанъ около лядвей и спускался углами къ обѣимъ ногамъ.

Гошпеншопы, первобытная порода здѣшнихъ земель, кажутся опличны происхожденіемъ отъ Негровъ и Кафровъ. Мѣдно-темный, или желшотемный цвѣтъ кожи ихъ не мѣшаетъ бѣлизнѣ глазъ. Голова у Гошпеншопы маленькая; лицо,

широкое къверху, оканчивася къ низу угломъ; толстыя скулы выдающяся на щекахъ, отъ чего глаза кажущяся углубленными; носъ сплющенъ, губы толсты, зубы весьма бѣлы, руки и ноги небольшія, волосы курчавые и руновидные. Мужчины почти не имѣютъ бородъ, и что-бы ни говорили многіе защитники Гошпеншопокъ, онѣ подвержены странной уродливости шѣла, извѣстной подъ именемъ *передника*, т. е., что кожа на брюхѣ опвисаетъ у нихъ къ низу, весьма безобразно. Многое изъ существенныхъ чертъ Гошпеншопскихъ дѣлаетъ ихъ похожими на народовъ Монгольской породы; Грандпре и Барровъ признавали это сходство, и послѣдній, немного поспѣшно заключилъ, что южная Африка населена была въ древнія времена потомками Кишайскихъ переселенцевъ.

Едва выступили мы на берегъ, Гошпеншопы окружили насъ, предлагая намъ буйволовое мясо, кислое молоко, и родъ фигъ, растущихъ около дороги. Мы не могли мѣшкавъ долго въ ихъ хижинахъ; день склонялся къ вечеру, а намъ надобно еще было пройти четыре льѣ до города Капа, по каменистой дорогѣ. За нѣсколько мѣлкихъ монешокъ, одинъ изъ Гошпеншоповъ вызвался проводить насъ, и мы опправились, не смотря на вѣтеръ, дувшій намъ въ лицо и заносившій глаза пескомъ и мѣлкими камешками. Перешедши *Львиный хребетъ*, мы вступили въ долину, защищенную отъ вѣтра, и покрытую сильнымъ произрастаніемъ. Тушъ было много *Protza*, съ ея серебристыми листьями; она кажется вызываетъ вѣтеръ

на борьбу противъ ея густыхъ, мешаллическихъ вѣтвей. Капскій шюльпанъ покрывалъ скапы каменныхъ холмовъ, и нѣсколько кустарниковъ пробивалось сквозь щелины ихъ, а при подошвахъ прозябало прелестное расшеніе, извѣстное у ботаниковъ подъ именемъ *Stoebe gnaphaloides*. Вдоль дороги возвышалось ложное алоэ (*Agave vivipara*), покрытое спадомъ черныхъ суйманговъ (Индійскихъ соловьевъ), прыгавшихъ по вѣтвямъ деревьевъ, и высасывавшихъ сокъ изъ цвѣтовъ ихъ.

Наконецъ, мы достигли Капа, и насъ встрѣпило радушное гостепріимство. У одного изъ нашихъ офицеровъ былъ родственникъ, поселившійся въ Капѣ, почтенный купецъ; каждый изъ Американскихъ мореходцевъ, останавливающихся на мысѣ Доброй Надежды, почитаетъ обязанностью посѣтить его. Намъ не позволили остановиться въ другомъ домѣ, или гостинницѣ, и вечеромъ мы сидѣли уже съ привѣтливымъ хозяиномъ нашимъ за его семейнымъ чаемъ. Нѣсколько сосѣдей, важныхъ Голландцевъ, сопровождаемыхъ женами и дѣшми, дополняли наше собраніе. Мужчины составили отдѣльный кружокъ: шарики полковали о торговыхъ спекуляціяхъ, дымя своими трубками; молодые спорили о достоинствѣ лошадей своихъ, и рассказывали объ удалствѣ на охотѣ. Я рѣшился предпочесть такимъ разговорамъ бесѣду дамъ, и не могъ не удивляться красотѣ здѣшнихъ женщинъ, ихъ голубымъ глазамъ, розовымъ щечкамъ, и бѣлокурымъ, нѣжнымъ волосамъ. Между первоначальными Европейскими переселенцами, здѣсь

вполнѣ сохранился шипъ нашей сѣверной Европы. Дѣвушки отъ 16-ти до 20-ти лѣтъ вообще восхищительной красоты; женщины теряютъ много пріятности и прелести пошому, что обыкновенно начинаютъ толстѣть.

На другой день я отправился бродить по городу. Улицы всѣ пересѣкаютъ одна другую прямыми углами, и обсажены домами, столь бѣлыми, столь опрятными снаружи, что они кажутся только что выстроеными. Крышки домовъ плоскія и составляютъ террасы; при всякомъ домѣ, кромѣ того, находишься обширная открытая галерея, гдѣ по вечерамъ собираются нарядныя дамы. Идя куда глаза глядятъ, я очутился на *Полѣ битвы*, обширной площади, окруженной двойнымъ рядомъ сосенъ. Прямо противъ меня находились казармы, похожія на дворецъ, гдѣ солдаты Англійскіе живутъ со всею колоніальною роскошью. На одной изъ улицъ встрѣтилась мнѣ колымага, изъ числа тяжелыхъ, длинныхъ пѣлегъ, служащихъ здѣсь для ѣзды и перевозки тяжестей изъ окрестныхъ мызъ. Десять воловъ тащили эту громаду; извозчикъ погонялъ длиннымъ бичемъ могучихъ животныхъ, сидя на громадѣ поклажи. Переходя изъ улицы въ улицу, дошелъ я до Большаго рынка, гдѣ находилось болѣе снѣ такихъ пѣлегъ съ припасами. Каждая платитъ пошлину при въѣздѣ въ городъ, и особо должна платить за проданный поваръ. Рынокъ отличался множествомъ мясныхъ лавокъ: видно было, что мы пріѣхали въ колонію, обладатели кошорой любятъ хорошій

библиотека. Во время упренней прогулки, я успѣлъ еще осмолрѣть садъ Компаніи, впрочемъ лишенный прежней своей знаменитости; Городской судъ; Гражданскій судъ; залу Театра; Библиотеку—*безъ книгъ*, и еще больше того—*безъ читателей*; наконецъ Протестантскія церкви, одни изъ лучшихъ, и всего болѣе посѣщаемыхъ зданій города. Въ главной изъ нихъ увидѣлъ я множество рѣзныхъ и живописныхъ гербовъ, привѣшенныхъ къ столбамъ. Съ удивленіемъ спрашивалъ я, что значили эти герольдическія эмблеммы въ такомъ мѣстѣ? Мнѣ изъяснили, что послѣ смерти каждаго прихожанина, въ церкви вывѣшивающагося гербъ его и шлага, на одномъ изъ столбовъ церковныхъ. Не лзя было не подивиться странному обычаю блистать роскошью мечей и рыцарскихъ профеевъ въ церкви, и видѣть изображенія бронеи, шлемовъ, лихворскихъ пуковъ, пославленныхъ на память добродушныхъ, и совсѣмъ не воинственныхъ покойниковъ.

Капштадъ (Мысовой городъ), называемый Англичанами просто *Капъ*, былъ вначалѣ основанъ *Фанъ-Рибскомъ*, въ 1652 году, и населенъ сволочью, ссыльною изъ Голландіи, опасавшимися солдатами и уволенными отъ службы мапрозами. Когда возобновленіе Нантскаго указа (*) изгнало изъ Франціи множество Протестантовъ, часть изгнанныхъ

(*) Это происходило въ 1685 году, когда Людовикъ XIV-й возобновилъ существовавшее прежде, и уничтожившееся само собою постановленіе, утвержденное нѣкогда въ Нантѣ,

ковъ переселилась сюда, и составила особенную обласъ, названную *Franshhe-Hoeck*. Лабильярдьеръ посѣщалъ ее въ 1792 году, но уже и въ то время только имена жишелей напоминали ихъ Французское происхожденіе: они назывались еще *Де-Вильеръ, Гюго, Ламберъ, Форъ, Дюплесси, Дю-Бюиссонъ*, но шѣмъ все и ограничивалось. Языкъ, нравы, обычаи — все было у нихъ Голландское. Только одна восьмидесяти-лѣтняя спаруха говорила еще немного по-Французски. Съ шѣхъ поръ, Капъ еще разъ перемѣнилъ власишелей, и рано, или поздно, безъ сомнѣнія, вліяніе Англійскаго правленія засшавишъ нравы и обычаи передѣлашъ на Англіискій манеръ. Торговля уже перешла шенеръ изъ прежнихъ рукъ въ другія; шрое, или чешверо Англіискихъ купцовъ завладѣли исключишельно всею здѣшнейю шорговлею.

Капская колонія заключаешъ въ себѣ народонаселеніе изъ 40,000 бѣлыхъ и 50,000 невольниковъ, Мешисовъ и Гошпеншошовъ. Въ городѣ Капѣ ошъ 12-ши до 15,000 жишелей. Бѣлые сушъ потомки Англичанъ, Нѣмцевъ, Французовъ, и всего болѣе Голландцевъ. Топографическое дѣленіе обласшей измѣняешся здѣсь съ успѣхами народонаселенія и обрабошанности. *Капская* обласъ самая малая по просирансиу. На С. лежишъ обласъ *Тулбагъ*; на

по которому послѣдователи Лютеранской религіи были лишены всѣхъ правъ граждансшва во Франціи. Сотни тысячъ бѣжали ошъ сего изъ отечества. *Прим. Пер.*

В. многолюдная обласъ *Штелленбошъ*; на Ю. *Готтентотская Голландія*, обильная виномъ и хлѣбомъ; къ С. В. *Графъ-Рейнетъ*, опъ кошорой опдѣлили особо Англійскую обласъ *Альбани*, и наконецъ обласъ *Уйтенгагъ*, гдѣ находишся Гернгушерское селеніе *Бетельсдорфъ* (село Виолеемское). Тушъ обитають Голландскіе колонисты, рыбаки и охошники, сильное и красивое поколѣніе, безъ примѣси сохранившее свои благообразныя формы плѣа. Женщины шамошніа опличаються свѣжесшью и красошю. Въ сосѣдствѣ сихъ колонистовъ устроиваешся Англійская ферма, основанная Правительсшвомъ, для показанія новѣйшихъ земледѣльческихъ усовершенсшвованій. Чшо касаетсѣ до *Гернгутеровъ*, шо благочесшвивая ревность увлекаешъ ихъ всего болѣе къ обращенію обитающихъ въ окрестностяхъ Гошпеншошовъ. Но сосѣдство Кафровъ донынѣ ошпанавливаешъ всѣ сшаранія. — Окружность Капа усѣяна опдѣльными мызами, снабжающими городъ всякимъ припасомъ.

Однимъ изъ первыхъ сшрансшвованій моихъ по окрестностямъ была прогулка на Сшоловую гору, пріобрѣшшую сшоль великую знаменишость по описаніямъ пушешесшвенниковъ. Негръ сопровождалъ меня. — Мы перебрались черезъ крушой рядъ ушесовъ, гдѣ ничшо особенное не ошпанавливаешъ наблюдашеля. Нѣсколько *Thesium strictum*, одинъ родъ зоншичныхъ расшеній (*Hermas purpurata*), красивый папорошникъ, вошъ все, чшо пробиваетсѣ здѣсь сквозъ песчаникъ, перемѣшанный съ глыбами чрезвычайно бѣлаго кварца. Сіи массы сшужашъ

основаніемъ слюдистому шиспу, расположенному весьма тонкими слоями. Горы здѣшнія нерѣдко бывають убѣжищемъ бѣглыхъ невольниковъ, и одному, особливо безъ оружія, здѣсь не безопасно. Съ вершины *Соловой горы* видно все пространство залива *False-Bay*, служащаго портомъ для Капа съ Апрѣля по Сенябрь, шакъ, какъ *Соловой заливъ* (*e-Bay*) бываетъ запрошивъ портомъ его съ Сенября по Апрѣль. Первый изъ нихъ защищенъ отъ вѣтровъ западныхъ, второй отъ вѣтровъ восточныхъ. Послѣдняя такимъ образомъ между двухъ гавровъ, Капская колонія собственно не имѣетъ порта.

Сидя на обломкѣ скалы, я обзрѣвалъ съ вершинъ *Соловой горы* обширную панораму, развивавшуюся передо мною. Съ этой выси городъ кажется шашечницею, а корабли, стоящіе на якоряхъ въ заливѣ, маленькими лодками. Къ С. и В. горы шянушя на необозримое пространство огромными волнами, между шѣмъ, какъ основаніе *Соловой горы* опредѣляется съ одной стороны *Дьявольскою горою*, съ другой *Львинымъ хребтомъ*, идущими къ приморью, одна на Ю. В., другая на С. З.

Черезъ два дня по пріѣздѣ нашемъ, любезный хозяинъ намъ устроилъ прогулку въ *Констанцію*, и непременно пребывалъ, чтобы и я сопровождалъ его въ этой веселой поѣздкѣ съ земляками. Мы отправились верхами на лошадяхъ, и по дорогѣ, въ первыхъ виноградникахъ увидѣли множество *суйманговъ*, прелесныхъ пшичекъ, похожихъ на снигиря, и питающихся высасываніемъ сладкаго

сока изъ медоносной прошеи, или изъ цвѣшовъ *виргиліи*, въ которые погружаютъ они свой пушистый и сильно высасывающій язычокъ. Мы видѣли ихъ всѣхъ родовъ и всѣхъ опшѣнковъ, черныхъ, съ ожерельемъ и хохолкомъ фіолетовымъ. Подлѣ нихъ прыгали *промеропы* (райскіе удоды), столь-же прелесные и живые, бродящіе по пяпи и по шеспи вмѣспѣ, и пишающіеся, подобно суймангамъ, медоносными расшеніями. Пушь нашъ лежалъ черезъ *Большую Констанцію*, помѣспье Г-на Клоэша, замѣшную аллею изъ огромныхъ деревъ, и надписью на воропахъ: *Groot Constancia*. Проѣзжая далѣ, по длинной дубовой аллеѣ, достигли мы *Малой Констанціи*, принадлежащей Г-ну Колину. Здѣсь ошдохнули мы и посѣпили виноградники. Лозы, насаженныя въ 4-хъ фушахъ разстоянія одна опъ другой, не подпираются шычинками, но, какъ въ южной Франціи, распушъ безъ подпорокъ, и вся рабоша около нихъ заключаешся въ подчиспкѣ вѣшвей и вскапываніи земли, гдѣ сидятъ онѣ. Различные сорпы вина здѣшняго сушъ: *Конспанція* собспвенно, бѣлое и красное, *Понтакъ*, *Пьеръ* и *Фроншиньякъ*; пошомъ болѣе обыкновенное, вообще называемое *Капскимъ*. Здѣшніе жишели всѣмъ предпочитаютъ *фроншиньякъ*, но *конспанція* превосходитъ его по всему. Для приготошвленія сего вина, ягоды ошдѣляютъ шреніемъ особаго рода плешушки, и немедленно несутъ ихъ въ чанъ, гдѣ шопчутъ ногами. Выжашый сокъ, сахаристый и весьма пріятнаго вкуса, сливаешся на двѣ недѣли въ бочку; пошомъ разливаешся въ боченки, гдѣ

ночи такое-же время дають ему перебродить, и переливають въ бочку, и опять въ бочки, по три, даже по чешыре раза. Въ хорошіе годы, сборка въ обѣихъ Констанціяхъ не превосходитъ 800-тъ альферамовъ вина. Насъ подчивали лучшимъ, и мы имѣли честь на классическомъ мѣстѣ опивѣдать разные сорты Констанцскаго нектара, котораго только одно имя продають въ Европѣ, благодаря нашему легковѣрію. — Къ вечеру мы вошли въ Капъ.

Вокругъ города много садовъ, гдѣ распутъ всѣ Европейскіе фрукты, наряду съ Азіатскими: каштаны, яблоки, подлѣ банановъ и жамбозовъ жаркаго климата. Овощи всѣхъ родовъ, хлѣбъ, ячмень, овесъ, конопля, все здѣсь изобильно плодомъ; ленъ собирають дважды въ годъ. Флора здѣшнихъ произрастеній чрезвычайно богата и разнообразна; во всѣ времена она возбуждала благоговѣніе бошаниковъ. Наши Европейскія теплицы и сады обязаны Капу прекраснѣйшими своими переселенцами: отсюда перевезли къ намъ иксію, великолѣпную ирису, моріи, геманты (кровоцвѣтъ), гнафалии (сушеницу), ксеранты (сухоцвѣтъ) и пушистые герани, а также и масляничныя растенія, каковы: мезембриантъ (Африканская смоква), крассуль, стапелія (родъ фиспашковъ). Здѣсь многія изъ нихъ являющіяся деревьями, и смѣшанныя съ ивами и недопрогами, осыпая свою стѣною водопады. — Къ В. отъ False-Bay высятся превосходные лѣса дубовъ, желѣзнаго дерева, желтаго дерева, гайка, съ его красными цвѣтами, и среди ихъ расцвѣтъ

Strelitzia reginae, не имѣющая соперницы въ преле-
сти цвѣта.

На всемъ обработанномъ пространствѣ обла-
стей здѣшнихъ нѣтъ уже свирѣпыхъ звѣрей; они
мало по малу удаляюся внутрь Африки опъ жи-
лищъ образованнаго человѣка. Львы почти не пере-
ходящъ за рѣку Воскресенія; въ замѣну того
волки и гіѣнны обитающъ во всѣхъ окрестныхъ
пустыняхъ, а также шигры и чакалы; множество
барсуковъ, табаргановъ и ихневмоновъ находишся
въ восточной сторонѣ. Надобно упомянуъ еще
объ антилопахъ — ихъ здѣсь весьма много; пигарги,
прекраснѣйшія изъ сей породы газелей, бродящъ
иногда стадами по 1,000 и по 2,000 около Рыбной
рѣки. Вообще изъ всѣхъ родовъ газелей, только
синяя сдѣлалась здѣсь рѣдка; пазаны, гну, кондомы,
и другіе роды ихъ, живущъ къ С. З. — Зебры, и
квагги, превосходящіе ихъ ростомъ и силою, по-
чти совсѣмъ исчезли, а также слоны, жирафы и
двурогіе носороги. Особенное здѣшнее живошное
есть ориктеропъ (*Murmesorhaga capensis*, Гмели-
на), называемое Голландцами землею свиньею, и
питающееся муравьями; будучи огромнѣе Амери-
канскаго муравьяда, оно составляетъ особый родъ.
Но всего болѣе находишся здѣсь дикихъ буйво-
ловъ, кошорыхъ бьютъ Кафры и Гошпеншопы.
Ихъ приучающъ и къ домашней жизни, при чемъ
составляющъ они богатство здѣшней спороны,
ибо здѣсь скопина вообще нехороша и мѣлка.
Буйволъ есть *Bos cafer* Спармана, почитающаго
сіе живошное за свойственное особенно Африкѣ.

Оно опличается огромными рогами, небольшою головою, свирѣпоспью, и по всему подходитъ къ площаднымъ дикимъ воламъ, съ безмѣрными, рогами, копорыхъ всѣ Древніе, начиная съ Агаѳаркида, полагали живущими въ Абиссиніи. Иродотъ и Александръ Миндускій упоминають о Гараманскихъ быкахъ, также похожихъ на Кафрскаго буйвола. Должно сказать еще о *строфокамилахъ*, копорый на границахъ степей опустошаетъ хлѣбныя поля; о большомъ *кондорѣ*, копораго видѣлъ Барровъ на пуши къ Бошуанамъ; о *фламинго*, съ его огненными перьями; о *локсіи*, показывающей удивительное искусство въ построеніи своего гнѣзда, и *кукушкѣ-указательницѣ*, копорая ищетъ улья дикихъ пчелъ, и крикомъ своимъ сказываетъ чело-вѣку о находкѣ.

Кромѣ семи, или восьми племенъ Гошшеншошскихъ, въ здѣшнихъ спорахъ обитаетъ еще множество другихъ народовъ, описанныхъ подробно Пашперсономъ, Лихтенштейномъ, Вальяномъ, Кольбомъ, Спарманомъ и Барровомъ. Таковы племена дикарей, живущія на *карруахъ*, или высокихъ долинахъ. Сюда, по степи, гдѣ находятся естественные луга, приходятъ земледѣльческіе народы, для пашьбы скотъ своихъ. Они живутъ здѣсь патриархально, помогаютъ другъ другу и не враждуютъ ни съ кѣмъ; иногда гостятъ они въ окрестностяхъ Капа, по ровнымъ мѣстамъ утесовъ приморскихъ. Но другой родъ туземцевъ суть *Бошимены*, или *Саабы*: это изверги чело-вѣческаго рода! Дикій, мушный взоръ, безобраз-

ное лицо, сухое, скелетистое шѣло, желтый, земляной цвѣтъ кожи, опличающъ мужчинъ; женщины еще безобразнѣе, съ ихъ длинными, висячими грудями, коспливою спиною, въ противоположность ногамъ, шолспымъ и мясиспымъ, шакъ, что кажешся, будто въ ноги сползли жиръ и мясо со всего оспальнаго шѣла. Эпи нищіе и грабишели, прусы и злодѣи, бездомная шолпа бродягъ, естъ испинная язва здѣшной спороны. Они прожорливы, и всегда оказывающъ скопскую жадность къ ѣдѣ. Съ лукомъ и спрѣлами, завернушй въ лоскутъ овчины, по одиначкѣ, или съ товарищами, Саабъ бродитъ въ пустынѣ, и жретъ все, что попадешся — корень, праву, кузнечика, ящерицу, лягушку, мышъ, оспашки мясъ, брошенные звѣремъ или чело-вѣкомъ. Только Саабы изъ всѣхъ народовъ южной Африки употребляютъ ядовитыя спрѣлы; шаясь за скалою, за кушомъ, они убивающъ спрѣлами кого попало — какъ гіэнна, они любящъ кровь и запахъ шрупа. Гошпенношы и Кафры ненавидящъ и всячески преслѣдующъ эшошъ прокляшый родъ чело-вѣка, бьющъ ихъ, гдѣ-бы они ни попались. Кафръ, присланный депушашомъ въ Капъ ошъ своего поколѣнія, въ 1804 году, увидѣлъ одиннадцати-лѣтняго Сааба въ числѣ Губернашорскихъ слугъ, и съ яростію пронзилъ его своимъ *гассагеемъ*, или ножемъ. Европейцы, живущіе въ уединенныхъ мызахъ, нерѣдко принуждены покупащъ дружбу Саабовъ, плащя имъ дань, скопиною или вещами. — Еще весьма недавно сѣверные Капскіе мызники принуждены были ошкупитьсѣ ошъ шолпы Саабовъ,

заплашивъ ей 30-ть штукъ рогаѣаго скопа и 4,600-ть овецъ. Но едва вѣсть объ этомъ разнеслась между другими Саабами, ихъ сбѣжалось величайшее множество опвсюду, какъ воронъ на поле битвы. Три дня жрали они свою добычу, и разошлись, когда уже ничего не осталось.

Монета, употребляемая здѣсь въ народѣ, суть рейсдалеры. Въ 1775 г. они стоили болѣе 4-хъ ливровъ Турскихъ, а нынѣ стоятъ только два франка. Спиранный упадокъ этого происходитъ опъ выпуска бумажныхъ денегъ, кошорья берутъ охотнѣе. Всѣ продажи шоваровъ производятся здѣсь аукціономъ. Таможенная пошлина 6 на сто для Англичанъ и 15 на сто для иноземцевъ. Какъ мѣсто опдыха на пути изъ Европы въ Индію, колонія мыса Доброй Надежды необходимо должна болѣе и болѣе усиливаться. Ее быспро подвинуло-бы впередъ болѣе свободное сношеніе съ внутреннею Африкою, и большее движеніе промышленности земледѣльческихъ произведеній на Европейскіе шовары.

Но, занятой прогулками въ окрестностяхъ Капа, я совсѣмъ забылъ моего почтеннаго *Капрала Трима*, хотѣлъ еще прогуляться въ Альбани и Франшъ-тектъ, когда вдругъ услышалъ сигналъ объ опплышій нашего шлюпа. Повелѣніе было рѣшительное, неопложное. Надобно было повиноваться.

Мы опвалили опъ гавани въ 8-мъ часовъ утра, при тихой погодѣ; но едва двинулся корабль, вѣсперъ перешелъ къ С. В. и Ю. В., и окрѣпчалъ. Вершины Споловой горы мгновенно покрылись

бѣлыми облаками, съ темною бахрамою, упадавшею до самаго подножія горы. Вдругъ они поднялись пошомъ, будпо дымъ, переходя за грань плоскости горы. Вѣтеръ смѣшался порывами; шквалы пошли по воспочному краю залива, усилились, обхвапили его вполнѣ, и начали рвать корабли съ якорей. Напрасно сшарались мы бросить якорь; онъ не успѣвалъ задержаться, и, волею и неволею, надобно было поспѣшить выходомъ въ море. Мы надѣялись пробѣжать между Green-Point и оспровомъ Роббенемъ и выйдши въ море, но совершенная пишина вдругъ замѣнила порывистый вѣтеръ. Другіе корабли, гонимые вѣтромъ, двигались съ мѣстъ своихъ, а мы были, какъ будпо прикованы, лишенные возможности войдши въ заливъ обратно и плыть въ море. Подобныя явленія перемѣнчивыхъ, мгновенныхъ вѣтровъ и пишины не рѣдки въ Сшоловомъ заливѣ. Дюмонъ Дюрвиль, находясь здѣсь на кораблѣ *Астролябія*, въ Декабрѣ 1828 года, находился въ подобномъ нашему кришическомъ положеніи. Прогнанный опъ якорнаго мѣста, и захваченный пишиною близъ оспрова Роббена, онъ едва могъ спастись слабымъ вѣтеркомъ опъ С. С. З., кошорый далъ ему средсшва обрашпиться снова въ гавань.

„Не бывши весьма свирѣпымъ — говоришь онъ — порывъ вѣтра былъ однакожь весьма силенъ, и признаюсь, что движеніе и игра облаковъ, предшествовавшихъ ему и сопровождавшихъ его, показались мнѣ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій природы. Во время усиленія бури, облака,

сплотившіяся большими, толстыми грудями на восточной сторонѣ Споловой горы, раздѣлились здѣсь на двѣ части: одна упала внизъ, на гавань, быспрыми клочьями, исчезающими въ половинѣ горы и превращавшимися въ вихри неимовѣрно свирѣпые; другая, съ другой спороны горы, пошла грудю между Львиною головою и горами, далѣе къ Ю. находящимися. На всемъ пространствѣ моря отъ Green-Point до Львиного хвоста, вдоль берега, вѣтеръ былъ едва ощутимеленъ, и даже шло неровное волненіе отъ С. и С. З.

«Это явленіе изъясняется мѣстностью, и весьма понятными физическими причинами. Споловую гору можно назвать межею, природою созданною, между двумя обласями атмосферы, чрезвычайно различными. Пространство земли на югъ, состоящее изъ горъ, болѣе или менѣе возвышенныхъ, сохраняетъ температуру умеренную, и вообще довольно низкую. Пространство земель на сѣверъ, то есть, все что занимаютъ Капъ, окрестности гавани и самая гавань, по отраженію и сосредоточенію лучомъ солнечныхъ лучей на пескахъ, обильно повсюду здѣсь разсыпанныхъ, дѣлается, такъ сказать, печью, или гнѣздилищемъ теплоты, чрезвычайно живой и постоянной. Густые туманы, снабженные влажностью, гонимые вѣтромъ отъ Ю. и Ю. Ю. В., прилепаютъ къ горамъ Капскимъ, не встрѣшивъ препятствій на обширномъ пространствѣ волнъ; здѣсь врывающіяся они двумя открытыми для нихъ проходами; но едва вшоргнувшись они въ разгорѣвшуюся атмосферу Капа, влажность,

бывшая въ нихъ, потчасъ испаряешся, и воздухъ, сильно потрясенный послѣ сего, производишь шквалы, чувствуемые въ направленіи, копорому слѣдовали-бы облака, если-бы не разсѣивались они. Безъ сомнѣнія, продолжаясь нѣсколько дней съ ряду, сіи воздушныя тревоги обременили-бы наконецъ влажносшью шумана часть атмосферы на сѣверъ отъ Споловой горы, и странная игра облаковъ переспала-бы совершаясь въ глазахъ наблюдателя, находящагося въ отдаленіи отъ нея. Зришель, находящійся въ это время на вершинѣ горы, ничего не видишь вокругъ себя, кромѣ густаго и рѣзкаго шумана, при жестокомъ и непрерывномъ порывѣ вѣтра. »

Такъ провели мы всю ночь, смопря на бѣлѣвшіяся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ насъ каменья, куда влекло насъ теченіемъ. Только на другое утро вѣтеръ сдѣлался отъ С. З. и далъ намъ средсшва снова направить путь свой на Игольную мѣль. На сей разъ опасная мѣль эта не была для насъ спрашною. Въ при дня Капраль Тримъ благополучно миновалъ ее. Остальное плаваніе наше было безплодно на приключенія—*благополучно*, какъ говоришся, а извѣстно, что испорія благополучнаго состоянія бываетъ скучна для чашапелей. Нѣсколько бурныхъ порывовъ поздравили насъ съ прибытіемъ въ Мозамбикскій проливъ (*), и преслѣдовали насъ еще

(*) Проливъ между оспр. Мадагаскаромъ и восточнымъ берегомъ Африки, гдѣ находишся Португальское владѣніе Мозамбикъ. — Прим. Перев.

нѣсколько времени въ высшихъ широкахъ, до 57° долгошы воспочной, гдѣ наконецъ позволили намъ спокойно направиться къ Иль-де-Франсу. Здѣсь вспрѣшили мы пшичекъ, извѣстныхъ подъ именемъ *raille-en-queue* (Линнеевъ *Phaethon aethereus*), *соломенный хвостикъ*, названныхъ такъ по двумъ шонкимъ, длиннымъ перушкамъ, находящимся въ хвостикѣ; лешая на безмѣрной высотѣ, по причинѣ бѣлыхъ брюшковъ представляюща онѣ взору будшо бѣлая пшинушки на лазури неба.

Января 15-го, 1830 года, показалась подъ вѣшромъ земля: это былъ островъ *Родригезъ*, прежде пустынный, а нынѣ населенный сошнейю колонистовъ. Черезъ два дня, рано ушромъ, появились верхи горъ *Иль-де-Франса* (*). Поспешенно, мы могли различить гору *Петеръ-Боттъ*, по ея оспрой и наклоненной вершинѣ, гору *Укрѣпленій* (*du Rempart*), по ея дикимъ и спраннымъ формамъ, горы *Двухъ сосцовъ*, островъ *Круглый* и островъ *Плоскій*. Обогнувъ *Coin-de-mièr*, Капраль Тримъ бодрспвенно всшупилъ въ заливъ *Портъ-Луи*, и ошановился близъ *Trou-Fanfaron*.

(*) Дюмонъ Дюрвиль принимаетъ названіе *Иль-де-Франсѣ* (*Ile-de-France* — островъ Франціи), какъ болѣе извѣстное. Англичане, нынѣшніе владѣтели острова, называютъ его островъ *Мавриція*. *Прим. Перев.*

ГЛАВА IX.

ИЛЬ-ДЕ-ФРАНСЪ.

Съ гавани, городъ *Портъ-Луи* (портъ Людовика) представляешъ зрѣлище увлекаштельное и разнообразное. Въ глубинѣ каршины, какъ будто склоненная на городъ, высишя вершина горы *Пальцевой* (*du Pouce*), съ ея лѣсисшими боками и бѣлѣющими водопадами. Дикая и мрачная на своей вершинѣ, она какъ будто развеселяешя по мѣрѣ того, какъ идущъ внизъ ея покапосши къ Портъ-Луи, гдѣ оканчивающя уклономъ по лугу, на полъ-лѣе пространства. Цѣпи другихъ горъ, усѣянные лѣсами, дополняющъ раму залива; на-право онѣ опоясывающъ обласъ *Большой рѣки*—садъ Иль-де-Франса, маленькій эдемъ, испещренный водою и зеленью, оживленный лодками Негровъ и прибрежными богами; на-лѣво оканчивающя у *Coin-de-mire* низкою площадкою, покрышою насажденіями сахарнаго просника, и опороченной длинными линіями мѣлей и камней. На ближнемъ планѣ каршины сцена перемѣняешя: вошъ *Канонерскій* мысъ, башшаря въ уровень съ заливомъ, кажешя всплывающая изъ воды,

съ своею купою кокосовъ по бокамъ. Въ споронѣ укрѣпленія острова *Богаровъ* и *Бѣлой крѣпости*, неприступныхъ даже для большой эскадры. Прямо тысячи мачтъ и снастей, опѣсеными или косыми линіями, споль сжатыя, споль густо сдвинутыя, что едва по опрыскамъ домовъ, деревьевъ, крышъ и плошины, мелькающимъ въ промежуткахъ, вы догадываешься, что за ними находишься городъ.

Когда *Капралъ Тримъ* помѣстился въ рядахъ другихъ кораблей, дружески распрощался я съ красивымъ шлюпомъ, *Капишаномъ*, офицерами и лихимъ *Томомъ Миллемъ*, который проводилъ меня на берегъ. Въ *Иль-де-Франсѣ* былъ я на землѣ Французской, пошому, что перемѣнивъ имя острова, послѣ того, какъ онъ доспался имъ по раздѣлу, Англичане не могли еще *обританить* его: это *Французская* колонія, земля родная Французу. Названный островомъ *Мавриція*, завоеванный съ 1810 года, *Иль-де-Франсѣ* не только еще не поддѣлывается подъ нравы и обычаи своихъ повелителей, но, кажется, ежедневно болѣе и болѣе удаляется отъ нихъ. *Поршъ-Луи*, какъ прежде — маленькій *Парижъ*: роскошь, моды, забавы, спросъ къ новостямъ, политическія мнѣнія, все привозится сюда изъ Франціи, и ничего нѣтъ изъ Лондона и *Ливерпуля*. Не смотря на разницу пошлинъ, 15-ю на сто, произведенія Французской промышленности предпочитаются здѣсь всякимъ другимъ.

Свѣжи и живы еще здѣсь послѣднія историческія воспоминанія, дающія *Иль-де-Франсу* мѣсто въ лѣтописяхъ Республики и Имперіи Французской. Въ

печеніе всей морской войны послѣднихъ временъ, съ немногими перемежками продолжавшейся 26-ть лѣтъ, когда Французскія эскадры, разбиваемыя даже на Европейскихъ моряхъ, оставляли беззащитными колоніи Французскія, Иль-де-Франсъ двадцать лѣтъ защищалъ самъ себя, и опчаяннымъ крейсерствомъ вымѣщалъ всѣ пошери Франціи на богатствахъ Остѣ-Индской Компаніи. Еще помнятъ въ Поршѣ-Луи грозную *Беллону*, кошую сполько разъ привѣшествовали здѣсь выспрѣлами изъ крѣпости, когда она влекла въ Поршѣ-Луи Англійскіе гальоны въ 1200 и 1500 тоннъ. Всюду поржествовалъ флагъ Бришанскій — въ Иль-де-Франсѣ онъ плашилъ подасть, если осмѣливался пустишься въ Остѣ-Индію мимо грознаго убѣжища храбрыхъ моряковъ. Раздраженные шѣмъ, что побѣды въ самомъ Ла-Маншскомъ проливѣ не заспавляютъ унимаются дерзкихъ корсаровъ Иль-де-Франса, Англія рѣшилась раззорить гнѣздо ихъ. Спашные флоты ея появились передъ Иль-де-Франсомъ, въ такой силѣ, въ такомъ числѣ, что надобно было сдатьсь. Миръ 1814-го года сдѣлалъ правомъ законнаго владѣнія право побѣды.

Теперь все, чего хощѣли Англичане опъ Иль-де-Франса, все они получили; имъ принадлежатъ земля, поршѣ, крѣпость, доходы. Но если жишели по прежнему оспались Французами, если они не перпяютъ своихъ повелишелей, Англія даже и не заботишя объ этомъ. По неудовольствіямъ и ссорамъ она перемѣняетъ только Губернашоровъ: Фаркугару послѣдуетъ Галль, Галлу Коллевилль — одни

управляющіе спрже и суровѣ, другіе ласковѣ и благосклоннѣ, но сущность дѣлъ и порядка неизмѣнна.—Англійской шорговлѣ предоснавлены здѣсь большія преимущесна; судопроизводство введено Англійское; Англія пріобрѣла въ Иль-де-Франсѣ превосходное мѣсто для роздыха на пуши въ Индію.—Чего болѣе желанъ Англичанамъ?—За все это они оснавляютъ побѣжденнымъ право сердиться и не любить Англіи. Жаль только, что это оснавляетъ Англичанъ не любить Иль-де-Франса, и нерѣдко досада и нелюбовь кривятъ всѣмъ безприснастія и правосудія, извиняя здѣшнихъ правителей и судей въ глазахъ Лондона, и оснавая имъ незаконно полномѣсныя пріаснары.

Я не былъ одинокимъ спранникомъ въ Поршъ-Луи: здѣсь, съ 1817 года поселился старый другъ мой, Провансалъ, и завелъ весьма прибыльные дѣла. Верже—его имя—вспрѣшилъ меня съ крикомъ изумленія, и обнялъ крѣпко и дружно. Добрый, веселый, милый, лѣтъ шридцати не болѣе, онъ былъ раззоренъ во Франціи бездѣльниками, и возобновилъ свою *фортуна* на Иль-де-Франсѣ. Я нашелъ его живущаго въ ошдѣленіи du Rempart, въ прелесномъ домикѣ; молодая Муланрка была у него хозяйкою, и надобно признаюсь, что Клара—ея имя—была хозяйка очень милая. Вольная жизнь колонистовъ позволяетъ такого рода связи, которыя бывають однакожь не рѣдко крѣпче всякихъ Европейскихъ союзовъ съ тысячу бумагъ и условий. Клара была смуглая, но молодая, прелесная женщина, и даже, въ угодность своему доброму

Верже, выучилась играть на фортепiano, рисовать, читать романы, говорить о литературѣ. Чего еще можно было потребовать, даже и отъ Европейскаго пансіоннаго воспитанія?

Я поселился въ домѣ моего друга, и мнѣ отвели въ саду павильонъ, дали Негра для услугъ, угождали мнѣ, ласкали, нѣжили меня, какъ ребенка. Право, я не позавидовалъ-бы Султану въ нѣгѣ и роскоши, совсѣмъ неизвѣстной у насъ въ Европѣ. Мнѣ отдѣлили даже особенный *паланкинъ*, родъ носилокъ, съ подушками, гдѣ можно роскошно пропаянущься и уснуть подъ пѣсню Негровъ, которые несутъ между шѣмъ паланкинъ на плечахъ. Но я былъ еще слишкомъ свѣжій Европейецъ, и никакъ не могъ рѣшиться на подобныя употребленія Креольской роскоши. Впрочемъ, мнѣ хотѣлось разсмащивать на свободѣ, идши, осматриваясь по волѣ, и мое любопытство не могло усидѣть въ паланкинѣ, если-бы даже я и успѣлъ привыкнуть къ употребленію невольниковъ вмѣсто лошадей.

Въ это время въ Иль-де-Франсѣ было самое жаркое время, и мое суконное платье совсѣмъ не годилось по климату. Верже взялся одѣть меня по тамошнему. Куртка, панталоны, жилетъ изъ бѣлаго перкаля, три раза въ день переодеваемые, сѣрая, войлочная шляпа съ широкими полями, легкій плапокъ на шею—таково было мое новое *Креольское* платье, удобное, щегольское и спокойное. Я скоро привыкъ къ нему, и вспрѣшивши меня съ Верже, можно было подумать, что я старинный колонистъ здѣшній.

Портъ-Луи дѣлился на городъ-собственно и на кваршалы, или поля. *Малабарское поле* заселено Африканцами, *Вольное поле* Мулапрами. Изъ всѣхъ зданій въ городъ замѣчательны только казармы, построенныя еще Французами, и водопроводъ, проведенный черезъ глубокий ровъ отъ рѣки до города, построенный изъ кирпича и камня при Губернашорѣ Лабурдонне. Домъ Губернашорскій, вѣроятно, развалился при первой порядочной бурѣ. Построенный въ видѣ подковы, изъ деревянныхъ балокъ, которыя лѣзутъ врознь, сырой, неудобный, худо убранный, это самое гадкое жилье, какое только когда нибудь было построено для Губернашоровъ. Нынѣшніе Англійскіе правители предпочитаютъ ему пребываніе въ прелесной *виллѣ du Rempart*, жилищѣ прохладномъ, закрытомъ деревьями, и украшенномъ цвѣтами, лужками и водопадами.

Въ портъ-же день, мы осматрѣли весь городъ. Первая прогулка наша была въ отдѣленіе города, сгорѣвшее въ 1816 году; оно составляло лучшую и богачѣйшую часть Портъ-Луи. Обширные магазины, публичныя конторы, великолѣпные дома и обширная библіотека, все погибло въ одну ночь. Къ утру оставались только дымящіяся груды пепла. Не смотря на помощь заливныхъ шрубовъ, сбѣжавшійся народъ, усердіе Негровъ, ничего не лзя было спасти. Одинъ торговый домъ, Бонома, потерялъ въ семъ пожарѣ 30-ть тысячъ боченковъ вина; грузы сарачинскаго пшена и сахара, складки Европейскаго шелка и Индійскихъ шалей, мно-

жесиво индиго и чаю — все обрашилось въ пепель. Донынѣ не изгладились слѣды пошерь, и только одна улица къ берегу снова заспроилась на мѣспѣ пожара. Ея маленькіе домики, въ одинъ эшажъ, съ зелеными рѣшешками и купами *гернаго дерева*, или кокосовъ, образують собою красивую линію. Далѣе по берегу видны спроенія размѣра огромнѣйшаго, съ аллеями и садами. Эшо по большей части мѣспа опдыха, убѣжища, гдѣ купцы собираются въ часы досуга, въ прохладѣ, вѣющей съ моря и успокоивающей ихъ послѣ дневныхъ заботъ.

Опъ мѣспа пожарища, мой хозяинъ провелъ меня въ *Таможенную часть*. Тушъ производишя выгрузка шоваровъ — шѣсное, заспавленное сараями, пыльное мѣспо. Двѣспи, приспа Негровъ заняты безпрерывно выгрузкою изъ бошовъ и шлюповъ. Почти всѣ эши Негры невольники, Малгаши или Мозамбійцы, и на спинѣ почти каждого изъ нихъ видше рубцы опъ палочныхъ ударовъ. Эшо производишя ежедневно, почти безпрестанно. Въ моихъ глазахъ, придцашью ударами бамбуковины наградили одного Негра, за шо, что онъ укралъ горспъ сушеныхъ смоквъ изъ ящика. Бѣднякъ хладнокровно спалъ подъ удары, кошорые опсчишалъ ему спароспа, также Негръ. Кажешся, что самая одежда Негровъ пригошовлена для подобнаго наказанія: они ходяшъ совершенно нагіе, и никакой другой одежды на нихъ нѣшъ, кромѣ *лангути*; эшо родъ корошкаго запана, закрывающаго часпъ брюха и ногъ. Для защиты опъ палящихъ лучей солнца служишъ имъ мѣдноцвѣшная, маслянишая кожа ихъ.

Меня взбѣсило такое обхожденіе съ Неграми, и я гошовъ былъ разбранишь Верже, которъ смолѣлъ на все эшо прехладнокровно, и разсуждалъ, какъ привычный колониспъ. «Убирайтесь вы съ вашей филантропіею — говорилъ онъ мнѣ.» — Вы всѣ лѣзете въ Вильберфорсы (*), и когда нибудь доведете до шого своимъ человѣколюбивымъ ворчаньемъ, что добрые спрадальцы, защищаемые вами, изжаряшъ насъ, какъ жарили они бѣлыхъ въ Сентъ-Доминго. Говорите что угодно, но вошъ вамъ въ чешырехъ словахъ двѣ истины: *безъ Негровъ нѣтъ колоній, а безъ бамбуковины нѣтъ Негровъ.* — «Не спорю,» отвѣчалъ я, «но желалъ-бы знашь, во первыхъ, къ чему ваши колоніи, когда ясно доказываешся неоспоримый убышокъ, причиняемый ими государспвамъ Европейскимъ? Примѣръ Сентъ-Доминго, приведенный шобою, не ясное-ли доказательство, что безъ бамбуковины Негры приносяшъ Европѣ гораздо болѣе выгоды? Вы соспавляете себѣ свои колоніальныя законы, но мудрость государспвенная не можетъ ушверждать ихъ.» — Благодарны вашей мудрости, шолько просили-бы однакожь ее избавишь насъ опъ ея мудреныхъ успавовъ, кошо-

(*) Wilberforce, членъ Англійскаго Парламента, род. въ 1759 г., умерш. въ 1833 г., извѣстный шѣмъ, что съ 1787 года не переспавалъ шребовать уничтоженія шорга Неграми. Онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, что Европейскія Правительспва согласились наконецъ уничтожитъ сей безчеловѣчный шоргъ. Путешественникъ выспавляетъ здѣсь мимоходомъ мнѣніе колонисповъ Европейскихъ объ эшомъ уничтоженіи. *Прим. Пер.*

рме пишуся въ Лондонскихъ и Парижскихъ канцеляріяхъ, людьми вовсе незнающими сущности дѣла. Богъ знаетъ что предписываютъ намъ исполнять, когда всѣ выдумки ваши шакъ-же къ лицу Неграмъ, какъ кисейныя платья, если-бы ктонибудь вздумалъ одѣть ихъ въ кисею. Вошь что дѣлается: теперь здѣсь въ спрашной милосши, на примѣръ, Мулашры, и за то у другихъ къ нимъ спрашная ненависль. Повѣрь мнѣ, состояніе здѣшнихъ Негровъ сдѣлалось хуже съ шѣхъ поръ, когда насъ и ихъ перепутали разными Европейскими уложеніями: они пребываютъ не понимая, а бѣлые полкуютъ не разумѣя. — «Но развѣ не видите вы, что счишая между 100,000-ми всѣхъ жителей острова 80,000 невольниковъ, вы, сами не понимая эшого, вызываете на бѣду свою Христофовъ и Дессалиновъ.» — О! эшого бышь не можешь: эти 80,000 раздѣляются на безконечное множество разныхъ родовъ, и, вообрази себѣ — ни одинъ изъ этихъ родовъ не говоритъ одинакимъ языкомъ съ другими, и они ненавидятъ другъ друга, еще болѣе нежели Европейцевъ. Ненависль передается отъ народа въ народъ, изъ рода въ родъ по этой родословной шашечницѣ, снаружи одинаково темной и варварской. Мавръ и Олофъ ни въ чемъ не соглашались съ Кафромъ, Малгашемъ и Мозамбійцемъ, и бездна раздѣляетъ опять эти племена отъ Индійскихъ черныхъ племенъ — Малайцевъ, Малабарцевъ, Талинговъ, Бенгальцевъ, Марашшовъ, и прочихъ. Бѣлые совершенно безопасны за такую знойною ненависью одного поколѣнія къ другому. Опять такая-же

ненависть дѣлишь Негровъ отъ Креола, какъ Креола отъ Европейца. Если-бы Негры вздумали здѣсь зашевелились — дюжина высрѣловъ разгонишь всякія ихъ покушенія. — «Но, почему не подумаешь однакожь о томъ, что образованіемъ могли-бы вы гораздо легче достигнуть общей пользы?» — Правда, но и шунъ ваши филантропы бредяшъ о школахъ, объ ученіи, а надобно совсѣмъ не то: надобно сперва заставить эшихъ полуживотныхъ полюбить прудъ, убѣдишь ихъ въ пользѣ пруда, побѣдишь ихъ непоспимую лѣность и безчувствіе, копорыя безъ бамбука заставляшъ ихъ прежде умереть голодомъ, нежели двинуться съ мѣста и приняться за что нибудь. Таковы они. Приучите ихъ сперва прудиться по убѣжденію — мы гошovy помогаемъ вамъ всѣми силами; шунъ наша прямая и явная польза. Негръ ремесленникъ приносишь здѣсь 7, 8-мъ піаспровъ въ день, когда лучшаго Негра работника купишь можно за 300 піаспровъ. Но знаешь-ли, чего споишь сдѣлашь Негра ремесленникомъ? Не думаешь-ли польспишь ихъ шѣмъ, что-бы заработкою нѣсколькихъ лѣтъ могли они выкупать себя? Объ эшомъ давно думали; положено также опускашъ ихъ на волю просто за долгосрочную услугу, за хорошее поведеніе. Но шаква сила привычки у эшого народа, что большая часть ихъ не хошашъ опуска и просятъ освободить въ неволѣ. Дѣло въ томъ: эшо машина — она сильно работаетъ, но за то ее кормятъ, даютъ ей жилище, а на волю ей надобно будешъ искашь всего эшого, думашъ обо всемъ эшомъ. Слово:

Негръ-невольникъ, спрашно въ общемъ смыслѣ, но на дѣлѣ, съ добрымъ господиномъ Негру гораздо лучше, нежели на волѣ, а добрымъ господиномъ будешь всякій умный хозяинъ, и повѣрь, что злые и шираны хозяева супъ исключенія, люди, не понимающіе собственнхъ своихъ пользъ. — «Ты хочешь увѣришь меня, будто невольничество не только необходимо, но и согласно съ желаніемъ самыхъ Негровъ? Но я слыхалъ, что бывали явные примѣры прошивнаго.» — Да, случается, что нѣкоторые соглашаются лучше умереть, нежели принявъ за работу. Вообще Негровъ гибнетъ весьма много, но, право, не отъ тяжелой работы. Всего болѣе испребляетъ ихъ переменна климатъ; говоря здѣшнимъ выраженіемъ, надобно полагать 20-ть процентовъ убытка въ первый годъ по привозѣ паршіи Негровъ на островъ. Не спору, что у иныхъ желаніе независимости бываетъ непобѣдимо, и въ такомъ случаѣ Негръ дѣлается испиннымъ звѣремъ. Онъ бѣжитъ въ горы, и тамъ скидается между тысячью опасностей и нуждъ всякаго рода. Пожаръ, воровство, грабежъ, все кажется ему позволено. Эпи *марроны*, какъ называютъ ихъ здѣсь, ужасны при неукротимыхъ спрашихъ своихъ. Самое жадное къ волѣ поколѣніе вообще всѣ *Малгаші*. Всякое наказаніе оскорбляетъ ихъ; малѣйшее поущеніе даетъ средство къ побѣгу. Бывали случаи, что Малгашъ, одинъ, въ лодкѣ, пускался въ море, на явную погибель. Вообрази, что однажды нѣсколько бѣглецовъ Малгашей выдолбили себѣ лодку изъ огромнаго дерева, прошацили ее

изъ лѣса на берегъ, спустили на море, и на этомъ челнокѣ отправились въ путешествіе, по крайней мѣрѣ, на 100 лѣ пуши по морю. Всѣ они не могли помѣститься въ лодкѣ, и часть ихъ отправилась вплавъ, перемѣняясь съ товарищами, отдыхавшими въ челнокѣ. — «Верже! а ты называлъ скопами это поколѣніе людей, къ которому принадлежалъ твой Малгаш?» —

Споры наши были безконечны. Я говорилъ, какъ свѣжій Европейецъ, а Верже, какъ привычный колонистъ. Вѣроятно, мы никогда не согласились-бы, и, можешь быть, оба были и неправы и правы. — Между тѣмъ осмотрѣли мы городскую церковь, поршовой фонтанъ, и подошли къ кофейной.» Войдемъ и оставимъ нашъ споръ за несоглашеніемъ съ обѣихъ сторонъ, какъ всегда бываетъ при спорахъ,» сказалъ мнѣ Верже. — Мы нашли кофейную наполненную молодыми Креолами; они курили, играли на бильярдѣ, и изумили меня своею ловкостью, веселостью, щегольскимъ нарядомъ. Мы весело разговаривали о Франціи, о Парижѣ. Меня заславили рассказами всѣ сплетни, всѣ новости Парижскія, начиная съ липперашуры и шеапра и оканчивая полипикою, не забывая при томъ ни послѣдняго покрова фраковъ, ни новѣйшей сприжки волосовъ. Впрочемъ, щеголеватые Креолы оказались почти во всемъ знающими болѣе меня; моя кочевая жизнь совсѣмъ устарила мои рассказы, и меня засыпали здѣсь новостями, которыхъ вовсе не зналъ я, кочуя между Испанцами, Португальцами, Англичанами, албашросами и пегвинами.

Черезъ два часа, у меня было уже придцашь новыхъ знакомцевъ и сполько-же приглашеній на обѣдъ, вечеръ, прогулку въ окрестности, поѣздку по морю. Верже насильно ушацилъ меня опъ ласковой привѣпливоспи новыхъ знакомцевъ, и объявилъ, что онъ повелишель мой на все оспальное пребываніе мое на Иль-де-Франсѣ.

Наспупила ночь; дѣяшельноспи Поршъ - Луи спихла; улицы предспавляли новое зрѣлище. Однообразныя пѣсни, какими Негры сопровождаютъ всѣ свои работы, замолкли. Одни изъ Негровъ, сидя въ кружкахъ по угламъ улицъ, оканчивали свой умѣренный ужинъ, соспоявшій изъ *бреда*, *манса* и *маніока*; другіе пѣснились у лавочекъ, гдѣ продаютъ аракъ, и дѣлили по спакану этого ушѣшельнаго напишка. Аракъ шо-же для Негра, что ромъ для Европейца; его добываютъ здѣсь шакже изъ перебродившагося сока сахарныхъ проспей. Въ одномъ углу Марсова поля, шолпа невольниковъ собралась въ кружокъ. Мы приблизились. «Посмошри,» сказалъ миѣ Верже — эшо *шега*, *Мозамбійскій танецъ*. Завшра воскресенье, и вошъ Негры пляшущъ и веселяшся.» Танецъ начался. Сидя на небольшомъ возвышеніи, спарый Кафръ, съ сѣдыми волосами, съ кровавыми глазами, посспавилъ между колѣнъ родъ барабана, *тамтамъ*, и началъ бишъ въ него кулаками. Рядомъ съ нимъ, другой черный аршиспъ заигралъ на какой-шо спранной *гармоникѣ*, сосспавленной изъ спруны, навязанной на палку, и опъ шренія прушикомъ швердаго дерева издававшей рѣзкіе, пронзиспельные звуки.

Въ тоже время , шесть или семь голосовъ запѣли Африканскую пѣсню, тихо, медленно, уныло. При звукахъ этого оркестра, Негръ и Негришянка вдругъ бросились въ средину круга. Первыя движенія ихъ не имѣли никакого характера; онъ и она подходили другъ къ другу , тихо, безпечно , потомъ удалялись и вершѣлись отдѣльно. Но мало по малу, какъ будто магнетизмъ поспешенно дѣйствовалъ на эти спранныя, безобразныя лица, выраженіе ихъ дѣлалось разишельнѣе, замѣчательнѣе. Сначала высказывали они первое начало спраши, живыми движеніями лица , но движенія были еще робки, нерѣшишельны, положенія скромны; потомъ, когда очарованіе усиливалось , смѣдливоспъ и скромноспъ поспешенно исчезали; положенія дѣлались безсмѣднѣе , движенія сладоспрашнѣе , посшупъ своевольнѣе. Музыка слѣдовала за сею поспешенносшью. Въ послѣднемъ отдѣленіи , когда танцюющіе сошлись и схватили другъ друга —шанецъ сдѣлался опчаянною вакханаліею ; зрителями овладѣло судорожное упоеніе—они кривлялись, пѣли, кричали, спучали ногами въ совершенномъ бѣшенспвѣ. Мы не могли смопрѣспъ болѣе и удалились.

Переходя по городу, не лзя было не полюбоващся, видя шѣ улицы, гдѣ находяпся шорговыя заведенія. Онѣ были ярко освѣщены. Магазины шелвовыхъ и галантерейныхъ издѣлій, кофейныя , кондитерскія , ликѣрныя лавки являлись въ полномъ блескѣ, наполненныя посѣшителями. Эта частъ города , съ ея блескомъ и роскошью, годилась-бы въ лучшую Европейскую столицу.

На другой день, въ первый разъ былъ я за обѣдомъ, гдѣ блеснула вся Креольская роскошь Ильде-Франса. Г-жа Верже показала всю свою Мулапрскую, великолѣпную гордосшь. Тутъ явилось множество серебряной посуды, Кишайскаго фарфора, смѣшеніе всякихъ винъ, начиная съ мадеры, оканчивая шампанскимъ. Насъ окружала толпа красивыхъ Негровъ и Негрипянокъ, внимательныхъ къ услугѣ до того, что каждое желаніе, каждый знакъ были предупреждены. Надъ споломъ былъ успроенъ родъ вѣера изъ лапаньеровыхъ лисповъ; приводимый въ движеніе тихое и постоянное, онъ поддерживалъ свѣжесшь воздуха и опгонялъ докучливыхъ насѣкомыхъ. Невольно надобно было увлечься обольщеніемъ роскошной сибаритской жизни жаркаго климата. Сквозь рѣшетки оконъ повѣвалъ вѣперокъ, задерживаемый пальмами и акаціями, копорыя загоразживали окна своими лиспьями. Вода и вино лились прохлажденныя и опрадныя среди дневнаго жара. Вокругъ этого роскошнаго спола, нѣсколько друзей, хозяина и подругъ хозяйки составляли веселое общество. Вообще обѣдъ нашъ можно было назвать испытаніемъ самыхъ лакомыхъ блюдъ Креольскаго вкуса. Прежде всего появилось кушанье изъ бреды, нѣчто въ родѣ соленыхъ морелей; попомъ *кари*, классическое кушанье колоній, изуродованное Парижскими ресторашёрами и превращенное ими въ какую-то пошлую смѣсь пряностей. Настоящее *кари* есть ничто другое, какъ сарачинское пшено съ Индійскимъ перцемъ. Сначала оно покажет-

ся грубымъ для непривыкшаго; подумаеше, что васъ хопящъ уморишь жгучимъ составомъ его, ибо, опъ множеству положеннаго въ кушанье перца, у непривычнаго обдерешъ ротъ, но къ кари скоро можно привыкнушь и приспособишься въ здѣшнемъ климатѣ, располагающемъ къ лѣни и утомленію, гдѣ надобны средства сильныя, возбуждающія нервы. Въ концѣ обѣда явилась роскошь сахарной снѣжки и десерта, о которой Европейецъ не можешъ имѣть понятія: мы ѣли чудные фрукты и плоды, которыми споль обилень Иль-де-Франсъ, манги, бананы, анны, авокады, ананасы, и вмѣстѣ съ ними превосходные сорты Европейскихъ фруктовъ. Запѣнилось Шампанское. Госпи запѣли куплеты и пѣсни заспольныя — въ колоніяхъ еще поющъ. — Прямо изъ-за-спола всѣ мы опсправились въ Театръ, гдѣ была уже готова для насъ ложа.

Театръ здѣсь деревянный и довольно плохой. Труппа актеровъ раздѣляетъ свои представленія между островами Бурбономъ и Иль-де-Франсомъ, переѣзжая попеременно съ одного на другой. Мнѣ любопышно было видѣть, какъ спектакль являлся средствомъ для обидшелей Порты Луи изъяснить свою нелюбовь къ Англичанамъ. Вся Креольская молодежь была шумъ, и громкими рукоплесканіями сопровождала каждый намекъ на Англію, или напоминаніе о Франціи. Давали *Сардамскаго бургомистра*, и каждый разъ, когда актеръ говорилъ извѣстную пословицу: *relativement à l'Angleterre* (то есть, м. г., въ отношеніи Англіи) — спѣли дрожали опъ шума, топанья ногами, криковъ: ура,

свисшковъ. Занавѣсъ опустился, но изъявленія до-
сады продолжались еще нѣсколько времени.

Мнѣ приходилось въ бытность мою въ Поршъ-
Луи переходить съ одного праздника на другой.
Наконецъ пригласили меня на балъ къ Губернапо-
ру, гдѣ Губернапорша, Лади Коллевилль, явилась
самою привѣпливою и милою хозяйкою. Танцо-
рокъ было множество, и всѣ одѣшы щегольски, не
щада апласа, кисеи, газа, цвѣшовъ и брильяншовъ.
Вообще дамы здѣшнія съ правильными, вырази-
тельными чертами лица, съ хорошенькими шалія-
ми, съ миною беспечною и горделивою, но очень
милы. Дѣвушки 12-ти, 13-ти лѣтъ походяшъ на
Европейскихъ дѣвушекъ лѣтъ восемнадцати. Такая
скорозрѣлая юность ненадежна, и время безжа-
лоспно мшишъ за свой слишкомъ быспрый по-
лешъ въ первой юности; въ 20-ть лѣтъ здѣшняя
красавица уже опцвѣшаетъ, а въ 30-ть — ея кра-
соша дѣлаешся уже воспоминаніемъ прошедшаго.
Мужчины также не избѣгають рановременной спа-
роспи. Часпію климашъ, часпію разгульная жизнь
въ молодости, производяшъ то, что Креоль съ
шрудомъ переносишъ жизнь шрудолубивую и дѣя-
шельную, и скоро спарѣешъ.

Не смошря на желаніе мое продолжишъ пребы-
ваніе въ городѣ, споль Французскомъ, споль Па-
рижскомъ, мнѣ оспавалось сроку два дня; опѣздъ
былъ назначенъ непремѣнно, и оспальное время
упошребилъ я на обозрѣніе окрестносшей Поршъ-
Луи. Кромѣ сего главнаго города, на Иль-де-

Франсѣ, въ проспранспвѣ 45 лѣ, счищается одиннадцатъ другихъ уѣздовъ: Пампльмуссъ, уѣздъ Золотого песка, Флакъ, уѣздъ рѣки Укрѣпленій (*des Remparts*), Трехъ островковъ, Большой гавани, Саванъ, уѣздъ Военнаго опдѣленія, Мока, уѣздъ долины Вильгемса и долины Св. Петра. Я не могъ видѣть всѣхъ этихъ мѣстъ, и рѣшился осмошрѣть любопытнѣйшее. Верже оставилъ дѣла свои и сопутствовалъ мнѣ.

На другой день, рано утромъ, мы были на дорогѣ въ Пампльмуссъ, я на добромъ ослѣ верхомъ, Верже въ своемъ паланкинѣ. Пампльмуссъ! Сколько поэзіи для Европейца въ этомъ имени! Я ѣхалъ шуда полный моими лишперашурными воспоминаніями, какъ будто правовѣрный Музульманинъ въ Мекку, надѣясь найдти тамъ всего моего Сень-Пьера, слѣды *Павла* и *Виргини*, надъ судьбою кошорыхъ плакивалъ я сколько разъ — хошѣлъ видѣть ихъ жилище, мѣсто, гдѣ жили и любили они, хошѣлъ обнять стараго Негра ихъ, говорить съ тамошнимъ паспоромъ (*). Верже

(*) *Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ*, Французскій писатель, род. въ 1737 г. умеръ въ 1814 г. — Его сочиненія составляютъ 12-ть томовъ in-8, но пережили его два только сочиненія: *Индійская хижина* (*La Chaumière Indienne*), и особливо — *Павелъ и Виргинія* (*Paul et Virginie*). Изданный въ 1788 году, этотъ небольшой романъ, оппечатокъ души чувствительной, религіозной, изображающій при томъ пламенную природу Иль-де-Франса и Африки, имѣлъ успѣхъ неслыханный. Въ одинъ годъ былъ онъ нѣсколько

смѣлся; онъ предвидѣлъ развязку. Мы остано-
 вились наконецъ. «Зачѣмъ-же мы останавливаемся?»
 спрашивалъ я.—За тѣмъ, что мы пріѣхали къ цѣли
 нашего путешествія.—Онъ вышелъ изъ паланкина.
 — Вся моя блестящая фантазмагорія рассыпалась.
 Нѣсколько бѣдныхъ Негришянскихъ хижинъ, без-
 плодная земля, три, четыре купы кокосовъ, и
 среди всего этого бѣдное каменное строеніе —
 «Это Пампльмусская церковь,» говорилъ Верже,
 указывая на строеніе. О разочарованіе! Это Пампль-
 мусская церковь, столь романическая, столь пре-
 лестная, такъ восхищительно описанная Сень-
 Пьеромъ? А гдѣ-же бамбуковая аллея, которая ве-
 дешь къ ней? Гдѣ холмы съ зеленью и съ тѣнью?
 Гдѣ игривыя воды? Ты шушишь, Верже! — Я былъ
 разсерженъ, досадовалъ, за чѣмъ пріѣзжалъ сюда.
 Верже охотно разбранилъ вмѣстѣ со мною вооб-
 раженіе поэтовъ, расцвѣчивающее яркими красками
 воображенія существенныя небылицы жизни и при-
 роды. — Въ награду за то, меня провели въ садъ,
 учрежденный здѣшнимъ Правительствомъ. Тутъ
 отдохнулъ я, и не могъ довольно налюбовавшись
 на собраніе драгоцѣнныхъ деревьевъ и распеній, со-
 бранныхъ съ большими издержками изъ Индіи и
 всѣхъ между пропиками лежащихъ земель. Длин-

разъ изданъ, и болѣе 50-ти перепечатокъ его явилось во
 Франціи. Онъ переведенъ на всѣ Европейскіе языки, и на
 Русскій, только очень дурно. Кто не читалъ его, не видалъ
 на сценѣ театра, на эстампахъ? *Прим. Пер.*

ныя пальмовыя аллеи пересѣкають во всѣхъ направле-
 ніяхъ проспективо этого сада, орошеннаго стру-
 ями игривой воды; ограду составляютъ бамбукъ,
рафи, обремененныя плодами, *сапаны*, и другія юж-
 ныя произведенія. Здѣсь нѣкогда Пуавръ, столь-же
 знаменитый правитель, столь славный естество-
 испытатель, образовалъ разсадники *перезныхъ*, *звезд-
 ныхъ*, *мушкатныхъ* деревьевъ. Здѣсь попомъ
 Сера воспиталъ и упрочилъ безчисленное множе-
 ство деревь и кустарниковъ, испоргнувшихъ оп-
 всюду, изъ палимыхъ зноемъ степей Африки и
 влажныхъ береговъ Мадагаскара; другіе перевезены
 были изъ Кишя и Пегу, съ береговъ Индіи и
 Гангеса; многія росли прежде того на сухихъ
 долинахъ Кашемира, на вершинахъ Гашшскихъ, на
 приморьяхъ Персидскаго залива. Вся Азія, Ява,
 Суматра, Таипи, Канарійскіе, Асорскіе острова,
 Америка, Аравія прислали своихъ представи-
 телей на это собраніе прозябаемаго царства. Од-
 нимъ изъ полезнѣйшихъ завоеваній царства про-
 зябаемыхъ, копорыми попомство одолжено Сера,
 было разведеніе *хлѣбнаго дерева*. Здѣсь расху-
 шакже разнообразныя *жакьеры*, съ длинными кругло-
 ватыми плодами, до 100 фунтовъ вѣсомъ, *аттеры*,
ананасы, *франшипаны*, *мангиферы*, *гоявьеры*, *папас-
 ры*, *бананы*, *тамаринды*, *мангустаны*, *сапаны*, и,
 между множества расеній и кустарниковъ, *бар-
 хатникъ*, *кассія*, *пуансиллядъ*, *монгерій*, *фульсапатъ*,
бензойское и *коричневое* дерева, *нага*, *сандальное*
дерево.

Вшорой день моихъ прогулокъ былъ разнообраз-

нѣе и ушомишельнѣе. Мы опсправились въ долины Мока и Вильгемса, по уклону Пальцовой горы. Съ восхожденіемъ солнца, проѣхали мы лугъ Марсова поля, и привѣщспвовали въ небольшомъ лѣску памятникъ, воздвигнушый Генералу Маларпику, нѣкогда правившему Иль-де-Франсомъ. У подошвы Пальцовой горы можно было разсмотрѣшь всѣ различныя оппроги ея, изъ коихъ возвышается остро-конечная вершина, по кошорой гора получила свое имя. Подымаясь по дорожкѣ, пробишой въ ушесахъ инженеромъ Фелиномъ, мы оспанавливались опспы-дыхашь и любовашься величеспвеннымъ зрѣлищемъ, разспилавшимся передъ нами: у ногъ нашихъ былъ *Портъ-Луи*, направо *Пампльмуссъ*, налево *Большая рѣка*, и все соединялось тысячь разнообразныхъ часпностей, кошорыхъ исчислишь невозможно; мачшы кораблей шорчали изъ моря, будшю маленькія пики; высокія *пальмы* и *тыковники* казались круглыми зоншиками, а ручьи, спремившіеся съ горъ, какъ будшю спѣшили съ безплодныхъ ушесовъ ихъ убѣжашь въ благословенныя, злачныя долины. Но поднимаясь далѣе на вершины горы, мы наслаждались зрѣлищемъ другаго рода, могли обозрѣшь всю географическую систему оспрова, всѣ измѣненія его поверхности. Гора *Длинная*, самая высшая почка на С. С. В., гора *Открытія*, горы *Двухъ Сосцовъ*, *Петерь-Ботъ*, *Верхняя*, гора *Укрѣпленій*, гора *Кордегардин*, и множеспво другихъ вершинъ, какъ будшю склеенныхъ одна съ другою, являлись передъ нами въ изумишельномъ разнообразіи. Надъ нашими головами и вокругъ

насъ были лѣса, перепутанные лозисными *ліанами*, соспавлявшими собою самыя спранныя формы: то, подымаясь съ корня дерева, они обвивающъ его спиралью, будно безмѣрный змѣй; то, вися съ вѣтвей, они спускаются опвѣсно къ землѣ, пускающъ въ нее корень, взбирающъ къ верху сифономъ и округляющъ полукружіями зелени. На сихъ горныхъ висопахъ, мало посѣщаемыхъ людьми, живутъ обезьяны, называемыя *зелеными*, съ длиннымъ хвостомъ и огромною волосисною головою. Однѣ изъ нихъ, важно сидя на ушесахъ, спокойно смотрѣли на насъ; другія, вися на вѣтвяхъ *ліана*, производили удивительные прыжки. Но, кажешся, ихъ пугало двуспвольное ружье, бывшее у меня за плечами. Наши сопутники Негры забавлялись, дразня и передразнивая обезьянъ. *Mosié*—сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, дернувъ меня за полу—*Mosié, ça petit di monde là n'a pas voulu palé pour n'a pas travail* (знаеше-ли, сударь, онъ чего они не говоряшъ, эши народы? Бояшся, что-бы не заспавили ихъ рабошашъ).

Планшажисшы, для кошорыхъ обезьяны суть несносные воры и грабишели, ведутъ съ ними непрерывную войну, но дикіе разбойники эши мспяшъ за то иногда жеспокимъ и хипрымъ опустошеніемъ обширныхъ полей съ майсомъ и бананами. Если обезьянъ захващашъ на воровспвѣ и грабежѣ, онѣ бѣгутъ, но ни за что не выпускающъ добычи, унося ее въ обѣихъ рукахъ, хошя самки бывающъ пришомъ обременены дѣшми, шакже никогда не покидая ихъ, и унося на спинѣ. Опустошенія по-

лей всегда производяшъ обезьяны не по одиначкѣ, но собираются для сего большими толпами и разсавляюшъ охранные караулы свои на высотахъ, чшобы не быть пойманными. Караульные ихъ чрезвычайно оспорожны, и пронзительнымъ крикомъ извѣщаюшъ товарищей объ опасности. При такомъ знакѣ, вся толпа обезьянъ мгновенно бѣжитъ въ лѣса и горы. Иногда, опъ ружейныхъ выстрѣловъ, на мѣстѣ грабежа остаеся нѣсколько жерпвъ, но обезьяны такъ крѣпки и живущи, что рѣдко доспаются въ полонъ; жестоко раненныя, онѣ успѣваюшъ еще убѣжать и укрыться гдѣ нибудь, опкуда товарищи шашащъ ихъ попомъ въ лѣсъ, когда опасность преслѣдованія миновалась.

Будучи человекомъ миролюбивымъ, я со всѣмъ не думалъ начинашъ бшвы съ кривляками, но онѣ сами опкрыли прошивъ насъ военныя дѣйсвія; одна изъ нихъ вздумала бросить въ насъ камнемъ, другая слѣдовала ея примѣру, и въ одно мгновеніе мы были осыпаны каменнымъ дождемъ. Право самозащищенія принудило насъ опвѣчать на неприязнь; я выстрѣлилъ въ ближайшую обезьяну, и, вѣрояшно, ранилъ ее, попому, что она ужасно закривлялась, шерла лапами ноги, разинула ротъ, шакъ, что всѣ зубы ея были видны. При звукѣ выстрѣла, другія обезьяны выпянулись на ногахъ, щупали себя лапами, и послѣ одной минушы неподвижности, бросились бѣжащъ опъ насъ; перепрыгивая съ дерева на дерево, мгновенно скрылись онѣ изъ вида.

Сквозь промежутки лѣса, оканчивавшаго собою скалы горы, мы издали завидѣли долины Вильгемса, близъ копорыхъ серебряной нисью спруишся рѣка Мока. Черезъ нѣсколько часовъ пуши, доспигли мы эшой великолѣпной долины, покршой богашими насажденіями и красивыми заводами. Бамбука здѣсь великое обиліе, и колониспы Иль-де-Франса до безконечности разнообразяшъ упошребленіе эшого исполинскаго шроспника, выраспающаго иногда до 60-ши фушовъ въ вышину. Ошъ одного корня идешъ множесшво спволово; пошерхность ихъ блестящая и неровная, а плошность шакова, что бамбуковая шросшъ 40-ши фушовъ въ длину, 3 дюймовъ въ толщину, можешъ удержашъ, какъ говоряшъ, 4500 фуншовъ шяжесши.

Долина Мока лучше всѣхъ другихъ мѣспъ ошп-рова защищена ошъ свирѣпосши вѣшровъ, и пошому произраспаніе въ ней превосходнѣе, а сборъ произведеній надежнѣе, нежели въ другихъ часпяхъ Иль-де-Франса. Здѣсь находишся загородный домъ Губернашора. Дорога къ нему живописнымъ образомъ идешъ черезъ рѣку *Мениль*, на копорой недавно успроили мостъ. Недалеко ошсюда огромный водопадъ du Réduit, гдѣ, широкою серебряною скашерпью, вода падаешъ съ ошвѣсной высоты 420-ши фушовъ. Смошря на эшу пѣнисшую громаду водъ, освѣщаемую лучами солнца, вы видише ее облеченною во всѣ цвѣша радуги. Сжапый между двумя лѣсисшыми горами, водопадъ свергаешся въ глубокій ровъ, ошкуда снова исшекаешъ величественною рѣкою. Окрешность сего великолѣп-

наго явленія природы очаровательной красою. Среди папоротниковъ, *наналей* и мощныхъ *алое*, высящія исполинскія деревья, *лѣса натта*, *ваквуа*, *таккамака*, *жельзнаго дерева*. Отъ одного мѣста до другаго, ущесы вдвигающія въ рѣку; задержанная ими, она образуетъ широкія заводи, пока, преоборовъ препятствія, переливается черезъ преграду и снова соединяется съ главнымъ своимъ теченіемъ.

Сельское убѣжище Губернатора, именуемое *le Réduit*, находящіяся на полуостровѣ, образуемомъ вулканическими ущесами, на узкой, возвышенной плоскости, между двумя потоками воды, копорые не скапываются, но слешаютъ съ высоты. Живописная дикость этого мѣста дала ему названіе: *Bout du monde* (предѣлъ Свѣта). На громадѣ лавы,росло здѣсь нѣсколько фушовъ красноватой земли, и ее доспашочно было для того, чтобы служить почвою для богатѣйшаго произрастанія. Домъ Губернатора болѣе длиненъ, нежели широкъ, построень въ одинъ этажъ, деревянный, шакъ, какъ и всѣ дома колонистовъ. Внизу пріемная зала, и за нею комнаты для госпей, копорыхъ Лордъ Коллевилль любитъ угощать со всѣмъ колоніальнымъ гостепріимствомъ. Меблировка дома невеликолѣпна и приспособлена къ здѣшнему жаркому климату; вывезенная почти вся изъ Китая, мебель состоитъ изъ бамбука. Наша Европейская мебель едва-ли выдержитъ здѣшніе знойные вѣтры, продолжающіеся съ Мая по Сентябрь, и еще болѣе здѣшнюю влажную, но жаркую погоду, сопровож-

дающую періодъ дождей. Узнавъ о прїѣздѣ нашемъ, Лади Коллевилль приглашала насъ къ обѣду, но мы спѣшили къ сосѣду ея, нашему знакомому, и принуждены были ошдѣлаться благодарностью за приглашеніе.

Возвращаясь ошеюда, проѣзжали мы черезъ поля, засаженные сахарнымъ тростникомъ, и усѣянные между нимъ огромными камнями; весь оспровъ предсказываетъ на поляхъ сіе явленіе, и планшажисны увѣряють, что не только бесполезно, но даже вредно было-бы очищать сіи ошдѣльные базальпическія громады, ибо онѣ скрѣпляютъ землю и служатъ препяшпвіемъ для опустошительныхъ урагановъ. Дорогою убили мы нѣсколько пшицъ, какъ-шо: *кальфата*, родъ поддорожника, у кошораго нижнія часши перьевъ цвѣша синепепельнаго, шея и верхушка головы чернаго, грудь и брюшко цвѣша винныхъ дрожжей, а клювъ и ноги розоваго, и особеннаго рода *кардинала* (*Loxia madagascariensis*), огненнаго цвѣша. Та и другая пшица раззорили полей, подобно Европейскимъ воробьямъ; Негры называютъ ихъ *ѣдунами пшена*. Добычу нашу умножили пепельныя горлицы, менѣе Европейскихъ и превосходнаго вкуса, зимородки, куропашки, *пинтады* и *перруши*. Намъ попадались рыжіе зайцы съ длинными ушами, и *тандреки*, родъ ежа, до кошорыхъ Негры большіе охошники. Верже увѣрялъ, что мы вспрѣшимъ оленей, но, съ нѣсколькихъ уже лѣтъ, эшотъ родъ звѣрей, нѣкогда предметъ любимой охошы для колонисшовъ, сдѣлался весьма рѣдкимъ.

Такъ, верхомъ и пѣшкомъ, мы достигли наконецъ жилища Г-на Л***, богатаго плантажисша, основавшаго обширныя заведенія въ Вильгемсовой долинѣ. Обширное пространство земель, присна Негровъ работниковъ и лучший на всемъ островѣ сахарный заводъ — шакоты богаташсша Г-на Л***, поселившагося здѣсь не болѣе десяти лѣтъ. Онъ принялъ насъ съ распроспершими обѣщаніями, и отвелъ намъ для отдыха два прекрасные павильона, или *банкаланга* (*). Отдохнувъ немного, мы должны были, въ удовлетвореніе проспишельнаго честолюбія нашего почтеннаго хозяина, осмотрѣвъ вмѣстѣ съ нимъ его господское жилище, жилища Негровъ, гдѣ обитають они подъ палкою смолришелей, рабочія заведенія, магазины произведеній, кухни, больницы, прачечную. Насъ особенно занялъ сахарный заводъ, бывшій въ это время въ полномъ дѣйствіи. Негры шли сюда съ полей, обремененные огромными связками проспишника, и складывали ихъ подлѣ давяльни, приводимой въ движеніе водою. Выжатый сокъ спекалъ въ резервуары, откуда процѣживали его въ большіе кошлы, стоявшіе на сильномъ огнѣ. По прошеспиіи извѣснаго времени, сиропъ спускали въ огромныя формы, назначенныя для кристаллированія, и когда жидкость довольно сгущалась, ее выкидывали на ровную шеррасу, гдѣ, дѣйствіемъ солнца и воздуха,

(*) Bancalang — балаганъ? Не отсюда - ли это слово? —
Прим. Пер.

бѣлилась и превращалась она въ песокъ. Передъ заводомъ лежали громады *багассовъ*, или выдавленныхъ проспниковинъ, изъ копорыхъ пригошовляють попомъ *тафію* (ромъ) и аракъ. Хозяинъ изъяснялъ намъ всѣ подробности варенья и очищенья сахара, съ чрезвычайно ласковоспью, не думая держась въ шайнѣ свои способы, посредствомъ коихъ сдѣлался онъ однимъ изъ богатѣйшихъ заводчиковъ Иль-де-Франса. Съ завода, мы перешли на плансаціи кофейныхъ деревцовъ, впрочемъ соснавливающихъ опрасль неважнаго дохода; попомъ на поля съ майсомъ и маніокомъ, и насажденія гвоздики и мушкаша. Вечерній споль ожидалъ насъ въ жилищѣ хозяина. Мы проходили опяшь мимо Негришянскихъ жилищъ, и видѣли бѣдныхъ Негровъ, сидящихъ подлѣ дверей казармъ, и съ жадноспью пожирающихъ свои порціи маніока. Вообще всѣ они казались крѣпки и сильны; шѣлесныя формы Негришянокъ, далекія опъ идеала красосы, также показывали крѣпоспъ ихъ. Все эшо живепъ и спипъ безъ порядка въ обширныхъ казармахъ. Супружеспво ушверждено между Неграми, но каждое ушро бываепъ поводомъ къ сценамъ, жалкимъ или смѣшнымъ, и къ расчесу за невѣрноспъ мужа или жены. Невѣжеспво, скопская, безнадежная жизнь, при вліяніи пламеннаго климаша, дѣлають чувспвенноспъ между Неграми необузданною и чрезмѣрною. Злоупотребленіе въ семъ опношеніи производишь шо, что Негры рано дѣлаются хилыми, преждевременными спариками. Рѣдкій примѣръ, чшобы Негръ или Негришянка жили болѣе пятидесяти лѣтъ.

Такъ весело жилъ, шакъ много любопытнаго находилъ я на Иль-де-Франсѣ, что гошовъ названъ все прекраснымъ на эшомъ оспровѣ — климашъ, землю, жишелей, нравы ихъ. Только два непріязненные врага надоѣдали мнѣ и казались несносными — *какерлатъ*, или *канкрелатъ*, и *мустикъ*. Первый изъ нихъ (*Blatta americana*) вонючее, прожорливое насѣкомое, плодовитое изумительнымъ образомъ; не будучи опаснымъ, оно почтишь и поѣдаетъ все, что ни попало — шовары, вещи, дерево, и ничто не избѣгаешъ его жадности — мебели, спѣны, плашье, припасы; эшо истинное наказаніе людское. Мусшики не шакъ гадки, но несосны своимъ кусаньемъ; вновь пріѣзжающіе на оспровъ особливо подвержены ихъ уязвленію — они немилосердно жужжашъ, кусаюшъ, жаляшъ, и не рѣдко опъ ихъ нападеній являющся раны на лицѣ и рукахъ. Мусшиковъ здѣсь шакъ много, и они шакъ привязчивы, что спать рѣшительно было-бы невозможно, если-бы кисейными пологами не закрывали здѣсь кровашей; за всѣмъ шѣмъ, надобно привыкнуть къ глухому жужжанью эшихъ несосныхъ насѣкомыхъ, кошорья пысячами льнушъ на пологъ. Креолы и вообще жишели здѣшніе гораздо менѣе подвержены преслѣдованію мусшиковъ.

Надобно было думашъ объ ошправкѣ. — « Не за-бошся ни о чемъ » — говорилъ мнѣ Верже — « я знаю, что тебѣ надобно ѣхашъ на *Бурбонъ*, ошшуда въ *Мадагаскаръ* — и эшого довольно. Безъ замедленія, я погружу тебя, какъ бочку сахару, на корабль, и спокойно увезушъ тебя съ Иль-де-Франса; ужъ

это мое дѣло.» — Я не говорилъ послѣ того ни слова, но по возвращеніи изъ поѣздки на планшцію Г-на Л***, сказалъ, что мнѣ непременно надобно ѣхать. «За чѣмъ-же спало?» опивчалъ мнѣ Верже — «все готово — пойдемъ!» Мы опсправились въ кофейную. Здѣсь увидѣлъ я молодаго человѣка, благородной, скромной наружности, съ выраженіемъ крошоспи, и вмѣспѣ силы характера, съ черными волосами, съ голубыми глазами, блѣднаго, загорѣлаго. Не знаю почему, эта физіогномія съ перваго раза мнѣ не понравилась. Верже подошелъ къ этому незнакомцу — «Капишанъ Жоржъ» — сказалъ онъ — «вопъ вамъ пассажиръ въ Тамашаву.» — Очень радъ — опивчалъ незнакомецъ — завпра, въ чешыре часа упра, мы опсправляемся. — «А мы будемъ готовы.» — Послѣ сего короткаго разговора, Верже увелъ меня. «Пойдемъ» — говорилъ онъ — «не надобно терять времени; тебѣ должно еще собраться, пригото-вись.» — Но, что это за Капишанъ Жоржъ? — «Славный морякъ, превосходный прибрежный пла-вашель.» — И Верже улыбался, какъ будто скрывая тайну. — Но, какую торговлю ведешь твой слав-ный морякъ? — «Какую торговлю? Боже мой! Пере-возишь шоваръ, все что хошише, а всего болѣе скошину.» — Ты шалишь, Верже, ты лжешь? — «Совсѣмъ не лгу. Жоржъ обыкновенно опсправляется въ Ма-дагаскаръ, закупаетъ тамъ скошину, привозитъ сюда и продаетъ изъ барыша. Это прибыльный торгъ, и я немного учаспвую въ немъ — онъ мой шоварищъ — я не могъ передать тебя въ лучшія руки.» — Принужденный замолчать, я предполагалъ

однакожь какую нибудь шутку моего пріятеля.—
Фантасмическая фигура Капитана Жоржа не по-
ходила на перевозчика скопины изъ Мадагаскара
въ Иль-де-Франсъ.

Мы осматривали магазины, гдѣ складываются
шовары, гдѣ лежатъ грузы кораблей для Индіи и
Европы, придцать, сорокъ тысячъ бочекъ вина,
пирамиды шелковъ, громады индиго, чаю, нанки.
Здѣсь капили бочки, тамъ увязывали кипы това-
ровъ, въ другомъ мѣстѣ оканчивали расчефы звон-
кими піаспрами, или билешами, что замѣняють
здѣсь звонкую монету.

«Вопъ цвѣщущая торговля,» сказалъ я Верже.—
Менѣе, нежели ты воображаешь—опвѣчалъ онъ.—
Подъ золошою одеждою скрывающіяся лохмотья ни-
щесы. Торговля Порпъ-Луи вся въ рукахъ порга-
шей, называемыхъ здѣсь *баніанами*, поргашей мѣ-
лочныхъ, плюшовъ и негодаевъ. Съ каждымъ при-
бывшимъ сюда кораблемъ начинають они разыгры-
вашъ комедію—не покупають, что привезено, пре-
бують, чего нѣтъ, сбивають цѣны, мѣлошничаютъ.
Въ первые горы мира, Иль-де-Франсъ былъ наспо-
ящимъ Эль-Дорадо для пріѣзжихъ купцовъ, и сюда
набѣжали съ шоварами со всѣхъ чешырехъ споронъ
свѣша; пребовалось все, и все продавалось хоро-
шо, а когда Иль-де-Франсъ сбылъ, что у него было
запасено, закупилъ всего, что было ему надобно,
начались спекуляціи и все дѣло испортилось. Изъ
произведеній оспрова всего лучше и прибыльнѣе
пребовался сахаръ—мы уничтожили кофейныя план-

таціи и насадили сахарнаго просника. Оцѣ этого сахаръ упалъ въ цѣнѣ, не споилъ рабошъ, и надобно было приниматься опяшь за старое, а это раззорило многихъ. Другое зло произошло ошъ большихъ барышей въ первые мирные годы: нами овладѣла спрасъ къ роскоши. Вмѣсто прежнихъ, просныхъ и удобныхъ жилищъ, мы наспроили себѣ палашъ; вмѣсто скромныхъ паланкиновъ, попотребовали щегольскихъ карешъ. Балы, вечера, чайныя собранія взяли верхъ надъ прежнею мѣщанскою проспошою Креольскихъ увеселеній. Пиръ и праздники казались мѣрою богатства и свидѣтельствомъ на кредитъ купеческій. Чшѣ вышло изъ всего этого? Банкруство, пошери для порядочныхъ людей, средства плушовашъ для негодаевъ; послѣдовалъ общій упадокъ, и наша колонія съ шрудомъ успѣваешъ поправляшъ шеперь по немногу кредитъ свой. Пріѣзжіе купцы подвергались здѣсь совершенному грабежу всѣхъ родовъ: пониженію цѣнъ, банкруству, если довѣряли, излишку цѣнности, если покупали шоваръ. Торговашъ въ Иль-де-Франсѣ значило раззоришъся. Къ несчастью, наша торговля имѣешъ двуличный характеръ, кошорый уничтожаешъ ее въ основаніи: она *Французская* по стремленію и воспоминанію прежняго; *Англійская* по сущности и установленіямъ. Наши Креолы пребушъ Парижскихъ шоваровъ, а шарифъ грабишъ ихъ за шо безмѣрными пошлинами, и даешъ имъ *Лондонскій* шоваръ, кошораго они не хошашъ брашъ. Остаешся хишришъ, или раззоряшъся.»

«Со временемъ, разумѣеся, все будетъ поправлено само собою. Положеніе Иль-де-Франса, его удивительный портъ, его плодоносная земля, превозмогутъ всѣ людскія глупости. Природа все для насъ сдѣлала; остаеся людямъ не употреблять только во зло даровъ ея. Здѣсь можете быть сборное мѣсто для Китайскихъ жонкъ, Манильскихъ галіоновъ, Остъ-Индскихъ кораблей, Арабскихъ каикъ; все это гонимо сюда, и мѣнятъ произведенія Азіи на шоваръ Европы. Сарачинское пшено, китайка, чай, сахаръ, хлопчатая бумага, перецъ, какао, кофе, гвоздика, индиго, все это собиралось-бы здѣсь, и отдавалось пошомъ за произведенія Европейскія. Пусть объявятъ порто-франко въ Иль-де-Франсѣ, свободный базаръ, и — равновѣсіе возстановится; золотой вѣкъ самъ собою придетъ для клочка земли, брошеннаго шакъ счастливо среди волнъ Индійскаго Океана.»

Я не спорилъ съ Верже; онъ сѣлъ на своего любимого конька, и говорилъ краснорѣчиво и убѣдительно. Добрый землякъ! ему нескоро дождатся своей Утопіи. — Вечеромъ, я проспился съ этимъ добрымъ сердцемъ и умною, но въпряною головою, получилъ отъ него множество рекомендабельныхъ писемъ, обнялъ его прелестную хозяйку, и въ три часа былъ уже у своего перевозчика скопины, Капитана Жоржа.

На кораблѣ царствовала совершенная тишина. Мои вещи взяли, перенесли на корабль, и проводили меня въ каюту, гдѣ спокойно заснулъ я на бамбуковой канопе. Въ девять часовъ меня

разбудило движеніе корабля, и я понялъ, что мы подняли якорь и плывемъ. Только въ это время разсмотрѣлъ я хорошенько мою каюшу; она была убрана превосходнымъ оружіемъ всякаго рода, и это украшеніе, слишкомъ воинское для перевозчика скопины съ Мадагаскара на Иль-де-Франсъ, возбудило мои подозрѣнія; они увеличились, когда я вышелъ на палубу: корабль Капитана Жоржа былъ опшличная гоэлемша, съ высокими мачшами, съ щегольскими парусами, и лешѣлъ спрѣлою по морю; сорокъ здоровяковъ, съ грозными рожами, сославляли экипажъ; Капитанъ Жоржъ безопасно сидѣлъ на носу корабля, сдвинувъ на бокъ свою соломенную шляпу и куря сигарку. «Вѣрно какая нибудь проказа шалуна Верже!» думалъ я, когда Капитанъ ловко подошелъ ко мнѣ, и улыбаясь сказалъ: «М. Г., почиайте себя полнымъ хозяиномъ на моемъ кораблѣ. Все гошово угодишь вамъ, чѣмъ можешь. Извинише шолько, что я долженъ оспавишь васъ. Съ плохимъ перевознымъ кораблишкомъ столько хлопотъ на морѣ!» — Онъ явно смѣялся; корабль его былъ превосходный, но я понялъ, что Капитанъ Жоржъ избѣгаетъ моихъ вопросовъ. «Чего добраго ошъ вѣшренника Верже! Если, для шушки, онъ передалъ меня какому нибудь знаменшому корсару?» подумалъ я.

Плаваніе наше было необыкновенно быспро и счасшливо. Вскорѣ Иль-де-Франсъ ушонулъ за нами въ волнахъ, и высокіе волканы Бурбонскіе зарисовались въ шуманѣ опдаленія. Въ семь часовъ вечера бросили мы якорь близъ Сентъ-Денискаго пор-

ша. Все просяженіе берега Св. Сюзанны было передъ нами, съ его купами гвоздичныхъ деревьевъ, кофейными планшадіями и полями сахарнаго просшника. Мы могли разсмотрѣть каждого Негра, возвращавшагося въ свою казарму послѣ дневной работы.

ГЛАВА X.

ОСТРОВЪ БУРБОНЪ.

Если сморгнѣшь съ гавани, городъ *Сенъ - Дени* представляется на полукруглѣи утесовъ, ограниченный съ правой стороны берегомъ *Св. Сюзанны*, съ лѣвой высокою и длинною базальшевою спѣною, подошву которой омываетъ море; она кончается обломомъ у залива *Св. Павла*. Городскіе дома, разсѣянные на плоскости, бѣлѣютъ среди купъ кокосовыхъ деревьевъ, а далѣе за ними рисуется извившаяся, обширная падь, орошаемая рѣкою *Сенъ - Дени*; кремнистый, или *галетовый* шалвегъ означаетъ впаденіе рѣки въ море.

Капитанъ *Жоржъ* далъ мнѣ при дня сроку на обозрѣніе острова, занятой во все это время своими тайнственными дѣлами. На другой день утромъ, лодка съ двумя *Неграми* ожидала меня. Мы поплыли, и приближаясь къ берегу, при видѣ морскихъ волнъ, свирѣпо разбивавшихся о прибрежные кремни, при видѣ неприступнаго прибрежнаго волненія, я недоумѣвалъ, какимъ образомъ пристанемъ мы къ берегу, не выкупавшись въ морѣ

съ головы до ногъ. Съ изумленіемъ смопрѣлъ я на спранныю приспань, подъ кошорою оспанавливались шлюпки. Тупъ, качаясь на волнахъ, онѣ передавали шовары и людей на берегъ, посредшвомъ особеннаго снаряда, привѣшеннаго къ подъемному мосту, выдвинутому, на прочныхъ укрѣпленіяхъ, шуазовъ на двадцать въ море.

Нѣсколько разъ принимались за укрѣпленіе площиною ошкрышой морю Сень-Дениской гавани. Губернашоръ Лабурдонне, первый предпринялъ шакія работы; онѣ споили дорого и были разрушены моремъ. Недавно еще, снова начали поспройки, по видимому прочныя, долженспвовавшія образовашъ запишный заливъ. Но все это никуда не годилось, шакъ, какъ и сшаринныя работы. Привыкшее безъ прецяшспвій буровишъ волны свои подлѣ округлыхъ береговъ оспрова, при первомъ ураганѣ море унесло новую плошину, и всѣ корабли, ввѣрившіе учасъ свою этому ненадежному прикрышію, были жершвою свирѣносши Океана. Судорожнымъ движеніемъ морскихъ валовъ испребило пошомъ самое основаніе плошины, и памяшникомъ всѣхъ шрудовъ шолько прибавился лишній рядъ подводныхъ каменьевъ въ гавани.

Разсмашривая непріязненный берегъ Бурбонскій, мы оспорожно приближались къ нему, и по причинѣ сильнаго волненія, я долженъ былъ изъ всѣхъ силъ держашъ за края шлюпки; шо, волною бросало насъ къ берегу съ быспрошою спрѣлы, шо вдругъ, ошплескъ волны оцашъ гналъ насъ въ ош-

крышое море. Наконецъ, мои Негры прыгнули въ воду, поднащили шлюпку къ прибрежнымъ кремнямъ, и одинъ изъ нихъ предложилъ мнѣ плеча свои, для перенесенія меня на берегъ.

При первомъ взглядѣ, и самомъ легкомъ соображеніи, можно понять, почему Англичане, для которыхъ столь важнымъ казалось удержаніе *Иль-де-Франса*, не заботились о присовокупленіи острова Бурбона къ другимъ пріобрѣшеніямъ, какія достались имъ по раздѣлу 1814 года. *Иль-де-Франсъ*, иззубренный маленькими заливами, кромѣ своего Большаго порта, могущаго замѣнить всѣ другіе, былъ для нихъ надежнымъ прибѣжищемъ, спасительнымъ пристанищемъ для кораблей. Но что такое Бурбонъ? Открытая глыба земли, бѣмая морскими волнами, опустошаемая вихрями, славная только своими достопамятными бѣдствіями. Если-бы теперь, за восемнадцать лѣтъ мирнаго обладанія, Франція сообразила, съ одной стороны выгоды владѣнія Бурбономъ, а съ другой пошери, отъ того понесенныя — кажешся, выводъ былъ-бы не въ пользу дальнѣйшаго упорства считать островъ Бурбонъ Французскою колонією.

Бурбонъ, съ *Иль-де-Франсомъ* и островами *Родрига* и *Коргадоса*, образуетъ архипелагъ *Маскаренскій*, названный такъ по имени Португальца *Маскареньяса*, открывшаго сей архипелагъ.

« Островъ Бурбонъ — говоритъ Бори де-Сенъ Венсанъ — кажешся составленнымъ изъ двухъ вол-

каническихъ горъ, происхожденіе кошорыхъ, безъ сомнѣнія, должно отнести къ двумъ отдѣленнымъ одна отъ другой эпохамъ. Въ южной, меньшей части острова, подземные огни еще производящъ свои опустошенія. Сѣверная гораздо обширнѣе; вулканическія изверженія, нѣкогда вращавшія ее, теперь уже не замѣтны болѣе. Рышвины, или глубокія долины, быстрые потоки, снѣсенные опшѣсными высотами, холмы, разбросанные по долинамъ и загромождающіе сообщеніе, базальтовые призмы, не рѣдко расположенныя точно такъ, какъ на островѣ Сшаффъ, правильными столбами, слои многообразной лавы, глубокія трещины, признаки общаго потрясенія—все напоминаетъ здѣсь древніе, грозные перевороты физическіе. Узкое побережье, разорванное въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, составлено, какъ на Тенерифѣ, изъ базальтовыхъ глыбъ, или обломковъ лавы; мѣлкій камешникъ непрерывно увлекается съ берега въ море дождями. Насыщенный песокъ здѣсь нѣтъ нигдѣ; то, что, называютъ здѣсь симъ именемъ, есть, или смѣшеніе извѣстняка и морскихъ черепакожныхъ, выбрасываемыхъ на берегъ волнами, или составъ изъ всѣхъ родовъ лавы, кошорый стремленіемъ волнъ превратился въ кусочки дресвы, синеватаго и черноватаго цвѣта.»

Островъ Бурбонъ былъ раздѣляемъ обитателями его на двѣ отличительныя части: сторона *за вѣтромъ* и сторона *подъ вѣтромъ*. Первая, направляясь въ право отъ Сень-Дени, обращается на востокъ, объемлетъ отдѣленія *Св. Маріи. Св. Сюзанны, Св.*

Андрея, Св. Венедикта и Св. Розы; другая, въ лѣво отъ Сень-Дени, заключаешъ оидѣленія на западъ, *Св. Павла, Сень-Лё, Св. Людовика, Св. Филиппа, Св. Петра и Св. Иосифа*. Между сими двумя побережьями возвышаешся *Горълая область* (*Raye-Brûlé*) высокая, волканическая часть острова, сторона холодная и мало обильная, означаемая *Снѣжнымъ проходомъ, мрачнымъ Салазесомъ*, высокою долиною *Шикотскою*, и множествомъ вшороспешенныхъ пиковъ и высокихъ плоскостей. Часть побережья *за вѣтромъ* самая пріятная изъ всего острова; *подъ вѣтромъ* болѣе богата, хотя менѣе орошена водою. Первая спелешся легкимъ уклономъ отъ моря до середины острова; прохлажденная легкимъ вѣшеркомъ, щашельно обработанная, она походитъ нѣсколько на южныя области Франціи. Поля съ волнующимся хлѣбомъ, рощицы гвоздичныхъ деревъ, съ ихъ благовоннымъ запахомъ, лѣса кофейные, насажденія сахарнаго тростника, разнообразяшъ эшу область, богатую и плодородную. Замѣчаютъ однакожъ, что на всемъ эшомъ побережьи, часто опустошаемомъ бурями, орошающими его дождемъ соленой воды, произведенія, какъ-то, сахаръ и кофе, принимающъ вкусъ щелочный, чего незамѣтно въ произведеніяхъ побережья *подъ вѣпромъ*. Въ селеніяхъ *Св. Павла и Сень-Лё* воздѣлывается кофе превосходнѣе *Сень-Денискаго и Маріинскаго*. Въ *Сень-Лё* главная складка, гдѣ хозяева земель, находящихся *подъ вѣпромъ*, соединяющъ свои запасы.

Посѣдивъ *Горъную область*, легко убѣдишься,

что Бурбонъ есть вулканическое произведеніе. Можно замѣтить здѣсь даже два древніе крашера: на сѣверъ, гору *Большую морну*, попухлую съ давняго времени; на юго-востокъ. *Возвышеніе кузницы* (*Piton - de - Fournaise*), горящее донынѣ. Въ разные времена, геологи и естествоиспытатели обзрѣвали сіи огнедышащія вершины; Бори де-Сенъ Венсанъ былъ здѣсь три раза, и наука обязана ему полнымъ ихъ описаніемъ. На *Снѣжномъ пикѣ*, пусынномъ, голомъ мѣсѣ, замѣтилъ онъ, въ песчанообразныхъ осадкахъ лавы, оппечашки слѣдовъ человѣческихъ. Безъ сомнѣнія, это были слѣды бѣглаго Негра, бѣжавшаго за свободою въ послѣдніе предѣлы обитаемой атмосферы. Подымаясь съ долины на возвышенность, постепенно осматриваешь за собою кофейныя, мушкатныя, гвоздичныя насажденія; здѣсь распусть: *вакка*, драгоцѣнное дерево, листья коего служатъ для плетения рогожекъ на шовары, и *пальмовая капуста*, кою лакомятся за столами здѣшнихъ Креоловъ. На 600-хъ шагахъ высоты начинается область *калумета* — это родъ бамбука, вырастающаго на 60 футовъ отъ земли прямою, зеленою жердью. По всей длинѣ его гибкаго проплетенія видны ряды листьевъ, непрерывно колеблемыхъ вѣтромъ. Единственное замѣчательное прозябаніе, слѣдующее далѣе, *двуродная недотрога*, на кою видны попеременно листья, похожіе на ивовые, и другіе, какъ будто взятыя съ самой щегольской акаціи.— За шѣмъ начинается совсѣмъ другая природа. Только кустарникъ вѣнчаетъ здѣсь безобразные

ушесы; крѣпкіе злаки, зеленувашые верески, бѣдныя мхи прозябають при ихъ подножіяхъ. Сквозь это произраспаніе выспавляющіяся глыбы лавъ, голубыя, сѣрыя, красновашыя, и говорятъ вамъ, кажешся, что корни всѣхъ сихъ прозябеній находящіяся на сводѣ подземной кузницы.

Проспранство Бурбона полагають въ 170,794 гектара. Длина его, отъ С. къ Ю., 14 льё, ширина отъ 9-ми до 10 льё, окружность около 48-ми. Островъ образуетъ собою эллиптическую фигуру, поднятую на срединѣ, какъ спина черепахи. Вышеннѣйшія части горъ его покрыты снѣгомъ, не таяющимъ нѣкошорую часть года. *Снѣжный пикъ* составляетъ до 4,600 шуазовъ высоты. Множество маленькихъ рѣчекъ, переходимыхъ въ бродъ лѣшомъ и обильныхъ водою во время дождливое, текутъ съ горъ въ бассейны, образуемые ушесами. Долгое время Бурбонъ ославался необишаемымъ, но открытіи его Поршугальцами. Де-Прони, а потомъ Флакуръ, заняли его, въ 1653 году, отъ имени Короля Французскаго. Правительство успушило его Индійской Компаніи въ 1767 году. Взятый Англичанами въ 1810 году, онъ возвращенъ Франціи миромъ 1814 года. Насажденія кофе на Бурбонѣ начались съ 1718 года; первыя деревцы кофейныя вывезены были изъ Аравіи, и хорошо принялись на здѣшней дѣвственнѣйшей и плодородной почвѣ; но въ 1806 году ужасный ураганъ уничтожилъ большую часть кофейныхъ насажденій, и во многихъ мѣсахъ замѣнили ихъ планшациами сахарнаго проспника. Эти планшаци шакъ усили-

лись съ того времени , что нынѣ производишся здѣсь до 48-ми милльоновъ килограммовъ сахару, и только до 700,000 килогр. кофе. Въ обыкновенный годъ, приходишъ сюда опъ 200 до 250 кораблей купеческихъ, почти все Французскихъ. Новѣйшій ишогъ показываешъ ввозъ на оспровъ Бурбонъ въ семь милльоновъ , а вывозъ болѣе десяти милльоновъ франковъ. Высшая власъ ввѣряешся здѣсь Губернашору , съ шремя помощниками по управленію ; всѣ они присылаюшся изъ Франціи. Часпный совѣтъ и совѣтъ колоніи обсуживаюшъ и опредѣляюшъ бюджетъ по внутреннему сбору доходовъ и расходамъ. Правосудіе ввѣрено прибуналу мирныхъ судей, высшему прибуналу, Королевскому Приказу и двумъ уголовнымъ судамъ. По вѣрной ревизіи, народонаселеніе оспрова просшираешся до 400,000 человекъ; изъ нихъ 72,000 невольниковъ.

Едва вышелъ я на берегъ въ Сентъ-Дени , какъ и опсправился къ корреспонденшу Верже; видя, что я не расположенъ долго оспавашся на оспровѣ , онъ услужливо взялся самъ бышъ моимъ *гигероне* въ быспромъ и общемъ обзорѣ. Съ набережной пошли мы въ верхній городъ , слѣдуя нѣсколько времени берегомъ рѣки , предспавлявшимъ любопытныя мѣспа для зрѣнія. Сентъ-Дени самый драпной городишко, съ печальною, скучною, неопряшною наружношью. Приспанъ, споль оживленная во всѣхъ другихъ колоніяхъ , здѣсь безлюдна ; единственное замѣшное спроеніе, шущъ находящееся, огромный сарай, называемый *банкасаль*. На эшой-же

споронѣ, недалеко отъ башпарей, находится домъ Губернашорскій, съ каменнымъ нижнимъ и деревяннымъ верхнимъ этажемъ. Передній дворъ и два боковые флигеля придаютъ ему видъ, не оправдываемый дѣйствительностью. Далѣе, въ срединѣ города, видны, между множествомъ жалкихъ хижинъ, деревянные домики, опрятные и довольно красивые по бокамъ немощеныхъ улицъ. На лѣво къ высотѣ, широкою аллеею означается лучшая часть Сень-Дени. Убранная съ обѣихъ сторонъ красивыми домами, эта аллея упирается въ *Королевскій садъ*, превозносимый жителями, какъ одна изъ диковинокъ ихъ оспрова. Училище, судъ и церковь дополняютъ собою роспись публичныхъ зданій въ Сень-Дени.

Съ учрежденіями и зданіями столь неважными, будучи при томъ поставленъ на невыгодномъ мѣстѣ, столичный городъ Бурбона, непрерывно видитъ свое первенство оспориваемое другими мѣстами. Самый опасный соперникъ его *Сень-Поль* (городъ Св. Павла), который безпрестанно ссорится съ нимъ, и выславляетъ свои преимущества, состоящія въ превосходствѣ гавани и мѣстѣ среди долины, защищающей отъ урагановъ. По рѣшенію, обыкновенному въ подобныхъ случаяхъ, приказомъ изъ Парижа вѣрно кончить распрю перенесеніемъ въ Сень-Поль судебныхъ мѣстъ, оставляя въ Сень-Дени мѣстопробываніе управленій гражданскихъ и военныхъ. Но жалобы полу-разжалованной столицы Бурбона были такъ сильны, вопли жителей ея столь пронзительны, что дос-

пигли до Парижа, и новымъ приказомъ велѣно — оставивъ все по старому, *впредь до рѣшенія*.

Для переѣзда изъ Сентъ-Дени въ Сентъ-Поль слѣдующую дорогою, проложенною по бокамъ высокихъ горъ, или, лучше сказать, вырубленною въ утесахъ. Такой прудъ былъ едва-ли не слишкомъ великолѣпенъ и дорогъ для колоніи, которой недостаеетъ еще много необходимаго. Сентъ-Поль не безъ причины хвалился большею миловидностью, въ сравненіи съ столицею острова: съ гавани его видишь не дикую и разодранную картину волканическихъ окрестностей Сентъ-Дени, но полукругъ лѣсистыхъ горныхъ вершинъ, съ которыхъ падаетъ нѣсколько потоковъ воды, и при подножіи коихъ раскидывается городъ, съ каналомъ, опорооченнымъ деревьями, и съ красивыми домами, расположенными по долинамъ въ прямыхъ линіяхъ. Чуждый мѣстныхъ предубѣжденій, Европейецъ съ перваго взгляда предпочтетъ пребываніе здѣсь житью въ Сентъ-Дени.

Раздѣленіе земель на Бурбоны опредѣлено весьма дурно. Въспомоги, чтобы означать участки извѣстною мѣрою, они неопредѣленно означаются землею между такимъ-то и такимъ-то рвомъ, между такою-то частью горы и берега, принадлежавшею прежде тому или другому владѣльцу. Ничего не можешь быть непосредственно подобныхъ примѣровъ раздѣленія. Рѣчки, въ дождливое время года, перемѣняяютъ теченіе, нерѣдко опустошаютъ разливіемъ своимъ поверхность земли, и чрезъ то, дѣлая большой ущербъ владѣльцамъ, бываютъ при-

чиною безконечныхъ пѣжбъ за межи и грани. Для оцѣнки пользы, происходящей отъ хорошаго опредѣленія границъ, довольно сказать, что омежеванныя и хорошо означенныя земли покупающіяся здѣсь вдвое дороже того, во что оцѣняли ихъ до межеванья.

И на Бурбонѣ, какъ на Иль-де-Франсѣ, обработка земель лежитъ совершенно на черныхъ невольникахъ. Здѣсь также различали прежде различныя породы невольниковъ, *Олофа* по его складному, красивому шѣлу, *Малгаша* по умственнымъ способностямъ, *Мозамбійца* по силѣ. Но съ нѣсколькихъ лѣтъ, наблюденіе Правительсва за тайною торговлею Неграми, почти прекратило эту торговлю, и теперь рады имѣть всякихъ, какіе попадутся, Негровъ; боясь даже, что скоро станеть недоставать здѣсь рукъ для работы. Лишенные Африканскихъ работниковъ, колонисты просили позволенія имъ наемку свободныхъ людей въ Индіи, и вотъ что говоритъ Г-нъ Лапласъ о слѣдствіяхъ этого предпріятія:

«Во Французскихъ заведеніяхъ на Индійскомъ полуостровѣ старались найдти людей, которые нанялись-бы въ отъѣздъ на острова Африканскіе, съ платою за перевозъ ихъ и съ умѣреннымъ жалованьемъ помѣсячно, договариваясь проживать извѣстное число лѣтъ у наемщика. Хотя и ободряемые Правительствомъ, сначала опыты не удавались; трудно было сыскать много охотниковъ изъ людей Индійской вѣры, подверженныхъ вѣковымъ предразсудкамъ, для которыхъ спрашна тяжелая

работѣ и неслосна разлука съ опчиною. Другія препяшсвія являлись въ самыхъ колониспахъ; но благоразуміе и спараніе прависелей понемногу все уладили. Бѣдные переселенцы Индійскіе сдѣлались предметомъ рачисельной заботливосши хозяевъ; ихъ хорошо содержали, имъ исправно платили; успроивъ будущность свою безопасною опъ всѣхъ невыгодъ, споль обыкновенныхъ въ дѣлѣ, требовавшемъ многихъ измѣненій по успроисву работъ и опношеній работника къ хозяину, переселенцы могли наконецъ извѣспипъ свои семейсшва, осшававшіяся въ Индіи, что жипье имъ хорошо, могли досшавипъ и часшъ заработки опъ своихъ заняпій.

«Заботливосшь о благососстояніи и исправносшь въ исполненіи договоровъ заслужили довѣренносшь новыхъ работникоу. Они явились во множеспвѣ и досшавили выгоды значисельныя. Негодяямъ не было мѣсшпа. Ни одинъ Индіецъ, опсправлявшійся на оспрова, не могъ сѣспъ на корабль безъ свидѣтельсшва опъ прависеля шой Французской обласшп, гдѣ онъ жипельсшвовалъ.

«Колонисшп вообще осшаются довольны своими Индійскими работниками. Они, правда, не споль сильны и крѣпки въ работѣ, какъ Негры, но за то болѣе крошки, пьюшъ шолько воду, не осшавляюшъ своихъ заняпій, не крадушъ, когда, напропивъ, самые обыкновенные пороки Негровъ—пьянсшво, лѣносшь, разврашъ и бѣгсшво.

«До сихъ поръ невозможно было уговоришъ Индійцевъ, чтобы они привозили съ собою женъ

своихъ; пошому они всегда возвращаются на родину съ заработанными деньгами, едва кончипся срокъ наемки; но такъ какъ многіе изъ нихъ возвращаются снова, шо есть надежда, что переселеніе съ семействами войдетъ со временемъ въ обычай, и Индійцы станутъ постоянно селишься въ колоніяхъ.»

Обычаи, нравы, пища Креоловъ Бурбонскихъ похожи на Иль-де-Франскіе, такъ, что кажется бесполезно будешь указывать на какія нибудь маленькія различія. Здѣсь, какъ и тамъ, Французскіе манеры, только на Иль-де-Франсѣ болѣе вольности, на Бурбонѣ болѣе принужденія. Не вся еще грубость Креольской природы сперта здѣсь обращеніемъ съ Европейцами. Бурбонскіе колонисты вообще кажутся дики, какъ горы ихъ острова, угрюмы, какъ ураганы, непрерывно имъ грозящіе. Но всѣ эти недоспашки суть наружныя; подъ ними скрывающаяся крошкая доброша и гостепріимство.

Срокъ, положенный моему пребыванію, истекалъ, а Капшанъ Жоржъ казался мнѣ не такимъ человекомъ, съ кошорымъ можно было шупишь. Я спѣшилъ распросишься съ моимъ хозяиномъ, и явился на пристани, къ несчастію моему, въ шо время, когда вѣшеръ крѣпчалъ. Только что хошѣли выкинуть роковой синій флагъ — запрешительный сигналъ, показывающій, что прекращается сообщеніе между городомъ и судами, споящими въ гавани. На подъемныхъ моспахъ шѣснилась толпа народа. Три или чешыре шлюпки спѣшили выгрузишь на

берегъ своихъ пассажировъ. Тупѣ въ зыбкихъ креслахъ тащили на верхъ даму; шамъ моряки цѣплялись на веревочныхъ лѣспницахъ, качавшихся отъ ихъ тяжести. Съ опасностію выкупались въ морѣ, я полѣзъ по веревкамъ, свалился въ лодку, и мы пустились къ кораблю. Море хлестало волнами черезъ нашу ушлую ладью, и не безъ труда добрался я до моего Капитана Жоржа. «Вы къ намъ прибыли — сказалъ мнѣ главнѣйшій мой Капитанъ — мы только васъ и ждали.» — Немедленно было командовано къ оплышю. Съ головы до ногъ мокрый, поспѣшилъ я опдохнуть въ каюшу.

Когда, часа черезъ два, снова вышелъ я на палубу, юго-восточный вѣтеръ мчалъ насъ прямо къ Мадагаскару. Море было грозно, вѣтеръ дулъ порывами, но Капитанъ нашъ шелъ на полныхъ парусахъ, и мы считали по 42-ши узловъ (чепыре льѣ) въ часъ. Я не смѣлъ ничего говорить; только видя, какъ мачты гнутся, словно проточки, смотря на паруса, едва не лопавшіеся и непрерывно хлеставшіе, признаюсь, желалъ я, чтобы нашему Капитану пришла охота плыть не такъ поспѣшно. Между тѣмъ, онъ, казалось, вовсе не заботился о своемъ кораблѣ. Сидя на своей скамьѣ, Жоржъ беспечно игралъ съ охотничьею своею собакою. Вдругъ поднялся онъ, будто увидѣлъ привидѣніе, схватилъ шпругу, заботливо смотрѣлъ по морю. «Эй! Мешръ-Леру!» закричалъ попомъ Капитанъ громовымъ голосомъ. — «Эй!» отвѣчали ему. — Хорошо — подумалъ я — онъ увидѣлъ, что шумитъ плохо, и видно хочетъ сбавить парусовъ. — «Мешръ-

Леру! гошовъ лисели на бакборштъ!» — Лисели на бакборштъ! — повшорились вдали слова Капишана. — Великій Боже! какъ лисели? въ эшу погоду? — Эшопъ шалунъ Верже опдалъ меня какому-шо оппорви-головѣ! Чорштъ побери — я не вышперпѣлъ болѣе! Приближаюсь къ Капишану. «Вѣшерокъ до-вольно разыгрался» — началъ я, не зная, чѣмъ дру-гимъ начашъ. — Нѣштъ, что-шо плохо; мнѣ хопѣ-лось-бы однакожъ, чшобы хопъ шакъ продержалось до ночи. — И онъ продолжалъ непрерывно смо-шрѣштъ въ свою шрубу. Туштъ совершенно сбило ме-ня съ толку его хладнокровіе; ненаходя болѣе выраженій, какъ изъясништъ мою робосштъ, съ жа-лоспнымъ и значишельнымъ видомъ глядѣлъ я на море, на паруса, на флюгеръ. «Послушайше — ска-залъ мнѣ шогда Капишанъ, съ дружескою важ-носшью — посмошрише вонъ въ эшу спорону, шу-да, шуда (онъ передалъ мнѣ свою шрубу) — види-ше-ли?» — Да, вижу чшо-шо, какъ ошпрее иголки. — «Эшо корабль, м. г., эшо спорожевая корвешта, кошорая перехвашываешъ всѣ корабли, производя-щіе запрещенную шорговлю Неграми.» — Да, намъ чшо за дѣло до нея? — О! прошу извиништъ — для меня эшо не бездѣлка — все! Дѣло идештъ о моемъ сосшояніи, жизни — чеспи!» Жоржъ схвашилъ мою руку. «Лучше хочу опдаштъ себя на ваше благо-родсшво, нежели пошомъ въ Тамашавѣ бояшъся не-вольной вашей нескромносши. Знаете-ли, какимъ шоваромъ шоргую я? — *Неграми!*» — Я невольно со-дрогнулся. «О! не безпокойшесь — шеперь быштъ со мною ни чущъ не опасно; мы ѣдемъ еще за шова-

ромъ; бумаги у насъ исправныя ; по всѣмъ свидѣ-
 тельствамъ, *Капитанъ Жоржъ* и корабль его *Солнце*
 честны и добропорядочны. Спорожевая корвешна
 можеть останоуишь и освидѣтельствовашъ насъ ,
 если ей не жаль пороху на выспрѣлъ и не лѣнь
 ошправишь къ намъ шлюпку.» — Такъ зачѣмъ - же
 бѣжимъ мы шакъ скоро, съ опасностью переломашъ
 наши мачшы ? — За шѣмъ, чшобы скрышь наши слѣ-
 ды. Едва вышупили мы изъ гавани, какъ чершов-
 скимъ прыжкомъ перепушалъ я спорожевую кор-
 вешну: она думаетъ , что мы шеперь плывемъ къ
Дофиновой крѣпости. Ошкрой она настоящую на-
 шу дорогу, шакъ и увяжешся за нами по пяшамъ ,
 и прямо догонишь насъ у берега — шогда все мое
 предпріятіе пропало ни за-что! Напрошивъ, съ 24-ю
 часами впереди, я ручаюсь за удачу.» — Онъ продол-
 жалъ смотрѣшь на спрашную для него , едва за-
 мѣшную среди волнь Океана , черную шочку. «Мы
 ниже ихъ — говорилъ онъ — они не могли насъ ви-
 дѣшь — хорошо!» — Послѣ этого *Жоржъ* казался
 спокойнѣе , и продолжалъ свои ошкровенныя при-
 знанія. «Знаеше-ли, м. г. говорилъ онъ — знаеше-
 ли, что объ насъ должно болѣе жалѣшь , нежели
 бранишь насъ : какая жалкая, какая несчастная
 жизнь!» Посшепенно шшановишся онъ мрачнѣе и го-
 ворилъ съ большимъ жаромъ. «Я былъ рожденъ для
 чего-шо лучшаго — чувствую эшо! Почему не ро-
 дился я двадцашъ лѣшь прежде! Война была моимъ
 назначеніемъ — жизнь корсара , когда эша жизнь
 была шакъ славна , шакъ хороша , когда въ двад-
 цашъ поѣздокъ гошовились девашнадцашъ разъ на

могилу въ морѣ, на смерть въ бою, или въ шюрмѣ — жизнь корсара, когда Англичане владѣли моремъ, а наши корабли гнили въ гаваняхъ — тогда — а! какая была-бы тогда славная жизнь Капитана Жоржа! О моемъ *Солнцѣ* говорили-бы эши Англичане — да, они говорили-бы, спрашась его славнаго имени! Мое *Солнце* врѣзывалось-бы въ бока громадныхъ Англійскихъ кораблей, какъ пила рыба врѣзывается въ китовыя ребра, какъ пчела впи-
 ваеяся въ шею льва, хоть для эшого надобно ей просишьяся съ своимъ жаломъ! А теперъ, эшо время прошло безъ возврата. Былъ купеческимъ Капитаномъ, возишьяся съ прикащиками, съ шюками, съ ящиками, споришья за сколько нибудь лярдовъ въ цѣнѣ за провозъ, выгадывашья что нибудь въ перевозкѣ сахару, кофе, вина, подписывашья конноса-
 менны, повѣряшья факшуръ, счишашья мѣшки, ящики, шюки, боченки — нѣшья! что хошеше другое, шолько не эша пошлая жизнь — все другое, шолько не эшо! Лучше быль Негромъ маррономъ, нежели купеческимъ Капитаномъ. Не лзя было записашьяся въ корсары — я сдѣлался шоргашемъ Негровъ. Зло одного стоишья зла другаго. Жизнь шяжелая — да, шяжелая жизнь!» Меня пронули слова Жоржа; онъ замѣшилъ эшо, и продолжалъ, не дожидаясь моихъ возраженій. «Нѣсколько лѣтъ прежде, намъ еще мирволили; шорговля наша была почти свободная, и была золошою для насъ, выгодною для колоній. Теперъ, все возсало прошивъ нашей шорговли — караульныя суда, колоніальныя агеншья, шпіоны, высшая и нисшая полиція! Что прежде почти поз-

воляли, теперь стоишь безчисленных опасностей. Филантропическая зараза забралась даже въ Африканскія души. Послѣдній владѣтель Мадагаскарскій, Радама, Царь Говаскій, рѣшительно запрещалъ торгъ невольниками. Чшо-же? Съ шѣхъ поръ, какъ дѣло это сдѣлалось шакъ шрудно, я съ радостью принялся за него: это мнѣ нравится — это шевелишь душу — это борьба, бипва, лицомъ къ лицу смерти и бѣдѣ неминуемой. Люблю бурю на морѣ, люблю спорожевыя пушки, копорья ждуть меня, кланяюсь ядрамъ, гошовымъ свисѣвшимъ надъ моею головою. Мнѣ не кончить добромъ — я на шю иду, и за это награждаю себя всѣми живыми впечатлѣніями разгула и опасностей, чшобы упомишья и послѣ шого не жалѣшь о жизни.» — Послѣ шакон жаркой выходки, Жоржъ улыбулся насмѣшливо. «Впрочемъ, мнѣ не на чшо жаловаться — шущъ ешь свои наслажденія. Хопь-бы нынѣшняя наша поѣздка, начашая шакъ удачно? Черезъ нѣсколько дней, мой маклеръ явишья съ условленнымъ знакомъ, и назначишь мнѣ свиданіе въ шакон глуши, гдѣ не ошыскашь насъ береговымъ крейсерамъ. Тамъ найдешья сошья невольниковъ, по 420, по 450 піаспировъ за шшуку. Свиданіе произойдетъ ночью; мы пересмошримъ, пересчишаемъ грузъ, заплашимъ деньги, свалимъ шоваръ въ корабль, и на другой день *Солнце* будешъ уже далеко на морѣ, подъ всѣми парусами. Какъ весело пробрашьья сквозъ всю эту шпращу, заснавишь караульщиковъ бѣжашь по слѣдамъ, проклинанъ хищреца, и ворошишьья съ длиннымъ носомъ. Опасность еще не кончишья

эшимъ — шѣмъ лучше: самую кришическую минутою бываешъ выгрузка эшой человѣческой скопины на берегъ. На всякомъ маякѣ, на всякомъ пригоркѣ сперегушъ насъ глаза. Ихъ надобно всѣ обманушъ; надобно выбрать ночь такую, хошъ глазъ выколи, мѣсто такое, куда и не подумалъ-бы заглянушъ живой человѣкъ. Тушъ надобно какое-то вдохновеніе, собачье чущье, орлиные глаза. Сколько разъ, въ двухъ льё ошъ крейсера, лешѣвшаго за мною на всѣхъ парусахъ, я спокойно расчищывалъ: у-дася-ли уйдши, или надобно побросашъ въ море грузъ и спаси себя для будущаго раза? Въ нашемъ ремеслѣ все случайность; опытность тушъ помогаетъ менѣе всего; ни одинъ часъ не походишъ на другой, ни при одной поѣздкѣ обстоятельство не одинаковы—да, эшо шевелишъ душу—тушъ есть жизнь!»...

Я гошовъ былъ проклинашъ *торговца Неграми*, но Капишана Жоржа мнѣ было жаль. Его слова пояснили мнѣ впрочемъ все, что казалось до того времени непонятымъ въ его поступкахъ. Дѣйствительно, онъ рожденъ былъ не для того. Нѣсколько дней, проведенныхъ съ нимъ на кораблѣ, сблизили насъ. Мнѣ даже не хотѣлось съ нимъ разсашъся, когда 3-го Февраля, вечеромъ, явился передъ нами очеркъ обширной цѣпи горъ, обозначаваший собою берега острова *Мадагаскара*.

ГЛАВА XI.

МАДАГАСКАРЪ.

Февраля 4-го, нашъ корабль спалъ у *Фульпуанта*. Едва бросили якорь, Жоржъ прыгнулъ въ лодку и отправился къ *Быгьему мысу*. Прибрежье, проспировавшееся передъ нами, усыпанное пескомъ черного, какого-то мешалического цвѣта, оканчивалось у селенія, состоявшаго изъ чепырехъ, или пиаши сошъ домовъ, довольно пріятной наружности. На право возвышалась небольшая башня; на лѣво тянулся заливъ, длинный и узкій, позади главнаго укрѣпленія. Пушки этой крѣпости, направленные къ гавани, въ случаѣ надобности, могли бытъ обращены и на деревню. Далѣе находилась крѣпость, защищаемая тройною деревянною стѣною, и въ ея амбразурахъ виднѣлись пушки, или, лучше сказать, маленькіе каменнометы, изъ которыхъ самый большой былъ фуншоваго калибра.

Капитанъ пробылъ на берегу не болѣе часа. Едва спутилъ онъ на бордъ корабля, какъ приказалъ немедленно поднимать паруса. Мы двинулись вдоль берега. Жоржъ былъ на этотъ разъ веселъ и раз-

говорчивъ. «Вообразишѣ — говорилъ онъ, указывая на бывшія передъ нами укрѣпленія — вообразишѣ, что наши Французы не могли взять этого куриного гнѣзда. Бьюсь объ закладъ, что оно не устояло-бы прошивъ одной моей гоэлепшы.» Онъ кратко разсказалъ мнѣ объ экспедиціи *Терпсихоры*, *Ньевры* и *Шевретты*, о чемъ послѣ слышалъ я разсказы подробные. Во время разговора нашего, мы выплыли въ море, обогнули *островокъ Сливный* (аух-Ргunes), и бросили якорь передъ *Таматавою*. Это заселеніе предсавляло тогда зрѣлище совершенно разрушеннаго города. Крѣпость, защищавшая его, была разворочена со всѣхъ сторонъ, какъ будшое ее разспрѣливали долго и упорно. Все это показывало признаки послѣдней войны Французовъ съ Говасами. Октября 18-го, Тамашава была занята Французскою морскою дивизіею, и опъ взрыва пороховаго магазина разрушились всѣ ея укрѣпленія.

Лодка Капишана Жоржа перевезла меня къ берегу, и шупъ мы распрощались съ Жоржемъ. Онъ хошѣлъ опсправиться немедленно, и передалъ меня съ рукъ на руки какому-шо Г-ну Белльминю, Ильде-Франскому мулапру, главному шорговому агенту кобошажныхъ шорговцевъ Поршъ-Луи. Эшопъ господинъ размѣнялся съ Жоржемъ нѣсколькими шайнспвенными словами, и я понялъ, что дѣло между ними было слажено. Когда нашъ удалый Жоржъ опсправился къ кораблю, мы пошли въ жилище моего новаго знакомца, куда прибыли въ сопровожденіи многихъ жишелей Тамашавы, черныхъ, мѣдноцвѣтныхъ, и весьма немногихъ бѣлыхъ. Всю оде-

жду Негровъ соспавлялъ *сadikan*, или лоскутъ бѣлой шкани, кошорымъ закрывающъ они нижнюю часть шѣла, обвертывая его около ногъ, такъ, что изъ этого выходитъ родъ панталоновъ. Другимъ лоскутомъ, синяго цвѣта, называемымъ *сейлбукъ*, они драпируютъ себѣ плеча, почти по-Римски. Наружность этихъ черныхъ туземцевъ носитъ на себѣ всѣ опечатки Африканскаго типа: глаза съ кровяными жилками, губы широкія и одупловатыя, носъ расплюснутый, щеки выдавшіяся впередъ, волосы короткіе и курчавые, только раздѣленные на шесть пелюшекъ, падающихъ со лба на затылокъ. Проходя мимо кочеваго Арабскаго шайба, мы видѣли нѣсколько семействъ Секлавскихъ, туземцевъ Азіатскаго происхожденія, утвердившихся въ Мадагаскарѣ съ незапамятныхъ временъ, и всего болѣе занятыхъ торговлею. Мужчины одѣты почти такъ, какъ Негры; цвѣтъ шѣла у нихъ мѣдный; черныя лица показываютъ правильность и очеркъ Арабскій; волосы у нихъ длинные и прямые. Женщины заплетаютъ волосы длинными пелюшками, кошорыя висятъ по щекамъ. Одежду ихъ составляютъ лоскутъ Гвинейской шкани.

Наскоро осмотрѣвши здѣшнюю сторону, я обратился къ моему хозяину, съ просьбою совѣта о томъ, какъ продолжать мнѣ отсюда путешествіе въ Индію? Въ Тамашавѣ трудно было найти какой нибудь случай, и Г-нъ Белльминъ совѣтовалъ мнѣ отправиться въ городъ Св. Маріи, гдѣ случаевъ бываетъ гораздо болѣе. Каботажное судно отправлялось на другой день въ Пуант-

Ларрей, и я занялъ на немъ мѣстечко. Здѣсь, вышедши на берегъ во владѣніяхъ *Короллера*, Князя *Бетанименовъ*, мулапра, рожденнаго ошъ *Малгаша* и какого-то Французскаго артиллерійскаго офицера, я не оспаивался долго, по совѣту моего Креольскаго агенша, ибо, прекращенныя на время несогласія Французовъ съ *Ранаваолою*, царицею *Говасовъ*, могли опять возобновиться. Пользуясь продолжавшимся перемиріемъ, рѣшился я сухимъ путемъ доспигнуть *Тиншинга*, гдѣ недавно успрое-но было военное Французское укрѣпленіе. Два вѣрные проводника, Негры, сопровождали меня въ этомъ пути, зашрудняемомъ широкими рѣками и глубокими болошами, шакъ, что иногда мы брели по поясъ въ водѣ. Ошъ одного мѣста до другаго, появлялись оазисы швердой земли, покрышыя деревьями и кустарниками, въ кошорыхъ находили мы бездну дичи. Тушъ порхали шиссячи пиншадовъ, перепелокъ, горлицъ, дроздовъ и разныхъ голубей, зеленыхъ и голубыхъ. Болоша особенно обиловали ушками всякаго рода, цаплями, водяными курицами. Было гдѣ славно поохотиться! Около полудня остановились мои пушеводители подъ купою пальмъ, и наши дорожные запасы, съ нѣсколькими плодами, сорванными на ближнихъ къ мѣсту ошдыха деревьяхъ, сосшавили нашъ умѣренный обѣдъ. Нишъ было намъ нѣчего, кромѣ воды, и я хотѣлъ уже зачерпнуть ее въ ближнемъ болошѣ, но мои Негры остановили меня. *Ça n'a pas bon, Mossié*—сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ — *attends vous là* (это не хорошо, сударь — подожди-ка здѣсь),

и внимательнѣе осматривалъ онъ вокругъ всѣ деревья. Черезъ нѣсколько минутъ, добрый проводникъ громко звалъ меня къ себѣ, показывая найденную имъ огромную *равеналу*, называемую по здѣшнему *деревомъ путешественниковъ*. Свернувъ лѣсъ въ видѣ воронки, Негры прорѣзали кору дерева, и изъ нея брызнула чистая, свѣжая вода, которую пилъ я съ неописаннымъ наслажденіемъ; источникъ былъ такъ обиленъ, что оба Негра мои напились вдоволь, но не испошили его.

Нѣсколько миль далѣе, всупили мы въ удивительный лѣсъ, гдѣ исполинскія деревья возвышались къ небу свои огромныя зеленныя вѣтви, между шѣмъ какъ ниже ихъ, кокосовыя деревья образовали собою другой сводъ зелени, весь перевишый гирляндами ліановъ, перебрасывавшихъ ось одного дерева къ другому свои длинныя, украшенныя лѣпестками и цвѣтами вѣтви. Въ самой густотѣ этого лѣса, мы были порядочно испуганы, встрѣтивши ошрядъ Говасскій. Имъ начальствовалъ офицеръ, въ красномъ мундирѣ, съ чешуйчатыми эполетами на Англійскій манеръ. Онъ осстановился, и что-то лепешалъ мнѣ по-Французски; сколько могъ я понять, онъ совѣщивалъ мнѣ поспѣшить поѣздкою, потому, что время перемирія съ Французами кончилось. Черезъ нѣсколько часовъ, переправились мы черезъ рѣку *Фандаразъ*, и я былъ весьма радъ, найдя безопасное убѣжище въ военномъ укрѣпленіи Тинпингскомъ. Тутъ, на длинномъ просяженіи мыса, Французы построили родъ крѣпости, съ бастионами и палисадами, изъ дерна и древесныхъ

въпвей. Пять бастіоновъ фланкировали главный редутъ; рвы окружали валы; подъемнымъ мостомъ производилось сообщеніе съ внутренностью мѣста. Крѣпкія рогащкі не допускали приближенія къ стѣнамъ. Остальное пространство между моремъ и респраншаментомъ было покрыто хижинами, гдѣ расположился Французскій гарнизонъ, состоявшій почти изъ 400 человекъ.

Въ своей воинской оградѣ, *Тинтингъ* могъ мнѣ услужить только крапкимъ временнымъ госпепримствомъ. На другой день отправился я въ *Сентъ-Марію*, на вѣсповомъ военномъ суднѣ, и въ тотъ-же день остановились мы тамъ подъ прикрытіемъ укрѣпленнаго острова, защищающаго тамошній заливъ. Сентъ-Марія нынѣ главное мѣсто Французскихъ заведеній на Мадагаскарѣ. Здѣсь сообразилъ я мои замѣчанія объ этомъ обширномъ островѣ, дополняя ихъ историческими свѣдѣніями, собранными на мѣстахъ, и особливо драгоценными наблюденіями Г-на Аккермана, главнаго хирурга Французскаго Мадагаскарскаго флота. Но прежде всего хотѣлось мнѣ самому посѣпить два земельческія заведенія наши, основанныя Г-ми Альбраномъ и Карайономъ, одно на южной оконечности острова, въ *Анкарениѣ*, и обильное кофейными и гвоздичными деревьями, другое въ *Тсараакѣ*, въ сѣверной части острова, преимущественно определенное для насажденій сахарнаго тростника, обширное заселеніе, съ прекрасными домами и магазинами, каналами и хорошою мельницею на рѣкѣ. Эти двѣ прогулки могли дать мнѣ понятіе

о томъ, что можетъ Франція извлечь изъ Мадагаскара, если приступитъ къ колонизаціи его по вѣрному плану, и достапочными способами осуществитъ такое предпріятіе. Вотъ уже скоро минетъ два столѣтія, какъ Французы, по съ жаромъ принимающа за свои права на нѣкошорыя часпицы оспрова, по пренебрегающъ ими, съ большими издержками заводящъ шорговья и мореходныя заселенія, и опяшъ бесшечно бросающъ ихъ. Время, кажешя, повѣритъ прошедшею опытношью будущія предпріятія, и, думаю, что разсказь о предпріятіяхъ Французовъ на Мадагаскаръ не будетъ бесполезенъ, если на немъ можно ушвердитъ нѣкоторые выводы для будущаго, прочные и полезные.

Въ 1642 году, по ешъ, черезъ сто шридцашъ шесшъ лѣшъ послѣ ошкрытія Мадагаскара Португальцемъ *Лорензомъ Альмендою*, сей оспровъ былъ заняшъ Іосифомъ Прони, агентомъ Французской Индійской Компаніи, въ силу позволенія, даннаго Людовикомъ XIII-мъ. Прежде нежели плаваніе Европейцевъ около мыса Доброй Надежды ошкрыло имъ существованіе Мадагаскара, Древніе знали и посѣщали его. Онъ можетъ присвоивашъ себѣ ошчаспи преданія, дошедшія къ намъ ошъ Грековъ и Римлянъ, о великомъ оспровѣ *Тапробанъ*, «шполь удаленномъ на югъ,» по словамъ Древнихъ, «что на немъ не видны уже ни Медвѣдица, ни Плеяды, и солнце кажешя восходящимъ на западѣ.» Эшо, а шакже размѣръ оспрова, и большое озеро, находящееся посрединѣ его, приличны *Мадагаска-*

ру; по широта, назначаемая Тапробану Птоломе-
емъ, приходишя къ оспрову *Суматра*, а всѣ дру-
гія обстоятельства ведутъ насъ къ *Цейлану*. Нѣтъ
сомнѣнія, что въ тѣ времена, когда географиче-
скія свѣдѣнія были столь недосповѣрны, Аравія-
не посѣщали Мадагаскаръ, прежде и послѣ Мугам-
меда. Секлавское поколѣніе, населяющее сѣверъ
оспрова, явно Аравійскаго происхожденія, и, ка-
жешя, будто всѣ бѣлые народы Азіійскіе перебы-
вали здѣсь. Исторія Халифовъ, наслѣдниковъ Му-
гаммеда, говоритъ о войнѣ, продолжавшейся че-
тырнадцать лѣтъ, около 880 года нашей эры, съ
Зангвебарскими народами, переправлявшимися въ
тысячахъ лодокъ на берега Ирака и Іемена. Зан-
гвебаръ есть противоположный Мадагаскару Афри-
канскій берегъ, и если Африканскіе народы захо-
дили такъ далеко нападавъ на послѣдователей Ис-
ламизма, надобно думать, что близкія сообщенія
дали поводъ начать и средства поддерживающіе
столь упорную борьбу Африки съ Азіею.

Что ни было прежде, но когда Прони, осмош-
рѣвши всѣ берега оспрова, вышелъ близъ *Манге-
фи*, или порта *Св. Люціи*, Мадагаскаръ раздѣлял-
ся на обласпи, независимыя одна отъ другой, на-
селенныя различными племенами, повиновавшіяся
разнымъ повелителямъ. Мангифія, гдѣ произведенъ
первый опытъ Французскаго заселенія, предспа-
вляла нѣкоторыя удобства: портъ, защищаемый
отъ морскихъ вѣтровъ маленькимъ оспровомъ *Св.
Люціи*; широкій ручей, протекавшій между лугами
и посѣвами сарачинскаго пшена; наконецъ, сосѣд-

ство обширныхъ лѣсовъ, гдѣ было много спроеваго лѣса. Но важное неудобство вскорѣ превозмогло всѣ сіи выгоды: лихорадка погубила десятого изъ колонистовъ, и каждый новый привозъ людей изъ Франціи былъ новою добычею болѣзни. Тогда рѣшились перенести колонію на полуостровъ *Толангаръ*, находящійся подъ $26^{\circ} 6'$ ю. ш.—Здѣсь основали *Дофинову крѣпость*, на равнинѣ, повелѣвавшей гаванью, построили укрѣпленія, въ видѣ параллелограма, и старались начать какія нибудь сношенія съ шужемцами острова. Царь этой области, *Діанъ-Рамашъ*, согласился на поселеніе Европейцевъ; но вскорѣ насилія новыхъ пришлецовъ раздражили шужемныхъ Малгашей и положили непреодолимые препятствія успѣхамъ дѣла. Прони, какъ и всѣ другіе, болѣе думалъ о средствахъ нажить поскорѣе деньги, нежели упрочить заведеніе на хорошихъ и вѣрныхъ началахъ. вмѣсто того, чтобы прокопать каналъ отъ рѣки *Фаншеръ*, прошекавшей въ двухъ льѣ, и соединить его съ обширнымъ *Амбульскимъ озеромъ*, онъ старался насильно набирать Негровъ, для продажи ихъ Вандермесшеру, Голландскому Губернатору острова Мавриція. Къ этимъ причинамъ раздоровъ съ шужемцами, присоединился бунтъ между подчиненными агента, кончившійся переселеніемъ нѣкошорыхъ бунтовщиковъ на островъ Бурбонъ.

Тогда, около 1648 года, Французская Индійская Компанія отправила на Мадагаскаръ *Флакура*. Этого человѣка, у котораго характеръ состоялъ смѣшеніе добра и зла, гордости, иногда жес-

покоси, съ набожноспью, храброспью, пылыми спраспиями, швердоспью, больше испоршилъ, нежели поправилъ дѣла. Важное обстоятельство были для него формы. Благочестивый Аббатъ Накаръ, сопровождавшій Флакура, не хотѣлъ, чтобы дѣла его были чужды стараній и заботливости о распространеніи Христіанства, и это сопровождалось нерѣдко дѣйствіями самой жестокой и неловкой полишки. Въ книгѣ, какую издалъ Флакуръ по возвращеніи во Францію, отдавая отчетъ о восьми годахъ своего управленія Мадагаскарскими колоніями — драгоценной даже и въ наше время, и исполненной свѣдѣній мѣстныхъ, незамѣняемыхъ новѣйшими — щастельно изложилъ онъ всѣ споры о церемоніяхъ, всѣ торжества и благочестивыя завоеванія свои въ землѣ Малгашей. То изображаетъ онъ себя смиренно пріобрѣтающимъ новыхъ овецъ къ спаду православныхъ, то покоряющимъ новый народъ великому Людовику XIV-му. На картинѣ, при книгѣ его, видѣше начальника *Логавогитскаго*, съ женою, на колѣняхъ испрашивающаго помощи прошивъ свирѣпыхъ сосѣдей *Фаншерской* области. На другой картинѣ, сидя на скамейкѣ, съ жезломъ начальника въ рукѣ, Флакуръ принимаетъ клятву въ подданствѣ отъ обитателей области *Карканосси*, и горделиво взираетъ на полунагихъ бѣдняковъ, простершихъ у ногъ его. Впрочемъ, неоднократно искупалъ Флакуръ все это смѣшное хвастовство смѣлыми подвигами: крѣпость *Дофинова* была осаждена и спѣсена шугемцами въ 1652 году; только мужество небольшого числа за-

щипниковъ могло спасти ее отъ совершеннаго уничтоженія. Должно отдать справедливость Флакуру и за то, что онъ первый собралъ положительные свѣдѣнія о Мадагаскарѣ, исчислилъ племена острова, описалъ нравы ихъ.

Послѣ него Компанія отправила новыхъ поселенцевъ, подъ начальствомъ *Шамаргу*. Подобно Флакуру, новый начальникъ имѣлъ при себѣ изувѣренныхъ людей, и въ числѣ ихъ особенно какого-то отца Спешана, одушевленнаго нестерпящею и свирѣпою ревностью не по разуму. Укрощить безумную поспѣшность своихъ товарищей, Шамаргу не имѣлъ ни способностей, ни необходимой твердости характера. Упорный и своенравный противъ другихъ подчиненныхъ, угрюмый и свирѣпый противъ дикарей, онъ совершенно покорялся своимъ духовнымъ сопутникамъ. Безконечныя бѣдствія мгновенно упали на колонію отъ такого порядка дѣлъ. Сначала, Шамаргу почелъ необходимымъ отправить для опознанія страны *Мататановъ* одного изъ просшихъ солдатъ, *Леваше де ла Рошеля*, болѣе извѣстнаго подъ именемъ *Лаказа*. Это былъ человекъ, умный и ловкій, скоро сдѣлался пріятелемъ шужезцевъ, вмѣшался въ ихъ связи, помогалъ имъ въ войнахъ, и заслужилъ отъ нихъ громкое имя побѣдителя *Діанъ Пусси*. Лаказъ хотѣлъ употребить въліяніе, пріобрѣтенное надъ дикарями, въ пользу своихъ соотечественниковъ; но, или сознаніе услугъ сдѣлало его непослушнымъ начальнику, или Шамаргу поддавался чувству зависти къ счастливому солдату, по крайней мѣрѣ, Лаказъ скоро увидѣлъ несправедливость и неблагодарность въ по-

варищахъ и начальникахъ. Онъ бѣжалъ и перешелъ съ пяпью поварищами къ Малгашамъ. *Діанъ-Разитатъ*, власпишель Амбульскій, принялъ его и выдалъ за него дочь свою, *Діанъ-Нонгу*. Послѣ смерти отца, жена Лаказа сдѣлалась царицею, а Лаказъ непосредственнымъ царемъ Малгашей.

Въ это время, начальникъ Дофиновой крѣпости тяжко испытывалъ слѣдствія своей несправедливости. Голодъ и болѣзни уменьшили у него число гарнизона до 80-ти человекъ, и никакая помощь не могла достигнуть къ нему, по причинѣ безразсудной войны, начатой съ царемъ Мандарейскимъ, *Діанъ-Манангомъ*. Дѣло доходило до крайности, когда командоръ *Керкадіо* явился въ гавани, успѣлъ преклонить недоступную гордость *Шамаргу* къ покорности, и свелъ его съ Лаказомъ. Но нестерпимость миссіонеровъ навлекла новую гибель на колонію. Отецъ *Стефанъ* выпросилъ себѣ пятьдесятъ человекъ солдатъ, и отправился обращать и покорять туземцевъ. Всюду, гдѣ не хотѣли слушаться его проповѣди, свирѣпый миссіонеръ приказывалъ рубить и разспрѣливать проклятыхъ идолопоклонниковъ. Беззащитныя небольшія племена принуждены были покориться гонителю, но племя *Мапашановъ* возсало на него, и въ жестокой битвѣ убиты были проповѣдникъ и все его проводники.

Это пораженіе было только знакомъ общаго возстанія. *Шамаргу* вышелъ изъ крѣпости съ сотра солдатскими, и нашелъ царя *Діанъ-Мананга*, и брата его *Лаватанга*, укрѣпившихся на берегахъ

рѣки Мандареи, съ 40,000 войска. Увидя непріятеля своего, начальникъ Малгашскій надѣлъ рясу опца Сшефана, надвинулъ на голову квадрашную шапку его, и съ насмѣшливою важностью вышелъ въ шакомъ спранномъ одѣянїи вызывать Французовъ на бивву. Сражашься прошивъ несоразмѣрныхъ силъ было явное безуміе. Шамаргу принужденъ былъ искапъ мира, и прибѣгнулъ къ Лаказу, кошорый взялся защишипъ его, собралъ при шьсячи *Андрофасовъ*, подданныхъ жены своей, и разбилъ Діанъ-Мананга. Споль важная услуга была послѣдуема множесшвомъ другихъ; при года крѣпость Дофинова держалась прошивъ многочисленныхъ непріятелей посредсшвомъ пособій Амбульской царицы; Французы могли сущесшвовашь шолько шѣмъ, что среди всѣхъ опасностей непрерывно приводили къ нимъ опъ Лаказа сшада рогашой скопины и привозили сарачинское пшено. Лаказъ явился усерднымъ, дѣяшельнымъ, шакъ, что Компанія выпросила ему чинъ поручика и прислала почешную ишагу. *Мондевергъ*, прибывшій въ 1667 году, съ десяпью кораблями, упошребилъ посредсшво мужа Діанъ-Нонги къ примиренію со всѣми жишелями ошрова. Крѣпость Дофинова наслаждалась спокойсшвіемъ до 1670 года, когда *Делагей* смѣнилъ Мондеверга. Смѣшная гордоспъ новаго комменданша была причиною новой войны, кончившейся избіеніемъ всѣхъ Французовъ. Шамаргу и Лаказъ погибли при эшомъ бѣдсшвіи, и съ шѣхъ поръ прошло девяносто лѣшъ, шакъ, что о Мадагаскарѣ не было помина.

Уже въ 1768 году, при министерствѣ Герцога Праслена, начашъ былъ опять новый опытъ колонизаціи. Демодавъ отправился занять крѣпость Дофинову отъ имени Французскаго Короля. По наставленіямъ, даннымъ ему, онъ долженъ былъ употреблять болѣе миролюбивыя, нежели военныя мѣры, вводить Малгашей въ союзъ и не причинять никому никакого насильства. На эшопъ разъ, вмѣсто миссіонеровъ, послали земледѣльцевъ, и, конечно, предпріятіе увѣнчалось-бы счастливыми слѣдствіями, если-бы употребили болѣе капиталовъ, располагая предпріятіе на болѣе большой размѣръ. Къ несчастію, вмѣшался еще шупъ искашель приключеній, нѣкшо *Беньовскій*. Эшо былъ Полякъ, называвшій себя Графомъ; запушанный въ политическія смяшенія Польши, онъ былъ взятъ Рускими и сосланъ въ Камчатку. Здѣсь подговорилъ онъ сообщниковъ, овладѣлъ кораблемъ, достигъ на немъ до Франціи, и назывался героемъ. Беньовскому вздумалось послѣ того сославить свое счастье въ опдаленныхъ пушешествіяхъ. Его говорливость, смѣлость, обширные планы увлекли въ заблужденіе Французское министерство. Два миллона было истрачено имъ на заведенія въ *Антонгильскомъ* заливѣ, когда на всѣ распоряженія Демодава выдали всего на все съ небольшимъ шесньдесятъ тысячъ. Донесенія *Пуавра* открыли наконецъ глаза Французскому правительству, и Беньовскій принужденъ былъ бѣжать съ Мадагаскара. Онъ уѣхалъ въ Соединенные Штаты, нашелъ шамъ легковѣрныхъ, снарядилъ экспедицію и снова занялъ Антонгиль, уже отъ своего

имени. Принуждены были послать отряд войска противъ этого безпокойнаго бродяги, въ 1776 году. Бенъевскій рѣшился защищаться оружіемъ и былъ убитъ въ первой схваткѣ.

Пока въ южной части успроивалось такимъ образомъ военно-купеческое заведеніе во имя Короля Французскаго, на маленькомъ оспровѣ Св. Маріи, въ восточной сторонѣ Мадагаскара, случайно ушвердилось другое Европейское заселеніе. Оспровъ Св. Маріи, называемый шугемцами *Носси-Ибрагимъ*, былъ обитаемъ болѣе Аравійскою, нежели Негришянскою пороною; здѣсь сохранялись преданія о Ноѣ, Авраамѣ, или Ибрагимѣ, Моисеѣ и Давидѣ. Заливы сего оспрова, уже около полусшолбія, служили убѣжищемъ для морскихъ разбойниковъ Южнаго Океана; они селились шугъ, заключали договоры съ оспровишянами, и благодаря имъ, шоргъ невольниками, дошолъ неизвѣстный въ сихъ сшранахъ, сдѣлался дѣяшельнымъ и обширнымъ. Безпрерывно возрасшавшее богашсшво жишелей засшавило наконецъ Французско-Индійскую Компанію опсправить сюда экспедицію. Хотя оспровъ Св. Маріи сшисали кладбищемъ Европейцевъ, по причинѣ нездороваго климаша, шолпа переселенцевъ явилась сюда, подѣ предводишельсшвомъ какого-шо *Госса*; но въ слѣдсшвіе нелѣпныхъ распоряженій, новая колонія, къ концу шого-же года, погшла, будучи жершвою возмущенія шугемцевъ. Жесшнокимъ мщениемъ расшлашились за шо Французы; заведеніе снова основалось, подѣ руководствомъ просшаго солдана, служившаго въ войскѣ Компаніи.

Это былъ *Лабигорнъ*, женившійся на *Бети*, дочери царя Носси-Ибрагимскаго, сеспрѣ *Жанъ-Гарра*, владѣльца Фульпуантскаго. Сдѣлавшись посредникомъ между Французами и оспровишянами, эпошъ чело-вѣкъ былъ особенно полезенъ возникавшей колоніи. Учредились торговыя сношенія съ сѣвернымъ и сѣверо-воспочнымъ берегомъ Мадагаскара, и новое направленіе торговли нанесло послѣдній ударъ и безъ того шашкому основанію Дофиновой крѣпости.

Съ сего времени до мира въ 1814 году, единственное событіе замѣчательное въ сихъ заселеніяхъ было вмѣшательство Французской эскадры въ ссору между владѣльцемъ Фульпуанта и власшпелемъ Тамашавы. Союзные сему послѣднему, Французскіе корабли, подѣ начальствомъ *Гамелена*, явились передъ Фульпуантомъ, и послѣ непродолжительной, но сильной канонады, посредствомъ высадки овладѣли селеніемъ и крѣпостью. Слѣдствія сей войны были выгодны только для посредниковъ; въ Фульпуантѣ и Тамашавѣ оснались Французскіе гарнизоны.

Весь эпошъ и родъ былъ благопріятенъ колоніямъ. Изобиліе царствовало въ заселеніяхъ Французскихъ; предметы мѣны — гумми-копаль, сарачинское пшено и Негры, добывались въ большомъ количествѣ. Лучшіе невольники выводимы были тогда изъ одной внутренней области, мѣстопробыванія Говасовъ, сдѣлавшихся въ послѣдствіи обладателями *Великой земли*. Царь ихъ, *Дианъ-Ампуантъ*,

помышлялъ уже о завоеваніи, исполненіе коего предославиль внуку своему Радаму.

Миръ 1815 года, не ушверждая ничего о Мадагаскарѣ, шѣмъ самымъ подшвердилъ владѣніе оспрова Французамъ. Но Англичане спарались прежде того основашъ себѣ гдѣ нибудь пріюшъ, изъ котораго могли-бы соперничашъ съ Французскими заселеніями. Они успроили колонію въ Лукезскомъ заливѣ, но такъ несчастливо, что опышъ кончился погибелью всѣхъ поселенцевъ. Опбишы на семъ мѣшѣ, агенты Великобританіи обрапились къ другому. Въ то время, *Радама*, власпишель Говасовъ, уже осущесшвилъ на дѣлѣ замыслы объ увеличеніи своей власпи. Неизвѣсно какими средсшвами и черезъ кого, Англійское правительсшво успѣло ушвердишъ вліяніе свое при дворѣ Малгашскаго государя. Когда въ послѣдсшвіи, увидѣли войска Радама, двинувшіяся на покореніе сосѣдей, одѣшы по-Англійски, съ маневрами Англійскими, съ офицерами въ красныхъ мундирахъ, легко можно было угадашъ, чья полишика предводила всѣмъ эшимъ дѣломъ; по крайней мѣрѣ, тогда свѣдали, что дѣло не обошлось безъ учаспія Г-на Фаркугара, губернашора Иль-де-Франскаго.

Революція, совершившаяся на Мадагаскарѣ, въ виду Французскихъ моряковъ и Французскихъ гарнизоновъ, засшала шашошнія колоніи мирными и неушральными. Быспрый ходъ новаго порядка дѣлъ скоро началъ угрожашъ имъ опасностью; къ сшасшью, съ самаго начала Французы спали подѣ ружье, хоща не вмѣшивались въ войну. Въ шеченіе пашпи

лѣшъ, Радама уничтожилъ власпишелей *Бомбетокскихъ, Секлавскихъ, Антаварскихъ, Бетимзараскихъ, Бетанименскихъ*, и множество другихъ, менѣе извѣстныхъ и сильныхъ. Войска Говасскія приблизились къ предѣламъ колоній, и никто не подумалъ привлечь Радама къ союзу съ Франціею, хотя онъ охотно согласился-бы на такой союзъ. Человѣкъ, сколько нибудь подальновиднѣе, могъ-бы замѣшшъ, что дѣло шло о совершенномъ преобразованіи обширной земли Мадагаскарской. Радама дѣлалъ здѣсь то-же, что дѣлали Мугаммедъ-Али въ Египтѣ, Тамеамеа на Сандвичевыхъ островахъ, Финно на островѣ Тонга-Табу. Образованію предшествовало завоеваніе; военная власть долженствовала привести къ политическому единству. Войско Радама было сильно, устроено, образовано по-Европейски; офицеры ѣздили на лошадяхъ, добытыхъ извнѣ, солдаты были вооружены ружьями, снабжены папронами. Ничто не могло уже послѣ того прошивопоспавшъ сильному завоевателю важнаго препятствія.

Царство Говасское развернулось быстро во всѣхъ отношеніяхъ; внутренность острова, отъ 14-го до 18° широты, признала власть гордаго побѣдителя; столица его, *Тананаривъ*, или *Эмирнъ*, сдѣлалась богатымъ городомъ, и можно было предугадать, что обильныя области восточнаго берега не надолго останутся внѣ сего обширнаго военного завоеванія.

А между тѣмъ, въ 1819 году, правительство Французское снова обратило вниманіе на Мадагаскаръ. Горсть солдатъ и нѣсколько спекулянтовъ

явились въ крѣпостяхъ *Дофиновой* и *Маринской*. Въ первомъ изъ сихъ мѣстъ оставили гарнизонъ, съ радостью встрѣченный пуземцами; въ другомъ основались коммендантъ *Карайонъ*, съ небольшимъ опрядомъ, для охраненія Французскаго флага, и *Альбранъ*, молодой купецъ, Марсельскій уроженецъ, съ смѣлыми и обширными предпріятіями, начерпавшій планъ земледѣльской колоніи, и безъ сомнѣнія, бывшій въ состояніи привести его въ исполненіе, если-бы всего не разрушила преждевременная смерть. Тогда-же спаринныя конторы Великой Земли были обновлены морскимъ офицеромъ *Сильвень-Ру*, которому препоручили возстановить прежнія дружескія сношенія съ пуземцами. Его стараніемъ произведено было отправленіе во Францію юныхъ Князей Малгашскихъ, *Берора*, внука Жанъ Рене, власшишеля Тамашавы и Фульпуанша, и *Мандитсара*, внука знаменишаго Тси-Фанина, власшишеля Тиншингскаго. Обоихъ Князей опдали подъ защиту Сильвень-Ру родсвенники ихъ, съ шѣмъ чшобы воспитать будущихъ царей Мадагаскара въ Парижѣ. Кажется, что во Франціи слишкомъ высоко оцѣнили и наградили заслуги опекуна. Съ чиномъ Капитана корабля, ему дали мѣсто Комменданша Французскихъ колоній на Мадагаскарѣ. Корвешша *Нордманка* была опдана въ его распоряженіе, вмѣстѣ съ 100,000 франковъ для первоначальныхъ предпріятій; двѣши разныхъ ремесленниковъ опправились съ нимъ для пособія новой колоніи.

Но вся эта экспедиція кончилась неудачею. Пос-

лѣ продолжительнаго плаванія около береговъ , Нордманка остановилась въ заливѣ Св. Маріи, гдѣ упорно хотѣли устроить главное мѣсто Мадагаскарскихъ колоній. При первыхъ работахъ, заключавшихся въ разчислѣннѣ полей, отъ лихорадки погибло до 300 человекъ , и оспахъ , подпавшій болѣзненному состоянію, приведенъ былъ въ уныніе и безнадежность.

Въ такомъ состояніи были колоніи , когда въ 1822 году Говасы двинулись на покореніе *Бетимсарасовъ* и *Бетанименовъ*. Радама явился въ Фульпуаншѣ, и спалъ на самой грани , копорою означались предѣлы Французскихъ владѣній. Онъ овладѣлъ пошомъ мысомъ Ларрейскимъ , захвапиль Тинпингъ, покорилъ союзныхъ Французамъ владѣтелей, разграбилъ обозы , шедшіе въ Маріинскую крѣпость. И всѣ эти дѣйствія , явно враждебныя, были сопровождаемы только робкими и безсильными пропеснами колонистовъ. Не заботясь объ ихъ жалобахъ, властитель Малгапскій не побоялся явнаго разрыва , овладѣлъ Дофиновою крѣпостью , сбросилъ Французское знамя , и когда Французы изгнаны были такимъ образомъ изъ всей Великой Земли, Радама рѣшился на высадку въ Маріинскую крѣпость , и не исполнилъ своего предпріятія только по недоспашку перевозныхъ судовъ. При столь жестокихъ оскорбленіяхъ, правительство Французское хладнокровно молчало. Напрасно возмущеніе прибрежныхъ народовъ , около половины 1825 года, казалось, призывало Французовъ къ подкрѣпленію прошивоборства съ Радамою. Въмѣсто

шого, чшобы поспѣшнѣ на помощь къ возмутившимся вождямъ, изъ кошорыхъ нѣкошорые подняли даже Французское знамя, вмѣсто пособія храброму Тси-Фанину, владѣльцу Тинпингскому, павшему въ опчаянной бишвѣ, а также Секлавамъ, Бешимсарсамъ и Бешанименамъ, ихъ позволили испребншъ поспешенно. Говасы имѣли время укрѣпншъ послѣ шого дальнѣйшими побѣдами. И во Франціи, и на островѣ Бурбонѣ, казалось, вовсе не заботншся о Мадагаскарѣ. Колонія Маріинская, предоспавленная собсшвеннымъ своимъ средсшвамъ, опдѣленная опъ Великой Земли, едва могла удерживашъся. Смершъ непримнримо уничтожала здѣсь Европейцевъ, офицеровъ и солдатъ, безъ различія. Первый погнбъ Сильвенъ-Ру, попомъ Альбранъ, наименованный временнымъ Комменданшомъ. Преемникъ его, *Блеве*, спасся шолько бѣгсшвомъ. Мѣсто его засшупилъ въ 1826 году *Жиро*, въ 1827 году *Карайонъ*.

Въ эшо время, возвращаясь въ Тананаривъ, Радама успѣлъ ласкою и милосшью присоеднншъ къ себѣ всѣхъ шѣхъ, кшо не покорялся его оружію. Секлавъ *Рафарла* былъ въ числѣ новыхъ подчиненныхъ Радама. При опчаянномъ сопронвлєніи, сей воинъ сражался съ Говасскими войсками до шѣхъ поръ, пока досшавало у него запасовъ; не имѣя свннцу, онъ перелнлъ въ пули всѣ свои піаспры, и когда и эшопъ запасъ ншощился, Рафарла бросился съ ножами на многочисленнаго непріятеля; все гнбло подъ его ударами; но израненный, измученный ушшалосшью, онъ и самъ палъ на грудь враже-

скихъ плѣхъ. Его взяли и привели къ Радаму. «Ты ничего не найдешь у меня»—говорилъ плѣнникъ— «даже серебро мое послалъ я къ тебѣ напередъ въ пуляхъ!»—Радама умѣлъ оцѣнить столь мужественный характеръ; Рафарла сдѣлался другомъ, зятемъ его и однимъ изъ главныхъ полководцевъ.

Тананаривскій дворъ былъ свидѣтелемъ въ то же время возвышенія гораздо болѣе блистательнаго и спранныаго. Счастливая звѣзда Франціи произвела то, что когда Французы, казалось, добровольно опречающа опъ своихъ собсвенныхъ выгодъ, случайное событіе дало имъ средства имѣть сильнаго помощника при дворѣ Малгашскаго государя. Англичане рѣшали тогда все дѣла въ совѣтахъ Радама. Протестантскіе миссіонеры, *Джонсъ* и *Гриффитъ*, поселились въ Гавасской столицѣ и управляли образованіемъ государсва; между прочимъ, открыли они особенный родъ лекцій для Радама и его придворныхъ, читали имъ Исторію, и вся эта Исторія направлена была только къ тому, чтобы возвеличивать Англію и уничижать Францію. Не смотря на распоряженія, столь хорошо рассчитанныя, и вліяніе продолжительное, не смотря на неблагоприятную беспечность съ Французской стороны, когда Радаму надобно было назначить высшаго военнаго чиновника, Фельдмаршала надъ всеми полководцами, жребій палъ на Француза: Радама назначилъ въ это званіе *Робена*, бывшаго унтеръ-офицеромъ въ Наполеоновской арміи. Исторія этого искашеля приключеній настоящій романъ.

Бывши квартирмейстеромъ въ Сѣверной арміи въ 1813 году, Робень перешелъ, въ званіи капрала, въ колоніальныя батальоны въ 1814 году, и отправился на Бурбонъ. Здѣсь, судимый за какое-то непослушаніе, и ожидая спрогаго рѣшенія суда, онъ рѣшился избавившись бѣгствомъ отъ поноснаго наказанія, бѣжалъ, удалился на Иль-де-Франсъ, попомъ достигъ Мадагаскара, въ 1819 году. Съ позволенія Радама, изъ Тамашавы переѣхалъ онъ въ Тенанаривъ, и здѣсь, при небольшомъ образованіи своемъ, сдѣлался чрезвычайно полезнымъ для жишелей. Онъ училъ ихъ чишашъ, писашъ, счишашъ. Особливо полюбилъ его одинъ изъ шуземцевъ, нѣкто *Жоликѣръ*. Это былъ Малгашъ, разбогатѣвшій отъ торговли съ Иль-де Франсомъ, женившійся шамъ на Малабарской урожденкѣ, и жившій въ удаленіи отъ всѣхъ дѣлъ въ Тенанаривѣ. У него было много дѣшей; Робень сдѣлался ихъ учишелемъ. Одна изъ его ученицъ, пашнадашилѣшняя Малгашка, шакъ понравилась Робену, что онъ просилъ руки ея, и съ позволенія опца женился на ней, въ 1825 году. Вотъ уже Робень опецъ семейства, и шесъ его посшарался наговорить много хорошаго о зяшѣ своемъ самому Радаму, кошорый любилъ и принималъ иногда богашаго Жоликѣра. Радама пожелалъ видѣшъ учишеля Француза. Первый вопросъ Радама былъ о шомъ: служилъ-ли Робень въ войскахъ Наполеона? При ушвердишельномъ опвѣшѣ, Негришянская физіогномія царя оживилась, вспыхнула необыкновеннымъ выраженіемъ. «*Да, это былъ великій человекъ*» — воскликнулъ Радама — вели-

кій *геловткъ* , великій *геловткъ* !» Онъ указалъ на портретъ Наполеона, висѣвшій у него на стѣнѣ, и продолжалъ съ жаромъ — «*вотъ мой образецъ , вотъ примѣръ*, которому хочу я слѣдовать!» Подлѣ портрета Наполеонова находились портреты многихъ генераловъ Французскихъ и Англійскихъ. Разговоръ обратился на военное искусство, Французскую политику , и идеи царя Говасскаго, въ предметахъ столь обширныхъ , оспливались вѣрностью и умомъ. Съ сего времени, Робень сдѣлался любимымъ собесѣдникомъ Радама ; можно было подумать, что въ немъ ищешь Говасскій власшитель средства, которыми могъ-бы свергнуть съ себя зависимость отъ Англійскихъ агентовъ. Желая найдти поводъ къ сношеніямъ болѣе частымъ и болѣе полезнымъ, согласились , что Царь Говасскій станеть брать у описавшаго капрала Французскаго уроки въ чтеніи и языкѣ Французскомъ. Ученикъ оказывалъ успѣхи необыкновенные , и заплашилъ за нихъ училелю мѣстомъ Тайнаго Секретаря , попомъ чиномъ Полковника , или *десятою степенью*, ибо Говасы счишаютъ степени отъ одной до *дѣнадцати* , начиная съ барабанщика до маршала. Въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ Радамомъ, Робень сдѣлался его повѣреннымъ и совѣтникомъ. Иногда дружба пошемнялась неудовольствіями, пошому, что насмѣшливый Французъ не щадилъ критическихъ замѣчаній, а Радама все таки былъ дикарь и не терпѣлъ противорѣчій. Но добрыя свойства Радама опять привлекали его къ Робену , и всѣ несогласія оканчивались примиреніемъ. Тогда

возмутились Секлавы. Полковникъ Робенъ оправленъ былъ усмирить бунтовщиковъ. Онъ слѣдовалъ попомъ за Радамомъ въ западной войнѣ, и по возвращеніи изъ сей кампаніи, царь пожаловалъ ему послѣднюю, двѣнадцатую степень, Маршала, въ награду за военныя заслуги и въ опличіе имени Французскаго. Слѣдовала другая милость, не менѣ важная — званіе главнаго губернашора восточнаго берега. Робенъ смѣнилъ при семъ случаѣ Князя Короллера, Иль-де-Франскаго мулапра, сына аршиллерійскаго Французскаго офицера. Будучи наслѣдникомъ Царя Жанъ-Рене, хошя и Французъ по происхожденію, Короллеръ былъ неблагоклоненъ къ землякамъ опца своего, и колонисшы Маріинскіе имѣли болѣе причинъ жаловаться на него, нежели хвалились имъ. Робенъ началъ поступать совсѣмъ не такъ. Едва вступилъ онъ въ управленіе, Французы увидѣли радушное госпепріимство и покровительство. Маріинскимъ колониспамъ дозволено было запасаться на рынкахъ Великой Земли; обиліе оживило запускѣвшую колонію, и сохраняя пользы своего государя, Робенъ непрерывно находилъ случаи помогать и бѣднымъ соопщикамъ.

Въ 1828 году явилась подлѣ Мадагаскара корвешпа *Сена*, съ порученіемъ, осмошрѣшь положеніе Маріинской колоніи, Фульпуанша и Тамашавы. Въ Фульпуаншѣ путешественники нашли Секлава Рафарла, о кошоромъ говорено выше, и онъ дружески принялъ на шоржеспвенной аудіенціи начальника корвешпы и офицеровъ его. Сквозь двойной рядъ черныхъ воиновъ, одѣшыхъ

по-Англійски, Французы доспигли до начальника. Это былъ человекъ высокаго роста, правильнаго лица съ живыми, умными глазами. Послѣ первыхъ церемоніальныхъ свиданій, слѣдовалъ ширъ и публичный праздникъ. За столомъ, подлѣ Французскихъ офицеровъ сидѣли жены Рафарла; одна изъ нихъ, самая младшая, была сеспра Радама, на которой царь Говасскій женилъ правителя Фульнуанскаго. Въ этихъ дамахъ замѣтно было Европейское образованіе; почти всѣ онѣ говорили по-Англійски. За десертомъ пили здоровье *Короля Французскаго и Царя Говасскаго*, и выспрѣлами съ корвешны благодарили за салютацію съ крѣпости.

Послѣ пира началась *ралуба*, или Малгашскій праздникъ. Полшоры тысячи шужемцевъ, на половину мужчинъ, на половину женщинъ, одни съ одной, другія съ другой стороны, вышунили на равнину. Раздались звуки музыки; оркестръ состоялъ изъ односпрунной скрипки, и визгливые тоны этого инструмента соединялись съ спухомъ маленькихъ палочекъ, которыми били по бамбуковымъ тростямъ, къ чему присовокупилось изсшупленное рукоплесканье многочисленной толпы. Возбужденные такою спранною музыкою, пясуны и пясуньи начали сладоспрасно двигашься, спучали ногами, двигали руками, спараясь придашь каждому шѣлодвиженію, каждой позиціи, каждому взгляду, шу соблазнительную забывчивость, кошорою опличающя всѣ Негришянскія пяски. Между шѣмъ, пясуны и зришели глошали большими стаканами аракъ, до того, что пяски и праздникъ кончились

довольно неблагоприспосойнымъ позорищемъ. По окончаніи ралубы, Рафарла проводилъ гостей своихъ въ отдѣльныя строенія своего дома, среди которыхъ возвышался родъ бельведера, откуда былъ видъ на море. Хозяинъ называлъ эшопъ бельведеръ *пасильономъ флоры*. Диванъ, съ пюфякомъ и подушками, рогожки для гостей и разная Европейская мебель, украшали таинственное убѣжище вельможи.

Во время пребыванія своего въ Фульпуаншъ, Французскіе моряки были однажды свидѣтелями рѣшенія, произнесеннаго Великимъ Судьею *Ганри Сенекомъ*, по случаю спора между двумя шутземцами. Права обоихъ являлись споль запруднишельны, что судья принужденъ былъ прибѣгнуть при рѣшеніи къ шаринному Малгашскому обычаю, называемому *тангенъ*, нѣчто въ родѣ шариннаго Европейскаго *Суда Божія*. Тангенъ естъ сильнѣйшій ядъ, и спорившіе по суду, въ шарину, должны были оба принимать его; кто оставался живъ, тотъ бывалъ правъ. Со времени царствованія, Радама, варварскій эшопъ обычай былъ уничтоженъ. Великій Судья приказалъ обоимъ пѣжущимся принести по курицѣ. Бѣдныхъ курицъ заснавили проглотивъ по равной долѣ тангена. Чья курица издохла прежде, того обвинили, и всѣ согласились въ неоспоримой мудроссти судьи.

Изъ Фульпуанша корвешпа перешла въ Тамашаву, гдѣ начальствовалъ Робенъ, и посѣщеніе земляковъ чрезвычайно обрадовало великаго маршала Говасскаго, для котораго воспоминаніе объ оше-

чеснѣ было всегда драгоцѣнно. Робенъ явился въ синемъ мундирѣ, на Англійскій манеръ, съ опшорошами, воротникомъ и окладкою изъ чернаго бархаша, съ золошымъ позументомъ; на синихъ панталонахъ его, по шву, былъ широкій золошой галунъ. Эполешы были у него Французскіе, золошые, съ толстыми вишками, и съ щипкомъ сверху, на кошоромъ изображались два красные жезла, въ видѣ креста. Шляпа его была также Французская, форменная, и золошая бахрама висѣла съ его сабельной поршуней. Адьюшаншы его были одѣшны въ мундиры Англійскихъ полковниковъ, красные; знаки ихъ чиновъ были шакіе-же, какъ и у Робена, но шолько у полковниковъ эполешы были золошые, а у маіоровъ серебряные.

Во все непродолжительное пребываніе корвешшы въ Тамашавѣ, забавы и угощенія слѣдовали безпрерывно, шю на берегу, шю на кораблѣ. Робенъ увеселялъ земляковъ охотою въ окрестныхъ лѣсахъ, наполненныхъ дичью; онъ до шого былъ услужливъ и шакъ хорошо обласкалъ госшей, что начальникъ экспедиціи рѣшился дать праздникъ на кораблѣ. Пригласили и дамъ, шю есшъ жену Робена, двухъ сесшеръ ея и компаньѣнку (всѣ онѣ были мулашрки, воспитанныя на Иль-де-Франсѣ, и хорошо говорившія по-Французски). Корвешшу убрали флагами; экипажъ одѣлся въ нарядные мундиры; обѣдъ былъ роскошный. Къ сожалѣнію, внезапный вѣшеръ испортилъ окончаніе пира; Малгаши и гвардія Робена почувшвовали жестокую морскую болѣзнь. Съ непривычки, она измучила ихъ, и

страшныя гримасы показывали испугъ гостей, чувствовавшихъ, какъ зыблется подъ ними ушлая доска корабля. Но вечеромъ, веселость опять возобновилась, и день кончился тосками и пушечными выстрѣлами. Въ довершеніе торжества, начальникъ корветовъ вручилъ Его Высокопревосходительству, Фельдмаршалу Говасскому, актъ Французскаго правительства, которымъ уничтожались прежній судъ надъ нимъ и приговоръ суда. Робенъ принялъ сей актъ, какъ величайшую драгоцѣнность; такъ жива была въ душѣ высшаго чиновника Радамова память о прежней жизни его, столь ничтожной, столь мало достойной сожалѣнія.

Въ слѣдствіе веселаго путешествія Сены, облегчились и возобновились дѣятельно сношенія Великой земли съ Маріинскою крѣпостью и Бурбономъ. Новый коммандантъ, *Шелль*, приведшій въ Сень-Марію 200 Олофскихъ солдатъ, преобразовалъ все на новую смену. Грузы быковъ и сарачинскаго пшена легко пріобрѣшались въ Тамашавѣ и Фульпуантѣ. Робенъ и Рафарла наперерывъ были благосклонны къ Французамъ, и не смотря на интриги миссіонера Джонса, Радама съ каждымъ днемъ казался болѣе и болѣе удалявшимся отъ политики Англичанъ, сближаясь съ Франціею. По несчастію, этотъ досхопамятный, и еще не снорхъ лѣтъ человекъ вдругъ подвергся неисцѣльной болѣзни; онъ умеръ въ Сеньябрѣ 1828 года, одни говорили отъ фистулы, другіе — отъ яда, поднесеннаго ему рукою царицы *Ранавала-Манжока*. Но какова-бъ ни была причина преждевременной смерти Радама,

Англійскіе агенты обрапили ее въ свою пользу. При помощи одного знашнаго Говасца, любовника своего, Ранавала похишила пронъ. *Андиміазъ* — имя любимца Царицына — былъ воспитанникъ Джонса, напитанный его образомъ мыслей и образовавшийся въ его правилахъ. Молодой, красивый, неукротимый, онъ пріобрѣлъ надъ владычицею своею такую влассть, что могъ сдѣлаться полезнымъ своему воспитателю и землякамъ его. Дѣйствительно, смерть Радама возстановила Мадагаскаръ противъ Французовъ. Едва только короновалась Ранавала, какъ погибель постигла почти всѣхъ, противившихся силѣ и вліянію Англичанъ; главнѣйшіе чиновники Радама были лишены своихъ мѣстъ; Робена попребовали къ оправданію въ Тананаривъ. Фельдмаршалъ явился, былъ оправданъ, но просилъ увольненія отъ своей должності. Какъ ни уговаривала его Царица, онъ ни за что не согласился остаться въ ея службѣ. Его замѣнилъ Короллеръ, нѣкогда смѣненный имъ. Храбрый Рафарла, другъ и зять покойнаго Царя, былъ обреченъ вмѣстѣ съ другими на смерть. Полковникъ Ракели былъ посланъ въ Фульпуаншъ, но онъ не прежде могъ занять мѣсто Рафарла, пока не заманилъ его измѣною въ засаду, гдѣ храбраго Секлава пронзили двадцатью ударами сагеевъ (кинжаловъ). Взволнованный столь насильственными распоряженіями, народъ возсталъ противъ Царицы и Андиміаза. Кровь полилась въ Великой землѣ, и множество изгнанниковъ бѣжали въ Маріинскую крѣпость, гдѣ все еще начальствовалъ Шелль. Въ слѣдствіе об-

щаго перевороша, величайшая холодность началась между Французами и новыми начальниками прибрежных обласшей, торговля упала, сношенія уничтожились. Тогда явилась близъ Мадагаскара военная экспедиція, состоявшая изъ фрегата *Терпсихора* въ 74 пушки, корветы *Неутомимая* въ 16, транспорта *Мадагаскаръ* о 6-ти, и гоэлеты *Коллибри*. Черезъ двѣ недѣли пришли корветы *Ньевръ* въ 26-ть и *Шевреттъ* въ 16 пушекъ. Тутъ были уже пѣхотныя войска и артиллерія. На одномъ изъ кораблей находились два юные Малгашскіе Князя, Берора и Манди-Тсара, возвращавшіеся въ Тамашаву послѣ окончанія воспитанія своего въ Моренскомъ инстинутѣ. Съ появленіемъ Французскихъ кораблей начались переговоры съ прибрежными начальниками. Но, или по приказу Царицы своей, или сами будучи не расположены къ Французамъ, Говасцы ничего не хотѣли кончить добромъ. Когда представляли Короллеру права Франціи на заселенія въ Великой землѣ, онъ опъзывался, что не имѣетъ власти рѣшить вопроса; когда настоятельно требовали отъ него пропуска къ Царицѣ Ранавалѣ, онъ представлялъ формальное запрещеніе, не позволявшее ни одному Французу являться въ Тананаривъ.

Видя, что мирныя средства ни къ чему не послужатъ, начальникъ экспедиціи принялся за доказательства болѣе убѣдительныя: сдѣлали высадку въ Тиншингъ и начали закладку военного укрѣпленія. Вспомоществуемые туземцами, въ двадцать дней Французы устроили крѣпость съ ретранша-

меншами и баспіонами , пороховымъ магазиномъ , арсеналомъ и ложеменшами. Вокругъ эшого укрѣпленія, какъ будто чародѣйствомъ, сполпилось множество Малгашей , не перпѣвшихъ ига , наложеннаго на нихъ Говасами. Они образовали лагери, окружили ихъ палисадами, и вскорѣ всѣ окрестности Тиншинга были прикрыты и защищены. Въ одной деревнѣ Магомпасъ находилось около 2,000 человекъ защитниковъ. При помощи шолпы бѣглецовъ, было во всемъ изобиліе; рыба, скошина, сарачинское пшено, дичь, все продавалось очень дешево.

На рѣшительное дѣйствіе Французовъ , Царица Ранавала отвѣчала жалобами и прошесномъ прошивъ насильственнаго занятія ея владѣній; потомъ были отправлены отъ нея Послы, съ которыми переговаривали Депушашы Французскіе въ Фандаразѣ; но ни тѣ, ни другіе не могли условиться во взаимныхъ приязнаніяхъ. Тогда начальники Французской экспедиціи пошли далѣе. Экспедиція явилась передъ Тамашавою, 18-го Октябрю, и начала канонаду; пороховой магазинъ взлетѣлъ на воздухъ и раззорилъ городъ. Князь Короллеръ и Великій Судья Малгашскій Филиберъ едва успѣли убѣжашь, одинъ не добривши бороды , другой не одѣвшись. Сраженіе при Амбашу-Малуинѣ очистило окрестности и Французы торжественно вошли въ Тамашаву.

По плану, предположенному для кампаніи, экспедиціи слѣдовало двинуться къ Фульпуаншу , но ослабленіе неожиданнымъ успѣхомъ сдѣлало эшо

нападеніе неудачнымъ. Послѣ долгой и бесполезной стрѣльбы, Французы бросились на крѣпостныя палисады, и нашли, что крѣпость была пуста. Сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ картечью, Полковникъ Ракели вышелъ изъ нея съ 400 Говасовъ, и укрылся на долину въ земляной редутъ, эполированный плетнями, набитыми землею. Тутъ, за выстрѣлами кораблей, ему могли вредить только ружейною пальбою. Авангардъ Французскій, изъ двухъ сотъ человѣкъ, если еще не болѣе, не побоялся ударить впередъ, думая, что нападеніе его подкрѣпятъ. Шелль рѣшился на смѣлое предпріятіе. « Ко мнѣ, охотники ! » вскричалъ онъ. Сорокъ пять человѣкъ бросились за нимъ, и Шелль повелъ ихъ прямо на редутъ. Начальникъ Говасскій былъ опытенъ въ войнѣ, видѣлъ, чего въ жару не видали смѣльчаки, что никто не подкрѣпляетъ ихъ. Едва Французы подбѣжали близко, Говасцы высыпали на нихъ полною. Внезапный страхъ овладѣлъ нападающими; они оглянулись, узнали, что были оставлены передъ сильнымъ, многочисленнымъ непріятелемъ, лучше ихъ знавшимъ мѣстоположеніе, и побѣжали въ безпорядкѣ обратно, не слушая голоса начальниковъ. Этошъ безпорядокъ, когда спасался кто какъ могъ и успѣвалъ, былъ ознаменованъ частными примѣрами храбрости. Унтеръ-офицера съ корабля Терпсихора ранили въ ногу; онъ упалъ, и сидя на землѣ, не думалъ сдаваться множеству Говасовъ; четверо легли, прежде нежели другіе убили его. Подпоручикъ Ла-Ревошеръ, оставшійся въ крѣпости, сомкнулъ 20, или 30-ть солдатъ, у него бывшихъ, и при-

крыль ими бѣгство поварищей. Среди смятенія битвы, храбрый Шелль, раненный, попался къ Говасамъ ; ему опрубили голову , и ругаясь надъ Французами , выспавили на палкѣ , какъ шрофей , знаки его чина и опличій. Робость солдатъ сдѣлалась такъ сильна, что вѣрояшно никто не успѣлъ бы спасшися, безъ хладнокровнаго присушствія духа кадема Демарсо; онъ опбилъ нападавшихъ выспрѣлами небольшой пушки , находившейся на шлюпкѣ.

Сраженіе при мысѣ Ларрейскомъ, черезъ чешыре дня послѣ сего, было блиспашельнымъ вознагражденіемъ за неудачу. На этотъ разъ взяли всѣ предоспорожності, и слѣдствія нападенія не ввѣрили случайности. Сначала успрашили Говасцевъ доброю пальбою и упошребленіемъ бомбъ и ядеръ, разбившихъ крѣпость. Въ при часа, 1800 выспрѣловъ изъ морширъ и пушекъ сбили непріателя. Подъ защиною такого огня, ударили двумя колоннами, подкрѣпляя ихъ резервомъ; онѣ вошли въ респраншаменты, не смошря на дождь пуль и битву сагеями, перебили канонеровъ Говасскихъ и заснавили гарнизонъ бѣжащъ. Всѣ, кто не спасся бѣгствомъ, были взяты въ плѣнъ.

Послѣ шого заключено было перемиріе между воюющими, и оно еще продолжалось, когда находился я въ Маріинской крѣпости и въ Тиншингѣ. Князь Короллеръ , любимый министръ Царицы , явился переговаривашъ на Терпсихору, но не сполько говорилъ объ уступкахъ, сколько протесповалъ. Ободренные присушствіемъ Французовъ, Малгаш-

скія племена шли опшвсюду, думая найдши въ по-собіи Французскомъ доспашочную опору прошивъ Говасовъ. Подъ покровишельспвомъ Франціи, они рѣшишельно оппрекались опъ повиновенія своей Царицѣ. Деревни, окружавшія Тинпингъ, ежедневно наполнялись новыми пришельцами, и будущность владычеспва Французовъ въ Мадагаскарѣ упрочивалась.

Въ шакомъ положеніи находились колоніи Французскія на Мадагаскарѣ, во время моего шамъ пребыванія. Съ шѣхъ поръ, пока совершалъ я мое продолжишельное спранспвованіе, обспояшельспва совершенно перемѣнились. Царица Говасская собрала войска, огородила блокадою Французскихъ завоевашелей, пресѣкла имъ всѣ сообщенія съ Мадагаскаромъ, уничтожила союзныхъ Малгашей, и спѣснила гарнизоны Французскіе въ удушливой шѣсношѣ. Ссоры начались между Французскими начальниками; они не умѣли оцѣнишь услугъ Робена, кошорый одинъ могъ спасши Французовъ сильными средспвами; инприга и беспечность вкрались въ самыя важныя распоряженія, и слѣдспвіемъ всего эшого было оставленіе Тинпинга, послѣ сожженія крѣпости и всѣхъ спроеній. Теперь, какъ въ 1819 году, оставшся у Французовъ одна *Маріинская крѣпость*, и шо пошому шолько, что море бережетъ ее, не смощря на все безразсудспво распоряженій. Желая извинишь безчисленность ошибокъ, сполько разъ и въ споль различные времена надѣланныхъ Французами на Мадагаскарѣ, упорно ссылающся на нездоровый климашъ, увели-

чивая эшу причину неуспѣха, чтобы только закрыть всѣ другія. Если побережье и дѣйствительно нездорово, надобно полагать, что состояніе атмосферы скоро улучшилось-бы здѣсь отъ усиленія колоній, хорошо рассчитаннаго и хорошо исполняемаго. И при томъ, въ ихъ безконечномъ прозябаніи, не лзя-же берегамъ Мадагаскара быть сплошь и повсюду безплодными и нездоровыми. Одинъ взглядъ на общность сей обширной земли доспапочень для убѣжденія въ прошивномъ.

Болѣе 340 льё въ длину, и въ нѣкопрыхъ мѣстахъ широкой на 120 льё, Мадагаскаръ можетъ заключать въ себѣ пространство до 28,000 квадр. льё. Двойная цѣпь горъ, въ 1200 шуазовъ вышиною, образуетъ на немъ центральную плоскость, разделяющую все остальное на двѣ, почти равныя приморскія области. Съ этой плоскости течетъ множество широкихъ и рыбныхъ рѣкъ, какъ-то : *Мурандава, Мананзари, Манангара, Андевурантъ, Мангуру*; послѣдняя вытекаетъ изъ озера Анпсіанака, окружность котораго будетъ около 25 льё. Чешыре другія большія озера соединяющіяся съ нимъ, продолжая его, и въ этой-то массѣ стоячихъ водъ можно найдти главную причину нездороваго Мадагаскарскаго климата.

Весь огромный островъ этотъ, надъ которымъ поколѣніе государей Говасскихъ шакъ недавно распространило своей военной деспотизмъ, разделяется на области, или страны. Область *Антаваровъ*, то есть *Громовыхъ народовъ*, идетъ отъ мыса Амбры до мыса Фульпуанша; къ ней принад-

лежитъ островъ Св. Маріи. *Бетимсарасы*, или *Соединенные народы*, суть смѣшенія малыхъ промышленныхъ племенъ, обитающихъ окрестъ *Фульпуанша* и *Тамашавы*; прежде покоренія *Говасами*, они были данники *Малашовъ*. Далѣе слѣдуютъ *Бетанимены*, или *Жители красной земли*, главное мѣсто копорой, *Андевурантъ*, находится на рѣкѣ сего имени; это прекраснѣйшая, обильнѣйшая и населеннѣйшая изъ всѣхъ прибрежныхъ областей; жили ея общительнѣе всѣхъ другихъ туземцевъ острова. *Антаксимены*, или *Южные народы* бѣдны, грубы, разбойники, не знаютъ ни торговли, ни промышленности. Черные цвѣтомъ и съ курчавыми волосами, они одни изъ всѣхъ *Малгашей* употребляютъ на войнѣ щипъ. Послѣ нихъ идутъ *Антамбассы*, рослый и сильный народъ, веселые и крошкіе, но лѣнливые. *Проливъ Дофиновъ* и заливъ *Дофиновой крѣпости* находящаяся въ ихъ споронѣ; долина *Амбульская*, хорошо орошенная и богатая пажитями, могла-бы доставить великія пользы народу болѣе дѣятельному. *Антаноссы* на югѣ и *Тайсамбы* на западѣ оканчиваютъ собою австральную часть *Мадагаскара*; они покорны донынѣ тому *Аравійскому* роду, копорый въ прежнее время обладалъ всею этою областью. *Аншаноссы*, жили *Карканоссійской* области, гдѣ царствуютъ нынѣ *Рабби-Фаньянъ*, *Раавъ* (дочь стараго *Рамолифуа*) и *Бедукъ*, начальникъ горцевъ, умѣли защитить свою независимость отъ *Радама*; они всегда называютъ себя друзьями *Французовъ*. За *Тайсамбами*, слѣдуютъ лѣстницею, идя по берегу *Ампатры*, *Ма-*

зафаллы и *Карембулы*, обитающіе на земляхъ мало обработанныхъ, но богатыхъ лѣсами и пажищами. Ихъ внутренніе сосѣди суть *Машикоры*. Обласпь около залива *Августиновъ* еще мало извѣстна, хотя она обитаема самымъ гостепріимнымъ народомъ, но земля тамошняя не плодородна. Окресности залива *Мурундава* представляющъ почву лучше, на которой живешъ множесство извѣстныхъ народовъ; изъ числа ихъ можно упомянуть объ *Эриндранусахъ*. Отъ *Мурундава* и *Анкуала* тянутся земли *Секлавова*, племенъ *Аравійскихъ*, сильнѣйшихъ болѣе всѣхъ другихъ, пока царство *Говасовъ* не овладѣло ими. Прежде эша обласпь была подчинена Царицѣ, обитавшей въ *Бомботокѣ*, городѣ значительно населенномъ, хотя столица государства находилась въ *Музангаѣ*, гдѣ считаютъ 30,000 обитателей. Гавани *Музангайская* и *Бамбешокская* ведутъ постоянную торговлю съ *Мозамбикомъ* и *Зангвебаромъ*. Въ обѣихъ главные дѣйствователи Арабы, народъ дѣятельный и промышленный болѣе всѣхъ другихъ *Мадагаскарцевъ*. Портъ *Лукезскій*, гдѣ недавно Англичане сдѣлали неудачный опытъ заселенія, находящійся въ межахъ *Секлавскихъ* обласпей.

Таковы суть народы, обитающіе по прозябанію длиннаго эллипса, какой образуютъ берега *Мадагаскара*. Племена внутреннія, всѣ принадлежащія нынѣ къ *Говасскому* царству, суть *Антамбанивулы*, или *Амбанивулы* (то есть обитатели бамбуковой земли), *Антсіанаки*, *Андратсан*, *Безонзоны*, *Антакаи*, и наконецъ *Говасы*, или обитатели

ли области Анковской. Еще до Радама, Анковская обласпъ была одною изъ самыхъ торговыхъ и населенныхъ на всемъ оспровѣ; долины и горы были тамъ покрышы селеніями; сарачинское пшено, ма-ніонъ, папашы, иньямы, виноградъ, давали обильную сборку. Ни въ какой другой обласпи, до за-прещенія послѣдовавшаго по волѣ владѣльца, шоргъ невольниками не былъ шакъ дѣяшеленъ и не до-сшавлялъ споль хорошихъ невольниковъ. Заведенія горшечныя, мешаллическія и для выдѣлки бумажныхъ шканей, распросшраняли довольсшво на всемъ эшомъ горисшомъ проспранспвѣ земли. Со времени царсшвованія Говасскаго Наполеона, бла-годенсшвіе жшшелей возрасло въ необычайной спе-пени. Нынѣ, *Тананаривъ* (*Танана-Арриву*, или *Эмирнъ*), сполица Говасская, сшшпаешъ до 50,000 жшшелей. Эшо собсшвенно соединеніе нѣсколькихъ маленькихъ городовъ, лежащихъ на цвѣтущей рав-нинѣ, среди плѣнишельнаго мѣсшоположенія. Ис-полинскіе размѣры шамошняго произрасшанія, го-воришъ Г-нъ Фонмишель, посѣщавшій сіи мѣсшя, предсшавляющъ поразшшельную прошшвоположностъ съ бѣдною скудосшью обшшалищъ человѣка, заслу-живающихъ вниманіе шолько новымъ усшройсшвомъ посшроенія. Радама, любившій зданія прочныя, и, по мѣрѣ силъ и средсшвъ, сдѣлавшій для земли своей шоже, что Пешръ Великій сдѣлалъ для Рос-сіи, воздвигнулъ обширный храмъ, спѣны и своды кошораго выведены архшшекшоромъ, призваннымъ съ Иль-де-Франса. Внушренностъ храма почши пу-а; родъ жершвенника воздвигнушъ въ глубинѣ

его, и на немъ сожигаютъ благоуханія въ честь
добраго духа, *Жанкара*. На одной изъ стѣнъ изо-
браженъ Жанкаръ, добрый духъ, борющійся съ
Агаѳикомъ, злымъ духомъ. Дворцы Трануваласкій
и Бессаканскій, также весьма обширны; они и
гробница Радама, все построены по правиламъ
Европейской архитектуры. Между другими па-
мятниками Радама должно замѣтить училище, о-
снованное по плану упомянутыхъ мною выше Ан-
глійскихъ миссіонеровъ Джонса и Гриффиша; нис-
шія школы и типографія, гдѣ теперь печатаютъ
Библію на Малгашскомъ языкѣ, также заведены Ра-
дамомъ.

Общность народонаселенія на Мадагаскарѣ по-
лагаютъ въ *четыре мильона* человекъ. Кромѣ раз-
дѣленія на народы и области, существуетъ здѣсь
особенное дѣленіе на племена, замѣченное Флаку-
ромъ и продолжающееся донынѣ. Нѣкоторыя *касты*
происходятъ отъ чистой крови Арабской, на при-
мѣръ, *Заффы-Рамини*, кошорые почитаютъ себя про-
исходящими прямо отъ Имины, матери Мугамме-
да. *Роандріаны*, ближайшіе родичи ихъ, происхо-
дятъ отъ нихъ, безъ всякаго другаго примѣса.
Анакандріаны и *Ондзассы* произошли отъ смѣшенія
Аравіянъ съ пуземными Неграми; ихъ называютъ
вообще *Малатами*, или бѣлыми. *Заффы-Ибрагимы*
произошли отъ Жидовъ, или отъ Арабовъ, пере-
селившихся до временъ эгирь. *Касси-Мамбу* кажу-
тся происходящими отъ Мавришанской породы, съ
береговъ Зангвебара. Но многочислѣннѣйшія пле-
на, смуглаго цвѣта съ прямыми волосами, суть

Индійцы, а чернокожіе, съ курчавыми волосами, несомнишельно Кафры. Общность Мадагаскарскихъ языковъ должна преимущественно относиться къ языкамъ Малайскимъ, особливо *Яванскому* и *Тиморскому*.

Со времени послѣднихъ преобразованій Мадагаскара, старинные обычаи Малгашскіе и всѣ древнія родовыя опличія испытали великое измѣненіе. Владычество *Воадзировъ*, или деспотическихъ владѣтелей, *Логавогитовъ*, или владѣтелей разныхъ селеній, а также и вліяніе *Омбіасовъ*, или жрецовъ, сильно подрыты движеніемъ образованности. Невозможно, чтобы усилія столькихъ оскорбленныхъ владычествъ не произвели въ скоромъ времени рѣшительнаго покушенія поддержать себя опчаянною борьбою противъ нововведеній. Царство Радама подвержено еще большой опасности.

Изъ старинныхъ Малгашскихъ обычаевъ есть одинъ, продолжающійся донынѣ и заслуживающій быть упомянутымъ, хотя для примѣра образованнымъ народамъ: это *клятва крози*, или торжественный союзъ между двумя друзьями, которые становящіяся послѣ того братьями и обязывающіяся во всемъ помогать другъ другу. Обрядъ совершающійся въ присутствіи мѣстныхъ начальниковъ; двое друзей разсѣкаютъ себѣ кожу на животѣ до крови, обмакиваютъ въ кровь по кусочку инбирю, и каждый съѣдаетъ кусочекъ, обмазанный кровью друга. Начальникъ обрядовъ смѣшиваетъ послѣ того въ особыхъ сосудахъ воду съ сахаромъ и воду съ солью, кладетъ туда сарачинское пшено, се-

ребро и землю; онъ обмакиваетъ въ эту смѣсь два сагея, ударяетъ поклявшихся орудіемъ, кошорымъ опворяли они себѣ кровь, и произноситъ слѣдующую молитву: «*Великій Боже, владыко людей и земли! будь свидѣтелемъ клятвы, ею-же клянемся: первый изъ насъ, преступившій клятву сію, да будетъ пораженъ громомъ твоимъ, и да пожрутъ псы мать, породившую его!*» Послѣ сей клятвы и обрядовъ, поклявшіеся кидаютъ свои сагеи на всѣ чепыре спороны свѣща, чтобы опогнать злыхъ духовъ. Они взываютъ къ землѣ, солнцу и мѣсяцу, и пьютъ, каждый по равной долѣ, пригошовленнаго жрецомъ пища, умоляя могущества, ими призванныя, обратишь въ оправу пищу, если они не по совѣсти дали клятву.

Въ своемъ обширномъ объемѣ, Мадагаскаръ представляетъ безконечную номенклатуру для Естественнаго, которое не произвело еще здѣсь надлежащихъ обозрѣній. Въ царствѣ распеній особенно замѣчательны здѣсь: *таном*, резиновое дерево, *саговое дерево*, производящее пишательное и полезное для груди вещество, извѣстное подъ именемъ *сагу*; листья его употребляются на шканье рогожекъ; пирамидальный *бадамъ*, благовонная *баши-баши*, коричневое и гвоздичное деревья, *равенсара*, у кошораго орѣхи и листья превосходнаго запаха; *воаень*, лозовое деревцо, производящее эластическую гумму; наконецъ, *санга-фанга*, имѣющая сходство съ папирусомъ Древнихъ.

Царство живошныхъ менѣе богато. Здѣшняя *антамба*, кажется, принадлежитъ къ роду леопар-

довъ , а *фарасса* походитъ на чакала. *Бегемоты* водяшся здѣсь по берегамъ рѣкъ, озеръ и болотъ; Мадагаскарскіе пахидермы сего рода относяшся къ породѣ, замѣченной на мысѣ Доброй Надежды. Судя по толстымъ, корошкимъ ногамъ, черной, гладкой, маслянистой кожѣ, тяжелой и пучной громадноти, бегемота почтеша осужденнымъ на лежанье; снабженный большими зубами , онъ совсѣмъ не плошадное живошное , и питаешся правою , проспникомъ, сарачинскимъ пшеномъ и просомъ , съѣдая всего эшого ужасное количество ; жирное шло его пріятно для вкуса. Прежде думали , что бегемотъ пожираешъ даже людей , но Дампьеръ , наблюдавшій бегемотовъ въ Напальскомъ заливѣ, въ землѣ Кафровъ, доказалъ несправедливость эшой сказки. Не только не нападаешъ на людей двуспихійное чудовище эшо, но бѣжитъ отъ нихъ, и бросаешся въ воду, едва почувешъ приближеніе человѣка; погружаясь на дно, бегемотъ ходитъ тамъ такъ-же свободно, какъ по сушѣ. Въ Лоанго, Англійскій путешественникъ видѣлъ , какъ бегемотъ внезапно поднялся на поверхность рѣки, и приподнял и опрокинулъ спиною шлюпку, плывшую по рѣкѣ; въ ней сидѣли шестъ человѣкъ, но бегемотъ удалился, не думая нападать на нихъ , пока они бились въ водѣ, спараясь спастись. Капитанъ Ковентъ увѣряешъ, что онъ видалъ бегемотовъ по получасу находившихся подъ водою. Когда живошное бываешъ спокойно , то плаваешъ неся голову вровень съ водою, и выславляя только на поверхность ноздри, глаза и уши. Крикъ его такъ по-

ходишь на ржаніе лошади, что самое имя беге-
мона происходитъ отъ того (*гиппопотамъ* — рѣч-
ная лошадь). Мадаскарскій быкъ есть *зебу*, или
быкъ съ жирнымъ горбомъ; нѣкоторые изъ нихъ
вѣсятъ отъ 700 до 800 фунтовъ; есть породы без-
рогихъ; у другихъ рога висятъ и шевелятся. Да-
лѣе замѣчательны: зѣвшій *дикій осель*, съ безмѣр-
ными ушами, *кабанъ рогатый* (если только это
справедливо), *бараны* съ огромнымъ курдюкомъ,
тандреки — родъ ежа, и *маки*, особенная порода
обезьянъ. Флакуръ присовокупляетъ ко всему это-
му *брегу*, или однорогую козу. Птицы безчислен-
ное множество во всѣхъ лѣсахъ Мадагаскарскихъ;
попугаи, гуси, утки, курицы, пинпады, дикіе го-
луби, лешающъ огромными стадами. Флакуръ исчи-
сляетъ птицъ болѣе 60-ти малоизвѣстныхъ родовъ.

За неимѣніемъ попушечковъ, задержанный въ Ма-
ріинской крѣпости въ самый нездоровый зимній
мѣсяцъ, я скоро почувствовалъ вредное вліяніе
зѣшняго климата на здоровье, и признаки лихо-
радочнаго состоянія заставляли уже меня бояться
сильнаго припадка зѣшней губительной лихорад-
ки. Къ счастью, Англійскій бригъ, *Викторія*, плыв-
шій отъ Иль-де-Франса, остановился въ Маріинской
гавани. Ему надобно было пристать у Тамашавы,
и отправившись потомъ въ Калькутту, завернувъ
въ Маге и Тринкомалай. Этошъ путь былъ почти
мой путь, а впрочемъ всякое излишнее путешес-
віе было уже мнѣ оправдано при моемъ нездоровомъ
состояніи. Капитанъ, ловкій физіогномистъ, хо-
рошо угадалъ мои мысли, расчелъ на мнѣ малень-

кую торговую спекуляцію, и принудилъ меня заплапшъ довольно дорого. Впрочемъ, ошдаю ему справедливосшь: посшупивъ какъ Жидъ при шоргѣ, онъ былъ Хриспіаниномъ въ исполненіи своей обязанности, и сшарался обь удобспвахъ и пріятности моего пребыванія на кораблѣ. Эшотъ новый знакомецъ мой, почтенный шкиперъ Брисшольскій, Іонаѳанъ Левисъ, вообще мнѣ очень понравился. Торгуясь со мною, онъ не могъ преодолѣть инстинкта своего ремесла, необходимости держашься во всякомъ дѣлѣ сначала барышей, а потомъ добродѣтели. Должно-ли обвиняшь его? Если, вмѣстѣ шого, чшобы спокойно жишь съ своею семьєю, гдѣ нибудь въ уголкѣ Глочесшерской обласши, онъ рыскалъ по островамъ Индійскаго архипелага, шо, конечно, уже не для шого, чшобы имѣшь удовольствіе безъ барышей возишь какихъ нибудь спранниковъ, подобно мнѣ, околѣвающихъ отъ лихорадки въ Мадагаскарскихъ болошахъ. Особенно понравилась мнѣ въ немъ одна черта харакшера: онъ ошдавалъ справедливосшь Французамъ, вездѣ, гдѣ надобно было ошдавать ее. Бывши нѣкогда въ Королевской Англійской службѣ, онъ присущспвовалъ при многихъ случаяхъ, гдѣ Французскій флагъ поддержалъ чешъ Французскаго флоша; памяшь его была набиша подробностями о морскихъ битвахъ, и онъ любилъ рассказывать ихъ. Такъ, на примѣръ, онъ обратился ко мнѣ, когда мы пришли на видъ Тамашавы. «Monsieur le Français — сказалъ Іонаѳанъ Левисъ — вошъ шущъ было жарко въ 1812 году!» — Чшо шакое, Капитанъ? — «Да, жарко, когда

мы сцѣпились съ вашею опчаянною *Нерейдою*—она, чортъ побери! славно держалась прошивъ прехъ лихихъ Порпсмусскихъ фрегатовъ. Послушайте—вошъ какъ эшо было: Нерейда спояла вонъ шамъ, подъ вѣпромъ; я былъ вошъ тупъ, на *Сириусъ*. Ну, хорошо — сначала дѣло пошло равное: при на при, да шолько двое ваши дрались куда плохо! И вошъ оспалась одна Нерейда — ну! она споила прехъ; она выдерживала нашъ огонь—чудо, какъ она выдерживала, пока было ей гдѣ развернушья. Мы задвинули ее къ самой Тамашавѣ; тупъ нѣкуда было ей пошевелишья — вонъ шамъ спала она, прошивъ эшой рощицы! Мы пришянулись къ ней на чепвертъ выспрѣла, и спали рабошашъ! Бѣдная Нерейда! Черезъ часъ, она была рѣшено, настоящее, бипое мясо! Капишанъ ея свалился, смертельно раненный, съ восклицаніемъ: *Vive l'Empereur!* Умирая, онъ подозвалъ къ себѣ старшаго лейшенанша своего, Поне. «*Клянись мнѣ, Поне*—говорилъ онъ — *клянись твоимъ поетнымъ крестомъ, что ты не сдашь моего фрегата безгестно!*» — «*Клянусь!*» ошвѣчалъ лейшенаншъ. — «*И такъ я умираю доволенъ — обними меня!*» — Онъ умеръ — его звали *Маретъе*. — Чудо человѣкъ — какъ не любишь эшакихъ людей? Я люблю ихъ, какъ Англичанъ — славный *Маретъе*! — Когда пошомъ ваши моряки рассказывали намъ о шомъ, какъ онъ умиралъ — мы плакали—да, да! плакали!» — Хорошо, Капишанъ, но чѣмъ кончилось дѣло? — «Честно кончилось, *Monsieur le Français*, честно кончилось! Лейшенаншъ Поне шаркнулъ въ насъ еще горстью желѣзныхъ орѣховъ,

шакъ, что одинъ изъ нашихъ фрегатовъ принужденъ былъ оставить линію битвы. Когда командиръ нашъ увидѣлъ это, онъ послалъ лодку, пошолковавъ съ вашими головорѣзами. Спѣшно было продолжавъ битву при ихъ положеніи, но кто-же думалъ, что они сами захомятъ еще драхся?» — Я общалъ моему Капитану — сказалъ Поне — сдать фрегатъ непріятелю только на честныхъ условіяхъ, и вошъ эти условія: экипажъ оставивъ Нерейду, но сохранивъ оружіе; содержавъ его на Англійскій счетъ, и перевезши въ Брестъ. Даю вамъ полчаса на да и нѣтъ, и послѣ того дерусь на смерть.» — Онъ сдѣлалъ-бы это, эшотъ проклятый Поне, если-бы нашъ начальникъ былъ шакой-же упрямецъ, какъ онъ. Мы согласились на все, чего онъ шребовалъ — спѣшно было погубивъ такихъ моряковъ — вѣдь мы не мясники, вѣдь сраженіе не бойня! — Да, сударь, шакъ было дѣло! — Мы взяли Поне и ошашокъ его людей на Сиріуса нашего, и выпили съ нимъ по доброму спакану *грога*, онъ за своего Императора, мы за нашего Короля Георга. Бѣдная Нерейда оказалась шакою калѣкою, что едва шацили ее два фрегата. Такъ и добрались мы до острова Мавриція.» — Капитанъ замолчалъ и занялся распоряженіями. Признаюсь, послѣ шакого разсказа, я не жалѣлъ, что Капитанъ Левисъ взялъ съ меня лишнихъ 40, или 50 піасшровъ — я благодарилъ его.

ГЛАВА XII.

АРХИПЕЛАГЪ СЕЙШЕЛЬСКІЙ.—ОСТРОВА МАЛДИВСКІЕ.

Мы пустились къ *Сейшельскимъ* островамъ 25 Февраля, 1830 года. Кромѣ нѣсколькихъ неучпыхъ порывовъ вѣтра, ничто не ознаменовало нашего путешествія; оно было тихое и робкое, среди бездны подводныхъ утесовъ и острововъ, вообще не вполне извѣстныхъ, и безъ числа разбросанныхъ на югъ отъ Сейшельскаго архипелага. Капитанъ Левисъ непрерывно встрѣчался съ ними. Мы видѣли *Песчаный* островъ, полагаемый Лапласомъ подъ $45^{\circ} 53'$ ю. ш. и $52^{\circ} 44'$ долг. восточной; потомъ островокъ *Жуанъ де-Нова*, котораго долгоша, донинѣ сомнительная, должна бытъ, по мнѣнію Овена, $48^{\circ} 49'$; далѣе, острова *Галега*, *Провидѣнія*, *Св. Петра*, *Св. Лавренція*, и другія мѣли и полосы земли вровень съ водою, кошорымъ даже нѣтъ названій. Долговременная практика заспавила нашего Капитана бытъ весьма осторожнымъ. Онъ наизусть зналъ всѣ кораблекрушенія въ здѣшнихъ мѣстахъ, и между прочимъ разбише Французской флюпы *Полезная*, погибшей здѣсь въ 1767 г.,

съ экипажемъ и 80-ю Неграми невольниками. Испорія этого событія ужасна. Послѣ гибели корабля, моряки бросились въ шлюпки и доспигли Мадагаскара, но Негры остались среди Океана, близъ небольшого острова, гдѣ разбился корабль. Такъ ужасались своего приключенія спасенные мореходцы, что лучше захошѣли предать несчастныхъ Негровъ на вѣрную смерть, нежели еще разъ пускаясь на опысканіе острова, гдѣ покинули ихъ! Черезъ *пятнадцать лѣтъ*, неуспрашимый Капитанъ Тромеленъ рѣшился на изысканіе, и — нашелъ этотъ островъ. Еще живы были *пять Негритянокъ* — останокъ *опѣ восьмидесяти* несчастныхъ, погибшихъ ужасною смертію! Негритянки эти питались во все время черепахами и устрицами; пища ихъ составляло небольшое количество солоноватой воды....

Спасибо опытности нашего осторожнаго Капитана, мы успѣшно доспигли на видъ острововъ Сейшельскихъ, миновали острова *Длинный, Средній, Круглый, Олений*, и остановились близъ Маге, недалеко отъ берега. Маге, или *остр. Св. Анны*, кажется безплоднымъ въ однихъ мѣстахъ, обильнымъ и обработаннымъ въ другихъ. Въ срединѣ полукружія, образуемаго гаванью, видны были дома, окруженные садами, и какъ будто припкнутые къ базальтовой стѣнѣ утесовъ, сходящихъ въ морскія волны.

Прежде называемая вообще архипелагомъ *Амирантскимъ*, эта купа острововъ, разбросанныхъ отъ 4-го до 6° ю. ш. и 50—55° д. в., раздѣлена

новѣйшими мореплавателями на двѣ различныя части; одна сохранила прежнее названіе; другая названа Сейшельскими; въ первой заключается *одиннадцать* небольшихъ островковъ, необитаемыхъ, и посѣщаемыхъ опѣ времени до времени только для промысла черепахъ; въ другой не менѣе *тридцати* островковъ, изъ числа коихъ главные наименовалъ я выше сего.

Острова Сейшельскіе, извѣстные Аравишянамъ и мореплавателямъ XVI-го столѣтія, были заселены только въ 1744 г. Французскими торговцами, давшими имъ названіе по имени тогдашняго губернатора Иль-де-Франскаго. Сначала ловля черепахъ была единственною здѣшнею промышленностью, но когда очистка лѣсовъ поспройкою и пожарами открыла земли, способныя для обработки, множество Креоловъ съ Иль-де-Франса, льстясь выгодами, поселились на островахъ Сейшельскихъ. Хлопчатая бумага удалась здѣсь весьма хорошо, и считалась въ первыхъ сортахъ, по шелковицѣ своей и бѣлизнѣ. При такихъ удобствахъ, вскорѣ населеніе Маге увеличилось до 500 бѣлыхъ и 5000 невольниковъ. Острова Сейшельскіе сдѣлались перепутьемъ между Иль-де-Франсомъ и Бурбономъ; съ ними образовалось значительное каботажное сообщеніе и давало средства къ хорошему сбыту произведеній. Но продолжительныя войны во времена Революціи и Наполеона остановили возрасшавшее благоденствіе островитянъ; взятіе Иль-де-Франса Англичанами было для нихъ послѣднимъ ударомъ. Все обновилось миромъ 1814 года,

только въ пользу Англіи, кошорая пошребовала себѣ Сейшельскихъ оспрововъ, какъ дополненія къ Иль-де-Франсу. Съ шѣхъ поръ, здѣсь гарнизонъ и губернашоръ Англійскіе.

Разсмашриваемое, какъ мѣсто оспановки и опдыха на дорогѣ въ Индію, Маге являешся весьма значительнымъ. Мѣлкое мореплаваніе здѣсь дѣятельно, заняшое продажею мимоплывущимъ кораблямъ пшицы, барановъ, черепахъ, скошины; суда большого размѣра ходяшъ опсюда даже въ Индію, съ гебеновымъ деревомъ, а на Иль-де-Франсѣ съ грузами здѣшняго сахара. Недавно Магескія дамы опкрыли еще новый родъ шовара : плешенье изъ лисшьева замѣчательнаго дерева, кошорое называющъ *Сейшельскимъ кокосникомъ*, или *морскимъ кокосомъ* (*Lodoicea Sechellarum*). Изъ лисшьева его, широкихъ, зубчатыхъ, плотныхъ и гладкихъ, дѣлающъ прелесшныя вещицы, вѣера, даже шляпки, не хуже Ишальянскихъ соломенныхъ. Эшомъ родъ кокоса находился сначала только на одномъ оспровѣ Прасленѣ; Соннера перевезъ его въ Иль-де-Франсѣ, а Англичане въ Индію, но нигдѣ онъ не родишся такъ хорошо, какъ на первоначальной своей родинѣ. Еще не зная опчизны эшого рода кокосовъ, и самаго дерева, ихъ приносящаго, знали плоды его; оприваясь опъ вѣшвей по своей шяжесши, падали они въ прибрежныя волны, близъ коихъ росли; море носило ихъ послѣ шого по волнамъ и выбрасывало на разные берега. Всего болѣе прибывало ихъ къ оспровамъ Малдивскимъ, и еспешвоиспыташели назвали сей родъ кокосовъ

Малдивскимъ, не поспигая, откуда являющся они въ шѣхъ мѣсахъ. Румфіусъ думалъ даже, что это подводное произрашеніе. Сейшельскій кокосникъ менѣе обыкновеннаго, однакожь рослъ сего дерева, прямымъ цилиндромъ, можешъ доспигашъ за 40 фушовъ. Оно распешъ весьма шихо, и даешъ плодъ, какъ говоряшъ, шолько черезъ сто лѣтъ. Мягкое и губковашее, само дерево ни къ чему не годишся. Плодъ его, по спранной фигурѣ своей, сосщавлялъ въ сшарину предметъ особеннаго любопытсшва, и въ каждомъ кабинетѣ Есшесшвознанія найдеше эшотъ кокосъ, или орѣхъ *Малдивскій*. Въ своей наружной оболочкѣ, онъ фигуры сферической, но снявши оболочку находишъ, что плодъ раздѣляешся на двѣ чашши, соединенныя волокнами. Въ эшотъ видѣ привозяшъ его обыкновенно въ Европу. Разрѣзанный поперегъ, онъ дѣлишся на двѣ кругловашыя чашши, и по разрѣзу вдоль походишъ на два гриба, кошорые срослись у корешковъ. Вкусъ орѣха весьма посредсшвенный, но пока не узнали мѣсшпа его рожденія, ему приписывали чудесную возбуждающую силу, и говоряшъ, что Имперашоръ Рудольфъ гошовъ былъ заплашишъ чешыре шысячи флориновъ за одинъ Малдивскій орѣхъ. Теперь слава ихъ пропала, и Малдивскій орѣхъ, или, лучше сказашъ, Сейшельскій кокосъ, не обольщаешъ уже прихощливаго вкуса богачей, съ шѣхъ поръ, какъ сдѣлался вещью извѣсшною. Только изъ скорлупы, крѣпкой и черновашой цвѣшомъ, дѣлаюшъ красивыя чашки, и продаюшъ довольно дорого.

Жили Маге до сихъ поръ Французы, какъ по происхожденію, такъ и по характеру своему. Француза, какъ земляка, вспрѣчаютъ здѣсь ласково и гостепріимно. Это испыталъ я на себѣ. Меня запошчивали и вывозили по всему оспрову. Сначала осмопрѣлъ я городъ, или, говоря вѣрнѣе, мѣстечко, состоящее изъ деревянныхъ домиковъ, разбросанныхъ по каменистому пространству, и изъ верфи, гдѣ спроятъ много кораблей средняго груза. За шѣмъ надобно было посѣпить загородье, гдѣ не рѣдко пригошвляли мнѣ *сюрпризы* — балы и деревенскіе завпраки. При одномъ изъ такихъ увеселеній угоспили меня ловлею черепахъ. Промышленники дожидаются ночи, когда черепахи выползаютъ класъ яйца въ песокъ; шупъ они бросающа на нихъ, перевершывающъ ихъ на спину и оставляющъ до утра, перешаскивая днемъ въ свои лодки. Иногда ловятъ спящихъ на морѣ черепахъ сѣтями, или бьютъ ихъ оспрогою сквозь черепъ. Мясо черепахъ довольно пишательно, хотя и волокнисто; вареное дѣлается оно чернаго цвѣта. Черепашьи яйца вкусны, а теплую кровь черепахъ считающъ хорошимъ средствомъ противъ скорбута. Сейшельскія черепахи особенно огромнаго размѣра; нѣкоторыя вѣсятъ до 420 фуншовъ; черепъ у иныхъ бываетъ до 4-хъ фушовъ въ длину и $3\frac{1}{2}$ фушовъ шириною, но ни на что не годится. Только одинъ родъ, называемый *каретъ*, доставляетъ черепъ пригодный для издѣлій. Большой вывозъ Сейшельскихъ черепахъ производится

на Иль-де-Франсъ и Бурбонъ, гдѣ съѣдають ихъ ежегодно до 12,000 штукъ.

Во всѣхъ домахъ, посѣщенныхъ мною, замѣшилъ я однообразную простую жизни. Обыкновенно, домъ бываетъ одноэтажный, воздухъ чистъ, комнаты просторны, мебель опрятна; кругомъ находящіяся жилища Негровъ, покрытыя листьями Сейшельскаго кокосника; по срединѣ дворъ. Таково устройство въ жилищахъ почти всѣхъ здѣшнихъ колонистовъ. Хотя и близкій къ экватору, Сейшельскій архипелагъ наслаждается постояннымъ и здоровымъ климатомъ. Нѣтъ здѣсь быстрыхъ атмосферическихъ измѣненій, отъ которыхъ столько терпятъ колоніи близъ тропиковъ; нѣтъ и опустошительныхъ урагановъ. Зимой, при ю. в. вѣтрѣ, перепадають умеренные дожди.

Недѣля кочевой жизни между обитателями Маге совершенно поправила мое здоровье, уже восстановленное поѣздкою по морю. Возвращаясь въ городъ, я встрѣтился на пристани съ моимъ почтеннымъ Левисомъ; онъ шелъ выправить бумаги свои у губернатора Гаррисона, и располагался немедленно послѣ сего поднять паруса. Вмѣстѣ отправились мы на корабль, и вечеромъ наша Викторія пустилась по морю. Мы проплыли мимо *остр. Праслена*, самаго большаго послѣ Маге, отъ котораго находился онъ на семь льѣ къ с. в. — Островъ этотъ возвышенъ, лѣсистъ, и населенъ колонистами, которые содержатъ большія стада рогатой скотины и промышляютъ черепахъ. При входѣ въ его обширную и спокойную гавань есть

два маленькіе островка; одинъ именуется *Любопытный*; Англичане завели на немъ госпиталь для зараженныхъ проказою, свирѣпствующею иногда на Иль-де-Франсѣ; больныхъ опдѣляютъ и перевозятъ сюда.

Осташокъ архипелага, на сѣверъ, состоятъ почти весь изъ утесовъ, или коралловыхъ громадъ, вовсе необитаемыхъ. Когда послѣдняя изъ нихъ осталась за нами на западъ, Капитанъ повернулъ прямо къ Малдивскому проливу. По мѣрѣ приближенія къ экватору, вѣтеръ, дувшій, по опѣ Ю. В. по опѣ Ю. З., оставилъ насъ, и мы вступили въ полосу безвѣтрія. Въ этой часпи Индійскаго Океана въ то время было междувѣтріе опѣ однихъ муссоновъ до другихъ. Такимъ образомъ, въ 17-ть дней плаванія, пока достигли мы высоты Малдивскихъ острововъ, только сильныя теченія на В. служили намъ пособіемъ, при слабомъ, переменчивомъ вѣтрѣ. Марша 14-го, мы достигли *Андуматискаго* пролива, самаго широкаго и лучшаго изъ всѣхъ Малдивскихъ; онъ находится въ южной часпи ихъ, на $4\frac{1}{2}$ град. сѣв. широты опѣ экватора. Въ прямой линіи, опѣ 8° сѣв. ш. до 4° ш. южной, лѣспицею лежатъ четырнадцать коралловыхъ *атолей*, или глыбъ, называемыхъ Малдивскими островами (*). Съ приспанищами весьма не-

(*) *Attol*, островъ, составившійся изъ коралловъ, производимыхъ особеннаго рода морскими насѣкомыми *Прил. Пер.*

надежными, и почвою земли бѣдною на произведе-
нія, сіи оспрова почти не посѣщаются торговы-
ми кораблями, и описаніями ихъ донынѣ были
одолжены географы, или мореплавателямъ, нароч-
но для сего посланнымъ, или бѣднымъ стран-
ствователямъ, пошерпѣвшимъ близъ нихъ корабле-
крушенія. Капитанъ корабля *Любимица*, посѣщав-
шій Малдивскіе оспрова въ 1830 году, издалъ
особенно подробное описаніе сего архипелага.

Онъ состоишь изъ четырнадцати коралловыхъ
скалъ, или ашелей; всѣ онѣ круглы, и раздѣляюш-
ся проливами, болѣе или менѣе широкими, болѣе
или менѣе опасными, гдѣ лопомъ не достанете
морскаго дна. Состоя каждый изъ громаднаго со-
бранія коралловъ, возвышающихся со дна Океана
до поверхности его, Малдивскіе оспрова — про-
изведеніе-ли они безчисленнаго количесва мор-
скихъ насѣкомыхъ, донынѣ неизвѣстныхъ намъ, или
слѣдствіе особеннаго морскаго произраспанія —
всячески заслуживающъ величайшее удивленіе на-
блюдателя. Смоля на сіи громады, шо въ пря-
мыхъ линіяхъ, шо искривленными ушесами, возвы-
сившіяся изъ неизмѣримой глубины Океана, безъ
всякой подпоры, и образовавшіе наконецъ собою
оспрова, не взирая на всѣ усилія моря, возмуща-
емаго спранными бурями, не лзя не задуматься.
Сколько времени потребно было, чшобы подобная
рабоша была совершена шоль малыми средсвами,
чшобы коралловый червякъ досиигъ до поверх-
ности моря, умеръ опъ соприкосновенія съ воз-
духомъ, и, разваливаясь пылью, положилъ основаніе

оспрову, который отъ его погибели началъ образовываться въ волнахъ ! Какое удивительное сѣпленіе обстоятельствъ привлекло на эту новую землю, рожденную въ морскихъ волнахъ, сѣмяна кокосовъ, сорванныя на опдаленныхъ берегахъ вѣтрами, и принесенныя сюда печеніями ! Сѣмя образовало дерево; дерево пустило корень въ песокъ, какъ будто природа гошовила почву для безпріюшнаго спранника морей; почва, удобренная его опашками, защищенная его шѣнью, покрылась растеніями, кошорыхъ сѣмяна, вѣрояшно, были также принесены сюда Океаномъ.

Таково, по всѣмъ вѣрояшноспямъ, долженствовало бытъ первоначальное образование оспрововъ Малдивскихъ; всѣ они едва возвышаются надъ поверхностью моря. Во внушренности заливовъ, образуемыхъ цѣпами коралловъ, и на нѣкошорыхъ оспровахъ просширающихся до восьми льѣ въ діаметръ, находятся низкіе оспровки, покрышые водою, но усѣянныя, какъ и окружность ихъ, множесшвомъ кокосовыхъ деревьевъ. Неизвѣстно, въ какую эпоху были заселены Малдивскіе оспрова людьми, но съ опдаленнѣйшихъ временъ шуземцы производили уже торговлю съ Малабарскимъ берегомъ, опдаленнымъ отъ нихъ на сто льѣ. Первые Европейцы, заброшенныя сюда кораблекрушеніями, нашли здѣсь жишелей, исповѣдающихъ Исламизмъ, дѣяшельныхъ, промышленныхъ, упражненныхъ мореплаваніемъ отъ одного оспрова къ другому, на множесшвѣ судовъ; пускаясь въ Индію, они возвращались отшуда попуеинымъ муссономъ. Въ Индію

возили они сушеную рыбу, веревки, свипыя изъ кокосовой коры, и масло, выжатое изъ плодовъ сего благодѣтельнаго для нихъ дерева. *Каури*, маленькія раковинки, ходящія между Индійцами вмѣсто мѣлкой монеты, въ изобиліи находящіяся на здѣшнихъ берегахъ, и составляющъ донинѣ значительную вѣщъ торговли.

Характеръ Малдивцевъ никогда не былъ изображенъ безприспрасно; каждый изъ претерпѣвшихъ здѣсь кораблекрушеніе судилъ объ немъ по приему, какой встрѣчалъ отъ жителей. Большая часть рассказовъ согласна однакожъ въ томъ, что Малдивцы добры и гостепріимны, но только бояща посѣщенія Европейцевъ, отъ которыхъ до нынѣ спасали ихъ опасные утесы и бѣдность острововъ. Между тѣмъ, и эта бѣдная земля, повсюду окруженная свирѣпостью Океана, страна, гдѣ жили съ трудомъ достающъ пропитаніе отъ неблагодарной почвы, имѣла также свои переворошы политическіе, свои войны, своихъ честолюбцевъ. Въ срединѣ Малдивскаго архипелага находишся огромный атолъ, на южной оконечности коего есть маленькій островъ, *Королевскій*, болѣе другихъ благопріятствуемый природою. Тутъ гавань, гдѣ корабли, при помощи шеземныхъ лоцмановъ, могутъ безопасно останавливаться подлѣ деревни, мѣстопребыванія Малдивскаго Царя: одинъ изъ самыхъ снѣрихъ присвоилъ себѣ сей громкій шипуль, и заставилъ всѣ другіе островки признашь власнь его, покоряя ихъ оружіемъ. Но не смотря на побѣды, если-бы только тѣмъ ограни-

чилося честюлюбіе завоевашеля, имя его, вѣрояпно, оспалось-бы неизвѣстно Европейцамъ. Завоевашель захошѣлъ соединити выгоды морскаго разбоя съ выгодами торговли, сосредоточенной имъ на своемъ оспровѣ и обращенной въ его пользу. Онъ вооружилъ большія шлюпки, началъ хватать сначала Индійскія суда, потомъ осмѣлился напасть на корабли Европейцевъ, которые при невоенномъ вооруженіи ихъ, проходя черезъ Малдавскій архипелагъ, дѣлались вѣрною добычею. Мореплаватели оспавались невольниками. Но вскорѣ разбой Малдивцевъ были доведены до свѣдѣнія Бомбайскаго Губернатора, и немедленно уничтожены казнью захваченныхъ пиратовъ, и угрозою великому власпишелю ихъ, что по-же будешь съ нимъ, если онъ не разсудитъ за благо унять пылкость своего власполюбія. Завоевашель смирился, и теперь проѣздъ мимо Малдивскихъ оспрововъ совершенно безопасенъ. Царь Малдивскій довольствуется торговлею, которую производятъ каботажныя Англійскія суда, усиливъ посѣщенія Королевскаго оспрова, для общей выгоды.

Хоша новѣйшіе мореплаватели, Горсбургъ, Овенъ и другіе, обозрѣвали архипелагъ Малдивскій, но лучшее описаніе его относится къ XVII вѣку; оно было учинено Французомъ Пейраромъ-Лавалемъ, претерпѣвшимъ кораблекрушеніе въ 1602 году, и прожившимъ здѣсь пять лѣтъ, до 1607 года. Такова беззаботность Французская, касательно прудовъ опечесивенныхъ географовъ и мореплавате-

лей , что все сдѣланное во Франціи , полезное , важное и совѣстное по сей части, оцѣняешишь только рикошетомъ , по слуху , кошорый приходишь въ Парижъ изъ Англіи ! Такъ недавно, Лондонское Географическое Общество расхвалило сочиненіе Пейрара, а оно едва извѣстно Французскимъ читателямъ. Пейраръ можешъ почестъся авторитетомъ для познанія Малдивскихъ острововъ.

Архипелагъ Малдивскій получилъ названіе отъ *Мале* , или *Малде* , главнаго изъ его острововъ. Островишяне здѣшніе кажутся смѣсю Индійскихъ племенъ съ Арабами ; они спашны , желшовашаго цвѣта; шѣло у нихъ обросло волосами и бороды густыя. Изъ женщинъ нѣкошорыя бѣлы, какъ Европейскія. Языкъ Малдивцевъ опличенъ отъ другихъ; религія ихъ Мугаммеданская, но съ примѣсю древнѣйшихъ вѣрованій ,носящихъ оппечатокъ идолопоклонства. Такъ, на-примѣръ , чтобы умилошпвишь бога вѣшровъ, они спускають на море лодки, наполненныя амброю и пахучимъ деревомъ , зажигають ихъ, и эши пловучіе жершвенникиносясь по волнамъ , разнося далеко свое аромашическое куреніе. Ученые изъ Малдивцевъ говорятъ по-Арабски и изъясняють Коранъ. Во времена Пейрара , царь Малдивскій былъ Арабъ; но по словамъ Баррова, нынѣшній царь Индійской породы, хошя всѣ вельможи его Аравійской. Духовенство здѣсь имѣешъ великую власшь, кошорая особенно сосредошчена въ особѣ начальника его , или *Пандіара*. Собшвенно - городовъ на Малдивскихъ островахъ нѣшъ; селенія состояють изъ кучъ домовъ , разбро-

санныхъ между кокосовыми рощами. Дома почти все деревянные; только въ дворцахъ царскихъ и въ домахъ вельможъ и богатыхъ купцовъ передній фасадъ бываетъ каменный. Торговлю здѣшнюю главнѣйше составляютъ соленая рыба, коюрой большое количество вывозится въ Индію; жители занимаются кромѣ того добываніемъ коралловъ, амбры, сборомъ каури, производствомъ шелковыхъ и бумажныхъ тканей, обыкновенной ихъ одежды. Изъ прозябеній замѣчательно *кандю*, дерево, столь легкое, какъ пробка. Крысы и муравьи производятъ здѣсь ужасное опустошеніе. Рогахой скотины мало, но водится множество курицъ.

При выходѣ изъ Андумашискаго пролива, около 73° в. д., нѣсколько сильныхъ порывовъ южнаго вѣтра и ужасная зыбь показали намъ, что гдѣ нибудь вдалекѣ должна быть страшная буря. Дѣйствительно, насъ захватило здѣсь окончаніе ужаснаго урагана, опустошившаго Иль-де-Франсъ и Бурбонъ, 27 Марша и 5 Апрѣля 1830 года. Корветша *Любимица*, находившаяся тогда въ открытомъ морѣ, спаслась отъ гибели только благоразумнымъ управленіемъ начальника и крѣпостью постройки. Большая часть купеческихъ кораблей въ Сентъ-Дениской гавани были сорваны съ якорей и погибли въ открытомъ Океанѣ; плантаціи были опустошены; все сборки произведеній уничтожены; во многихъ мѣстахъ перековеркало даже дома и сстроепія жестокостью бури. Въ томъ опдаленіи, въ какомъ были мы, ураганъ являлся намъ уже умирающимъ и безсильнымъ; онъ только помогалъ наше-

му плаванію. Апрѣля 12-го открылись передъ нами южныя горы оспрова Цейлана, надъ копорыми возвышалась *Адамова гора*. Вечеромъ обплыли мы *Дондрійскій* мысъ, и послѣ двухъ - дневнаго лавирова- нія около западныхъ береговъ оспрова, откуда прибрежнымъ вѣтеркомъ навѣвало на насъ благово- нный запахъ корицы, мы сшли на якорь, Апрѣля 14-го, въ великолѣпной гавани *Тринкомалайской*.

ГЛАВА XIII.

ОСТРОВЪ ЦЕЙЛАНЪ.

Цейланъ, называемый туземцами *Лакка*, прежде именовался *Лакдива*, и *Сингала*, отъ Санскрипскаго слова *Сингаль* (левъ). Находясь въ пропикѣ Рака, онъ раздвигается между 6—10° с. ш. и 77—80° долг. восточной. — Къ сѣверу касается онъ пролива *Манарскаго*, неспособнаго къ плаванію кораблей и отдѣляющаго Цейланъ отъ Декканскаго, или Индійскаго полуострова; такимъ образомъ охраняетъ онъ собою одну изъ споронъ Бенгальскаго залива. Его периметръ составляетъ до 300 льё, а поверхность до 700 льё квадр. — Фигура его походитъ на грушу, у кошорой острый конецъ образуетъ островъ *Яфна-Патнамъ*. Берега, плоскіе, низкіе, иззубренные песчаными мѣлями, довольно опасны для плаванія; но превосходные порты и многочисленныя гавани замѣняютъ это неудобство. *Муссоны*, или періодическіе вѣтры, постоянно дующіе въ извѣстное время въ одну спорону, около Цейлана соопвѣствуютъ пропаяженію береговъ Коромандельскаго и Малабарскаго. Извѣстно, что направленіе муссоновъ бываетъ отъ Апрѣ-

ла до Сеншября съ Ю. З. а съ Сеншября до Апрѣля съ С. В.—При первомъ муссонѣ Малабарскій берегъ приходишя въ лицо, и опъ того муссонъ бываешъ здѣсь не безопасенъ, тогда какъ по Коромандельскому берегу, защищенному массою Индійскаго полуострова, температура дѣлаешя ровною и плаваніе чрезвычайно благопріятно. Въ теченіе шесши другихъ мѣсяцевъ бываешъ на оборотъ: при Коромандельскомъ берегѣ погода бурная, по Малабарскому превосходная. Пославленный въ концѣ сихъ двухъ направленій, Цейланъ, въ гораздо меньшемъ разстояніи времени, являешъ точно такое атмосферическое направленіе вѣтровъ. Въ Маѣ, Іюнѣ и Іюлѣ, когда волны свирѣпо бьютъ въ западную оконечность его, и запопляютъ ее дождемъ, восточный и сѣверный берега наслаждаются яснымъ небомъ и шихимъ моремъ. Въ Октябрѣ и Ноябрѣ, когда бури пошрясаютъ сѣверъ и восшокъ, западъ и югъ спокойны. Но вся эша противоположность чувствительна только по берегамъ; горы и лѣса внутри острова укрощаютъ направленіе буръ и уменьшаютъ свирѣпость ихъ во всякое время. Дождливая погода бываешъ здѣсь въ Маршѣ и Апрѣлѣ. Приближенный болѣе Индійскаго полуострова къ экватору, Цейланъ не сожигается подобно ему лучами солнца; волны Океана, окружающіе берега его, непрерывно освѣжаютъ и перемѣняютъ въ немъ опеплѣвшую, нагрѣтую атмосферу; внутри Цейлана, куда не достигають муссоны, высокіе лѣса дополняютъ сей недоспашокъ.

Цейланъ обилуетъ минералами и ископаемыми. Желѣзо находится здѣсь во всѣхъ его измѣненіяхъ, а также и марганецъ. Соспавленный изъ граниш-ныхъ массъ, почти повсюду самородныхъ, перваго образованія, островъ представляетъ также разные кварцы, слюды и извесчковые слои, наполненные окаменѣлыми раковинами. Въ утесахъ, въ наносныхъ земляхъ, въ берегахъ рѣкъ находится множество драгоцѣнныхъ каменьевъ—синіе и зеленые сафиры, аметисты, рубины, топазы, корнелины и особый родъ опаловъ; горнаго хрустала изобиліе: въ Кандійскомъ храмѣ, статуя Будды сдѣлана изъ одного цѣльнаго камня сего рода.

Магавилла, Калай, Калу и Валлевей суть главные рѣки острова; онѣ истекають изъ нѣдръ Адамовой горы; слишкомъ быстрыя, сіи рѣки неспособны для внутренняго сообщенія торговли, которая спраждаетъ не менѣе и отъ неудобства сухопутныхъ сообщеній. Со стороны Кандійскихъ Царей, политическій расчетъ заключался въ томъ, чтобы сдѣлать недоступнымъ ихъ внутреннее государство. Окруженные густыми лѣсами, гдѣ дикіе слоны и лютые звѣри соспавляли природную защиту, Кандійскіе владѣтели могли полагать, что Европейцы, владѣя берегами, оставяшъ въ покоѣ ихъ царство, послѣдній остатокъ величія Цингалезскаго. Мнѣніе это продолжалось до конца прошедшаго столѣтія, когда Англичане, покорили владѣній береговыхъ, дополнили власть свою покореніемъ внутреннихъ Цейланскихъ народовъ.

Первобытная исторія Цейлана исполнена чудес-

ныхъ иносказаній , сославляющихъ сущность всякаго преданія Азійскаго. Лѣтописи Цингalezскія повѣснвуютъ, будто нѣкогда обиташели Таннасерина , на берегахъ Ганга , увидѣли вышедшее изъ восходящаго солнца существо величественнаго вида, повелѣвшее имъ оставиши ихъ дикія хижины, и построиши себѣ дома. Чудный пришелецъ сдѣлался Царемъ Индійцевъ, и потомки его владычествовали подъ именемъ *Суріавасовъ* (дѣшей солнца). Одинъ изъ эпихъ Суріевъ, *Виджа-Раджа*, былъ первымъ царемъ Цейланскимъ. Онъ переправился на островъ съ семьєю спами чловѣкъ, и покорилъ себѣ всю землю Цейланскую , обиташели кошорой поклонялись тогда солнцу, подъ именемъ *Изуара*. Послѣ него царствовали *Синга-Багу* и *Виджа-Комара*, женившійся на дочери царя Машураскаго (Мадурескаго). Приданое за нею сославляло множество работниковъ, масперовыхъ, каменщиковъ, плотниковъ, и проч. Многіе цари слѣдовали потомъ, до 379 года по Р. Х., когда религія Будды введена была на островъ священникомъ *Мигидумою*, нарочно для сего прибывшимъ изъ Маддадисая. « Онъ пролешѣлъ по воздуху , « говоритъ Цингalezское преданіе, » и сѣлъ на ушесъ Анурадапурскій, въ то самое время, когда царь *Девени-Петисса* проѣзжалъ мимо , возвращаясь съ охоты. Изумленный видомъ эшого лешуна, въ его широкомъ желтомъ одѣяніи, Царь остановился, и новый гость, не дожидаясь вопросовъ Государя, началъ самъ спрашивать его. Довольный умспвенными пониміями Царя, свяшой мужъ проповѣдалъ ему

Буддизмъ и обрашилъ его, и подданныхъ его, въ истинную вѣру.»

Съ тѣхъ поръ Цейланомъ болѣе обладали жрецы, нежели Цари. Всѣ бѣдствія, слѣдовавшія съ сей отдаленной эпохи до впаденія Европейцевъ, происходили опъ возмездія за обиды жрецамъ. Тушъ, за смерть одного жреца, было наводненіе, и чешыре-сша семдесять деревень погибло, а Царь былъ убитъ громомъ и провалился въ адъ. Тамъ, засуха и страш-ный голодъ опягошѣли надъ землею за то, что ка-кому-то Царю показалось непріятно, когда святой браминъ вздумалъ волочиться за его Царицею. Кромѣ всѣхъ подобныхъ событій, тщательнао записанныхъ, Цингalezская исторія ограничивается происшествіями не менѣе важными, какъ-то : построеніемъ пагода, ошкрытіемъ зуба Будды, самоубійствомъ Царя, кошорый добровольно бросился на похорон-ный косперъ любимаго своего поэта.

Прибытіе Лоренза Альмеида, около половины XVI-го столѣтія, примѣшало немного Европей-ской драмы къ Цингalezскимъ лѣтописямъ. Въ царствованіе *Дарма-Праккарама*, Адмиралъ Пор-шугальскій искалъ убѣжища опъ бури при мысѣ Галльскомъ. Увидя новыхъ пришельцевъ, туземцы опромешью побѣжали въ Кошпу, столицу острова, рассказали Царю, что пріѣхали какіе-то люди, бѣлые и весьма красивые, одѣтые въ желѣзное плашье и желѣзныя шапки; что они пьютъ кровь (вино), ѣдятъ каменья (сухари) и обладають та-кими орудіями, кошорыя производяють молнію, и бросаая желѣзныя каменья, разрушають сѣны.

Царь послалъ къ Поршугальцамъ своего брата и самъ принялъ ихъ съ почестью. Доброе согласіе продолжалось, пока царствовалъ Дарма-Праккарамъ; но со вступленіемъ на пронъ наследника его, *Буваника*, внутреннее смяшеніе дало Поршугальцамъ случай вмѣшаться въ дѣла шудземцевъ. Они явились съ войскомъ, и укрѣпились въ гавани Коломбо.

Вскорѣ началась война между шудземцами и Европейцами, и эта война, съ малыми перемежками, продолжалась болѣе 200 лѣтъ, переходя отъ Поршугальцевъ къ Голландцамъ и Англичанамъ. Около 1634 года, *Симонъ Корреа*, Поршугальскій полководецъ, два раза завоевывалъ Канди, мѣстопребываніе царей Цингалезскихъ. Царь *Раджа-Синга* соединился съ Голландцами, и съ ихъ помощію изгналъ изъ Коломбо и изъ Цейлана войско и колонистовъ Поршугальскихъ. Но Поршугальцевъ замѣнили Голландцы. Французы пыпались, около 1672 г., завести на Цейланѣ факшорію и основать крѣпость. Делагей явился тогда въ Кошшіарской гавани, съ 14-ю кораблями, и получилъ позволеніе Раджа-Синга на построеніе крѣпости, при чемъ ему помогали сами Цейланцы. Принужденный оплутаться по дѣламъ, Адмиралъ оставилъ повѣреннаго, Лене де-Нанкларъ-де-Ланнероля, обѣщая вскорѣ подкрѣпить сдѣланное начало. Этого не исполнили; Ланнероль безъ всякаго уваженія оставался при дворѣ Кандійскомъ, а крѣпостью Французскою завладѣли Голландцы.

Войны между ними и Цейланцами продолжались, въ теченіе ста лѣтъ, съ переменными успѣхами и неудачами. Слѣдствіе войнъ доказало однимъ невозможность овладѣть внутренностью острова, а другимъ бесполезность старанія сбить Европейцевъ съ Цейланскаго побережья. Въ 1782 году, въ царствованіе *Раджаи-Раджа-Синга*, Англійская эскадра, подъ начальствомъ Сира Генриха Мунрое, явилась въ заливѣ Тринкомалайскомъ, безъ сопротивленія завладѣла землею, и отважно захватила самый городъ. Англійскій Адмиралъ отправился для починки своего флота въ Мадрасъ. Французскій Адмиралъ Сюффренъ пришелъ въ Тринкомалайскій заливъ и смѣнилъ Англійскій флагъ Французскимъ. Новая высадка Англійскихъ войскъ произведена была въ 1796 году, въ Негумбо. Отсюда двинулся Генералъ Спуаршъ на Коломбо, главное мѣсто Европейскихъ владѣній въ Цейланѣ. Городъ сдался ему почти безъ сопротивленія; Голландскій гарнизонъ былъ не многочисленнѣе осаждавшаго корпуса, но измѣна помогла Спуаршу; Губернаторъ Фанъ-Англебекъ своевольно подписалъ унижительную капишуляцію. Только однимъ ознаменовалось это завоеваніе: Французскій Полковникъ Раймонъ, съ небольшимъ отрядомъ Малайцевъ, бросился на непріятеля, не могъ побѣдить, но умеръ съ честью въ неравной битвѣ.

Покоривъ Коломбо, Англичане подчинили себѣ послѣ того все побережье Цейланское, поочередно переходившее къ Португальцамъ и Голландцамъ. Съ тѣхъ поръ, уже около 30-ти лѣтъ прошло,

какъ ни одна изъ державъ Европейскихъ не оспариваетъ у Англичанъ ихъ владычества надъ Цейланомъ. Во все это время только война во внутреннихъ оспрова, противъ царей Кандійскихъ, занимала Англичанъ, и нерѣдко была имъ пагубна. Въ 1804 году, послѣ взятія Цингалезской столицы Полковникомъ Джонстономъ, заключили перемиріе; оно продолжалось до 1814 года. Тутъ опять возобновилась война. Ошрядъ, подъ начальствомъ Маіора Гука, опсправился изъ Коломбо на Гаугвалей; многіе другіе ошряды, въ числѣ 3000 чело-вѣкъ, долженствовали подкрѣплять его. Съ такими силами, Англичане пришли на Цингалезскую столицу, взяли ее, Марша 6-го 1815 года, и полонили царствовавшего тогда въ Канди Викрими-Раджа-Сингу. Сокровища древнихъ царей Кандійскихъ достались побѣдителямъ, и прокламаціею Генераль-Лейшенанта Роберта Браунрейга было объявлено туземцамъ, что Его Величество Король Великобританскій навсегда принимаетъ Цейланъ въ свое обладаніе. Нѣсколько возмущеній возс-павало въ послѣдствіи между туземцами, но Англичане умѣли укрошить ихъ.

Такова *Исторія Цейлана*. Хотя нынѣ оспровъ весь принадлежитъ Англичанамъ, но все еще можно дѣлить его на двѣ части: *царство Кандійское* и *Европейскія колоніи*. Сіи послѣднія занимають побережья, и окружають внутреннія области, какъ будто овальнымъ кольцомъ.

Царство Кандійское раздѣляется на области, подраздѣленныя на уѣзды. Области суть: на С.

Нурь-Калава и *Готъ-Корла* ; на В. *Матули* ; на Ю. В. *Ува* ; на З. *Кетмалъ* и *Гутера-Корла* ; въ срединѣ находящся уѣзды *Уданурскій* и *Татанурскій* , главные города копорыхъ сушь значительнѣйшія мѣста всего царства. Вся эша внутренняя часть острова, запершая Европейскому любознанію до послѣдняго ея покоренія Англичанами, только въ недавнемъ времени была обозрѣна съ достапочною подробностью. Деви, Англійскій врачъ, до сихъ поръ естъ единственный путешественникъ, опъ котораго можно заимствовать достовѣрныя свѣдѣнія о Кандійскомъ царствѣ. Онъ опправился въ Канди изъ Коломбо въ 1817 году, и прожилъ тамъ очень долго. Даже между колониспами Тринкомалайскими книга Деви естъ единственнѣй руководителъ въ сихъ, споль недавно покоренныхъ Европейцами земляхъ.

По дорогѣ изъ Коломбо въ Канди находящся города *Ситтавака*, *Рувенвиллетъ*, *Кингъ* и *Анура-Пура* ; путь проложенъ здѣсь черезъ горы и долины, среди лѣсовъ, соспавляющихъ для спранника зрѣлище дикой и величественной природы.

Канди, споличный городъ Цейлана, находится на берегу искусственнаго озера, среди обширной долины. Дома здѣсь построены земляные и покрыты соломой, исключая домовъ знатныхъ людей, крытыхъ черепицею. Два главные зданія сушь : дворецъ Царя и храмъ Будды. Фасадъ дворца на 600 фушовъ длины; двумя шеспиугольными павильонами довершается это обширное строеніе: одинъ изъ нихъ служилъ въ прежнее время Царю для воз-

зрѣнія на подданныхъ въ праздничные дни; другой былъ обиталищемъ Царскихъ женъ. Крыльцо обнѣсколькихъ ступеняхъ, между двумя огромными пьедесталами, на которыхъ изваяны слоны, служивъ входомъ въ чертоги; оно оканчивается родомъ перистиля, спроектиемъ съ треугольнымъ фронтономъ, ведущимъ къ огромнымъ боковымъ галлереймъ. Тутъ разныя отдѣленія, изъ коихъ одно, зала пріема, украшено деревянными столбами. — Канди наполненъ множествомъ храмовъ; при всякомъ дворцѣ Царскомъ есть особый храмъ, ибо полииическое устройство Цингалезскаго государства издревль подвергало его деспотической духовной власти. Изъ всѣхъ храмовъ одинъ стоишь быль особенно упомянутымъ: *Далада-Малегавъ*, особенная часовня Царская; она считается великимъ и святымъ мѣстомъ, соборомъ Цейланскимъ, пошому, что здѣсь хранится зубъ Будды, святыня, по мнѣнію Цейланцевъ, выше всякой цѣны. Храмъ этотъ не великъ, мраченъ, таинственъ, но блестящъ золотомъ, драгоценными каменьями и богатымъ шитьемъ; благовоніе цвѣтовъ наполняетъ въ немъ атмосферу; со всѣхъ сторонъ прохлаждаютъ его фонтаны чистой воды. Во глубинѣ, на жертвенникѣ, видны два испукана Будды, одинъ изъ куска горнаго хрусталя, другой золотой, и подлѣ нихъ два *карандуа*, или ковчежца съ святынями. Большой изъ сихъ *карандуа*, около 40-ти футовъ въ окружности, изъ цѣльнаго серебра, позолоченный, и испещренъ драгоценными каменьями. Вокругъ него обведена золотая цѣпочка,

украшенная также камнями. Въ этомъ-то, ослѣ-
пляющемъ своимъ блескомъ футлярѣ, сохранялся
зубъ Будды, желтоватый и засаленный, обвер-
нутый въ листочекъ чистаго золота и заключен-
ный въ золотую коробочку, которая опять по-
ставлена была въ три или четыре футляра, по-
степенно больше одинъ другаго, кромѣ главнаго
футляра, или карандаа. Овладевъ Канди, Англи-
чане не оставили въ покоѣ зуба, столь богато
уложеннаго; они взяли все, зубъ и футляры.
«Англичане безспорно повелили наши — гово-
рящъ шеперь Цингалезы—потому, что tooth, king
владеетъ зубомъ Будды, неоспоримый владыка на
четыре царства.»

Цейланъ совершенно покрытъ памятниками Буд-
дизма. Погребалища Дамбулускія и *вигарей* Мал-
ваше и Асгири суть главные изъ нихъ. *Малват-*
те небольшой монастырь, гдѣ живутъ сорокъ жре-
цовъ, подчиненныхъ строгимъ правиламъ, и зани-
мающихся молитвою и преподаваніемъ ученія. Два
небольшіе храма зависятъ отъ Малваше, и под-
лѣ нихъ находится *поега*, или зала собранія, съ
колоннадою изъ шестнадцати столбовъ, каждый
изъ цѣльнаго камня, въ 25 футовъ вышиною. *Ас-*
гири гораздо менѣе; это собственно повнореніе
Малваше. Тутъ хранился спашуя Будды въ 30-ть
футовъ вышиною. Въ окрестностяхъ Канди, и
вообще на островѣ, должно еще замѣтить: *Дагоба*,
или часовню для храненія разныхъ святынь Буддиз-
ма; другую часовню близъ Тринкомала, и разва-
лины пагода подлѣ Рувенвиллена, принадлежащія

къ отдаленнѣйшей древности. Наконецъ *Девале*, или храмы браминовъ въ *Наша* и *Папине*, куда запрещенъ входъ, и только жрецы имѣютъ право входить. Всѣ эти священныя зданія окружены купами кокосовыхъ и фиговыхъ деревьевъ огромной величины, особенно обожаемыхъ благочестивыми Цингалезами.

Служители Буддѣйскихъ храмовъ берутся изъ двухъ училищъ, учрежденныхъ въ *Канди*. Изъ этихъ семинарій выходятъ два рода жрецовъ: въ первомъ заключающагося тѣ, которые, выдерживая еще искусь, имѣютъ только степень *Самереро* (дѣти жреца). Сии духовные особы одѣваются въ желтое плаще, брѣютъ голову и брови, и могутъ быть употребляемы только въ нѣкоторыхъ обрядахъ. Достигнувъ двадцати лѣтъ, *Самереро* оспавляетъ свою одежду, надѣваетъ бѣлое плаще, и является предъ собраніе двадцати ученыхъ жрецовъ, дѣлающихъ ему испытаніе. Если онъ не выдержитъ испытанія, то оспавляется въ нисшей степени, но если выйдетъ съ торжествомъ, то облачается публично въ достоинство высшее: торжественно надѣваютъ на него ризу *упазанпада* (одежду вѣры) и даютъ ему знаки новаго достоинства, вода послѣ того по всѣмъ городскимъ улицамъ. Достоинство жреца весьма важно въ глазахъ Цингалезовъ. Съ нимъ соединены большое вліяніе на народъ и немалые доходы. Въ бѣдныхъ деревняхъ, жрецамъ плащаютъ иногда десятину вещами, и случается отъ того, что жрецъ вхо-

дишь въ свое *вигаре* , или храмъ Будды , съ дюжиною пѣшуховъ , привѣшенныхъ на его поясѣ.

Довольно строгими правилами установлены обязанности жрецовъ и обряды духовные. Правила щашельно наблюдаются , и нарушители ихъ безпощадно наказываются. Поведеніе священниковъ Буддѣйскихъ , вообще нравственное и кропкое , усугубляетъ великость почтенія , которое оказываютъ ихъ особѣ и званію. Самъ Царь не смѣетъ сѣсть въ присущствіи жреца Буддѣйскаго.

Исповѣданіе Буддѣйское состоитъ вообще въ безобразномъ смѣшеніи преданій и спранныхъ мнѣній , которыя , кажется , ведутъ къ матеріализму. Буддисты думаютъ , что все существующее , боги демоны , люди , животные , происходятъ отъ воздуха , огня , воды и земли , соединенныхъ съ *Пране* и *Гитта* (жизнію и разумѣніемъ). Человѣкъ можетъ сдѣлаться богомъ , богъ демономъ , человѣкомъ и животнымъ , смотря по тому , какое вещество преимуществуетъ въ его составѣ. Смерть есть только измѣненіе формы ; уничтоженіе мысли есть совершеннѣйшее состояніе. Все это походитъ на Пифагоризмъ , съ нѣкоторыми частными отличіями. Послѣ вѣчности вещественной слѣдуетъ еще множество міровъ. Вселенная безначальна , говорятъ Буддисты , слѣдственно и *безконечна*. Небесъ считается двадцать шесть , изъ коихъ двадцать служатъ обителью *Брахми-Локе* , существамъ выше насъ , красота неописанной , и тѣмъ большей , чѣмъ далѣе живутъ они отъ нашей земли ; всѣ онѣ женскаго рода и чужды тѣлесныхъ спрасей.

Шестъ нисшихъ небесъ населены сущесшвами намъ подобными, съ постепеннымъ совершенствомъ. Явно, что вѣрованіе Буддистовъ есть одна изъ вѣтвей древней Браминской вѣры.

Четыре Будды являлись уже въ мірѣ — говорятъ Буддисты Цингalezскіе — пятый придетъ въ отдаленнѣйшее послѣ нашего время. Нынѣшній богъ есть *четвертый Будда*, именуемый *Гушама*. Его исторія довольно любопытна. Гушама приходилъ въ свѣтъ сколько разъ, и подъ такими различными формами, что соединивъ ихъ всѣ, онъ могъ бы занять ими пространство величиною съ нашу землю. Онъ согласился быть Буддою, и царица Садоденъ родила его. При самомъ рожденіи царь Каладивелла, обитавшій въ Гіэманѣ, пришелъ поспѣшить Царицу; онъ увидѣлъ ребенка ходящаго, и ешоль дерзкаго, что онъ прямо вспрыгнулъ на голову изумленного Царя. Тогда Царь подробно осмошрѣлъ его, узналъ на подошвахъ его 216 желанныхъ знаковъ, на шлѣ 32 знаменія красоты, и кромѣ того еще 80 примѣтъ. Онъ торжественно объявилъ, что новорожденный младенецъ будетъ Будда.

Гушама женился; однимъ прыжкомъ на лошади перескочилъ онъ черезъ рѣку Гангъ; потомъ, оставивъ царскія одежды, сдѣлался онъ жрецомъ, прошелъ великія испытанія, и кончилъ ихъ тѣмъ, что сидя на алмазномъ протѣ, въ 44-ть локтей вышиною, побѣдилъ всѣ искушенія демоновъ. Тогда позналъ Гушама настоящее, прошедшее и будущее, проповѣдывалъ людямъ, и даже богамъ.

Онъ обилахъ въ храмъ Оджета-Варанамскомъ , въ городъ Сра-Васпи-Ниура , и взошелъ на гору Адамову , гдѣ и оставилъ на вѣки слѣдъ ноги своей. Способный размножаться до безконечности , принимавъ всѣ образы , пролежавъ всѣ спихи , Будда находился вездѣ , являлся неожиданно во всѣхъ мѣстахъ , гдѣ присутствіе его было полезно , и обращалъ одинъ народъ за другимъ. Когда умеръ онъ , 86-ти лѣтъ отъ роду , уже большая часть свѣта слѣдовала его ученію. Нынѣ Будда , прибавляющъ жрецы , находится въ Ниванѣ , и они не дающъ никакого изъясненія о сущности этого таинственнаго слова , которое , по вѣрному переводу означаетъ , *нигтожество*.

Впрочемъ , нравственное практическое ученіе Буддистовъ числю и не запущано. Они поучающъ народъ , что должно творить милосердію , помышлять о непрочности счастья человѣческаго , жить такъ , чтобъ быть полезнымъ другимъ и себѣ , любить ближняго своего , какъ самого себя. Всѣ поученія Буддистовъ суть только распространенія сихъ основныхъ правилъ. Въ храмахъ народъ приносилъ жертву и обожаніе богу. Онъ повергается передъ божествомъ цвѣши , и потомъ произноситъ молитвы , пока прислужникъ алтаря устраиваетъ изъ цвѣтовъ букеты передъ испуканомъ Будды. Женщины Цейланскія суть самыя усердныя пошительницы вигареевъ. Кромѣ Будды , признающъ и другихъ боговъ. Это суть хранители острова , имѣющіе особенныхъ жрецовъ своихъ между Буддистами , и именуемые *Капуралы*. Богъ *Калтраганъ*

самый грозный изъ нихъ; въ Цейланскій храмъ его совершаютъ опдаленныя путешествія, почти изъ всѣхъ странъ Индійскаго полуострова. Кромѣ часовень и вигареевъ, коими усѣяна Цингалезская земля, есть еще подземные храмы. Деви осмапириваль и описалъ ихъ. Храмъ *Дамбулускій* изстѣченъ въ утѣсѣ; святилище это чрезвычайно древне и удивительно сохранилось. Храмъ *Алутъ-вигаре* наполненъ испуканами Будды всѣхъ размѣровъ и всѣхъ формъ. Храмъ *Мага-Раджа*, самый огромный и прекраснѣйшій изъ всѣхъ подземныхъ Буддѣйскихъ храмовъ, длиною въ 190 фушовъ и шириною въ 90 фушовъ. Въ немъ находясья пятьдесятъ при идолъ и красивый дагоба, вышиною въ 48 фушовъ, украшенный на подножіи четырьмя обронными изображеніями Будды, сидящаго на шеѣ змѣи. Кромѣ сорока шести идоловъ Будды, шупъ находясья идолъ таинственнаго *Митре-Део-Раджурово*—шого, кто придетъ послѣ Будды преобразитъ свѣтъ. Три испукана *Вишну*, *Самена* и *Ната* изваяны изъ камней синяго, желтаго и бѣлаго цвѣта.

Первобытныя народы Цейланскіе суть: *Беда* и *Цингале*. Первые составляютъ полудикое народонаселеніе, скрывающееся въ лѣсахъ, и особенно въ области Баншамской. Сиройнѣе и бѣлѣе шѣломъ Цингале, они независимы, живутъ въ грубомъ состояніи, не признають власти царей, питаются звѣриною ловлею. У нихъ нѣтъ ни городовъ, ни селеній, даже нѣтъ хижинъ. Вечеромъ Беда ложиться подъ деревомъ, окруживъ ночлегъ свой вѣтвями колючихъ деревьевъ; шупъ спитъ онъ до утра;

въ случаѣ опасности спасается на дерево. Полагають, что это были первобытные обитатели, или *автохтомы* острова; но сходство языка показываетъ, что Беда есть уже часть тѣхъ народовъ, которые не хотѣли подчиниться преобразованіямъ и игу позднѣйшихъ побѣдителей. Имѣя надобность въ какихъ нибудь обработанныхъ предметахъ, какъ-то: желѣзныхъ издѣліяхъ, или тканяхъ, они приближаются къ селеніямъ, кладутъ въ условленномъ мѣстѣ медь, воскъ, слоновую кость, и пишутъ на древесномъ листѣ, чего желаютъ за то въ обмѣнъ. Такой образъ торговли почитается неприкосновеннымъ, и дикари свято соблюдаютъ правила его.

Цингале вообще велики, стройны и сильны. Лицевой уголъ у нихъ, какъ у поколѣній Монгольскихъ и Малайскихъ, не столь открытъ, какъ у лица Европейцевъ. Женщины почти все красивы, есть даже красавицы. Въ Цейланѣ, какъ и во всей Индіи, считаютъ множество *кастъ*, которыя дѣлятся безконечно. Въ высшихъ кастахъ полагаютъ царей, военныхъ начальниковъ и жрецовъ; касты среднія занимаются торговыми дѣлами; низшія суть рабочій народъ и слуги. Люди сихъ послѣднихъ кастъ ходятъ почти нагіе, обвязывая только кусокъ ткани по поясу, болѣе широкій у женщинъ, болѣе узкій у мужчинъ. Женщины сихъ кастъ не смѣютъ закрывать себѣ груди, носятъ зонтикъ и быть провожаемы служителями; все сіи отличія принадлежатъ Цингаламъ высшихъ кастъ.

Одежда мужчинъ почтенныхъ званій представ-

ляешъ странное смѣшеніе старинныхъ нарядовъ Цингалезскихъ и Европейскаго одѣянiя. На широкое бѣлое платье, вышитое по краямъ, падающее на-крестъ до половины икръ, какъ Римская тога, надѣвають жилетъ, фракъ, на манеръ Французскаго, изъ дорогой шкани, съ пуговицами серебряными, золошыми, или изъ драгоценныхъ камней. Присовокупите къ этому саблю, которую держашъ въ правой рукѣ, красные остроносые паншуклы, волосы заплетенные и взбитые хохломъ, съ широкимъ золошымъ гребнемъ, и — вы будете имѣть вѣрное понятіе о нарядѣ знашнаго Цейланца. За каждымъ всегда идетъ служитель, держа въ рукахъ калпакъ своего господина, и зонтикъ, состоящій изъ шалипошоваго лисна (дерево изъ рода пальмы). У людей высшихъ степеней бываетъ по пяти и по шести слугъ, несущихъ такіе зонтики. Одѣяніе военныхъ начальниковъ походитъ нѣсколько на нынѣшній нарядъ Турецкихъ чиновниковъ Султана Махмута, названный *Европейскимъ*. Впрочемъ, шкани такъ дороги на Цейланѣ, что иногда на торжества, въ праздничные дни, многіе чиновники берутъ одежду у другихъ на прокатъ.

Жилища Цингалезскія строятся легко и весьма просты. Стѣны деревянныя, или бамбуковыя, связывающіяся веревками изъ кокосовыхъ нитей. Дома всегда въ одинъ этажъ, иногда даже и комната бываетъ въ домѣ одна, съ одною, или двумя кроватями, съ рогожками, сѣнкомъ для полученія сарачинскаго пшена, глиняными сосудами, и шеркою изъ кокосовой скорлупы — вошъ вся мебель и утѣ-

варь Цингалеэскаго хозяйсва. Спятъ кто гдѣ попало ; изъ эшого происходятъ иногда преждевременныя шалости , но старшіе мало объ эшомъ заботятся. Супружесва заключающа неперемѣнно въ своей кастѣ. Когда сынъ достигъ 18-ти лѣтняго возраста , отецъ ищетъ ему невѣсту , торгуется о приданомъ , и если дѣло сладится , аспрологъ назначаетъ счастливый день для свадьбы. Весь обрядъ состоитъ въ двухъ общихъ обѣдахъ , на которыхъ , прошивъ условій Цингалеэской вѣжливости , всѣ родственики берутъ пшено руками изъ кучи , наложенной на пальмовый листъ. Послѣ такихъ доказательствъ дружесва , невѣста подходитъ къ жениху , мѣняется шариками , скатанными изъ сарачинскаго пшена и кокосоваго орѣха. Подарокъ бѣлой ткани довершаетъ обрядъ. У богатыхъ обряды нѣсколько различны. Новобрачные могутъ разспаться черезъ пятнадцать дней живя вмѣстѣ. Кажется , по новѣйшимъ изслѣдованіямъ , что многомужсво иногда допускается у Цингалеэзовъ. Есть женщины , у которыхъ до семи мужей , такъ-же какъ мужчины , у которыхъ до семи женъ. Дѣтей , происходящихъ отъ такихъ союзовъ , мать кормитъ сама , потомъ отдаетъ очередному отцу , который воспитываетъ его. Каждому Цингалеэзу даютъ по два имени ; одно назначающъ родители ; другое двадцатилѣтній мужчина избираетъ себѣ самъ.

Будда пришелъ съ Воспока , говорятъ Цингалеэзы , и потому всегда ложатся они головою къ сей сторонѣ свѣта. Только послѣ смерти , Цингалеэза кладутъ головою на Западъ ; потомъ обмываютъ

ишло его, одѣваяшъ въ лучшую одежду, и опно-
саяшъ на костеръ, составленный изъ кокосовыхъ
скорлупъ. Почетнаго покойника несутъ въ палан-
кинѣ, при звукахъ *тамтама*, и въ сопровожденіи
множества жрецовъ.

Цингalezскій языкъ есть особенный, собственно
принадлежащій народамъ Цингале. Въ немъ нахо-
дятся множество переименованныхъ словъ, корни ко-
торыхъ относятся къ Арабскому, Санскритскому
и Палійскому. Цингалецы пишутъ желѣзнымъ спи-
лемъ на шалипошовыхъ лисьяхъ, и покрываютъ
пошомъ написанное чернилами, составленными изъ
сажи и масла. Книги Цингalezскія состоятъ изъ
собранія такихъ листовъ, связаннаго снуркомъ.
Есть Цингalezскія сочиненія объ Исторіи, Теооло-
гії, Медицинѣ и Астрології. Европейцы открыли
нѣсколько Цингalezскихъ поэмъ. Но вообще науки
и знанія грубы и нелѣпы у Цингalezовъ. Самымъ
почетнымъ вѣдѣніемъ полагаютъ Астрологію; по
ея указаніямъ совершаются всѣ дѣйствія въ жи-
зни; планеты и созвѣздія наблюдаютъ для соста-
вленія гороскопа новорожденному, назначенія дня
свадьбы, совѣщанія о болѣзни. Замѣчательно одна-
кожь, что среди дѣтскихъ суевѣрій науки, въ вы-
четахъ Цингalezскихъ находятъ число 432, какъ
выраженіе различныхъ сложныхъ движеній небесныхъ
тѣлъ — это число сообразно съ вычетомъ Брами-
новъ, и (что еще замѣчательнѣе) съ числомъ, ко-
торое вывелъ Ньютонъ. Медицина, Химія, Зодче-
ство, Живопись здѣсь въ младенчествѣ; употребле-
ніе нѣкоторыхъ кореньевъ, выдѣлка арака, гру-

бая постройка въ Индо-Китайскомъ вкусѣ, карпинки, безъ соблюденія пѣни и перспективы — вошъ все, что упомянутыя знанія производяшъ въ Цейланѣ.

Столица острова, Канди, находящаяся недалеко отъ Адамовой горы, представляешъ въ окрестностяхъ своихъ мѣстоположенія живописныя и разнообразныя. По ручьямъ, или пошодамъ, оживляющимъ ихъ, наброшены легкіе мостики изъ бамбуковыхъ простины, опирающихся на чешыре обрубка; переходя по такому мостику, чувствуешъ, какъ гнется онъ, будто веревка. Поля на всемъ этомъ пространствѣ покрыты насажденіями сарачинскаго пшена, даже по скаламъ холмовъ, ибо Цингалезская промышленность нашла средства орошать и сіи неудобныя мѣста. Сарачинское пшено есть главнѣйшее земледѣльческое произведеніе Цейлана; жатва его всегда производится съ нѣкошорыми религіозными обрядами. Покрываютъ особое мѣсто пеломъ, рисуютъ на немъ цвѣты и арабески, раскладываютъ раковины и кусочки желѣза, и каждый изъ присутствующихъ бросаетъ свой снопъ пшена на освященное пространство. Кромѣ пшена, Цейланцы разводятъ *танну*, *моннигъ* (коего зерна похожи на чечевицу), *омбъ*, имѣющій свойство опьянять, *минеръ*, *бумазъ* и *толлу*.

Одно изъ богатѣйшихъ и самыхъ знаменитыхъ произведеній Цейлана, безъ сомнѣнія, *корица*, столь извѣстная, благоухающая пряность; ея употребленіе нынѣ уменьшилось, но прежде составляла она важную вѣшь здѣшней торговли. Коричнаго де-

рева естьдесять сортовъ, и лучшимъ почищается *Laugus cinnamomum*, называемый туземцами *курунду*. Это дерево средней величины, съ листьями, похожими на померанцовые, съ пахучими, бѣлыми цвѣтами, желтоватымъ плодомъ, величиною съ маслину, изъ котораго извлекають масло, пригодное для различныхъ употребленій. Внутренняя кора этого дерева есть *корица*. Высушенная на солнцѣ, она свершывается дудочкою, и въ такомъ видѣ отправляется въ Европу. Ее укладываютъ въ тюки, по 25-ти фунтовъ, обвертывая ихъ въ ткань изъ кокосовыхъ волоконъ. Между другими произведеніями Цейлана должно упомянуть о *хлѣбномъ деревѣ*, важномъ пособіи для пропитанія жителей; *гурентъ*, или вонючемъ деревѣ: *годаганду*, или змѣиномъ деревѣ, и наконецъ, о *талипотѣ*, одномъ изъ высочайшихъ, какія только извѣстны, деревъ.

Царство животныхъ на Цейланѣ представляетъ прежде всего породы слоновъ, дорого цѣнимыя во всей Индіи за ихъ силу и понятливость. Слоновъ употребляютъ здѣсь для домашнихъ работъ, причемъ оказываютъ они удивительную послушливость и неустрашимость. Въ военныхъ дѣйствіяхъ пользуютъ ихъ опиумомъ, и они, какъ бѣшенныя и лютыя чудовища, бѣгутъ на полки непріятелей. Безопасныхъ отъ стрѣлъ, копій и пуль, ихъ ничто ошановить не можеть. Нѣкоторые изъ сихъ пахидермовъ приучаются исправлять должность палача, и исправляютъ ее столь искусно, что никогда не ошибутся въ мѣръ наказанія, опредѣленнаго преступнику; если прежде смерти положена пытка, слонъ рветъ

у несчастнаго руки и ноги , попомъ давишь его. Если объявлена просто смерть, слонъ схватываетъ преслупника хоботомъ, бросаетъ на воздухъ, подхватываетъ клыками и умерщвляетъ; наконецъ , если участь казнимаго неопредѣлена (а léatoire), слонъ бросаетъ его на воздухъ и оставляетъ паденію рѣшить жизнь и смерть. Иногда преслупникъ опдѣлывается въ такомъ случаѣ только спрахомъ смерти , но всего чаще оспается на вѣкъ калѣкою.

Кромѣ слоновъ укрощенныхъ и обученныхъ человекомъ , на Цейланѣ водятся безчисленное множество дикихъ слоновъ, бродящихъ по лѣсамъ, не слугъ , но ужасныхъ враговъ людямъ. Впрочемъ , нѣтъ никакой опасности встрѣпши слоновъ , идущихъ спадомъ, и путешеспвенники встрѣчаютъ ихъ безъ всякаго вреда , не только во внутренности острова , но даже по мѣстамъ прибрежнымъ. Бѣда встрѣпшися съ слономъ , если онъ идетъ одинъ ; говорятъ , что такой бродяга бываетъ обыкновенно изгнанникъ изъ общесства слоновъ за злой нравъ свой; негодая насильно гонятъ отъ себя другіе слоны , въ извѣстное время года , попому , что ему не бываетъ пары. Въ величайшемъ озлобленіи , изгнанникъ бросается на все , даже на жилища людей, увѣпши кого попало, ломаетъ хижины , вырываетъ деревья. Однажды , майоръ Англійской службы , съ своимъ семействомъ , путешеспвовавшій въ паланкинѣ изъ Тринкомалаа въ Баншиколу, встрѣпился съ бродящимъ слономъ; едва завидя разъяренное чудовище , носильщики

разбѣжались; слонъ кинулся на паланкинъ, шоппалъ, билъ несчастныхъ путешественниковъ, и какъ будто сомнѣваясь, не остался-ли кто нибудь изъ нихъ живъ, поднималъ ихъ одного за другимъ своимъ хоботомъ, и разбивалъ головы ихъ о ближнія деревья.

Обученные слоны не только не дружатся съ дикими, но охотно пускаются пропивъ нихъ на охоту, помогая человѣку. Вотъ описаніе поѣздки на слоновую ловлю; его передалъ намъ Англичанинъ Персиваль:

« За мѣсяцъ, или за два до выѣзда на слоновую охоту, туземцы загораживаютъ засѣку около обширнаго прострѣянаго пространства земли, выбирая его всегда среди кокосоваго лѣса, окруженнаго боломомъ. Засѣка устроивается изъ толстыхъ бревенъ, связанныхъ крѣпкими веревками, и ее закрываютъ вѣтвями деревьевъ, такъ, чтобы не лѣзя было замѣтить.

« Когда засѣка кончена, знаменитые Цингалезы собираютъ повсюду простолудиновъ, съ ихъ семействами, женами и дѣтьми. Толпа эта идетъ съ барабанами и другими звучными орудіями. Она направляется черезъ лѣсъ, и ночью зажигаетъ факелы. У всякаго охотника есть огнестрѣльное оружіе, для защиты отъ дикихъ звѣрей, которыми наполнены здѣсь всѣ лѣса. Еще за нѣсколько дней окружаютъ народомъ всѣ озера и воды, куда слоны приходятъ пить, непрерывно пугаютъ, преследуютъ ихъ, и не даютъ имъ утолять жажды. Томимые зноемъ, и убѣгая отъ шума и спуга,

которыя слышатъ во всѣхъ сторонахъ, тамъ, гдѣ прежде жили такъ спокойно, спада слоновъ бѣгутъ прочь, и ихъ направляющъ къ шѣмъ дорожкамъ, на которыхъ устроены засѣки. Тутъ врожденная понятливость слоновъ еще удерживаетъ ихъ, при видѣ перемѣнъ въ лѣсу; все заставляющъ ихъ опасаться гибели; они приходятъ въ робость, въ недоумѣніе; но шумъ преслѣдователей не позволяющъ имъ обратиться назадъ, или въ стороны. Гонимые такимъ образомъ, слоны идутъ прямо и взирутъ въ загородкахъ. Видя ихъ шумъ запуганными, такъ, что они уже съ трудомъ могутъ двигаться, посылающъ приученныхъ слоновъ, и загораживающъ всѣ выходы. Охотники приближающъ на слонахъ со всѣхъ сторонъ, раздѣляющъ пойманное стадо разными средствами, и загоняющъ каждого слона въ особенное отдѣленіе засады. Успѣвши въ этомъ, осмѣивая накинущъ пенью на шею слона, и приученные слоны удивительно помогаютъ въ семъ случаѣ человеку.

«Случается иногда, что бѣшенство овладѣваетъ дикимъ слономъ, едва почувствуемъ онъ себя пойманнымъ. Тогда все заключено въ помощи слоновъ обученныхъ; едва замѣляющъ они, что кто нибудь изъ плѣнниковъ начинаетъ свирѣпѣть, то бросающъ къ нему, окружающъ, спѣсняютъ его, бьютъ его своими хоботами, и такъ жестоко, что бѣднякъ жалосно реветъ, дурѣетъ, сшановишся смиренъ и поддается. И послѣ того, какъ будто опасаясь новаго покушенія, слоны сперегутъ буйнаго

плѣнника , не допуская его напасть на охотниковъ. »

Можно-ли повѣрить , что шакому сильному и громадному животному , каковъ слонъ , самый опасный непріятель не человѣкъ , а маленькая змѣя ! Она вползаетъ въ его хоботъ , прогрызаетъ его до головы , и убиваетъ исполина звѣрей въ ужасныхъ мученіяхъ.

Многіе изъ животнохъ , водящихся на Цейланѣ , равно принадлежатъ ему и Индіи. Таковы : левъ , тигръ , гіѣнна , медвѣдь , дикобразъ , чакаль , летучая лисица (огромный нешопырь) , бодикутъ , крокодилъ , множество родовъ змѣй , которыхъ описалъ Деви съ особеннымъ тщаніемъ. Какъ медикъ , онъ производилъ любопытные опыты надъ змѣинымъ ядомъ , съ благодушельнымъ намѣреніемъ : доказать нелѣпость повѣрьево объ ядовитости Цейланскихъ пресмыкающихся. Изъ двадцати , или болѣе родовъ змѣй , оказалось по изслѣдованіямъ его только *четыре* ядовитыхъ. Онъ видѣлъ громадную *лимберу* , или змѣю *ушесовъ* , принадлежащую къ роду *пиѳоновъ* (по Кювье) , и простирающуюся въ длину на 25 футовъ , при двухъ фузахъ толщины въ окружности ; она можетъ проглотить цѣликомъ человѣка. Замѣчательны еще : *Cobra di Capello* , столь важная въ Θεологіи Браминской ; *каравилла* , *тіа полонга* , и еще родъ змѣй , кажется , шопъ самый , что былъ означенъ Русселемъ подъ именемъ *бодрупамы*. — Въ Цейланѣ , какъ въ другихъ земляхъ Азіи и Африки , находятся *псиллы* , или заклинали змѣй. Они берутъ самыхъ ядовитыхъ

змѣй такъ смѣло , что невольно заставляють зрители препенать. Заклинатели увѣряють , будто у нихъ есть заговоры противъ укушеній змѣи. Но , едва-ли не заключаеся все въ привычкѣ играть змѣями , и хватать ихъ всегда такъ ловко , что змѣя не успѣваетъ уязвить ; для этого надобно чрезвычайное проворство , особенную смѣлку , и привычку подсперегать самое малѣйшее движеніе змѣй.

Не только естествоиспытательнымъ описаніемъ Цейлана одолжены мы неутомимому Доктору Деви : онъ первый , какъ ученый наблюдатель , былъ на вершинѣ *Адамовой горы* , споль священнаго мѣста для обожателей Брамъ и Будды. Вотъ сокращенный рассказъ его :

Деви отправился изъ Коломбо , и черезъ Панпура и Рапнапура , достигъ Саффрагана. Это мѣсто составляетъ военное укрѣпленіе , находящееся на холмѣ , окруженномъ величественными горами. Здѣсь надобно было оставить паланкины , и пересѣсть въ носилки , привязанныя къ двумъ бамбуковинамъ , копорыя Цингалезы несли на плечахъ. Дорога представляла послѣдовательно горы и долины , съ дорожками , пробитыми сквозь угловатые утесы , или проложенными черезъ густыя джонгли. Первое значительное селеніе здѣсь *Гиллемалле* , среди веселой долины , окруженной поясомъ пальмъ и плодовыхъ деревъ. Вся эта область наполнена пѣявками , копорыхъ вообще множество на Цейланѣ ; онѣ прилипають къ босымъ ногамъ пуземцевъ , и даже пробираются подъ Европейскую одежду.

Случалось, что Англійскіе солдаты умирали отъ изнеможенія, послѣ непрерывныхъ укушеній пиявокъ.

Послѣднее обитаемое мѣсто, по дорогѣ къ Адамовой горѣ, *Палабатула*, гдѣ находишся *вигарей*, служащій госпиталицею пилигримамъ. За эшимъ селеніемъ надобно взбираться пѣшкомъ на гору, по узкой пропинкѣ, проложенной среди дремучаго, непроницаемаго солнцемъ лѣса. Дорога бываетъ здѣсь наполнена богомольцами, идущими воздашь поклоненіе *слѣду Будды*; устывая, они опдыхають подлѣ многочисленныхъ пошочковъ, бѣгущихъ съ горы, и ѣдяшь свой запасъ, запивая водою. За однимъ изъ горныхъ пошочковъ, *Сатагонголою*, начинается крушій подъемъ по цѣльному, скользскому ущесу. Путь здѣсь былъ-бы вовсе недоспунень, если-бы, по повелѣнію Царей Цингалезскихъ, не были вырублены въ ущесахъ спунени. На шрехъ первыхъ лѣспницахъ всего 36-ть спуненей, но на послѣдней, чешвертой, около девяносна. Послѣ шого слѣдуешь самая вершина пика, и самое опасное мѣсто спранспивованія: не проходитъ года, чтобы отъ круженія головы, или неоспорожности, нѣсколько пилигримовъ не свалились отсюда въ бездны. Спасають еще желѣзные цѣпи, вбитыя въ ущесъ, и служащія лѣспницею къ вершинѣ; безъ шого, спранспивованіе на поклоненіе знаменишому слѣду Будды было-бы однимъ изъ самыхъ гибельныхъ путешесствій.

Съ вышины пика, взоръ оъемлетъ почти весь Цейланъ, цѣпи горъ его, вьющіяся отъ сѣвера на

востокъ, и ближайшія возвышенныя равнины, какъ
 будшо коверъ, сплетенныя изъ зеленыхъ, тем-
 ныхъ и красныхъ полосъ. Спранно, когда опъ этой
 обширной картины надобно обратиться на то,
 что бываетъ цѣлью столь тяжкихъ и непрерыв-
 ныхъ путешествій: въ небольшой каменной оградѣ
 видите вы свящую *сри-пада*, или *слѣдъ Будды*. Это
 ничто иное, какъ углубленіе въ камень, въ 5 фуш.
 3 дюйм. длиною, 2 фуша 7 дюйм. шириною. Мѣд-
 ная оправа, съ драгоцѣнными каменьями, крышка,
 укрѣпленная въ ушесы четырьмя желѣзными цѣпами,
 на чешырехъ столбахъ, дополняютъ сей памятникъ.
 Крышка подбита пестрыми шканями, и края у нея
 убраны цвѣтами и гирляндами. По всему видно,
 что мнимый слѣдъ, дѣйствительно похожій на
 слѣдъ человека, изсѣченъ руками человѣческими.
 Единственное убѣжище на вершинѣ пика состав-
 ляетъ небольшая рододендровая рощица, почи-
 таемая за священную шуземцами, и небольшая ке-
 лья подлѣ нея, жилище находящагося здѣсь жреца.
 Едва явился отдѣленіе пилигримовъ на вершинѣ
 пика, немедленно начинаютъ религіозный обрядъ:
 жрецъ, одѣтый въ желтое плашье, спановишся по-
 длѣ слѣда Будды, обращаясь къ поклонникамъ,
 стоящимъ въ рядъ, одни на колѣняхъ, съ подня-
 тыми къ небу руками, другіе наклонясь впередъ и
 сложа руки. Жрецъ, слово за словомъ, читаетъ
 символъ Буддійскаго исповѣданія; поклонники по-
 вшоряютъ его. По окончаніи молитвы, жрецъ уда-
 ляется. Тогда поклонники восклицаютъ опъ радо-
 сти, совершивъ подвигъ свой. Всѣ кланяются по-

чтишельно другъ другу , начиная съ стариковъ , и спаршій снова начинаешъ чтеніе символа, съ общимъ повшореніемъ. Поклонники обнимаюиися; мѣняюшъ другъ другу листы бешеля; обрядъ кончипся приношеніемъ слѣду Будды и благословеніемъ жреца , кошорому всякій даетъ , что можешъ.

Адамова гора, прежде почишавшаяся чрезвычайно высокою , неболѣе 4000 шуазовъ вышины ошъ поверхности моря. Непосшижимо , ошъ чего произошло ея названіе; одни приписываютъ его Халдейскому , другіе Индійскому преданію. Цейланскіе Музульманы называютъ гору Адамову *Малай Адамъ*, говоря, что когда Адамъ былъ изгнанъ изъ рая, первое пребываніе его было на этой горѣ; что онъ стоялъ здѣсь на одной ногѣ , пока Богъ согласился просшишь его. Съ шѣхъ поръ на вѣки ошался слѣдъ ноги Адамовой, какъ знаменіе спасенія человѣческаго.

Одною изъ почетныхъ достопамятноспей Цейлана почишаютъ ловлю жемчужныхъ раковинъ, производящуюся на западномъ берегу, неподалеку ошъ острова *Манара*. Ловля эша происходитъ около Февраля мѣсяца. Когда Англійскіе коммисары опредѣляютъ день для начала, и мѣспо , гдѣ производитъ ловлю, со всѣхъ споронъ являешся множество народа , различныхъ племенъ , вѣрованій , нарѣчій; обширный базаръ составляешся шогда около залива *Кондаги*. Для ловли употребляютъ длинныя и широкія лодки , съ одною мачшою и парусомъ, за-

хвапывающія не болѣе 18-пи дюймовъ воды. Ловля учреждается товарищескимъ, и рѣдко пускаются на нее сами Цингалезы; врожденная прусость заставляеиъ ихъ робѣиъ неудачи, и равнодушно смотрѣиъ на прибышки, получаемые съ ихъ земли. Товарищества соспавляющія наиболѣе Неграми, которые употребляютъ для промысла своихъ рабонниковъ, почти всегда привозя ихъ съ Декканскаго полуострова. Ловъ производится въ шеченіе почти двухъ мѣсяцевъ. Для возбужденія ревности ловцовъ къ сборкѣ поспѣшной и обильной, имъ платятъ жемчугомъ, въ опредѣленной мѣрѣ по договору, съ числа добычи. На каждой лодкѣ находишся до двадцати человекъ, изъ коихъ половина ловцы. Они бросающся въ море, держа между ногами, или привязывая около пояса, тяжелый камень, погружающій ихъ въ глубину, иногда на десяць брассовъ (*). Вережками держаиъ ихъ съ лодки, и по извѣстному знаку выпаскиваютъ изъ глубины. Имѣя въ одной рукѣ сѣточнй мѣшокъ, другою захвипывая ноздри, ловець хвапаетъ раковины, пока можешъ побыиъ подъ водою; выпавивъ его, шашаиъ грузильный камень, оставленный имъ на днѣ моря. Нерѣдко при сей опасной работѣ кровь брызжешъ у ловца ушами и носомъ. Но опасеніе задохнуиъся подъ водою еще не главная опасность для несчастныхъ промышленниковъ. Рекины, или

(*) Brasse, шесипфушовая сажень Французская. Прим.
Пер.

аккулы, spadaми плавають въ моряхъ подъ экваторомъ, и, какъ нарочно, множество ихъ собирается къ мѣсту жемчужной ловли, будно на пиръ роскошный. Противъ этихъ страшныхъ неприятелей, промышленники не находятъ никакого средства, кромѣ заклинаній. На каждой лодкѣ находится колдунъ, заговаривающій прожорливыхъ обитателей Океана; онъ даетъ ловцамъ амулеты и талисманы. Но не всегда ловцы являются столь беззащитны; иногда они вступаютъ даже въ открытую битву, сражаясь съ реками и побѣждая ихъ. Вотъ замѣчательное происшествіе, случившееся въ 1823 году: ловецъ жемчужныхъ раковинъ, сильный Малаецъ, лѣтъ сорока пяти, явился на ловлю съ сыномъ своимъ, молодымъ человекомъ, также искуснымъ ловцомъ. Когда сынъ бросился въ море, ужасный рекинъ опкусилъ у него ногу. При видѣ крови, текшей ручьями, при видѣ мученій сына, отецъ не сказалъ ни слова, не плакалъ — только пристально глядѣлъ на поверхность моря, и едва прожорливое животное, гонясь за жертвою, коснулось поверхности воды, Малаецъ схватилъ длинный кинжалъ и бросился въ воду. Нѣсколько минутъ не было его видно; но жестокое волненіе подъ водою и пошукъ крови, окрасившій воду, вскорѣ показали, что удалецъ вступилъ въ битву съ чудовищемъ Океана. Битва эта продолжалась болѣе четверти часа. Нѣсколько разъ Малаецъ возвращался на поверхность, дохнувъ воздухомъ, опять погружался въ воду, находилъ своего страшнаго врага, билъ, рѣзалъ его кинжаломъ,

и кончилъ побѣдою: море покраснѣло отъ крови, волненіе прекрашилось, и трупъ рекина всплылъ на поверхность воды. Побѣдитель пошацилъ убишаго непріятеля къ лодкѣ, гдѣ встрѣтили его крикомъ изумленія. Отецъ гордо смотрѣлъ на изувѣченнаго сына — онъ опмспилъ за него!

Количество жемчужныхъ раковинъ, собираемыхъ ловцами въ глубинѣ Океана, на опмѣляхъ, измѣняется, смотря по временамъ и движенію подводныхъ песковъ. Иногда нѣсколько лѣтъ ловля бываетъ обильнѣе, или недоспапочнѣе. Усприцы жемчужныхъ раковинъ такъ нѣжны, что умираютъ пошчасъ по вынятїи изъ воды. Жемчугъ находился въ самой срединѣ ихъ. Цейланскій жемчугъ признается лучшимъ изъ всѣхъ другихъ. Когда ловля кончилась, раковины гноятъ въ ямахъ, чшобы освободить изъ нихъ жемчужины; раскрываютъ ихъ опасаясь, боясь испоршить жемчугъ. Ничто не можетъ быть такъ измѣнчиво и невѣрно, какъ добыча ловли жемчужной; иная лодка соберетъ въ цѣлый день не болѣе 300 раковинъ, когда другая набираетъ ихъ болѣе 30,000. Опмѣли, подобно пріискамъ мешалловъ, бываютъ болѣе или менѣе богаты, болѣе или менѣе награждаютъ за трудъ.

Говоря о произведеніяхъ Цейланскаго побережья, надобно упомянуть о заведеніяхъ Европейцевъ по берегамъ Цейланскимъ. На сѣверной оконечности острова находится островъ *Яфна-патнамъ*, опдѣляемый небольшимъ проливомъ. Между симъ островомъ и полуостровомъ Индійскимъ, въ проливѣ, шириною около 20-ми лѣ, находится подводный

перешеекъ, называемый Европейцами *Адамовымъ мостомъ*, спранныя ошмѣль, кошорою, кажется, соединялся нѣкогда Цейланъ съ Азіятскимъ материкомъ. Этошъ перешеекъ мѣшаетъ плаванію по проливу даже самыхъ мѣлкихъ судовъ прибрежныхъ. Еще недавно инженеры и гидрографы Англійскіе, посланные для мѣснаго обозрѣнія отъ Англійской Компаніи, разсматривали подробно: не лзя-ли усиліями искусства побѣдить это природное затрудненіе? Отчепъ ихъ благопріятствовалъ рѣшенію; огромные пруды будутъ предпріяшы, какъ говоряшъ, для учиненія пролива судоходнымъ.

Островъ Яфна-пашнамъ богатъ пажитями и скошиною. *Яфна*, главный городъ этого мѣста, находится недалеко отъ берега. Тутъ есть и крѣпость. Населенный Голландцами, Маврами и Малабарцами, городъ производишъ довольно значительную торговлю шалами и пиканями. Далѣе по западному берегу Цейлана нѣшъ ничего до *Манарскаго* залива, гдѣ находишся укрѣпленіе. Пошомъ слѣдуешъ *Ариппо*; батальонъ Англійскихъ солдатъ оберегаетъ здѣсь жемчужные промыслы. За нимъ лежишъ *Негумбо*, прелесная деревня, окруженная лугами и коричневыми рощами.

Южнѣе, въ нѣсколькихъ миляхъ, находишся *Колombo*, столица Англійскаго Правительсва въ Цейланѣ, городъ значительный и хорошо укрѣпленный. Дома построены порядочно, но худо покрыты; пучи воронъ и легіоны обезьянъ, цѣпляющихся по кровлямъ, ломаюшъ черепицы и безобразяшъ кровли. Поршъ, или гавань здѣшняя, хорошъ

только въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году, ибо сильныя юго-западные вѣтры, грозно волнуя здѣсь море. Не смотря на такое неудобство, Коломбо одинъ изъ самыхъ населенныхъ городовъ Индійскихъ. Жилили его смѣсь Мавровъ, Индійцевъ, Кишайцевъ, Арабовъ, Персіянъ, Турковъ, Малайцевъ, Египтянъ, не считая поселенцевъ Европейскихъ, которыхъ число превышаетъ всѣ другія племена. Безъ увеличеній, можно положить въ 60,000 число жителей въ Коломбо; испорченный Португальскій языкъ есть общій въ этомъ городѣ и другихъ заселеніяхъ Европейцевъ въ Цейланѣ, хотя Голландцы суть многочисленнѣйшіе обитатели Европейскіе въ Коломбо. Нравы этихъ выродившихся Креоловъ опличаются изнѣженностью и лѣнностью. Куришь, пьешь, ходишь въ гости — вотъ всегдашнее препровожденіе времени ихъ. Одежда женщинъ здѣшнихъ, смѣсь Европейскаго съ Цингалезскимъ, не безъ изящества. Снарики изъ Голландскихъ Креоловъ безпрестанно жуютъ смѣсь листьевъ *бетеля* и зеренъ *арека* съ *гинамомъ*; последнее есть родъ извеси, дѣлаемой изъ пережженныхъ и исполченныхъ въ порошокъ раковинъ.

Отъ Коломбо до *Калтура* земля непрерывный плодovitый садъ, пересѣкаемый рѣчками, пажитями и рощами. Спрана обильна дичиною всякаго рода. — Мысъ *Галльскій* слѣдуетъ послѣ сего; здѣшній городъ есть самый торговый и многолюдный въ Цейланѣ, послѣ Коломбо; обитатели Малайцы и Индійцы. — *Матура*, городъ, защищенный небольшою крѣпостью, находится на южной око-

нечности Цейлана, въ 30-ти миляхъ отъ Галля. Его окрестности славятся ловлею слоновъ. Въ 1797 году, въ одну поѣздку охотники поймали ихъ до семидесяти штукъ. Восходя отъ Машура, восточнымъ берегомъ, слѣдуютъ лѣсами, гдѣ единственные обитатели дикіе звѣри, и до самаго Тринкомала единственное пристанище въ *Баттикола*, маленькой крѣпости, усроенной для защиты прибрежнаго плаванія. *Тринкомалай* по торговлѣ не столь значителенъ, какъ Коломбо и Галль, но здѣсь главное мѣсто военной морской силы Англичанъ въ Цейланѣ; широкій и глубокий заливъ здѣшній есть единственный портъ, куда могутъ входить большіе корабли. Окрестности безплодны; климатъ жаркій и нездоровый; но всѣ невыгоды замѣняются безопасностью гавани, хорошо снабженными арсеналами и превосходною кораблестроительною верфью. Последнее заселеніе на *С. В. Малативое*, крѣпость, на живописномъ мѣстѣ, въ плодотворной сторонѣ. Окрестные лѣса шакъ обилуютъ дичиною, что добываніе ея почти не стоить труда: дайте здѣшнему жишелю немного свинцу и пороху, и черезъ нѣсколько часовъ вамъ принесутъ все, что только угодно назначить, не требуя никакой платы за трудъ.

Таковъ *Цейланъ*, земля нѣкогда столь прославленная, въ то время, когда цѣлый міръ былъ данникомъ производимыхъ ею пряностей. Нынѣ торговля здѣшняя непрерывно упадаетъ, пошому, что Цейланскіе жемчуги, кожи, корица упали въ цѣнахъ. Вывозъ, до мира 1814 года восходившій

въ три миллона стерлинговъ , далеко не доспигаетъ нынѣ этого итога. Росписи Тринкомалайской таможи показываютъ непрерывный недоборъ , и разумѣется , что это еще ощутительнѣе въ шѣхъ гаваняхъ острова , гдѣ торговля значительнѣе.

Какъ ни хошѣлось мнѣ видѣть внутреннія области Цейлана, но дорога изъ Тринкомалая до Канди представляла столько опасностей, что я долженъ былъ оплощить свое намѣреніе. Малайская барка отправлялась въ Пондишери ; построенная безъ палубъ, эти лодки ходятъ однакожь парусомъ. Я рѣшился нанять мѣсто на баркѣ, хотя мы могли разговаривать съ хозяиномъ ея только посредствомъ нѣсколькихъ словъ. Вѣря счастливой звѣздѣ моей, не побоялся я довѣрить себя ушлой ладѣ Малайца. Мы отправились изъ Тринкомалая 22 Апрѣля 1830 года.

КОНЕЦЪ I-й части.

О П И С А Н І Е

рисунковъ, принадлежащихъ къ первой часши *Всеобщаго путешествія.*

Листы. Изображ.

I. 1. Фрегатъ, выступившій изъ гавани въ море. Вдали видна Тулонская рейда и часть города. (ч. I., стр. 48).

2. Женщина и мужчина Балеарскихъ острововъ. Вдали видна часть Порты-Магона. (ч. I, стр. 53).

II. 3. Видъ Гибральшара, съ южной стороны (ч. I, стр. 62).

4. Изображеніе подземельныхъ баштарей, успроенныхъ въ Гибральшарской горѣ, и Шотландскихъ солдатъ (ч. I, стр. 71).

III. 5. Видъ Гибральшара, съ западной стороны (ч. I, стр. 73).

6. Видъ Тарифскаго маяка, и части города Тарифа (ч. I, стр. 79).

IV. 7. Видъ города Санта-Круза, на островѣ Тенерифѣ (ч. I, стр. 94).

8. Изображеніе крестьянина и крестьянки острова Тенерифа (ч. I, стр. 99).

V. 9. Изверженіе огнедышущей горы Кагорра, на островѣ Тенерифѣ (ч. I, стр. 124).

10. Изображеніе поселянина, городского жишеля и милиціоннаго солдата на островахъ Канарійскихъ (ч. I, стр. 126).

VI. 11. Изображеніе алоевого и драконоваго дерева, ка оспровѣ Teneriff (ч. I, спр. 119).

12. Изображеніе вершины Teneriffскаго пика, съ различныхъ сторонъ (ч. I, спр. 121).

VII. 13. Изображеніе ловли рекина, пойманнаго на уду (ч. I, спр. 143).

14. Видъ Гореи, Французской колоніи въ Африкѣ, съ воспочной спороны (ч. I, спр. 148).

VIII. 15. Изображеніе разбиція Французскаго фрегата Медузы (ч. I, спр. 140).

16. Изображеніе Африканскаго Марабу и Синьярской женщины (ч. I, спр. 150).

IX. 17. Видъ оспрова Св. Троицы, киповъ и морскихъ ппицъ (ч. I, спр. 176).

18. Изображеніе охоты пуземцевъ Бразильскихъ, съ помощію *лассо*, или аркана (ч. I, спр. 191).

X. 19. Видъ Рио-Жанеирскаго порта, въ Бразиліи (ч. I, спр. 179).

20. Ловля пenguinовъ, на оспровѣ Триспана-Акунга (ч. I, спр. 211).

XI. 21. Видъ города Капа и Споловой горы на мысѣ Доброй Надежды (ч. I, спр. 222).

22. Жестокая буря, наспигнувшая путешественника близъ Игольной мѣли (ч. I, спр. 220).

XII. 23. Видъ улицы въ Капъ, и пѣлегъ, употребляемыхъ для перевозки тяжестей (ч. I, спр. 227).

24. Изображеніе Гошпенпопа, Гошпенпопки и жилища ихъ (ч. I, спр. 224).

XIII. 25. Видъ гавани и города Портъ-Луи, на Иль-де-Франсѣ, или оспровѣ Мавриціи (ч. I. спр. 262).

26. Видъ Менильскаго водопада на Иль-де-Франсѣ (ч. I, спр. 265).

XIV. 27. Видъ Пальцовой горы, и церкви Пампльмусской, на Иль-де-Франсѣ (ч. I, спр. 260).

Листы. Изображ.

28. Изображеніе сахарнаго завода на Иль-де-Франсъ (ч. I, спр. 268).

XV. 29. Видъ города Сентъ-Дени, на оспровѣ Бурбонѣ (ч. I, спр. 277).

30. Видъ пристани Сентъ-Дениской, на оспровѣ Бурбонѣ (ч. I, спр. 289).

XVI. 31. Видъ моста черезъ рѣку Кремниспую, на оспровѣ Бурбонѣ (ч. I, спр. 284).

32. Изображеніе Мадекассовъ, или пуземцевъ Мадагаскара, 1656 г. (ч. I, спр. 305).

XVII. 33. Изображеніе покоренія Мадагаскарскихъ Малгашей Флакуромъ, въ 1652 г. (ч. I, спр. 305).

34. Изображеніе Секлавской женщины и Говасскаго мужчины, на Мадагаскарѣ (ч. I, спр. 298).

XVIII. 35. Изображеніе *дерева путешественниковъ*, на Мадагаскарѣ (ч. I, спр. 300).

36. Видъ Французской крѣпости въ Тинпингѣ, на Мадагаскарѣ (ч. I, спр. 301).

XIX. 37. Изображеніе Мадагаскарскихъ бегемотовъ, или гиппопошамовъ (ч. I, спр. 338).

38. Видъ Магеской гавани, на оспровѣ Св. Анны, въ Сейшельскомъ архипелагѣ (ч. I, спр. 344).

XX. 39. Видъ сельскаго дома, въ окрестностяхъ Маге, на оспр. Св. Анны (ч. I, спр. 349).

40. Изображеніе Сейшельскаго кокосоваго дерева, или Малдивскаго орѣха (ч. I, спр. 346).

XXI. 41. Изображеніе дагоба, или Буддійскаго хранилища святыни, на оспровѣ Цейланѣ (ч. I, спр. 368).

42. Изображеніе Буддійскаго жреца, и Цингалеза, просящаго у него благословенія (ч. I, спр. 369).

XXII. 43. Изображеніе входа во дворецъ Кандійскаго царя, на оспровѣ Цейланѣ (ч. I, спр. 367).

44. Изображеніе буддійской часовни, въ окрестностяхъ Тринкомалая, на оспр. Цейланѣ (ч. I, спр. 368).

Листы. Изобразж.

XXIII. 45. Видъ развалинъ древняго пагода, въ окрестностяхъ Рувенвиллепа, на островѣ Цейланѣ (ч. I, стр. 368).

46. Изображеніе Великаго жреца Буддійскаго, на островѣ Цейланѣ (ч. I, стр. 369).

XXIV. 47. Изображеніе бамбуковаго мостика, въ окрестностяхъ Канди, столицы Цейлана (ч. I, стр. 378).

48. Изображеніе казни преступника, совершаемой словомъ, на островѣ Цейланѣ (ч. I, стр. 379).

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

	Стр.
Нѣсколько словъ отъ Переводчика и Издашеля.....	У
ВВЕДЕНІЕ КЪ ВСЕОБЩЕМУ ПУТЕШЕСТВІЮ. Прелестъ путешествій. Запрудненія при чшеніи ихъ. Цѣль <i>Всеобщаго путешествія</i> , планъ его, шрудность при составленіи.—Историческій взглядъ на <i>путешествія вокругъ свѣта</i> , особенно по Тихому и Южному Океану: Магелланъ—его послѣдователи—Мендана—Дракъ и Кавендишъ—Квирось—Шпильбергъ—Голландскіе моряки: Тасманъ—Коулей—Дампіеръ—Роггевейнъ; Ансонъ — Байронъ — Валлисъ — Бугенвиль—Кукъ—Сюрвиль — Маріонъ — Морелль — Лаперузъ — Поршлокъ и Диксонъ — Блей — Эдуардъ—Ванкуверъ—Даншркасшо—Малеспина—Вильсонъ—Турнбулъ—Флиндерсъ—Бодень—Крузенштернъ—Пошшеръ—Коцебу—Фрейсине.—Биллингсгаузенъ—Кингъ—Дюперре—Паульдингъ—Бичей—Дюмонъ — Дюрвиль — Личке — Диллонъ—Лапласъ—Морелль.—Новая система географическаго дѣленія южныхъ земель на <i>Полинезію</i> , <i>Микронезію</i> , <i>Малезію</i> и <i>Меланезію</i> —Географическая номенклатура и синонимія. Рисунки къ <i>Всеобщему путешествію</i>	44

ВСЕОБЩЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. *Отбѣздъ изъ Европы; Западная Африка; Бразилія; Южная Африка; Южная Азія: острова Малдивскіе, Цейланъ, Занадный Индійскій полуостровъ.....*

37

ГЛАВА I. *Тулонъ. Острова Балеарскіе.—Чувства при разлукѣ съ опчизною. Война съ Алжиромъ. Тулонъ—испорія; положеніе; топографія; кашоржные; арсеналь; поршъ; городокъ Іэръ.—Ошъвздъ; вспрѣча Фрегага; морская болѣзнь.—Минорка.—Поршъ Магонскій; топографія; испорія; жишели; промышленность...*

39

ГЛАВА II. *Кабрера. Испанскіе берега. Гибралтаръ. Остр. Кабрера.—Испорія Французскихъ плѣнниковъ.—Форменшера.—Ловля моллюсковъ.—Алжиръ.—Мурція.—Нравы жишелей, суевѣріе и невѣжесство.—Албаранъ.—шеченія въ Гибральшарскомъ проливѣ.—Геркулесовы шполпы —Генуэскіе изгнанники.—Бишва при Альжезирасѣ.—Альжезирасъ.—Гибралтаръ—испорія; завоеваніе и осада его; жишели—Хишаны—описаніе крѣпости—подземныя башшарей—балъ въ подземельѣ—козы, обезьяны, курошашки—геологія—военныя заведенія.—Важность Гибральшара.....*

55

ГЛАВА III. *Тарифа. Тангеръ. Мадера. Осада Тарифы въ 1844 году.—Бишва Трафальгарская.—Тангеръ: мѣшшоположеніе; шорговля съ Африкою; Жишды Тангерскіе; воинскія игры Мавришанъ. — Поршш-Саншш.—Мадера: топографія; достошашшности; часовня череповъ; жишели; ешшесшвенныя произведенія; сборъ винограда и выдѣлка вина.—Испорія Мачима.....*

79

ГЛАВА IV. *Канарійскіе острова. Дикіе острова Сальважскіе.—Видъ Тенерифа и города Санша-Круза.—Описаніе Санта-Круза — шшроенія, фоншаны, климашъ; нищіе; Инквизиція; одежда жишелей; госшешпріимшшво.—Канарійскіе острова—испорія, древнія преданія, завоеваніе Испанцами; Гуанчи—ихъ испорія, происхожденіе, бальзамированіе, государшшвенное ушшройшшво, обычаи, шшогомужіе; водяное дерево; вѣра, полишшическое образованіе Гуанчей.—Поѣздка на Тенерифскій пикъ: Лагуна—Орошава — драконовое дерево—гербарій пика—дорога на гору—зрѣлище съ вер-*

шины—геологическое разсмотрѣніе — изверженіе Кагорры—канарейки. — Одежда жишелей. — Топографія Тенерифа и острововъ Канарійскихъ.—Богащства земли.—Островъ Св. Брандана..... 93

ГЛАВА V. *Сенегамбія и Сенегалъ.* Переѣздъ къ Африканскому берегу.—Свѣшъ морскихъ волнъ; морскія расшенія; макрель; лешучія рыбы.—Бѣдствіе Французскаго Фрегаша Медузы.—Ловля рекина; прилипалы и спущницы.—*Горея*—положеніе, исторія, описаніе. Мулашры и Синьяры.—Марабу—власшъ ихъ надъ Неграми—Маша-Комбо.—Африканскіе шужемцы.—Кускусъ; баобабы; пальмовка.—Французскія колоніи. — Сенегалъ; Сень-Луи. Африканская природа.—Торговля гуммью. Ошѣздъ въ Бразилію..... 134

ГЛАВА VI. *Острова Зеленаго мыса.* Переходъ черезъ экваторъ. Утесы Мартина Ваза. Островъ Св. Троицы. Голландскій гальошъ.—Саншъ-Яго и другіе острова Зеленаго мыса. — Голландскіе мореходцы. — Морская шишина.—Шшурмы подъ экваторомъ.—Зрѣлище неба и Океана. — Переходъ черезъ экваторъ; забавный обрядъ, при шомъ совершаемый. — Дикіе острова *Мартина Ваза* и *Св. Троицы*. — Появленіе кишовъ..... 164

ГЛАВА VII. *Ріо-Жанеиро.* Островъ Тристака Акунга. Великолѣпное зрѣлище Ріо-Жанеирскаго порша.—Подвигъ Дюгей - Трозна.—*Ріо-Жанеиро*: описаніе города; нравы; пища; окрешности. Богащство Бразильской природы — пшицы, звѣри, прозябенія.—Горы Органнны.—Тужемцы Бразильскіе; ловля дикихъ лошадей.—Первобытная исторія и топографія Бразиліи.—Торговля и богащства.—Торгъ Неграми.—Плаваніе къ Африканскимъ берегамъ.—Ловля дорады и дельфиновъ.—Глупыши, фрегашы, бурняки, и другія морскія пшицы. — Острова *Тристака-Акунга*: исторія ихъ; капраль Глассъ, губернашоръ и единственный жишель острова; похождения живописца Ирля.—Остр. *Діего-Алварезъ* — альбашросы и шашечныя бурныя пшицы.—Ужасная буря..... 178

ГЛАВА VIII. *Мысъ Доброй Надежды.* Привалъ на берегъ — Гомшеншошы.—Дорога въ Капъ.—Гостепріимство жи-

пелей.—Описаніе города: зданія ; спранныя шѣлеги ; исторія.—Топографія окрестностей.—*Столовая гора*.—Прогулка въ Констанцію.—Капскія вина.—Сады.—Богаство произрастанія.—Звѣри, газели и буйволы.—Туземцы: *Ботисмены*, выродки человѣчества.—Монеша.—Торговля.—Спранныя явленія въ шровъ и облаковъ въ гавани.—Ошпышіе..... 223

ГЛАВА IX. *Иль-де-Франсѣ*. Видъ города *Портъ-Луи*. Характеръ жителей—власъ Англичанъ—колонистъ Европейскій.—Прогулка по городу.—Негры—ихъ состояніе на островѣ и характеръ ихъ—мысли объ улучшеніи ихъ жребія.—Характеръ Креоловъ. — Портъ-Луи ночью.—Пляска Негровъ.—Креольскій обѣдъ.—Баль у Губернатора.—Топографія острова.—*Палмъ-муссѣ*—вспоминанія о Павлѣ и Виргиніи.—Ботаническій садъ.—*Пальцовая гора*.—Обезьяны.—Менильскій водопадъ. Планшациі Мока—сахарный заводъ. — Канкрелашы и мусики. — Торговля Иль-де-Франса. — Ошпышіе. — Капитанъ Жоржъ.—Прибытіе къ острову Бурбону... 242

ГЛАВА X. *Островъ Бурбонѣ*. Городъ и портъ *Сенъ-Денискій*; невыгода мѣстоположенія; геологическій взглядъ; раздѣленіе острова; слѣды вулкановъ; пространство; исторія; управленіе.—*Сенъ-Поль*.—Межеванье.—Индійскіе переселенцы.—Ошпышіе.—Ошкровенный разсказъ Капитана Жоржа, производящаго запрещенную торговлю невольниками..... 277

ГЛАВА XI. *Островъ Мадагаскарѣ*. Фульпуаншская крѣпость. Тамашава.—Жители.—Поездка въ Тиншингъ ; дерево путешественниковъ.—Маринская крѣпость. Исторія колоній Французскихъ на Мадагаскарѣ : древнія извѣстія, Прони, Флакуръ, Шамаргу; счастливый солдатъ Лаказъ; Графъ Бенъовскій ; битвы съ туземцами; вліяніе Англичанъ; переворотъ, произведенный Царемъ Говасскимъ *Радамою*; изгнаніе Французовъ; еще счастливый солдатъ ; Мадагаскарскій Наполеонъ; дружба съ Французами; Царица Ранавала; война съ Говасами; нынѣшнее состояніе колоній.—Пространство Мадагаскара ; племена народовъ; преобразованіе нравовъ и обычаевъ. — Клятва

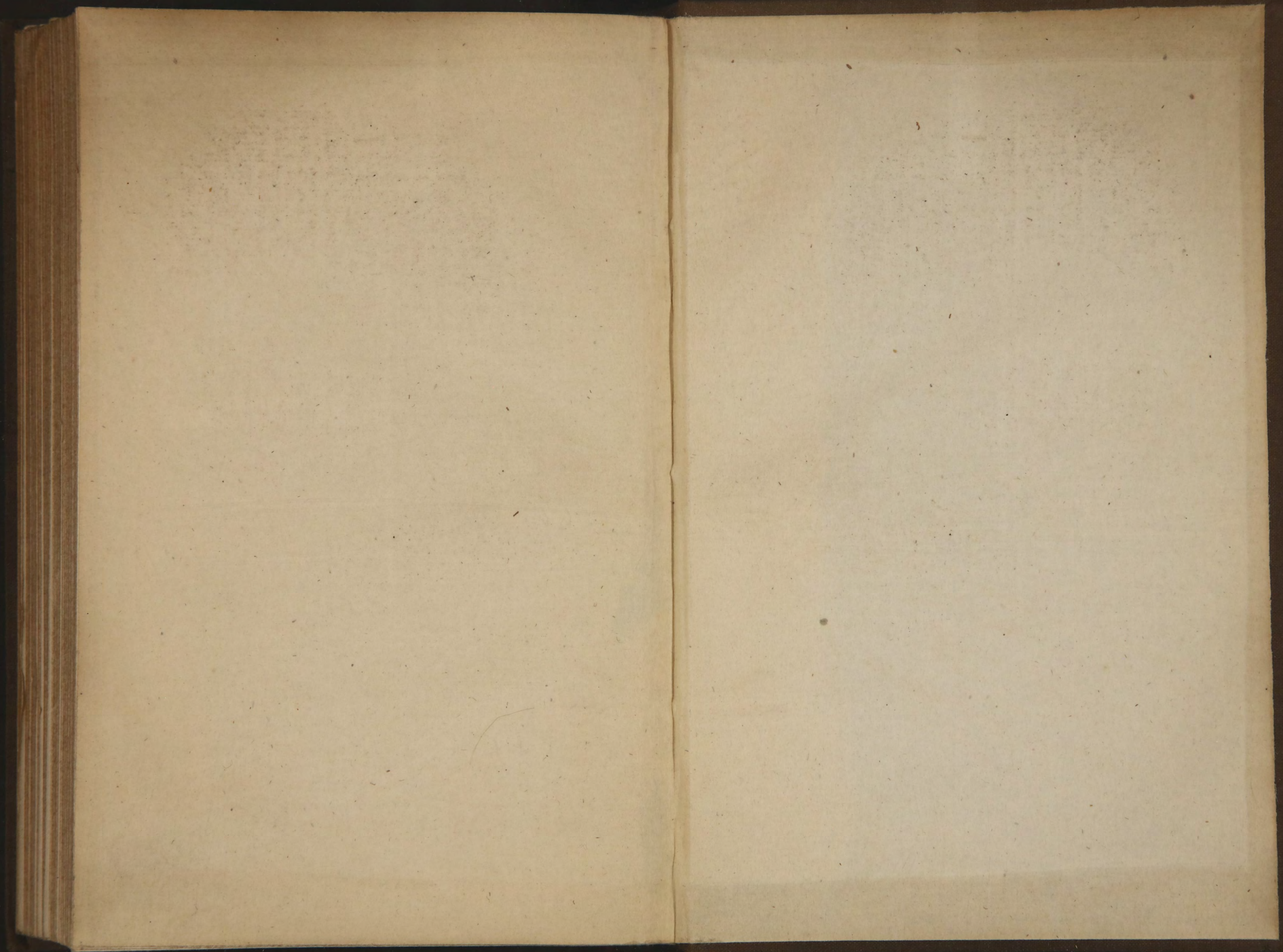
крови—Произведенія острова. — Капишанъ Левисъ.—
Ошпышіе.—Разсказъ о морской бишвѣ..... 296

ГЛАВА XII. *Архипелагъ Сейшельскій. Острова Малдивскіе.*
Опасность плаванія. Дѣленіе *Амирантскаго* архипе-
лага. Исторія Сейшельскихъ острововъ; произведе-
нія. Малдивскій орѣхъ. Образъ жизни Сейшельцевъ.
Ловля черепахъ.—Больница прокаженныхъ.—Малдив-
скіе острова—образование коралловыхъ атолей. Мал-
дивскій завоеватель.—Нравы; произведенія; торгов-
ля.—Ураганъ.—Прибытіе къ Цейлану..... 343

ГЛАВА XIII. *Островъ Цейланъ.* Имя, пространство, поло-
женіе, мифологія.—Исторія Европейскихъ колоній.—
Внутреннія области.—Царство Кандійское—столица,
храмы, духовенство Буддійское и вѣра, народонасе-
леніе, одежда, обычаи, языкъ.—Произведенія. Корица,
слоны и ловля ихъ.—*Адамова гора.*—Слѣдъ Будды.—
Жемчужная ловля.—Города Европейцевъ на Цейланѣ. 358

Описаніе сорока восьми рисунковъ, принадлежащихъ къ пер-
вой части *Всеобщаго путешествія*..... I-IV

ЛЮМОНЬ-ДЮРВИЛЛА

ВСЕОБЩЕЕ

ПУТЕШЕСТВІЕ

I.

У. В.